

Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе

Коренные жители Гаити, Кубы, Пуэрто-Рико и Ямайки первыми из обитателей Нового Света встретили в конце XV века европейцев и испытали на себе последствия этой «встречи». Им были навязаны новые для них социальные нормы и система трудовой повинности, которые в течение полувека не только разрушили прежний образ жизни, но и привели к исчезновению прежних народов как этнических единиц. При этом к новому населению островов, европейского, африканского и смешанного происхождения, перешли многие элементы культуры аборигенов, главным образом, в материальной сфере.

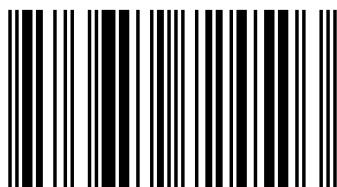
Аборигены Больших Антильских островов

Эдуард Александренков

Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе

Конец XV - середина XVI века

978-3-659-72450-3

Александренков

Эдуард Александренков

Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе

Эдуард Александренков

**Аборигены Больших Антильских
островов в колониальном
обществе**

Конец XV - середина XVI века

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брэндах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено:
www.ingimage.com

Verlag / Издатель:
Palmarium Academic Publishing
ist ein Imprint der / является торговой маркой
OmniScriptum Publishing Group
Contact: ICS Morebooks! Marketing SRL, 4, Industriala street, 3100 Balti,
Republic of Moldova / Молдова
Email / электронная почта: info@omnascriptum.com

Herstellung: siehe letzte Seite /
Напечатано: см. последнюю страницу
ISBN: 978-3-659-72450-3

Copyright © Эдуард Александренков
Copyright © 2017 OmniScriptum Publishing Group
Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2017

Оглавление

Введение.....	3
Источники	5
Историография	23
Гл. 1. Открытие и завоевание островов, начало колонизации ...	27
Гл. 2. Кристаллизация института энкомьенды и аборигены	72
Правление Н. де Овандо и Д. Колумба.....	72
Протест доминиканцев и Законы Бургоса.....	92
Разделение индейцев 1514-1515 гг. на Эспаньоле.....	107
Другие острова	138
Гл. 3. Аборигены и реформы иеронимитов	149
Ситуация на Эспаньоле к 1516 г.....	149
Шаги Лас Касаса	154
Инструкции иеронимитам и их первые распоряжения	156
Аборигены по опросу иеронимитов.....	163
Меры иеронимитов	171
Результаты и следствия реформ	178
Исход испанцев	181
Поворот во взглядах монахов на аборигенов.....	184
Противление аборигенов.....	188
Гл. 4. От возобновления опытов с поселениями «свободных» инддейцев (в 1520-е гг.) до середины XVI в.	195
1520-е - начало 1540-х	195
Бунты аборигенов на Кубе	250
«Новые Законы» и аборигены островов	260
Эспаньола, Сан-Хуан и Ямайка.....	266
Куба	268
Гл. 5 Колониальное общество и аборигены	286

Колонисты.....	287
Институты королевской власти на островах.....	303
Светская власть	303
Духовная власть	320
Институты местного самоуправления	324
Отношения между ветвями власти.....	325
Коренные обитатели островов.....	331
Рабы	332
Индейцы энкомьенды	339
Беглые.....	383
Свободные.....	385
Гл. 6. Судьбы аборигенов после Новых законов	388
Общие тенденции: события и явления.....	388
Эспаньола.....	397
Сан-Хуан (Пуэрто-Рико)	399
Ямайка	401
Куба.....	402
Заключение.....	448
Крах аборигенных обществ.....	448
Демографический крах	449
Социальный крах	452
Этнический крах.....	454
Наследие аборигенов	455
Осмысление феномена аборигенов	468
О "контакте культур"	475
Библиография	479
Список сокращений:	498
Словарь некоторых терминов:	498

Введение

Уже после того, как я принялся за написание данной работы, подумал, что меня с полным основанием можно спросить, а почему, собственно говоря, ты, далекий от Антильских островов человек, думаешь об их обитателях, да еще древних. Почему ты не размышляешь о проблемах людей своей страны? Не больше ли пользы было бы, и для предмета изучения, и для самого.

Мой интерес к далекому (во времени и пространстве) свидетельствует, скорее всего, о том, что я не задумывался о практической пользе этого интереса, особенно в начале занятий этнографией. И до сих пор я убежден, что индивидуальный интерес исследователя – главный стимул, что ведет к реализации научного поиска. Этот частный интерес иногда нащупывает пути общественного интереса, а его реализация может показать и общественную пользу.

Изучение коренных обитателей Больших Антильских островов конца XV-первой половины XVI веков, то есть времени появления там европейцев до провозглашения «Новых законов», обнаруживает, на мой взгляд, несколько интересных проблем.

Островитяне нынешних Гаити, Кубы, Пуэрто-Рико и Ямайки были первыми обитателями Нового Света, которые встретились с европейцами в конце XV века. Они первыми испытали на себе последствия этой «встречи». Для подавляющего большинства пришельцев местная культура, особенно духовная,

а также нормы поведения местных людей были не только непривычны, но и отвратительны. Лишь немногие из завоевателей и колонистов могли знать что-то, отдаленно похожее на культуру островных аборигенов, из книг о европейской древности или о не европейском мире.

Коренным обитателям островов были навязаны социальные нормы и их идеологическое оформление, принесенные из Европы. В отличие от некоторых других регионов Америки, где испанцы нашли более сложные социальные структуры в виде государственных образований, на Антилах вводимые нормы не только не позволили сохраниться индейским обществам, но и способствовали их разрушению. Следствием испанского завоевания и колонизации островов стало стремительное уменьшение численности аборигенов на протяжении первой половины XVI в. вплоть до почти полного их исчезновения. Когда в 1542 г. были приняты так называемые Новые законы для колониальных владений Испании, регулировавшие отношения колонистов и аборигенов в Новом Свете, индейцы Антил в них получили особый статус по причине своей малочисленности. Вместе с тем на островах испанцы были вынуждены воспринять многие элементы местной культуры, которые помогали им выжить в новых для них природных условиях и без привычной пищи.

Внимательное изучение названных выше явлений дает возможность не только уточнить отдельные аспекты этнической истории Больших Антильских островов в названный период

времени, но и поставить некоторые вопросы более общего порядка, в том числе такой как процессы и результаты столкновения человеческих обществ разного этнического происхождения и социально-экономического уровня. Очевидно несоответствие между быстрым исчезновением аборигенных обществ Больших Антильских островов как самостоятельных социальных единиц, с одной стороны, и переходом значительного объема элементов культуры от побежденных к пришельцам-победителям, с другой. Отдельного внимания заслуживает разнообразие осмыслиения аборигенного наследия (вклада коренных обитателей островов в культуру их современного населения), как самими обитателями островов, так и внешними созерцателями, исследователями, в первую очередь.

Эти и связанные с ними вопросы будут рассмотрены в данной книге.

Источники

Основными источниками для этой работы послужили письменные свидетельства, оставленные испанцами. По мнению К. Ф. Андерсон-Кордобы, источники, пригодные для «реконструкции того, что случилось в Карибском регионе в начале XVI в.» делят на «три больших корпуса данных: этноисторический, документальный и археологический». При этом к этноисторическим отнесены оригинальные (first-hand) сообщения европейцев о завоевании и колонизации, и о культуре

и быте (*cultures and lifeways*), а к документальным – разного рода официальные документы (*Anderson-Cordova* 2005, p. 340).

Полагаю, что письменные свидетельства, в которых можно найти данные о коренных обитателях Больших Антильских островов конца XV-XVI вв. предпочтительно классифицировать с учетом двух параметров. Один из них - степень близости автора или составителя к описываемым явлениям, другой - охват описываемых территорий. Это позволяет разделить письменные источники на первичные, региональные и общие. В свою очередь, в первичных документах полезно учитывать различие между нарративными, директивными и протокольными (последние два вида совпадают с «официальными документами» упомянутой классификации Андерсон-Кордобы) (см.: *Александренков* 2012).

Первичные.

Нарративные документы - наиболее ранние из первичных. К ним относятся бортовой журнал первого плавания Хр. Колумба, письма его соратников по второму плаванию, донесения завоевателей королям и в Совет Индий, памятные записки должностных лиц и монахов, отчеты епископов о посещении своих епархий (т.н. *visitas*), частные письма (главным образом с островов в метрополию). В них отражены сведения обaborигенах, которые, как казалось их авторам, могли быть полезны (государям и их чиновникам) или интересны (частным лицам).

Первым европейцем, который записал впечатления, что на него и его спутников произвели встречи с обитателями другого

полушария, был. Христофор Колумб. Его бортовой журнал первого плавания сохранился в изложении Бартоломе де Лас Касаса.

Записи журнала передают впечатления человека, встретившего людей другого уровня культуры. По ним также можно составить представление о местных обитателях и ряде аспектов их культуры. Отдельные наблюдения оказались уникальны, так как отмеченные ими явления быстро исчезли под влиянием пришельцев.

В записях, касающихся местных жителей, следует различать то, что могли видеть Колумб и его спутники, и то, что они могли узнать, общаясь с местными жителями (данные возможности были очень ограничены, как можно судить по записям), а также объяснение Колумбом увиденного и узнанного. Наблюдению путешественников были более доступны предметы материальной культуры, чем детали социальных отношений или смысл предметов культа, которые им иногда удавалось увидеть. Но и явления материальной культуры представлены в очень общей манере: размеры и форма жилищ или лодок; испанское название предмета туалета, по которому можно только догадываться, как он выглядел, и т.д. Керамические сосуды, которые, судя по археологическим находкам, являлись важной частью быта и ритуала, лишь обозначены несколькими испанскими названиями.

Как показали дальнейшие события, некоторые наблюдения Колумба во время первого плавания по островам, нашли

подтверждение - прежде всего, различия между обитателями Больших и Малых Антильских островов (во внешнем виде, оружии, в некоторых ритуалах, связанных с враждой с соседями). Другие не подтвердились, в том числе, представление об обитателях Больших Антильских островов, как о миролюбивых и труsovатах существах. Но они оказали влияние на Педро Мартира, писавшего о золотом веке на островах, и были использованы Лас Касасом при характеристиках аборигенов, когда он выступал в их защиту от завоевателей и колонистов.

Отдельные аспекты второго пребывания Колумба на островах были отражены его некоторыми спутниками. В письме на имя совета Севильи врач экспедиции Д. Альварес Чанка описал свои наблюдения во время путешествия и некоторые эпизоды. В нем содержится также описание природы и людей Эспаньолы.

При завоевании островов сообщения в метрополию отправляли, как правило, лица, стоявшие во главе экспедиций (в чинеadelantado или губернатора). Когда были основаны испанские поселения, объем нарративной документации расширился. Помимо верховных правителей, на имя короля и Совета Индий писали королевские чиновники, представители муниципальных властей и духовенства, частные лица. Среди этих документов не только сообщения властей о состоянии дел, но и жалобы на власть. Во многих из них речь шла об аборигенах.

Эти документы имели форму сообщений (*relaciones*), писем (*cartas*) или памятных записок (*memoriales*). Для них всегда

характерна четкая авторская позиция по определенному вопросу, которая могла не совпадать с позицией других людей по тому же вопросу, в том числе общепринятой.

Такими были ранние мемориалы Б. Лас Касаса, в которых он не только возмущался нечеловеческим отношением испанских конкистадоров и колонистов по отношению к коренным обитателям, но и предлагал средства для исправления ситуации.

По этим документам видно, как со временем аборигены занимали все меньше места в жизни того или иного острова, хотя и с не одинаковой скоростью на разных островах. Так, в сообщении 1582 г., королю о мужчинах Гаваны и соседнего поселения Гуанабакоа, составленном с видами на возможность противостоять пиратам, “индейцы” были охарактеризованы, наравне со свободными неграми, как «бесполезные и престарелые»¹ (Papeles 1931, t. II, p. 182-186).

Отдельно в ряду нарративных документов стоит сообщение о мировоззрении обитателей одного из Больших Антильских островов. Его автор - иеронимит Рамон Панэ, который прибыл на Эспаньолу (Гаити) в 1493 г. и, проповедуя среди аборигенов, выучил местный язык. Исполняя волю Колумба, Панэ записал сведения о верованиях тех аборигенов, среди которых он находился. Сообщение, впервые опубликованное в 1571 г., но известное в рукописи другим хронистам, содержит запись нескольких мифов, некоторых верований и религиозных практик,

---

¹ hombres inútiles y mayores de edad

описание божеств и, кроме того, изложение событий на острове, свидетелем которых был монах².

Известно также, что предводители конкистадоров переписывались между собой, в частности интенсивная переписка велась между Хр. Колумбом и Фр. Рольданом в период напряженных отношений между ними (*Las Casas* 1951, т. II, р. 140).

Есть еще один вид колониальных источников, который следует, видимо, отнести к первичным нарративным³. В 1570-е гг. в Испании были разработаны и напечатаны опросные листы для сбора сведений о разных областях Америки, на основе которых надо было составлять соответствующие «Сообщения» (*Relaciones*). Большая часть из 50 пунктов документа была направлена на сбор данных о природных ресурсах и характеристиках местности, было несколько пунктов об испанских поселениях. Среди пунктов, касавшихся индейцев, речь шла об их численности, умственных способностях и о склонностях, образе жизни и языках, а также о поселениях и формах правления в прошлом (*Moreno* 1964). Подобных документов относительно Больших Антильских островов

---

² Это сообщение неоднократно переводилось и публиковалось на разных языках. Одно из последних изданий - *Rodríguez Álvarez* 2012. Недавно оно издано на русском (Сообщение брата Рамона 2012).

³ Когда-то я их отнес к региональным (*Александренков* 2012), но региональные они – лишь по форме публикация (объединены по регионам). По содержанию же это сообщения о какой-либо небольшой области, иногда очень краткие.

опубликовано очень мало. Мне известен лишь один, 1582 г, касающийся Пуэрто-Рико (*Ynstrucción* 1874).

Директивные.

Управление обширными заморскими территориями породило многочисленные распоряжения испанской власти (*cartas*, *cédulas reales*, *ordenanzas*, *provisiones* и др.). Администрация разного уровня и функций в самих колониях также оставила значительный объем документов. Все они содержат данные о том порядке, хозяйственном, социальном и духовном, что завоеватели намеревались учредить и сохранять на захваченных землях. Во многих из них ясно выражено положение аборигенов, так как в них регламентировалось заключение браков, занятие теми или иными ремеслами, ношение оружия, одежды и украшений и пр.

Несколько лет практики управления индейцами на островах и их христианизации были формализованы в «Ордонансах для обращения с индейцами», получивших название «Законов Бургоса» (1512). В них были детально прописаны все сферы жизни аборигенов под надзором испанцев (*Konetzke* 1953, p. 38-57)⁴.

В документах этого рода, особенно составленных в метрополии, нередко можно встретить пересказ сообщений, полученных из колоний.

---

⁴ Опубликованная в этом собрании документов копия законов, провозглашенных 27.12.1512, предназначалась для острова Сан-Хуан.

При анализе этого вида документов относительно аборигенов следует иметь в виду, что в ранний колониальный период было мало законов, общих для всех "Индий", и что это законодательство было ситуативным по отношению к одному и тому же острову. Королевские распоряжения отражали колебания властей в разрешении тех или иных проблем – формы зависимости аборигенов, формы их эксплуатации, формы взимания податей и др. Так, решение одного правителя об уменьшении сборов могло быть отменено его "сменщиками" (см. Zavala 1973, р. 782). Поэтому при изучении какого-то института или явления нельзя довольствоваться знанием только одного соответствующего распоряжения.

Протокольные

Наиболее точно различные аспекты реальной колониальной жизни, видимо, представлены в протокольных документах. Это могли быть распределения индейцев среди завоевателей, акты заседаний советов поселений, записи судебных разбирательств, списки жителей того или иного населенного пункта или района, описи имущества, завещания, приходские записи рождений, браков и смертей и др.

В отличие от директивных документов, выражавших намерения властей, протокольные отражали почти ежедневную жизнь того или иного поселения и прилежащих земель, и частью этой жизни были аборигены. В подобных документах можно найти сведения об их количествах, местах проживания, занятиях. Особенно интересен отчет о распределении индейцев 1514 г. на

Эспаньоле. Он пространен по объему и содержит данные о тех испанцах, что находились в то время на острове (семейное положение, иногда род занятий), и об индейцах, что им вручались (количества, категории, соотношение работоспособных, старииков и детей, имена др.).

Из метрополии в колонии посылались распоряжения предоставить сведения о количестве индейцев, их занятости и др. (CDI-2, т. 5, р. 276). Известно, что иногда такие сведения собирались (CDI, т. I, р. 53), но опубликовано их мало.

В некоторых протокольных документах зафиксировано отношение испанцев к аборигенам. Так, Васко Поркальо де Фигероа, один из завоевателей Кубы, ставший богатейшим землевладельцем на этом острове, велел тем индейцам, что пытались покончить с собой, поедая землю, и что уже не годились для работы, отрезать половые органы и съесть их, а остальным — намазать жиром рты и прижечь. Это — не сообщения Лас Касаса о жестокостях испанцев, в которых нередко сомневаются историки, а показания, засвидетельствованные подписью ответчика (CDI-2, т. 1, р. 124-125).

К протокольным документам относятся также *testimonio*, то есть свидетельства, составленные для регистрации какого-либо события или явления, представлявшегося важным тому или иному представителю власти или частному лицу, скажем, отправление золота в Севилью (CDI-2, т. 6), результаты «опыта» с индейцами на Кубе (CDI-2, т. 4, р. 325) или какое-либо

происшествие. По форме и содержанию к этому виду документов можно отнести *probanzas* (доказательства).

Очевидно, что протокольные документы по своей сути должны были более реально отражать ситуацию на островах, в том числе то, что имело отношение к аборигенам. Тем не менее, даже сказанное под клятвой могло быть неверным или вовсе лживым⁵.

Сохранившиеся протокольные документы – в подавляющем большинстве, островного происхождения. К этой группе также относятся некоторые, что были созданы в метрополии, прежде всего, *Consultas del Consejo de Indias*, отражавшие рассмотрение некоторых вопросов в Совете Индий.

Первичные источники, о которых речь шла выше – опубликованы. Хотя некоторые из них, преимущественно законодательного характера, стали публиковаться в Испании еще в XVII в., большая их часть появилась, начиная с середины XIX: «Собрание неизданных документов для истории Испании» (*Colección 1842–1895*); два собрания документов, относящихся к открытию, завоеванию и колонизации испанских владений (*Colección de documentos inéditos 1864–1884*, далее CDI; *Colección de documentos inéditos 1885–1932*, далее CDI-2). В связи с 400-летием первого плавания Колумба в Америку в Италии было издано 15-томное собрание документов о жизни Колумба и плаваниях в Америку (его самого и современников) (*Raccolta*

---

⁵ CDI, t. I, p. 358.

1892-1896). Сборники документов колониальной эпохи публиковались и по отдельным темам, и в отдельных странах Латинской Америки, в том числе в Доминиканской республике, на Кубе и на Пуэрто-Рико.

Большое число первичных источников не опубликованы и находятся в архивах стран Европы и Америки, самый известный из которых - Генеральный архив Индий (*Archivo General de las Indias*) в Севилье, Испания (см. *Gómez Canedo* 1961).

Региональные работы.

Больших авторских работ регионального характера, в которых содержались бы сведения о коренном населении Больших Антильских островов (всех или по отдельности) раннего колониального периода, не было создано - в отличие от многих других регионов испанской Америки. Главной причиной стало, видимо, то, что при конкисте и начальной колонизации островов культура их обитателей не привлекла внимание, тем более, не поразила пришельцев так, как культура народов Мезоамерики и Центральных Анд. Позже, когда стала формироваться традиция региональных описаний, островные колонии захирели, вместе с катастрофическим уменьшением числа аборигенов. Как написал один из ранних историков Америки в 1540-е годы, «полагать следует в силу того, что сказано, что индейцы этого острова (Гаити – Э.А) имели много больше других обычаев и церемоний, чем те, о которых сказано выше; но, поскольку они кончились и старые, и самые разумные из них уже мертвые, нельзя узнать все

полностью, как было...» (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, р. 142).

Испанцы, оказавшиеся на островах, не чувствовали потребности в записывании "древностей", хотя некоторые возможности для этого были. Так, на Эспаньоле долгое время жил Диего, индеец, схваченный Колумбом на о. Гуанахани в первом плавании и овладевший испанским языком. Лас Касас написал о нем - "жил на этом острове Эспаньола много лет, общаясь с нами" (*Las Casas* 1951, t. I, р. 384). То есть, у Лас Касаса была возможность спрашивать, если бы хотел, но он ею не воспользовался. Не заинтересовались сразу культурой островитян и монахи; францисканцы, а потом доминиканцы, тоже не нашли ничего интересного.

Известны всего несколько небольших сообщений, касающихся всех островов, и они более походят на первичные нарративные документы.

Общие работы.

Материалы об индейцах Больших Антильских островов содержатся в сочинениях общего характера, то есть, об Америке в целом, нескольких авторов (прежде всего, П. Мартира, Б. де Лас Касаса и Г. Фернандеса де Овьедо-и-Вальдеса).

П. Мартир де Англерия (1457-1526) родился в Италии, там получил образование, а с 1488 г. жил в Испании, где какое-то время был воспитателем наследника престола и детей аристократов. Несколько лет он являлся членом Совета по делам Индий, куда стекалась информация из всей испанской Америки.

Положение при дворе и знакомство со многими участниками открытий и завоеваний в Новом Свете позволили Мартиру быть в курсе многих деталей того, что происходило за Атлантическим океаном.

Он, в свою очередь, сообщал о них своим друзьям или покровителям посредством писем, главным образом в Италию. Некоторые из этих писем сразу печатались. В форме писем была составлена и его пространная работа об Америке («Декады Нового Света»). Работа писалась на латыни, начиная с 1494 г., по мере получения новостей из Америки - как письменных, так и устных. Повествование построено в форме писем, объединенных в десятки (отсюда и название). Ее первые части вышли в 1511 г., а целиком (всего восемь) были опубликованы только в 1530 г. уже после смерти автора.

Особенностью Мартира как автора было то, что он смотрел на далеких от него аборигенов Антил и Америки в целом как воспитатель и гуманист. Он не раз писал своим адресатам, что его интересуют "диковины". Он их узнавал от участников завоевания и колонизации. И некоторые приведенные им случаи из их встреч с аборигенами дают подробности, не известные из других источников.

В то же время, хотя некоторые приведенные Мартиром детали относительно индейцев, могут быть точны, его обобщения далеки от реальности. Таковы, в частности, его выводы о наличии "Золотого века" на Эспаньоле (*Martyr*, 1912, Dec. I, lib. II, cap. IV и др.).

В отличие от Мартира, Гонсало Фернадес-де-Овьедо-и-Вальдес (обычно его называют Овьедо) (1478-1558) провел в Америке несколько десятков лет, часть из них – на Эспаньоле. Он прибыл в Америку в 1514 г., на Кубу и Эспаньолу попал проездом в 1515 г. Он не раз возвращался в Испанию.

В один из таких приездов, по велению короля, он написал и опубликовал в 1526 г. "Краткое изложение естественной истории Индий". Большая часть работы - описание растительного и животного мира. Сведения об обитателях Антильских островов и некоторых материковых земель занимают лишь ее шестую часть (чуть более 50 страниц из 300). Вот каков его ряд описания индейцев: брачные обычаи, внешний вид, одежда, способы приготовления хлеба, земледельческие работы. В отдельной главе описаны своеобразные способы охоты на морских черепах (посредством рыбы прилипалы) и на гусей (с помощью надетых на голову пустых тыкв) (*Fernández de Oviedo* 1950).

В 1535 г. Овьедо напечатал первую часть своего главного труда об Америке, который он назвал "Общая и естественная история Индий", а еще через несколько лет - одну книгу второй части. Полностью труд увидел свет только в 1851 г., в четырех больших томах. Первый из них отведен почти полностью описанию природного мира островов и некоторым явлениям культуры островитян. На Эспаньоле Овьедо стал постоянно жить лишь с 1532 г. Скорее всего, описанные им явления культурыaborигенов, особенно в материальной сфере, он наблюдал среди индейцев своей энкомьенды.

Овьедо часто называл имена людей, с которыми говорил относительно того или иного события, но в сюжетах об Антилах ни разу среди них не упомянул индейца. Видимо, причиной было то, что, как он написал об индейцах Эспаньолы, они кончились, и старики и самые понятливые из них уже мертвы (*Fernández de Oviedo y Valdés*, 1851, т. I, р. 142). Возможно также, что, в силу его общей негативной оценки аборигенов, он им не доверял.

Тем не менее; Овьедо собрал обширный массив сведений о местных фауне и флоре, о земледелии и способах охоты и о некоторых социальных нормах на время прихода испанцев на острова. Очевидно, что до Овьедо большая часть этих сведений дошла через испанцев (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, р. 379-380, 381: относительно других ситуаций см. 435, 472 и др.). При этом определенно относительно аборигенов его интересовало, «как было», а не как есть.

«История» Овьедо снабжена несколькими авторскими рисунками, которые делают наглядными некоторые детали быта коренных обитателей Америки.

Бартоломе де лас Касас (1474-1566) прибыл на о. Эспаньола в 1502 г. как колонист и конкистадор. В 1507 г. он был в Риме и, вероятно, там принял сан священника. Лас Касас участвовал в завоевании испанцами Кубы. На Эспаньоле он в 1523 г. стал монахом. С 1545 по 1550 гг. был епископом Чиапаса. Вернулся в Испанию окончательно в 1547 г./

Лас Касас известен своей неустанной борьбой против угнетения индейцев. В 1542 г. им была написана и в 1552

опубликована книга "Кратчайшее сообщение о разорении Индий", в которой он привел примеры жестокого обращения испанцев с индейцами в разных испанских колониях в Америке.

Он также автор «Истории Индий», в которой подробно описаны испанские завоевание в Америке вплоть до начала 1520-х гг. (*Las Casas*, 1951). Еще одна работа Лас Касаса – «Краткая апологетическая история, касающаяся качеств, расположения, описания, неба и почв этих земель, и природных условий, общественного порядка, государств, образа жизни и обычаяев людей этих западных и южных Индий, чье верховное правление принадлежит королям Кастилии» (*Las Casas* 1967).

В течение 30 лет этот автор был свидетелем событий на Гаити и Кубе, за исключением поездок в Испанию, но начал писать свою работу об Индиях, по его собственным словам, в 1526 г. Таким образом, почти четверть века он не помышлял собирать сведения обaborигенах, о чем не раз позже писал (*Las Casas* 1967, т. I, р. 17, 633; т. II, р. 309, 318). Он упомянул лишь один случай своей беседы с местной женщиной; на Эспаньоле; во время исповедания он ей задал вопрос о мужеложстве⁶ (*Las Casas* 1967, т. II, р. 314; 1951, т. 2, р. 517). Написанное о начале завоевания Больших Антильских островов и их обитателях того времени основывалось на его памяти, документах и беседах со «свидетелями», которых он, как и Овьедо, часто называл

---

⁶ В статье 2010 г. я ошибочно написал, что он спрашивал об антропофагии (*Александренков 2010*).

«Апологетическая история», в отличие от «Декад» Мартира, «Истории» Овьедо и собственной «Истории» Лас Касаса - первая, по-настоящему общая работа, в которой речь идет именно о культуре аборигенов Америки, а не о том, как их завоевывали испанцы.

К тому времени, когда Лас Касас писал «Апологетику», прошло уже более полувека знакомства испанцев с обитателями Нового Света. И впечатления у массы испанцев были весьма негативные. Главную цель этой своей книги Лас Касас определил так - “познать все и столь бесчисленные народы этого обширнейшего мира, обесславленные некоторыми», что считали индейцев людьми недостаточного разума для управления собой, у которых отсутствовала человеческая воспитанность и упорядоченное правление (*Las Casas* 1967, т. I, р. 3).

Первая часть книги была отведена доказательству того, что в Индиях была очень благоприятная для человека географическая среда, и что обитатели Индий были совершенны в физическом отношении. По этим, природным причинам, утверждал Лас Касас, местные обитатели имели хорошее разумение (*entendimientos*).

Затем, в большей части своей книги Лас Касас разворачивал доказательства того, что и дела индейцев свидетельствовали о том, что они были разумны. Им приведены обширные данные из сферы хозяйства, религиозных воззрений и социальных отношений («правлений») у народов из всей известной ему

Америки. Изложение каждого аспекта культуры индейцев начинается с о. Эспаньолы.

При чтении работ названных авторов возникает ощущение, что их более интересовало состояние культуры и обществаaborигенов на время прихода испанцев (рубеж XV и XVI вв.), чем те трансформации, что имели место в них позже. Если что-то и встречается, то не как намеренное описание новых явлений или аспектов культуры, а в виде их упоминания в рамках темы исчезновенияaborигенов и, иногда, в контексте каких-то событий. Этому можно искать разные объяснения; но главное, видимо, заключалось в том, что отсутствовала цель проникнуть в современнуюaborигенную жизнь.

Названные выше хронисты отразили в своих работах общие знания испанцев о культуреaborигенов. Пришельцев в ней интересовали, прежде всего, те аспекты, что были важны для них для выживания в новой среде – пища (включая сельскохозяйственные работы и способы охоты и лова морской живности) и жилище, прежде всего.

Что касается занятий, то, очевидно, что наблюдения испанцев над ними были случайны. Так, у Лас Касаса есть описание того, как изготавливались подвески из раковин. Некоторые трудовые процессы испанцы могли наблюдать на своих хозяйствах, где работалиaborигены (скажем, сельскохозяйственные работы) или при переходах, когда индейцы сопровождали завоевателей в качестве слуг и носильщиков. Отсутствие описания изготовления керамики

может говорить о том, что испанцы не видели этого процесса, и, скорее всего, его уже не было в реальности, или объемы его были незначительны. Нет и описаний изготовления изделий из камня, известных по археологическим находкам.

Некоторые интересные свидетельства, касающиеся ранних эпизодов открытия островов, можно найти в «Истории католических королей» А. Бернальдеса, писавшего об Америке со слов участников событий, и в жизнеописании Христофора Колумба, составленном его сыном, который, помимо того, что ребенком участвовал в последнем плавании отца, имел в своем распоряжении многие его бумаги.

Сумма письменных сведений относительно аборигенов колониального времени неодинакова для разных островов. Для периода первых десятков лет более всего их, как представляется, сохранилось относительно Эспаньолы, как центра начальной колонизации Америки и где обитало наибольшее число аборигенов. От второй половине XVI в. больше документов относительно индейцев Кубы, очевидно, ввиду более длительной сохранности аборигенов в качестве важного социального фактора.

В последние десятилетия появились и растут в числе археологические источники для изучения островных аборигенов раннего колониального времени. Особенно в этом отношении важны результаты раскопок первых поселений испанцев на Эспаньоле (см., например, *Deagan, Cruxent 2002*).

Историография

Исследователи истории Больших Антил долгое время рассматривали ранний колониальный период этого региона в контексте истории колонизаторов - скорее всего, под влиянием того фактора, что традиционные аборигенные общества достаточно быстро распались. Что касается изучения собственно аборигенов, оно было, в своем большинстве, ориентировано на изучение их прошлого ко времени прихода европейцев (см. *Bachiller y Morales* 1883). Позже стали появляться работы, в которых описывалась постколумбова история аборигенов Антил (специально или в связи с другими вопросами), прежде всего, на Кубе – по той очевидной причине, что там дольше сохранялись островки коренного населения (*Azcárate Rosell* 1937; *Pérez-Beato* 1936; *Pichardo Moya* 1945).

Эти исследования базировались на ранних европейских документах (разного характера) времени открытия и колонизации островов. Существенный историографический интерес представляют работы историков, в которых испанские Антильские острова рассматриваются в рамках более широких проблем колониального периода. Среди них в первую очередь отмечу исследование Х. А. Сако о рабстве индейцев (*Saco* 1932) и несколько работ С. Савалы, из которых для данной темы наиболее интересна его книга об истории энкомьенды в испанских колониях (*Zavala* 1973).

Уже в наше время появился целый ряд работ, в которых целенаправленно изучается колониальная история коренных обитателей Больших Антильских островов (*Bastien* 1964; *Deagan*

1988; Patterson 1991; Anderson-Córdova 2005). Из работ общего характера особого упоминания заслуживает многотомное сочинение кубинского исследователя Л. Марреро "Куба: экономика и общества", в первых томах которого анализируются многочисленные архивные документы, не привлекавшиеся прежде. Заслуживает внимания мнение этого автора о том, что знакомство с большим числом документов Генерального Архива Индий (AGI) дает образ индейцы Кубы, очень отличный от того, что известен из традиционной истории (Marrero 1976, t. 3, p. 19)

В изучении раннеколониального периода важное место стали занимать работы археологов, число которых возросло в связи с интересом к 500-летию первого плавания Колумба в Америку. По мнению К. Диган, попытка понять социальные изменения, вызванные у аборигенов их встречей с европейцами, стала одной из центральных тем исторической археологии Америки. Среди вопросов, интересующих археологов, она отметила сохранение культуры, формирование и трансформирование идентичности, приспособление, транскультурология, сопротивление, властные отношения (Deagan 2004: 597). Некоторые кубинские исследователи подчеркивали обусловленность исчезновения аборигенов испанским колониализмом (Рей Бетанкур 1978). Другие полагали, что при изучении раннего колониального периода необходимо учитывать "прогрессивный процесс транскультурации" (Rives et all., 1991).

В последние годы академический интерес к колониальному прошлому островов подстегивается активным поиском

этнических предков их нынешнего населения, которые не были бы связаны с колонизаторами. Это явление, известное со времени антиколониальных движений XIX в., сейчас возрождено в значительной мере возможностью электронных средств информации быстро распространять те или иные идеи. Тем не менее, на Кубе, где есть редкая для Больших Антильских островов возможность изучать потомков аборигенов, сохранившихся на востоке страны, они пока не стали предметом активного внимания этнологов, в отличие от физических антропологов.

Отечественные (главным образом, советские) историки и этнографы интересовались экономико-политическими аспектами ранней колониальной истории Большых Антильских островов (*Свет 1952, Альперович 1957*) и, позже, этническими процессами на них (*Этнические процессы 1982*). Относительно недавно стали изучаться разнообразные письменные свидетельства раннего колониального времени, оставленные испанцами (*Александренков 2010, 2012, 2013*).

Что касается структуры данной работы. В главах о завоевании и колонизации островов речь будет идти о процессах слома прежних социальных институтов и их замещения новыми. В главе о колониальном обществе будет изложено функционирование этих институтов. Отдельная глава отведена изложению судеб островных аборигенов вплоть до нашего времени. В заключении будут рассмотрены вопросы

аборигенного наследия в культуре и идеологии современных стран региона.

Гл. 1. Открытие и завоевание островов, начало колонизации

Большие Антильские острова (Гаити, Куба, Пуэрто-Рико и Ямайка) а также лежащие к северу от них Багамские на времена появления там европейцев были заселены земледельцами южноамериканского происхождения. На западе Гаити и Кубы и на островках у северного и южного побережий последней сохранялись группы неземледельческого населения - охотники, собиратели и рыболовы (Александренков 1976; из поздних работ можно посмотреть в Интернете *Figueredo A. E. 2013*).

Источники XVI в. дают разные данные относительно численности населения на островах ко времени появления там европейцев. По сведениям Лас Касаса, Колумб только часть обитателей Эспаньолы определил в «миллион и сто тысяч» Что касается этой цифры, то, как сообщали доминиканские монахи, она исходила от "Аделантадо", то есть брата Христофора Колумба, который по велению последнего сделал будто бы подсчет индейцев, когда их намеревались обложить данью. В то время испанцами была подчинена только часть Эспаньолы, поэтому Лас Касас полагал, что на всем острове было более 3 млн.aborigenov (*Las Casas 1951, t.II, p. 269; CDI, t. VII, p. 400*).).

Авторы XVI в., по всей видимости, основывались на мнении Колумба, по-разному его интерпретируя. Мартир писал о "двенадцати сотнях тысяч" человек, умерших после прихода завоевателей (*Martyr* 1912, vol. 2, p.255)⁷. Овьедо, ссылаясь на «мнение многих», утверждал, что на Эспаньоле было около «миллиона индейцев или больше» (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 71). Лас Касас, имея в виду все острова, писал о более чем 6 млн. душ, обращенных в рабство (*Las Casas* 1951, t.II, p. 173).

Современные исследователи, основываясь на разных методиках подсчета, называли очень разноречивые количества обитателей Гаити конца XV в. – от фантастических 14 миллионов (W. Borah y Sh. F. Cook) до 60 тыс. (Ch. Verlinden). Последнее по времени предложение было в рамках от 500 до 650 тыс. (цит. по: *Cook* 2003, p. 49-50). Р. Касса, на основе ряда соображений, полагал, что начальное население Эспаньолы составляло от 225 до 275 тыс. но не более 300 и не меньше 200 тыс. (*Cassá* 1974, p. 195-196).

Куба к появлению там европейцев была менее заселена, чем Гаити, несмотря на превосходство в размерах (105 и 77 тыс. кв. км соответственно). По расчетам демографов, в то время на Кубе обитало немногим более 110 тыс., из них большая часть - на востоке острова (*Pérez de la Riva* 1972, p. 61-84). Археологи

---

⁷ В другом месте этой же книги сказано более чем 12 миллионов человек (*Martyr*, 1912, vol. 1, p. 376). Это неверное истолкование "двенадцати сот тысяч", которые названы в оригинале 1530 г. на латыни.

полагали возможным говорить о 200 тысячах (*Domínguez, Rives* 1995, p. 396).

Относительно о. Пуэрто-Рико разные исследователи, как и в случае с другими островами, приходили к весьма различным цифрам. С учетом недавних археологических обследований, по мнению одного автора, это около 16 тыс. человек (*Martí* 1999), другого - от 30 до 60 тыс. (*Anderson-Cordoba* 2005, p. 347). Ямайка не немного превосходит размерами нынешний Пуэрто-Рико (соответственно - 11, 5 и 8,9 тыс. кв. км.), и едва ли ее население было значительно больше.

Основываясь на данных Эспаньолы, Касса предположил, что ко времени прихода испанцев всего на Больших Антильских островах было около 600 тыс. обитателей (*Cassá* 1974, p. 198). Можно вспомнить, что еще в середине прошлого века А. Розенблат, с учетом частичных переписей, отчетов о разделениях индейцев, численности воинов, а также принимая во внимание исторический период и данные о культуре аборигенов, получил следующие цифры: Эспаньола – 100 тыс., Куба – 80 тыс., Пуэрто-Рико – 50 тыс., Ямайка – 40 тыс. (*Rosenblat* 1954, p. 102).

Этноязыковая карта региона того времени по источникам просматривается слабо, и не всегда удается соотнести сведения о наличии разных языков с упоминаниями этнических образований. Письменные свидетельства весьма противоречивы. У разных хронистов можно найти утверждения, что языки обитателей разных островов были схожи между собой, но есть также сообщение, что только в пределах Гаити было три языка

(*Las Casas* 1967, t. I, p. 311, 633). Овьедо в одном месте написал о взаимонепонимании языков обитателей Лукайских (ныне Багамских) островов, Эспаньолы (испанское название Гаити) и Кубы (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 235), а в другом, что языки Эспаньолы и Кубы взаимопонимаемы (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 498).

Не исключено, что эти противоречия восходят к Хр. Колумбу. В первом плавании вдоль островов он заметил некие региональные языковые отличия. Так, у берегов Гаити он записал, что индейцы, которых он взял на предыдущих островах, не понимали местных, и объяснил это тем, что у них есть некоторые различия в наименовании вещей. В описании первого плавания есть примеры различий в названиях конкретных предметов, в частности золота (*Colón* 1961, p. 149, 183-184). Однако в тех же дневниковых записях содержатся утверждения о единстве языка аборигенов нынешних Багамских островов, Кубы и Гаити (*Colón* 1961, p. 79, 90, 108). И в письмах о результатах первого путешествия Колумб утверждал, что на всех островах он не видел различий в облике людей, в их обычаях и языке, и что все они понимают один другого (*todos se entienden*) (*Fernández de Navarrete* 1922, p. 192, 205).

Источники сохранили мало местных этнических наименований, восходящих ко времени открытия и завоевания островов. В северной части Гаити обитали, согласно сведениям разных авторов, «макорис» (*macoris*), «макорих» (*macorix*), макорисес или макорихес (*macorices*, *macoriges*), а также

«сигуайи» (*ciguayos*); эти две группы имели, будто бы, свои языки. На западе острова были упомянуты «немые», то есть, язык которых был непонятен, видимо, не только испанцам, но и индейцам других частей острова. Судя по одному источнику, эти аборигены могли называться «сигуаба» (*ciguaba*) (*Figueredo* 2013, р. 22). Для остальной, большей части населения Эспаньолы, с языком, понятным для всех (по мнению испанцев), этнонима не сохранилось. Что касается Кубы, часть земледельческого населения (видимо, большая) называлась «сибонеи» или «сибуни» (*ciboneyes, cibuneyes*); на самом западе острова обитали «гуанахатабеи» (*guanahatabeyes*), не земледельцы (*Documentos* 1 1972, р. 19-20). На островках вдоль южного побережья востока Кубы в 1520-е гг. отмечены кайос (*cayos*), как их называли испанцы (*Papeles* 1931, т. I, р. 89-92, см. также 180-194)⁸. На самом востоке острова поселились недавние выходцы с Гаити, этноним которых не известен (*Александренков* 1976, с. 76-86).

Этнонимов для Ямайки и Пуэрто-Рико не сохранилось, если не считать того, что в самом начале открытия островов испанцы полагали, что на последнем острове обитали «карибы», что потом не подтвердилось⁹.

---

⁸ Скорее всего, этим словом испанцы называли индейцев по местам их обитания, так как "кайо" это небольшой остров. Возможно, именно этих индейцев имел в виду Лас Касас, когда упоминал индейцев островов, названных им "Садами Короля" и "Садами Королевы" у северных и южных берегов Кубы (*Documentos* 1 1972, р. 19).

⁹ В настоящее время полагают, что карибами не был занят самый север Малых Антильских островов.

Термин «таино», распространенный в современной литературе для названия аравакоязычных аборигенов Больших Антильских и Багамских островов, не был этнонимом. Остановлюсь на его происхождении подробнее, так как в последние годы он приобрел важное значение в процессе аборигенной ревитализации на островах.

Слова «таино» нет в дневнике первого плавания Колумба по островам, нет его и в письмах Колумба о результатах плавания. Оно появляется в описании этого плавания, сделанном в Испании, когда мореплаватели вернулись. Педро Мартир написал, в ноябре 1493 г., что Колумб, покидая Эспаньолу, цитирую: «взял с собой шестерых островитян, благодаря которым все слова их языка были записаны латинскими буквами». Мартир привел несколько слов, среди которых было *taino*. Мартир писал на латыни и перевел это слово как *vir bonus*, что можно понимать не только как «хороший человек», но и «добрый муж» (мужчина). Очевидно, что испанцам слово «Тайно» стало известно по результатам первого плавания Колумба. И ничто не говорит, что оно было названием народа.

При описании второго плавания Колумба по островам слово «таино» упомянуто несколькими авторами.

В письме Диего Альвареса Чанки, участника экспедиции, о событиях (ноябрь 1493 г.) на острове, называемом сейчас Гваделупе, сказано “... andaban por la playa junto con el agua muchos hombres é mugeres... é llegándose alguna barca á tierra á hablar con ellos, diciéndolos tayno, que quiere decir bueno...

(*Fernández de Navarrete* 1922, p. 219). Что переводится как "... на берегу, у воды, было много мужчин и женщин ... и когда некий баркас приблизился к земле поговорить с ними, говоря им таинно, таинно, что значит хороший ..." Иногда эпизод интерпретировался, как если бы слова «тайно» произносили островитяне (Путешествия 1950, с. 264; Александренков 1985, с. 108). Однако, конструкция фразы указывает на то, что его говорили испанцы.

Описание тех же событий есть у испанского историка того времени А. Бернальдеса. Индейское слово приведено в форме “tainon, tainon”. Означало оно, по Бернальдесу, «хороший, хороший», и произносили его островитяне (*Bernaldez* 1870, t.2, p.10). Слово «тайно» при описании событий второго плавания встречается еще раз у Мартира, но уже в связи с островом Гаити. Там испанцы встретили вооруженных аборигенов, которые с угрожающим видом направились к испанцам. Далее, по словам Мартира, «местные закричали «тайнос», то есть, хорошие люди и не каннибалы» (*Martyr d'Anghera* 1912, t. 1, p. 81)¹⁰. При описании событий в другом регионе Мартир без всяких оговорок написал – «благородного на Эспаньоле зовут тайно» (a noble is called in Hispaniola taino) (*Martyr* 1912, t. 1, p. 194).

На основании изучения сохранившегося словарного фонда (главным образом, топонимов и обозначений представителей флоры и фауны) и нескольких фраз, зафиксированных источниками, языковеды давно установили, что большая часть

---

¹⁰ В оригинале на латыни - ... idest nobiles esse non Canibales ...

обитателей Больших Антильских островов говорила на языках (или диалектах), относившихся к аравакской семье. Некоторые современные лингвисты, на основе изучения топонимов и ряда других слов, пришли к выводу, что на Кубе различия между земледельческими и не земледельческими группами (то есть, сибонеями и гуанахатабеями) были на уровне диалектов (*Valdés Bernal 1972-1973, p.137; Valdés Bernal 1986, p. 2-3*).

Основой хозяйства большей части населения островов было подсечно-огневое земледелие, сочетавшееся с продуктивной эксплуатацией водных ресурсов - как лов водной живности (моллюски, ракообразные, рыба и морские животные), так и охота на водоплавающую птицу и животных, обитающих в манграх. В земледелии применялась одна из разновидностей грядкового выращивания растений (в холмиках земли). В некоторых областях было известно орошение. Набор земледельческих культур был разнообразен; среди них главными были, видимо, маниока (горькая) и маис. Выращивались также местные ямсы, батат, арахис, табак, хлопок и некоторые другие.

Обрабатывались камень, дерево, раковины и кость, изготавливались глиняная посуда, было известно плетение и ткачество (небольших полотен) и изготовление перьевых накидок. Практиковалась также холодная ковка местного самородного золота. Некоторые изделия, судя по их размерам и тщательности обработки, требовали больших трудовых затрат – в частности, так называемые каменные «кольца» или «ярма», и ритуальные скамеечки и фигурки божеств из твердых пород

дерева. Местные обитатели возводили просторные хижины, строили церемониальные площади и небольшие дороги (редко). Средством передвижения по воде были лодки-однодеревки, передвигавшиеся с помощью весел; большие лодки могли нести десятки человек. Орудия были из камня, раковин и кости (топоры, долота, тесла, резцы, пробойники, отбойники и др.). Оружие – боевые деревянные дубины, копьеметалки и, в некоторых местах, луки.

Если говорить о пространственных различиях в материальной культуре, обращает на себя внимание, что при описании плаваний Колумба по островам постоянно встречаются слова о том, что в каком-то месте, к которому подошли мореплаватели, они находили многие вещи, лучшие, чем прежде. Это, скорее всего, впечатления моряка, долго бывшего в море. Более правдоподобны замеченные конкретные отличия. Так, на востоке Гаити Колумб обратил внимание на большие луки местных жителей (*Colón* 1961, р. 188), которых не было на западе острова (*Colón* 1961, р. 160). Позже это отличие было подтверждено другими авторами.

Судя по данным археологии, наибольшего развития производительные силы достигли к приходу испанцев на Гаити и Пуэрто-Рико – это прослеживается, главным образом, по строительству церемониальных площадей и изготовлению церемониальных предметов. Сложившаяся материальная база стала основой социальных образований, для которых более других подходит категория «вождество». Структура таких

единиц, вероятно, не была одинаковой по всем островам. Наиболее сложной она была, как можно представить себе по письменным и археологическим источникам, на Гаити и Пуэрто-Рико. В письменных источниках более всего сведений осталось относительно Гаити. Именно там испанцы нашли самые крупные поселения; на побережье некоторые, по их словам, насчитывали несколько тысяч обитателей (*Colón* 1961, p.128). Нередко в источниках говорится о «знатных» (*principales*) и «плебеях» (*plebeos*). Последние – это очевидно рядовые общинники, которые в испанских документах раннего колониального времени фигурируют как «индейцы» (*indios*). «Знатные» подразделялись на три уровня значимости, судя по форме обращения к ним простых индейцев: *guaoxeri*, *bahari*, *matunheri* (*Las Casas* 1967, t. 2, p. 209). Был известен и термин *guamiquina* («великий господин»), который, по Лас Касасу, индейцы употребляли по отношению к Хр. Колумбу (*Las Casas* 1951, t. I, p. 372, 406; t. II, p. 236)¹¹.

Видимо, для испанцев «знатными» были те, кого индейцы называли словом "нитаины" (*nitäinos*). Впервые слово встречается в бортовом журнале первого плавания Колумба, изложенном Лас Касасом. По мнению Лас Касаса, Колумб тогда не знал, называют ли словом *Nitaíno* ильяго, правителя или судью (*hidalgo* о *gobernador* о *juez*) (*Colón* 1961, p. 152). В других текстах Лас Касаса утверждалось, что *nitäino* это дворянин и знатный

---

¹¹ У Мартира приведена фраза, где слово (в форме *guamechyna*) употреблено по отношению к божеству (*Martyr d'Anghera* 1912, t. 1, p. 371).

господин (caballero y señor principal) (*Las Casas* 1951, т. I, р. 275), что *nitaynos* – благородные и знатные люди (los hombres nobles y principales) (*Las Casas* 1951, т. I, р. 398) или что нитаинами (*nitaynos*) были и звались знатные, как сотники и десятники или судьи¹², которые имели под собой многих других (*Las Casas* 1951, т. II, р. 560).

Испанцы для обозначения вождей разного уровня или старейшин пользовались местным словом «касик» (cacique). Верховного вождя испанцы могли назвать «главным касиком» (cacique principal), «великим касиком» (gran cacique) и «королем» (rey). В подчинении у такового находились касики меньшего ранга.

«Великие» или «главные касики» - это главы сложных вождеств. На Гаити этих вождеств было 5, и, судя по некоторым косвенным данным, между ними не было определенных, четко фиксированных границ. Некоторые из «великих касиков» Гаити сами возглавляли походы, у других были военные предводители. Намечалась сакрализация верховных вождей. В наиболее важных обстоятельствах они сами, а не служители культа, старались узнать будущие события, "вступая в контакт" со своими божествами-покровителями.

При великих касиках Гаити упоминались слуги, называвшиеся «набория» или «анабория». На Борикене касик каждой долины имел, как писали испанцы, «капитана в качестве наместника». Среди касиков этого острова выделялся один,

---

¹² los principales como centuriones y decuriones o jurados

Агуэйбана, которого испанцы считали главным. С Кубы и Ямайки имеется меньше сведений о социальной стратификации, и, вероятно, аборигенное общество там не было так очевидно расслоено на несколько категорий.

Семейные отношения у обитателей Больших Антильских островов описаны источниками плохо, известно, тем не менее, что брак был полигамен, и некоторые вожди имели большое число жен.

Важную роль в функционировании обществ обитателей Больших Антил (с большей долей уверенности об этом можно говорить относительно Гаити) играли служители культа. В некоторых случаях в источниках улавливается их тесная связь с вождем; есть признаки того, что власть вождей подкреплялась авторитетом божеств - через посредство священнослужителей. Иерархия отправителей культа прямо не прослеживается, но ее наличие можно предположить в вере аборигенов в то, что боги-покровители некоторых вождей имели большую силу, чем покровители других. Лишь в одном случае, кажется, можно говорить об идее трехступенчатой иерархии божеств (Сообщение брата Рамона 2012, гл. XXIII).

"Общение" с божествами осуществлялось с помощью галлюциногенов, называвшихся "кохобой" (соjoba). Прежде полагали, что это *Piptadenia peregrina*; теперь доказано, что это *Anadenanthera peregrina*, употребление которой засвидетельствовано у многих коренных народов Южной Америки (цит. по: *Dávila Dávila* 2003: 226, nota 248).

Отношения между отправителями культа и другими членами общества могли принимать враждебный характер. Так, в случае «неверного»лечения (с нарушением предписанного поста) врачевателю грозила месть. При этом «вину» устанавливали родственников умершего. Они же были и исполнителями мести (Сообщение брата Рамона 2012, гл. XVI-XVIII).

Важной составляющей в жизни аборигенов были коллективные ритуалы в форме танцев и пения, называвшиеся «ареито», а также игра в мяч¹³.

Из сведений ранних мореплавателей можно заключить, что земледельцы Больших Антильских островов хорошо приспособились к местным природным условиям, и их жизнь была достаточно стабильной. Упоминавшиеся разными авторами столкновения между отдельными вождями не носили, как представляется, разрушительного характера. Вероятно, более опасным фактором для местных жителей до появления испанцев являлись набеги соседей с востока, получивших у испанцев еще с первого плавания Колумба наименование «карибов».

*

Христофор Колумб на трех парусниках отправился, как он полагал, в Индии 3 августа 1492 г. Более чем через два месяца плавания (с заходом на один из Канарских островов), в ночь с 11 на 12 октября, моряки увидели первую землю. Обстоятельства

¹³ Более подробно об обществе обитателей Больших Антильских островов см.: Александренков 1976, 141 - 159; Александренков 2006).

встречи сохранились в бортовом журнале Колумба в пересказе Лас Касаса. Первые слова о неизвестных прежде островитянах принадлежат, возможно, самому Колумбу – «затем увидели нагих людей».

Испанцы сошли на берег и совершили формальный акт вступления во владение островом от имени короля и королевы. Затем имел место обмен. У Колумба были для такого случая "красные шапочки и стеклянные бусы... и многие другие малоценные вещи". Островитяне несли попугаев, клубки хлопковой пряжи, дротики "и много других вещей" (*Colón* 1961, p. 48-49).

Колумб отметил бедность местных людей, их физическую красоту и то, как они пострижены и раскрашены. Их оружие – дротики, наконечниками которых служили рыбы зубы. Колумб быстро пришел к заключению, что островитяне «должны быть хорошими слугами». «В угоду господу нашему», выражаясь словами журнала, он схватил шестерых человек, "чтобы они научились говорить" (*Colón* 1961, p. 49-50).

Помимо повторяющихся описаний внешнего вида встреченных людей, появляются наблюдения о лодках и о том, как ловко островитяне ими управляют, о золотых подвесках в носу и о некоторых других местных предметах, круг которых постоянно расширялся по мере того, как корабли двигались от острова к острову. Очевидно, что Колумб был очень внимателен к тому, что он видел в новых местах. Он даже заметил, при минимуме местной одежды, возрастные отличия в убранстве

женщин (*Colón* 1961, p. 61-62). Появляются названия больших островов, пока еще, видимо, не верно услышанные. 26 октября вместо обычного на протяжении почти двух недель “esta gente” (эти люди) или “ellos” (они) употреблено слово “indios” (*Colón* 1961, p. 71).

28 октября Колумб подошел к Кубе. Здесь жилища показались ему более красивыми, чем виденные прежде; они ему напомнили полевые шатры (*alfaneques, tiendas de real*). Внутри были найдены скульптурные изображения женщин и маски, а также собаки, прирученные птицы и рыболовные принадлежности (*Colón* 1961, p. 75). По словам Колумба, местные жители были того же качества и обычаев, что и другие встреченные, и язык у них один.

2-го ноября Колумб послал во внутренние земли Кубы двух испанцев в сопровождении трех индейцев, один из которых был местным - с целью отыскать «короля той земли», узнать о его государстве, завоевать его дружбу и пр. Один из послов, Луис де Торрес, знал еврейский, халдейский (арамейский) и немного арабский языки (*Colón* 1961, p. 79-80). Посланцы дошли до поселения в 50 больших жилищ, в котором обитали, на их взгляд, 1000 жителей, и где они были встречены очень благожелательно. Не найдя того, за чем были посланы, испанцы вернулись к кораблям.

Колумб продолжал захватывать местных жителей, в том числе женщин и детей.

5 декабря Колумб увидел остров, который он назвал Эспаньолой (нынешнее Гаити). В отличие от Кубы, здесь Колумб неоднократно отмечал, что все земли были возделаны (*Colón* 1961, р. 127-129, 130). Через несколько дней пребывания у берегов Эспаньолы Колумб пришел к заключению, что местные жители постоянно подвергались нападениям, так как они пребывали в большом страхе (*Colón* 1961, р. 131).

После двух месяцев знакомства с островитянами Колумб сделал такой вывод: «Нет у них оружия, и все они наги и неизобретательны в военных делах и настолько трусливы, что тысяча не отважилась бы противостоять трем (испанцам Э.А.), и поэтому они хороши, чтобы ими повелевать и заставлять их работать, сеять и делать все другое, что будет необходимо, и чтобы они делали города (*villas*) и научились ходить одетыми и нашим обычаям» (*Colón* 1961, р. 135). В этой программе просматриваются будущие отношения завоевателей с аборигенами: их подчинение, принуждение к труду, принудительная смена материальной культуры и социальных норм. Отсутствовал пункт, который станет важным в намерениях испанской короны относительно местного населения — обращение его в католическую веру. Но в других местах журнала видно, что Колумб полагал, что принятие христианства островитянами совершится «в короткое время» и «легко» (*Colón* 1961, р. 86, 88, 108).

Колумб подробно описал встречу с молодым местным вождем, пришедшим на корабль, отметив почтение, что ему

выказывали сопровождавшие его люди, в том числе те, которых мореплаватель принял за советников и наставника. Заметили испанцы и отличия в передвижении самого вождя, его сына и брата. Вождя на пути в селение несли на носилках, позади него знатный индеец на плечах нес его сына, а брата два знатных индейца вели под руки (*Colón* 1961, p. 137-140).

Были встречи и с обитателями других поселений. Колумб записал, что местные жители с одинаковой легкостью отдавали как кусочки золота, так и калебасу с водой (*Colón* 1961, p. 144-145). Колумб объяснял, что он давал стеклянные бусы, латунные колечки и бубенчики не потому, что «они» просили, а потому, что он их считал уже христианами и (поданными Э.А.) кастильских королей более, чем людей Кастилии, и что не хватало лишь знать язык и повелевать ими, ибо, по его словам, все, что им не прикажешь, они сделают без какого-либо противоречия (*Colón* 1961, p. 146-147).

Колумб буквально восхвалял местных жителей - у них большие селения; они любезны в общении, у них мягкий говор, мужчины и женщины хорошей стати и не черны. Похвально он отзывался и о социальных отношениях - везде есть правление в виде судьи или господина, которому все подчиняются так, что вызывает удивление (*Colón* 1961, p. 153-154).

В ночь под Рождество судно Колумба село на мель, и местный вождь помогал его разгрузить. В один из дней он и Колумб обменялись визитами с обедами. В этот раз Колумб получил в подарок маску с большими вставками из золота.

Другие золотые изделия касик возложил Колумбу на голову и на шею. Спутники Колумба тоже получили свои подарки (*Colón* 1961, р. 159-161). Были и еще встречи с местными вождями, на которых Колумб обменивался с ними подарками. При описании одной из них появляется имя верховного вождя, Гуаканагари (*Colón* 1961, р. 165), который будет играть важную роль в начале испанской колонизации острова.

Основав форт, получивший имя "Навидад" (Рождество), и оставив в нем гарнизон, Колумб продолжил плавание. 13 декабря имела место встреча с индейцами, которых испанцы приняли за карибов-антропофагов (они были вооружены луками, и внешне отличались от людей, встреченных прежде). Там же произошла стычка, единственная за время плавания по островам, с местными обитателями, вооруженными, помимо луков, палицами. Колумб отметил, что луки здесь были большими, как луки Франции и Англии, а стрелы – как дротики людей, которых он видел прежде. Появилось упоминание об отравленных стрелах (*Colón* 1961, р. 185-188).

16 января Колумб отошел от берегов Эспаньолы.

*

По возвращении Колумба испанские короли испросили и получили благословение папы римского Александра VI своим намерениям открывать и завоевывать; подобная практика уже была известна прежде, когда папы поощряли португальцев (*Morales Padrón* 1979, р. 15-17). Начиная с подготовки ко второму плаванию, главной идеологической составляющей испанской

заморской экспансии стало намерение распространять католическую веру.

В папской булле «Интер цетера» от 4 мая 1493 говорилось об открытии «неких весьма далеких островов, а также материков», где обитает множество мирных людей, которые «верят в единого бога-творца, сущего в небесах, и кажутся достаточно способными к обращению в католическую веру и усвоению добрых обычаев». Не забыты были и «золото, пряности и много иных вещей различного рода и достоинства». Папа распоряжался «приступить... к подчинению упомянутых островов и материков, и их жителей и обитателей... и обратить их в католическую веру». Далее папа даровал «в вечное владение» королям и их потомкам острова и материки, уже найденные и те, что будут найдены, «со всеми владениями, городами, замками, поселками и селениями, с правами, юрисдикцией и всем, что к ним относится». Повелевалось также «отправить на упомянутые острова и материки людей добрых, богобоязненных, сведущих, ученых и опытных, дабы они наставляли упомянутых обитателей и жителей в католической вере и обучали их добрым обычаям» (Путешествия 1952, с. 240-243).

Со своей стороны, испанские короли в инструкции от 29 мая 1493 г. повелевали Колумбу всеми способами стремиться к обращению встреченных им людей в католичество. Для лучшего исполнения этого намерения предписывалось хорошо с ними обращаться; более того, предусматривались наказания тем, кто не

исполнит данное предписание. В состав второй экспедиции, в отличие от первой, были включены священники и монахи (*Konetzke* 1953, р. 1-2).

Другим фактором, определявшим политику Испании на островах, станет хозяйственно - экономический. Во втором пребывании Колумба на Эспаньоле, предполагалось основание там поселения. Флотилия, отошедшая в сентябре 1493 г., состояла из 17 судов, на борту которых были 1500 человек, а также скот, сельскохозяйственные орудия, семена и пр. (Путешествия 1952, с. 345)¹⁴. Среди прибывших было и немного хлебопашцев (*poquitos labradores*) (*Fernández de Navarrete* 1922, р. 249).

В королевских инструкциях Колумбу ничего не говорилось о наделении поселенцев землей. Ряд пунктов, в которых шла речь о таможне и обмене с местным населением, свидетельствует, что в 1493 г. испанское поселение мыслилось как центр подобного обмена.

К форту Навидад Колумб подошел в конце декабря 1493 г. и обнаружил, что оставленные моряки погибли в результате междоусобиц и столкновений с аборигенами. В начале 1494 г. было заложено поселение Изабелла. Местные обитатели к строительству не привлекались¹⁵.

В первые же дни пришельцы стали болеть. Колумб, в мемориале королям, подписанным 30 января 1494 г, сообщал, что

¹⁴ К. Андерсон-Кордова утверждает, что в этом плавании у Колумба было 19 судов (*Anderson-Córdova* 2005, р. 342)

¹⁵ Об особенностях возведения и функционирования этого первого поселения испанцев в Америке см. *Deagan, Cruxent* 2002.

большая часть его людей слегла (*Fernández de Navarrete* 1922, p. 247). Один из испанцев, прибывших со второй экспедицией, доктор Чанка, также написал, что на четвертый или пятый день заболела третья прибывших. На его взгляд, главная причина лежала в работе, трудном плавании и различиях в земле (*Fernández de Navarrete* 1922, p. 238). Сходные причины заболеваний и смертей среди поселенцев назвал и Лас Касас, писавший позже: тяжелый физический труд, ограничения в питании и непривычный климат (*Las Casas* 1951, t. I, p. 263). Несколько по-иному ситуацию объяснял Овьедо - чтобы избавиться от пришельцев, аборигены решили не сеять, что привело к голоду. При этом, по его мнению, умерла половина христиан, а самих индейцев умерло столько, что нельзя было сосчитать. По всей земле, как написал Овьедо, были тела индейцев, и стояло зловоние. Колонисты съели всех местных и привезенных собак, местных грызунов и игуан. Испанцы страдали и от многих болезней¹⁶ (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 49).

Современные исследователи полагают, что причиной эпидемии могла стать оспа. Доказано, что ею заболели в Кадисе индейцы, привезенные на полуостров Колумбом из первого плавания. В условиях корабельной тесноты во втором плавании к островам оспой могли заразиться и испанцы (*Cook* 2003).

---

¹⁶ Овьедо, как и Лас Касас, писал об этих событиях, по меньшей мере, спустя 50 лет, хотя узнать о них мог и раньше. Он передал, видимо, общее впечатление свидетелей того, что случилось.

В марте того же года Колумб предпринял первый поход вглубь острова и заложил там форт Санто-Томас. Самому походу аборигены не противились, но закладка форта вызвала у них намерение его разрушить, на что последовало военное вторжение испанцев внутрь острова (*Las Casas* 1951, L. I, Cap. XC - XCIII). Так было положено начало завоевания Больших Антильских островов.

В апреле 1494 г. Колумб возобновил плавание по островам, оставив вместо себя Совет, во главе которого стоял его брат Диего. В наказе одному из своих подчиненных, остававшихся на острове, Колумб предписывал отрубать нос и уши индейцам, похитившим что-либо у испанцев, «потому что именно эти части невозможно скрыть». Этим Колумб полагал «обезопасить меновой торг». В случае, если бы не удалось выменять съестные припасы, их следовало отбирать - «достойнейшим образом» так, чтобы индейцы оставались довольны (Путешествия 1952, с. 369-370).

В этот раз Христофор прошел вдоль южного побережья Кубы с востока на запад вплоть до о. Пинос и побывал у берегов Ямайки. Он намеревался исследовать острова каннибалов (так испанцы называли нынешние Малые Антильские острова), но заболел, и экспедиция вернулась к Эспаньоле и вошла в порт Изабеллы 29 ноября 1494 г. (*Las Casas*, 1951, t. I, p. 396-397).

Пока Колумба не было на Эспаньоле, сотни испанцев разбрелись по острову, чиня произвол и насилие. Они оскорбляли и избивали не только простолюдинов, но и знатных людей, и даже

угрожали верховным вождям. Как написал Лас Касас, индейцы стали воспринимать соседство испанцев с ужасом, ибо те с ними плохо обращались и лишали их пищи. Пришельцы отбирали у индейцев жен и дочерей, а также сыновей (*Las Casas* 1951, t. I, p. 398-399). Уже после возвращения Колумба один из касиков велел убить несколько испанцев. По словам Лас Касаса, испанцы решили за каждого своего погибшего убить 100 индейцев (*Las Casas* 1951, t. I, p. 405).

В марте 1495 г. Колумб предпринял завоевательный поход во внутренние земли острова. Объединенные силы индейцев были разбиты, многие из них погибли, другие были пленены и стали рабами (*Las Casas* 1951, L. I, cap. CIV).

Участник тех событий, М. Кунео, так описал один из эпизодов. «Мы собрали в нашем поселении тысячу шестьсот индейцев, мужчин и женщин, из которых 17 февраля 1495 г. мы погрузили на названные каравеллы пятьсот пятьдесят душ лучших мужчин и женщин...». Из оставшихся испанцам было разрешено выбрать для себя «на свой вкус», и все еще оставалось около 400 человек, которым было разрешено уйти, куда хотят. «Среди них было много женщин с грудными младенцами, и чтобы лучше бежать от нас, из страха, что мы их вновь схватим, они бежали, как отчаявшиеся, оставляя детей брошенными на земле, где попало». Упомянул Кунео и некоторые другие события, показывающие, какими методами испанцы подавляли сопротивление островитян, и насколько велико было отчаяние последних. Среди схваченных индейцев было трое вождей,

которых должны были на следующий день расстрелять из арбалетов. По словам Кунео, ночью они перегрызли один другому пятки, освободились от кандалов и бежали. Из тех индейцев, что были загружены на корабли, при подходе к Испании около 200 умерло, и их тела были брошены в море (*Cuneo* 1893).

Лас Касас утверждал, что во время военных действий в 1495 г. погибло множество индейцев, обезлюдили многие индейские селения, особенно в землях касика Каонабо, и в 1496 г. на острове осталась треть населения по сравнению с 1494 г. (*Las Casas* 1951, t. I, p. 416, 420). На индейцев была наложена подать (*tributo*) золотом или хлопком (*Las Casas* 1951, L. I, cap. CV). Завершился период, который историки назвали периодом «фактории» (*Pérez de Tudela* 1955) - прежние отношения обмена между пришельцами и аборигенами сменились податными.

«Замирив» остров, Хр. Колумб в марте 1496 отправляется в Испанию, оставив вместо себя брата Бартоломе (*Colón* 1944, р. 210)

События второго плавания Колумба, помимо названного выше Кунео, отразил врач (из Севильи) Альварес Чанка. В отличие от того, как воспринял Хр. Колумб аборигенов Антильских островов при первых встречах, Чанка высказывался весьма критично по отношению к обитателям Гаити – эти люди настолько невежественны (*es gente tan bestial*), что не стараются найти место для проживания, а те, что живут на морском берегу, строят столь неразумно (*cuán bestialmente*), что их дома так

покрыты травой и сыростью, "что я ужасаюсь, как они живут" (*estoy espantado como viven*). Прически островитян Чанка сравнил с тем, что "в нашей Испании хотят сделать на голове сумасшедшего". Тот факт, что обитатели Эспаньолы ели (помимо возделываемых корнеплодов) змей, ящериц, пауков и червей, представлялся европейскому врачу большей глупостью, чем глупость любого животного в мире (*mayor su bestialidad que la de ninguna bestia del mundo*) (*Fernández de Navarrete* 1922, p. 232, 238, 241)¹⁷.

Несмотря на такую, в целом негативную оценку способностей островитян, Чанка полагал, что, если бы испанцы знали язык (*si lengua tuvíésemos*¹⁸), то все индейцы обратились бы в христианство, так как они, подражая испанцам, вставали на колени перед алтарями, повторяли молитвы и крестились. Как написал Чанка, "все говорят, что хотят быть христианами, хотя они на самом деле язычники" (*Fernández de Navarrete* 1922, p. 239).

Первые впечатления мореплавателей и колонистов в виде письменных сообщений и устных рассказов создавали в Испании у тех, кто определял политику на открытых землях, образ местного жителя. Каким представлялись аборигены Антиль в

¹⁷ Употребленное по отношению к аборигенам слово "*bestia*" означает (помимо "животное"), "грубый, глупый человек". Производные от него слова, сказанные Чанкой об аборигенах, передают: *bestialidad* - состояние, *bestial* - качество, *bestialmente* – образ жизни.

¹⁸ Интерпретировать слово "*lengua*" как "язык" в значении "переводчик" мешает отсутствие перед ним артикля. Кроме того, во втором плавании были аборигены, захваченные в первом.

Испании после второго плавания Колумба, можно судить по словам королевского историка А. Бернальдеса, сказанным им относительно обитателей Кубы: «Но, будучи людьми дикими и считая, что весь мир остров, и не зная, что такое материк, и не имея письменности, ни древних преданий, не ведая никаких других удовольствий, кроме пищи и женщин, они говорили адмиралу, что Хуана - остров...» (Путешествия 1952, с. 285-286)¹⁹.

В инструкции, полученной Колумбом перед третьим плаванием за океан, от 23 апреля 1497 г., на первом месте стояло распоряжение постараться воодушевить и привлечь уроженцев Индий к полному миру и спокойствию²⁰, чтобы они служили и находились в подчинении королей доброжелательно (*benignamente*), и, главным образом, чтобы обратились в «нашу святую католическую веру» (цит. по: *Morales Padrón* 1979, p. 73). Очевидно, что после отчета Колумба о втором пребывании на островах их обитатели воспринимались испанскими монархами как их подданные.

Большую часть инструкции занимали указания относительно собственно колонии, и в этом контексте стояло следующее – индейцы, «с которыми согласовано» что они будут платить назначенную подать, будут носить на шее знак в форме монеты, из латуни или свинца. Не имевшие такого знака должны

¹⁹ В пище и женщинах более всего стали нуждаться сами пришельцы, и именно лишениеaborигенов пищи и женщин стало одной из причин гибели местного населения.

²⁰ procuréis con toda diligencia de animar e atraer a los naturales de las dichas Indias a toda paz e quietud

были быть схвачены и «легко наказаны» (цит. по: *Morales Padrón* 1979, р. 75-76). По другой инструкции (от 15 июня) перед тем же плаванием видно, что коренным обитателям еще не отводилась важная роль в экономической жизни колонии – среди целого ряда хозяйственных распоряжений было одно об отправке в Индии монахов и священников, чтобы они там причащали к Святым Таинствам тех, кто там будут (очевидно, испанцев), и «старались обратить» в католическую веру индейцев (цит. по: *Morales Padrón* 1979, р. 79).

В инструкциях предусматривалось, что на Эспаньоле будут находиться на королевском содержании 330 человек: 40 щитников (*escuderos*²¹), 100 пехотинцев-работников (*peones de guerra é de trabajo*), 30 матросов, 30 юнг, 20 мастеров по золоту, 50 крестьян (*labradores del campo*), 10 огородников (*hortolanos*), 20 мастеровых разных профессий (*oficiales de todos oficios*) и 30 женщин (не сказано, в каком качестве). Велено было послать врача (*un físico*), аптекаря (*un boticario*), и специалиста по травам (*un herbolario*) и некоторые музыкальные инструменты. Для снабжения поселенцев повелевалось распахать земли и завести скот. С этой целью крестьянам следовало предоставить пшеницу для сева и наделить их скотом (*Las Casas* 1951, т. I, р. 436).

Как писал Лас Касас, Колумб хотел привезти на Эспаньолу также людей без королевского содержания и испросил у королей разрешения направить туда тюремных узников, освобожденных на условии, что они прослужат несколько лет на острове,

---

²¹ *escuderos* – здесь, легковооруженные конники (*Deagan, Cruxent* 2002, р. 19)

исполняя те работы, что им будут указаны Адмиралом. Короли издали соответствующие распоряжения, в одном из которых были названы преступления, что не позволяли лицам, их совершившим, надеяться на помилование (среди них – ересь, предательство, содомия, изготовление фальшивых денег и др.). Те, что попадали под помилование, должны были отработать на острове два года (если у них был смертный приговор) или один (в остальных случаях) (*Las Casas* 1951, т. I, р. 437).

Колумб получил право наделять поселенцев «землями, лесами и водами» для возведения домов, хозяйственных построек и закладки огородов, садов и полей под разные культуры. Все это можно было продать, подарить или обменять после четырех лет проживания на острове в своем доме. Оговаривалось, что лица, которые получат "эти земли, леса и воды", не будут иметь над ними никакой гражданской или уголовной юрисдикции; ограничивалось их межевание и огораживание (*Las Casas* 1951, т. I, р. 438).

Индейцы в инструкциях еще не фигурировали как рабочая сила для колонистов. В составе экспедиции были посланы 90 «человек труда» (*hombres de trabajo*), большую часть которых предполагалось использовать для работ на приисках и рубке дерева бразиль, а 14 из них предназначались для земледельческих работ (*Las Casas* 1951 т. I, р. 457)²².

---

²² Эти люди были вооружены арбалетами, копьями и мечами (*Las Casas* 1951, т. II, р. 65). Очевидно некоторое различие в количествах людей между оговоренными в инструкциях и реально отправившимися за океан.

В третье плавание Колумб вышел из Испании 30 мая 1498 г. В этот раз он ознакомился с северо-восточной частью южноамериканского материка и в конце августа 1498 г. пришел в порт Санто-Доминго, который был основан в его отсутствие (*Las Casas* 1951, т. I, р. 496, т. II, р. 68).

Пока Колумба не было на острове, отношения испанцев с местными вождями складывались по-разному. Правитель западной области Харагуа, Бехекио, согласился платить подать хлопком и маниоковым хлебом (*Las Casas* 1951, L. I, cap. CXIV). Те вожди, что пытались оказать сопротивление (Гуарионех в центральной части острова и его северный сосед, вождь сигуайев Маиобанех), были разбиты и пленены (*Las Casas* 1951, L. I, cap. CXV, CXX-CXXI).

Более опасным для существования испанцев на острове оказался раскол среди них самих. Франсиско Рольдан, оставленный Христофором Колумбом в качестве главного алькальда, вышел из повиновения Колумбам и со своими сторонниками, число которых росло, ограбив в Исабелле королевский склад с провиантом и оружием, ушел в Харагуа. Индейцам он объявлял, что освобождает их от уплаты подати (*Las Casas* 1951, L. I, cap. CXVII-CXIX).

В Харагуа испанцы Рольдана вели свободную от королевских ограничений жизнь – силой или добром, по словам Лас Касаса, забирали себе местных женщин, которые служили им горничными, прачками и поварихами, а также мужчин, которые работали на испанцев. Тех, кто выказывал малейшее

недовольство, с легкостью убивали, как написал Лас Касас (*Las Casas* 1951, т. II, р. 64).

Высадившись, Колумб первым делом наказал одного вышедшего из повиновения касика, пленив его людей и загрузив ими пять судов для отправки в Испанию в качестве рабов, всего 800 человек. Выход их задержался, и многие пленники умерли от тоски и тревоги (слова Лас Касаса), а также от недостатка пищи и воды, от тесноты и удушья под палубой. Их тела выбрасывали за борт (*Las Casas* 1951, т. II, р. 71, 81, 82).

Раздоры между бунтовщиками и теми, кто их не поддержал, вылились, как написал тот же Лас Касас, в «великие печали, тревоги, труды и потери индейцев», потому что, куда бы ни пришли те или другие, они съедали припасы индейцев, сотнями уводили их с грузами на плечах, обижали их, включая детей и женщин. Те и другие нередко, для развлечения, расстреливали индейцев из арбалетов, чтобы увидеть, пройдет ли дротик насеквоздь, или мечом старались разрубить индейца (при неудаче повторяли с другим); на переноске грузов убивали тех, кто устал, в том числе женщин (*Las Casas* 1951, т. I, р. 457-458; т. II, р. 87).

Выходили из повиновения Колумба и его люди, не исполняя его распоряжения (*Las Casas* 1951, т. I, р. 100). В письме королям он говорил, что те люди, что пришли с ним, стали его ненавидеть за то, что он не позволял им разойтись по острову «по два или по три, а некоторые и в одиночку». Многие, сообщал Колумб, по этой причине были убиты, и жертв было бы больше, если бы он это не исправил (*Las Casas* 1951, т. II, р. 110).

После длительных переговоров между Христофором Колумбом и Рольданом было достигнуто примирение (28 сентября 1499 г.). Именно с условиями договора между ними связано появление на Эспаньоле (и, следовательно, во всей испанской Америке) нового вида эксплуатации аборигенов испанцами.

Эту ситуацию подробно описал Лас Касас. По требованию Рольдана и его сторонников, Хр. Колумб разрешил им поселиться (*avecindar*) в нескольких местах центральной части Эспаньолы. Колумб наделил их землями в границах уже возделанных земель индейцев. Это разделение имело форму предоставления каждому испанцу от 10 до 20 тыс. кустов²³. Каждому получателю Колумб выдавал грамоту, в которой говорилось, что такому-то, в лице такого-то касика предоставляется столько-то тысяч кустов, и повелевалось, чтобы названный касик и его люди обработали земли и сделали посадки. Иногда испанец получал уже засеянные индейцами участки; в этих случаях ему назначались земли и индейцы для работы на них²⁴. Иногда один касик назначался 2-3 испанцам, между которыми распределялся доход с его земель.

Испанцы, получившие лицензию, брали на себя обязательство добывать золото. Добычей они принуждали заниматься индейцев, также с письменного разрешения Колумба,

---

²³ matas y montones

²⁴ И в другом месте той же «Истории» Лас Касас писал, что испанцы, поселившиеся в Бонао, имели уже готовые «паши» (*labranzas*) индейцев, или заставляли индейцев сделать их (*Las Casas* 1951, т. II, р. 184).

где указывались сроки действия разрешения. Испанец, писал Лас Касас, получив лицензию, так распоряжался касиком и его селением или селениями, как если бы ему их дали как рабов или, лучше сказать, как будто они были звери – били их бичами и палками, отрезали уши и убивали. Если у касиков и господ были дочери, испанцы делали их сожительницами. Тех, кто бежал, убивали или обращали в рабство. Наполненные рабами корабли шли в Кастилию. По мнению Лас Касаса, с этого времени берет начало «чума репартимьенто», что позже стали называть энкомьендами (*Las Casas* 1951, т. II, р. 104-105).

Сам Рольдан испросил и получил от Колумба, среди прочих пожалований, земли и «пашни» в Баоруко, а также касика с людьми в другом месте. И, наконец, Колумб назначил ему Бехекио с его многочисленными вассалами (*Las Casas* 1951, т. II, р. 105-106). Рольдан, в свою очередь, от имени Колумба, наделил своих сторонников землями и индейцами касика Бехекио. За свой труд, по замечанию Лас Касаса, индейцы получали зеркальце, нож или ножницы (*Las Casas* 1951, т. II, р. 141).

Примирение Колумба и Рольдана не принесло стабильности испанцам и, следовательно, индейцам на Эспаньоле. Прежде всего, Рольдан присвоил себе некоторые полномочия Колумба, в частности, назначение алькальдов (*Las Casas* 1951, т. I, р. 106). Раздорам среди испанцев способствовало прибытие на Эспаньолу кораблей Охеды, что возвращался из плавания у берегов нынешней Венесуэлы. В провинции Харагуа он напал на тех испанцев, что не хотели присоединиться к нему,

при этом с обеих сторон были убитые и раненые. Как писал Лас Касас, это событие вызвало большие волнения среди индейцев и испанцев, и началась еще большая сумятица, чем та, что была связана с Рольданом (*Las Casas* 1951, т. II, р. 137).

В 1500 г. Колумб сообщал королям, что он подчинил весь остров, что христианин в одиночку мог пересечь его и что он повелел сселять индейцев в большие поселения, чтобы они все стали христианами, служили бы Их Величествам как вассалы и приносили бы доход... (*Las Casas* 1951, т. II, р. 174). Он явно преувеличивал свои достижения. Колумб, как писал Лас Касас, по большей части не доверял христианам и больше полагался на индейцев. Даже ходили слухи, что в одном из эпизодов смуты Колумб предупредил индейских вождей, чтобы те держали наготове воинов на случай, если он их призовет (*Las Casas* 1951, т. II, р. 183).

О взаимном недовольстве и недоверии между правителем и поселенцами стало известно при королевском дворе. Монархи для исправления ситуации послали на Эспаньолу Франсиско де Бобадилью, поручив ему правление и судебную власть на «островах и материке», с обширными полномочиями. Бобадилья прибыл на остров в августе 1500, арестовал Диего, Христофора и Бартоломе Колумбов и в начале октября в кандалах отправил их в Испанию (*Las Casas* 1951, т. II, р. 185-191).

В течение двухлетнего правления Бобадильи, политика испанской короны по отношению к аборигенам в целом не изменилась. Как справедливо заметил Касса, индейцев было еще

много, а испанцев мало. Многие из испанцев жили среди индейцев. В самой Испании еще не было такой жажды золота с острова Эспаньола, которая позже привела к беспредельной эксплуатации индейцев в правления Д. Овандо и Д. Колона. При Бобадилье не было массовых переселений в золотоносные районы (*Cassá* 1974, р. 205). Савала обратил внимание на то, что корона, помимо того, что облагала налогом испанцев, добывавших золото трудом энкомендированных индейцев, сама являлась наиболее крупным энкомендоро (*Zavala* 1973, р. 13-14).

Лас Касас написал об испанцах того времени на Эспаньоле (их было тогда, считал он, 300 человек) следующее. Когда они передвигались, их несли мужчины на своих плечах или в гамаках. Рядом шли индейцы с большими листьями для создания тени, другие обмахивали их гусиными крыльями. В любом селении, куда приходили испанцы, они съедали и изводили столько, что хватило бы на 50 индейцев. Касик и все обитатели селения должны были им нести, что у них было, и танцевать перед ними. Испанцы делали своими наложницами знатных индианок, которых в обиходе называли "служанкой". Помимо этой главной служанки (*criada principal*), в прислугах были еще несколько местных женщин, которых называли «работницами» (*officialas*). Бобадилья будто бы так говорил поселенцам, если верить словам Лас Касас: «Пользуйтесь, сколько сможете, потому что вы не знаете, сколько будет длиться для вас это время» (*Las Casas* 1951, т. II, р. 204-205).

Между тем, Хр. Колумб и братья были помилованы королями, и Христофору было разрешено продолжить открытия в «Индиях». В последнем плавании в Америку (май 1502 – 1504) Колумб некоторое время провел в бухтах Эспаньолы, укрываясь от бурь, затем достиг берегов нынешнего Гондураса, прошел на юг до области Верагуа (нынешний Панамский перешеек), и ушел на север в воды Кубы. Плохое состояние судов заставило его провести около года на Ямайке, куда за ним пришло судно с Эспаньолы²⁵. К этому времени правителем открытых земель стал Николас де Овандо (1502-1509), назначенный королями вместо Бобадильи.

Ситуацию на Эспаньоле ко времени появления там Овандо отразил Лас Касас, пришедший туда на одном из кораблей флотилии Овандо. Когда прибывшие суда бросили якоря в порту Санто-Доминго, находившиеся на борту, после приветствия спрашивали своих знакомых, что их встречали на берегу, о новостях. Те отвечали, что новости хорошие, что нашли золотой слиток такого-то веса и что есть война с индейцами и, значит, будет много рабов. Вновь прибывшими эти слова были восприняты с большой радостью, ибо они означали, что прибыли в хорошее время (*Las Casas* 1951, т. I, р. 467).

При Овандо были покорены крайние западная и восточная части Эспаньолы, при этом он не гнушался применять жестокие меры к тем, кто подозревался хотя бы в малейшем

---

²⁵ Подробное описание плаваний Колумба и его пребывания на островах содержится в «Истории Индий» Лас Касаса (*Las Casas*, 1951, т. 1) и в книге сына Колумба об отце (*Colón* 1944).

неповиновении. На западе острова, в провинции Харагуа, где, судя по Лас Касасу, была наиболее процветающая областьaborигенной Эспаньолы, он велел повесить верховную правительницу, Анакаону (правила там после смерти ее брата, Бехекио) и сжечь подчиненных ей касиков; при этом было убито много других индейцев, не исключая стариков и детей (*Las Casas* 1951, т. II, р. 236-238).

Была завоевана и восточная часть Эспаньолы, провинция Хигуэй, где было убито, как писал через некоторое время Суасо, семь или восемь тысяч индейцев под предлогом того, что провинция хотела восстать. Овандо распределял и перераспределял индейцев, "и от такого перемещения умерло их без числа", по словам Суасо (CDI, т. I, р. 306-307).

Однако некоторые части острова или группы индейцев оставались вне власти испанцев. Весьма красноречивый пример этому под сентябрем 1514 г. содержится у Мартира. По его словам, в районе Савана самой западной провинции Гуакаярима обитали люди, которые жили в пещерах, питались только плодами леса и не имели отношений с другими людьми. У них, по сведению Мартира, даже не было определенного языка. Их видели редко, и их не удавалось схватить, так они были быстры ("... быстрее, чем французские собаки") (*Martyr d'Anghera* 1912, vol. 1, p. 380).

Завершением периода открытия островов можно считать плавание испанцев вокруг Кубы. До недавнего времени считалось, что это сделал С. де Окампо в 1508 или 1509 г.

Согласно точке зрения, основанной на вновь обнаруженных документах, экспедиция Окампо имела место в 1506 г. и не была завершена, а Кубу полностью обогнули в 1508 г. В. Яньес Пинсон и Х. Диас Солис (*Mira Caballos* 1996). О том, что первым Кубу оплыл В. Яньес Пинсон, сообщал Мартир (*Martyr d'Anghera* 1912, т. 1, п. 252)²⁶.

*

При Овандо было положено начало завоеванию соседних с Эспаньолой островов, которое было завершено при другом правителе, сыне Христофора Колумба, Диего Колумбе (1509-1515).

В 1508 г испанцы высадились на Борикене, называемом испанцами Сан-Хуаном. Главным экономическим интересом высадившихся была добыча золота. Поначалу отношения между ними и местными жителями были мирными, так как испанцы использовали труд индейцев, привезенных с Гаити и с материка. Затем последовали два «разделения» местных индейцев в течение года и принуждение их работать на золотых приисках. Это привело к ряду восстаний с начала 1511 г., и индейцев было разрешено обращать в рабство. Продолжался и ввоз индейцев, захваченных на Малых Антильских островах, обитатели которых иногда присоединялись к восставшим на Сан-Хуане (*Anderson-Cordoba* 2005: 343-345).

---

²⁶ Однако, обращалось также внимание на то, что уже на карте Хуана де ла Коны, датируемой 1500 г., Куба изображена как остров (*Le Riverend* 1960, р. 10). Как упоминалось выше, Бернальдес при описании второго плавания Колумба писал, что "дикие" индейцы считали Кубу островом.

Некоторые подробности завоевания Сан-Хуана содержатся в "Истории" Овьедо²⁷. После того, как была "замирена", по словам историка, провинция Хигуэй на востоке Эспаньолы, Овандо поставил там своим наместником Хуана Понсе де Леона. Последний узнал от индейцев, что на соседнем Борикене было много золота, и с разрешения Овандо высадился там. По словам Овьедо, Понсе де Леон был хорошо принят "главным касиком" Ауэйбаной, его матерью и отчимом. Хуан Понсе даже приводил Агуэйбану в г. Санто-Доминго, чтобы, как писал Овьедо, тот увидел, как обстоят дела на Эспаньоле, которая в то время была хорошо населена индейцами и христианами. Через некоторое время Агуэйбана умер, и ему наследовал его брат, который, по словам Овьедо, был, по природе, дурных наклонностей. В начале 1511 г., когда испанцы разошлись по энкомьендам, каждый касик убил своих испанцев. Одновременно было убито 80 испанцев и было сожжено одно из испанских поселений (*Fernández de Oviedo y Valdés*, 1851, т. 1, р.467-470).

Из других источников известно, что в это восстание на Сан-Хуане погибло около 400 испанцев. В свою очередь, по свидетельству участника событий, испанцы в одном из сражений убили 1000 индейцев и пленили 1200 человек (в их числе женщин и детей). Кроме того, в качестве ответных мер за убийство своих испанцы расстреляли из арбалетов, четвертовали, повесили, забили палками более 100 индейцев. На островке Вьеес при

---

²⁷ По словам Овьедо, о тех событиях на Сан-Хуане он узнал от самого Понсе-де-Леона и других участников.

нападении на индейскую деревни убивали и женщин. Там были пленены 530 «душ» индейцев Сан-Хуана и карибов, а также женщин и детей. На берегу были расстреляны, четвертованы и повешены 88 человек. Когда испанцы вернулись в лагерь, то в присутствии «замиренных» индейцев были казнены 70 плененных воинов – сожжены заживо, забиты палками, расстреляны из арбалетов, четвертованы (цит. по: *Moscoso* 2011, р. 13, 18). Одной из мер борьбы с индейцами Сан-Хуана были разорение их огородов и захват лодок.

Овьедо привел случай из тех событий на острове, который показывает отношение завоевателей к местным жителям. Капитан Диего де Саласар решил стравить псу одну из схваченных женщин, старую индианку. Ей дали в руки письмо и велели отнести его туда, где в то время находился губернатор. Когда женщина отошла на некоторое расстояние, на нее спустили пса. Увидев его, женщина от страха присела и стала с ним говорить. Пес помочился на нее и оставил ее. Испанцы посчитали это чудом, так как этот пес был известен своей свирепостью. Когда о случившемся узнал Понсе де Леон, он, по словам Овьедо, «не захотел быть менее милосердным с индианкой, чем был пес», и велел отпустить ее (*Fernández de Oviedo y Valdés*, 1851, т. 1, р. 484-485).

В конце концов, остров был покорен, а его обитатели распределены. Как и в ряде других случаев, многие из завоевателей остались недовольны распределением, считая, что индейцев получили не те, кому следовало. И последующие смены

правителей, по словам Овьедо, не принесли ничего хорошего для острова (*Fernández de Oviedo y Valdés*, 1851, t. 1, p. 485).

Аборигены Ямайки столкнулись с испанцами еще до того, как последние колонизовали остров. Когда на Ямайке в течение года бедствовала последняя экспедиция Колумба, испанцы выменивали у местных жителей пищу; дважды люди Колумба совершали походы по острову. Часть испанцев взбунтовалась, и они ушли от Колумба, притесняя и разоряя местных обитателей.

До завоевания Ямайка рассматривалась испанцами как место, где можно было выменять маниоковый хлеб (*Fernández de Navarrete*, 1923, p. 127, 129). Став испанской колонией в 1509 г., Ямайка продолжала оставаться базой по снабжению испанцев сельскохозяйственной продукцией. Так как на Ямайке не было найдено золота, то после завоевания острова и разделения индейцев они были заняты на производстве касабе, выращивании маиса и хлопка. Хлопок был главной отраслью хозяйства, дававшей прибыль. Женщины делали полотна и рубашки из хлопка и гамаки, которые вывозили на Эспаньолу, Кубу и на материк. С Ямайки вывозили скот и кобыл, которые там хорошо плодились. Продавали и парусину для судов. По словам Лас Касаса, на Ямайке испанцы так жестоко и бесчеловечно обращались с местными жителями, как нигде прежде в Индиях (*Las Casas* 1951, t. II, p. 390-391).

Куба до завоевания острова и поселения там испанцев рассматривалась некоторыми конкистадорами как возможный источник рабочей силы для своих будущих владений. Так, Охеда

в 1502 г. давал инструкции привезти с Кубы индейцев, которые нужны были для поисков рудных залежей на материке. При этом было высказано пожелание причинить индейцам как можно меньше вреда при их захвате (*Fernández de Navarrete* 1923, p. 129).

Если плавания Колумба вдоль берегов Кубы проходили относительно спокойно для местных обитателей, то случайное появление там позже других конкистадоров не было таковым. Так, в одном из подобных эпизодов люди Бернардино Талаверы отбирали у вождей и рядовых индейцев имущество и продукты, обращали женщин в наложниц, ранили их и жестоко оскорбляли (*Fernández de Navarrete* 1923, p. 146 – 147)²⁸. Был, в то же самое время, и другой опыт – у попадавших на южное побережье испанцев в некоторых местах складывались дружеские отношения с местными вождями. Мартир описал случай, когда больной испанец был оставлен у индейцев и выхожен ими. Более того, он помогал местному вождю побеждать его соседей. Как писал Мартир, будучи невежественным, но добросердечным человеком, он особенно почитал Богоматерь, образ которой он постоянно носил с собой. Касику он заявил, что именно это помогает ему одерживать победы, и убедил того оставить своих семи и сделать своим покровителем Богоматерь. По просьбе касика испанец дал ему образ Девы (Марии) и посвятил ей церковь и алтарь (*Martyr* 1912, t. I, p. 240-245). Историки давно обратили внимание, что сходный эпизод в истории Кубы описан

---

²⁸ Из грамоты королевы от 5 октября 1511 с распоряжением о расследовании.

Лас Касасом. По его версии, этим испанцем был Алонсо де Охеда. Охеда был на Кубе в одно время с упомянутым выше Талаверой, но, в отличие от того, не только не притеснял индейцев, среди которых он оказался, но и научил почитать образ Девы Марии, возвел молельню с алтарем и оставил на нем этот образ. Индейцы украсили помещение хлопковыми полотнами, подметали и воспевали богоматерь на своем языке (*Las Casas* 1951, т. II, р. 404, 533-534)²⁹.

В 1510 г. испанцы с Эспаньолы во главе с Диего Веласкесом перешли на Кубу (*Castellanos* 1959; см. также *Pichardo* 1983, р. 50-51). Сопротивление Атуэя, касика с Гаити, бежавшего на соседний остров от испанцев, было сломлено, он был пленен и сожжен на костре. Основав первое поселение, Баракоа, испанцы начали завоевание острова, продвигаясь на запад. В некоторых местах индейцы пытались сопротивляться, но неудачно. Испанцы прибегали к тактике террора – так, в селении Каонао, по словам Лас Касаса, свидетеля событий, они убили несколько сот человек, включая детей (*Las Casas* 1951, т. II, р. 535-536). В 1515 или 1516 г. была основана на южном побережье (известна на северном с 1519) Гавана, самое западное испанское поселение того времени на острове.

*

В договоре королей с Колумбом перед его первым плаванием не было речи о вероятном местном населении.

---

²⁹ Лас Касас побывал у упомянутого им касика, видел молельню и образ и даже просил его у индейца, но тот не согласился с ним расстаться и бежал (*Las Casas* 1951, т. II, р. 404, 533-534).

Первые встречи между испанцами и аборигенами носили, как правило, ситуативный характер. Испанцы, после плавания через Атлантику или в длительных переходах вдоль островов, нуждались в воде, дровах и провианте. Воду и дрова они брали сами, а провиант выменивали. Это видно по дневниковым записям Колумба в первом плавании. Сходные ситуации возникали и в других его плаваниях, и в экспедициях других испанцев. Во время третьего путешествия Колумб в инструкции капитанам судов, которые должны были без него продолжать плавание, «приказал..., куда бы ни пришли и где бы ни высаживались, запасаться свежей провизией и путем обмена добывать все, в чем явится необходимость» (Путешествия 1952: 406). Длительность отношений обмена зависела от ситуации. Они могли быть продолжительными, когда конкистадоры были слабы, как в случае с пребыванием Колумба на Ямайке в четвертом плавании. А могли перерasti в грабеж со стороны испанцев (как в ситуации на той же Ямайке с группой испанцев, вышедших из повиновения Колумбу). Нередко враждебность со стороны аборигенов перерастала в нападение на испанцев.

Процесс завоевания островов отразился на традиционных социальных структурах и связях местных жителей. Прежде всего, исчезли верховные вожди, которые погибли, были пленены или не оставили наследников. Таким образом, не стало верхнего звена, связывавшего отдельные общины в социальной, духовной и, возможно, хозяйственной сферах. Традиционная социальная вертикаль рушилась с самого начала завоевания островов, еще до

введения испанцами института разделения индейцев между конкистадорами и колонистами.

В случае военных действий разорялись целые общины, так как часть мужчин погибала, а другие, а также женщины и дети, обращались в рабов и не только уводились за пределы своих общин, но и увозились на другие острова, или вовсе за их пределы.

Внутриобщинные связи нарушались и при отсутствии военных действий, так как из общин выпадали самые активные члены, трудоспособные работники. В походах испанцев по островам и при переходах с одних островов на другие их сопровождали индейцы. Так, известно, что на Эспаньоле сторонникам Рольдана, которых было 120 человек, служили более 500 индейцев (*Las Casas* 1951, т. II р. 112). Когда эти испанцы передвигались из одного места в другое, более 1000 индейцев несли их грузы (*Las Casas* 1951, т. II р. 87.). Бартоломе Колон, преследуя Гуаринеха, вел с собой много индейцев, которые несли грузы и добывали пищу, охотясь на грызунов-гутый (*Las Casas* 1951, т. I, р. 463). То же позже было и на других островах, в частности на Кубе, где, по словам Лас Касаса, никто или мало кто из испанцев вел с собой менее 8 или 10 индейцев, которые были взяты «добром или силой» из пройденных поселений. Мужчины охотились и собирали маниоку на встреченных огородах, женщины делали из нее хлеб. При этом индейцы с одного острова попадали на другой – у самого Лас

Касаса на Кубе был старый и знатный индеец с Эспаньолы (*Las Casas* 1951, т. II, р. 539, 526).

Испанцы привлекали аборигенов и для ведения военных действий. По словам Лас Касаса, было обычным водить на войну всех индейцев, что были покорены, с их оружием. Они воевали между собой из страха перед испанцами³⁰ (*Las Casas* 1951, т. II, р. 232).

Эти люди надолго отрывались от своих общин, нередко гибли. Очевидно, что при этом разрушались традиционные хозяйствственные и социальные связи в нижней части общества – деревни оставались без наиболее сильных своих членов, семьи – без кормильцев.

Серьезно нарушались возможности демографического воспроизводства аборигенов. Помимо того, что мужчины гибли или отрывались надолго от своих семей, испанцы преследовали их жен и дочерей, так как, по словам Лас Касаса, «это есть и было всегда обычным и общим обычаем испанцев в этих Индиях» (*Las Casas* 1951, т. II, р. 535). Не следует забывать, что испанская иммиграция поначалу и в течение длительного времени была преимущественно мужской.

Вторжение испанцев на острова вызвало перемещение аборигенов с одних мест на другие в пределах больших островов, как правило, в менее доступные для испанцев места. От испанцев

---

³⁰ Acostumbrábase también llevar toda la gente de indios que estaban sujetos, con sus armas, en su ayuda, que no era poca la guerra que por miedo de los españoles ... estos a aquellos hacían...

пытались бежать с одних островов на другие - с Эспаньолы на Кубу (Papeles 1931, t. 1, p. 4, 17-18 и др.), с Кубы – на соседние Юкайские (Багамские) острова (Papeles 1931, t. 1, p. 13), с Сан-Хуана – на соседние Малые Антильские.

Гл. 2. Кристаллизация института энкомьенды и аборигены

В данной главе будет рассмотрено положение аборигенов Эспаньолы и, в меньшей мере, других Больших Антильских островов в тот период, когда складывалась система энкомьенды, то есть, от правления Овандо до провозглашения законов Бургоса; будет также проанализировано разделение индейцев на Эспаньоле конца 1514-начала 1515 гг.

Правление Н. де Овандо и Д. Колумба

В королевской инструкции от 16 сентября 1501 г., составленной перед отъездом Овандо на Эспаньолу, среди первых предписаний стояло ненасильственное обращение индейцев и спасение их душ ("потому что это – наилучшее, что мы им можем пожелать", говорилось в инструкции). Повелевалось хорошо обращаться с индейцами, чтобы они могли спокойно перемещаться «по всей земле», и чтобы никто не чинил им насилия, не грабил и не причинял другого зла. Местным вождям и другим знатным лицам следовало передать, что короли хотят, чтобы с индейцами хорошо обращались как с добрыми

подданными и вассалами. Следовало вернуть индейцам отобранных у них жен и дочерей «и другие вещи»³¹. Испанцам разрешалось жениться на индианках только с согласия последних. Индейцы должны были платить подати и налоги, как это делали другие поданные королевских владений. При этом губернатор от имени короля должен был согласовать с вождями и другими знатными лицами то, что они должны будут платить ежегодно.

Для осуществления работ на корону (на первом месте стояла добыча золота) губернатору повелевалось принудить индейцев работать за жалование, которое следовало назначать «соответственно качеству земли».

Еще один пункт инструкции касался завоевателей, предписывая им жить в (испанских) поселениях. На полученных землях им разрешалось строить хижины или небольшие дома, где они могли бы найти приют при посещении этих земель или работая на них.

В другом документе от того же числа индейцам запрещалось иметь оружие, как защитное, так и нападения – под предлогом того, чтобы между ними и соседними испанцами не было ссор. Испанцам, в свою очередь, запрещалось им его давать или обменивать (*Konetzke 1953, p. 4-6*).

Очевидно, что аборигены Эспаньолы все еще мыслились как до некоторой степени автономная единица во

---

³¹ Это, видимо, одно из первых признаний со стороны высшей испанской власти того, что ее подданные притесняли аборигенов.

взаимоотношениях с испанцами. Запрещались некоторые проявления того произвола со стороны испанцев, что имел место прежде. Корона признавала наличиеaborигенной знати, с которой она предполагала вести диалог по вопросам, существенным для обеих сторон (определение состава подати).

На это время остров еще не был полностью подчинен, его восток и запад оставались не захваченными испанцами.

В дополнение к тем инструкциям, что Овандо увез с собой, 20 марта 1503 г. была составлена еще одна, для него и для чиновников, что отвечали за королевские финансы. Индейцев предполагалось «разделить по поселениям», чтобы они не бродили порознь по лесам. Губернатору поручалось заняться тем, чтобы для индейцев были устроены поселения, где они могли бы жить вместе, «как лица, которые проживают в этих наших королевствах». Поселения должны были иметь земли для возделывания и для разведения и выпаса скота, так, чтобы не мешали одни другим.

Каждый индеец должен был иметь отдельный дом, в котором он жил бы с семьей, как «весино наших королевств», и чтобы возле домов были земли для посевов и разведения скота, чтобы не брали один у другого, и каждый знал бы, что есть его. Такое поселение должно было находиться под присмотром испанца, «доброго мужа» (*buena persona*), наделявшегося судебной властью над индейцами. Ему следовало не позволять христианам отбирать у индейцев их жен, сыновей и дочерей или причинять какой-либо вред им самим и их имуществу, «как это

они делали до сих пор». Он должен был также не позволять испанцам пользоваться трудом индейцев³². А если индейцы захотели бы это сделать по доброй воле, им следовало платить справедливую поденную плату (*jornal*), которую определял губернатор³³.

Губернатор или назначенные им люди должны были следить за тем, чтобы индейцы не продавали христианам и не обменивали свое имущество и земли на бусы и другие сходные малоценные вещи, как это было прежде. А если им будут что-то покупать, то по справедливой цене или в обмен на одежду для них. Как и в ряде других инструкций, говорилось о хорошем обращении с индейцами. Повелевалось работать с индейцами «всеми возможными способами, чтобы те одевались и ходили как разумные люди».

Индейцы должны были каждодневно посещать церковь, где капеллан учил бы их креститься, молиться, исповедоваться и делать все другое, что нужно, чтобы быть хорошо наставленными. При церкви следовало построить дом, где капеллан обучал бы детей читать, писать, креститься и осенять крестом, а также исповеданию и молитвам. Капеллан должен был

³² no conscientan que se sirvan de ellos)

³³ Губернатору и чиновником повелевалось рассмотреть, каким образом можно было использовать индейцев для получения большего количества золота. И в этой части документа говорилось о том, что с индейцами не следовало плохо обращаться, как это было прежде (no sean maltratados como hasta ahora), что работать они должны были по своей воле и получать за работу *jornales* (CDI, t. XXXI, p. 158, cit. in: Zavala 1973, p. 15). Цитирую эту часть документа через Савалу, так как в сборнике Конецке она опущена.

следить, чтобы все взрослые были крещены и крестили своих детей. Капелланы также должны были научить индейцев, как платить церкви десятину от того, что «будут иметь, вырастят и соберут», и подати королям, как вассалы.

Обеспечить исполнение всего указанного поручалось губернатору, которому вменялось также не позволять, чтобы касики плохо обращались со своими индейцами. Подчеркивалась королевская «милость», оказанная, чтобы индейцы были всему научены, и чтобы с ними хорошо обращались, как с королевскими вассалами.

Повелевалось также, чтобы губернатор и назначенные им лица для управления поселениями следили за тем, чтобы индейцы не научились от испанцев богохульству.

Было и указание на запрет того, что прежде совершали индейцы – чтобы не купались, не раскрашивались и не очищались³⁴ так часто, как они это делают, так как, по мнению составителей документа, это им причиняет большой вред. Вместо этого повелевалось в дни церковных праздников «делать эти праздники», но без купания и раскрашивания. Губернатору вменялось постараться отдалить индейцев от всех ошибок, в которых они пребывают.

Предписывалось также заводить больницы, в которых лечились бы бедные, как христиане, так и индейцы.

---

³⁴ ni se bañen ni se pinten ni purguen. Имелось в виду ритуальное очищение путем вызивания тошноты.

Губернатор и лица, ответственные за поселения, а также священники должны были стараться, чтобы индейцы заключали браки в церкви, и чтобы христиане (как сказано, некоторые), женились на некоторых индианках, а христианские женщины на некоторых индейцах – «чтобы одни и другие общались и научали друг друга, чтобы быть наставленными в нашей святой католической вере», а также, чтобы, когда будут обрабатывать свои земли или заниматься другими работами, они, индейские мужчины и женщины, стали разумными (*de razón*). Мужчинам и женщинам предписывалось исповедоваться и делать все остальное, что должны делать «добрые христиане».

Губернатору и чиновникам Торгового дома в Севилье ставилась задача собрать информацию о том, каким образом короли могли бы лучше использовать индейцев, чтобы королевские доходы росли, а испанцы получали наибольшую выгоду: давать им за работу продовольствие или жалование, и каким образом это делать; какие налоги будут разумны, либо отработки вместо них (определенные дни или определенное время); будет ли лучше, если индейцы самостоятельно будут добывать золото и отдавать королям определенную часть добытого (*Konetzke* 1953, р. 9-13).

Очевидно, что изложенные выше распоряжения для Овандо были нацелены на то, чтобы придать форму отношениям сaborигенами. Их цели были схожи с теми, что наметились еще в журнале первого плавания Колумба – принудительная трансформация всех сфер культуры (христианизация, новая

поселенческая модель под присмотром и покровительством испанца, индивидуализация домашнего хозяйства), отчуждение результатов труда в виде податей церкви и короне. В намерениях короны были явно идеализированы возможности регулирования отношений между теперь уже не просто пришельцами и аборигенами, а победителями и покоренными. Конкретные формы эксплуатации аборигенов еще не были определены.

Можно согласиться с Моралесом Падроном, усмотревшим в первых королевских инструкциях для Овандо намерение отменить энкомьенды Колумба и поставить индейцев под власть короны. Но, по выражению этого исследователя, проект провалился, и Овандо было поручено вручить (энкомендировать) индейцев частным лицам (*Morales Padrón* 1979, р. 306).

В распоряжении королевы Изабеллы от 20 декабря 1503 г. после упоминания прежнего наказа о том, чтобы индейцы Эспаньолы были свободны и не подвергались холопству (*servidumbre*), говорилось, что ей стало известно, что индейцы, “по причине большой свободы”, избегают совместного проживания и общения с христианами. Они не хотят работать даже за поденное жалование и бродяжничают, и нет возможности их наставлять и обращать в «нашу Святую Католическую Веру»³⁵. Поэтому христиане не находят никого, кто работал бы в

---

³⁵ У Лас Касаса находим, что об этом королеве написал Овандо (*Las Casas* 1951, т. II, р. 243).

их хозяйствах (*granjerías*)³⁶ и обеспечивал провиантом или помогал добывать золото.

Королева, ссылаясь на свое желание обратить индейцев в христианство и считая, что для этого они должны «общаться с христианами» и «помогать одни другим», чтобы «остров был возделан и заселен и множились плоды его, и добывалось золото», повелевала губернатору, чтобы он заставил индейцев общаться и жить с христианами и работать на их стройках (*edificios*), добывать золото и другие металлы, и заниматься сельским хозяйством и провиантом³⁷ для христиан острова. Труд должен был вознаграждаться жалованьем (*el jornal*) и продуктами. На время католических праздников и в другие дни на усмотрение, индейцы должны были собираться в отведенных для этого местах и наставляться в делах веры.

Губернатор назначал испанцу определенное число индейцев во главе с касиком, который оправлял бы их работать туда, где была нужда. Индейцы должны были выполнять работы, которые им указывал испанец. Как обычно, повелевалось обходиться с ними хорошо; правда, здесь выделялись индейцы-христиане, с которыми следовало обращаться лучше (*Konetzke* 1953, p. 16-17).

С. А. Савала, исследовавший историю энкомьенды, заметил, что в данной инструкции для Овандо относительно индейского труда был принят принцип государственного насилия

³⁶ Слово *granjería*, судя по разным документам, имело значения «прибыль», «доход», а также «занятие», «вид деятельности».

³⁷ *facer granjerias y mantenimientos*

- труд был поднадзорным, и вознаграждение за него нормировалось государством, а не договором между хозяевами и работниками (*Zavala* 1973, p. 15-16).

Практические результаты того, как Овандо исполнил повеление короны, были оценены одним из противников энкомьенды, Лас Касасом спустя несколько десятилетий. В частности, что касается наставления, доктрины и обращения индейцев, то, по мнению Лас Касаса, во все время, что Овандо управлял островом, он не более беспокоился о доктрине и спасении индейцев, чем, если бы это были бревна, камни, коты или собаки. Лас Касас добавлял, что это относилось не только к губернатору и тем, кому он дал индейцев, но и к монахам-францисканцам, что с ним прибыли. Относительно них он написал, что видел только, что те испросили разрешения иметь в своих домах нескольких мальчиков, детей некоторых касиков, двух-трех или четырех, которых они научили читать и писать, но не знал, что из христианской доктрины они выучили и каким хорошим обычаям научились (*Las Casas* 1951, t. II, p. 249).

Один из современников Овандо, Суасо, так оценил его деятельность на Эспаньоле. Послал людей в провинцию Хигуэй (восток острова), где его клиент Хуан д'Эскивель погубил 7 или 8 тыс. индейцев под предлогом того, что провинция собирались восстать. Другую большую бойню Овандо устроил в провинции Харагуа (на западе острова). Овандо у многих колонистов отобрал индейцев и вручил их своим клиентам и другим лицам,

«от каковой перемены умирало их без числа»³⁸. Положительным в правлении Овандо Суасо считал то, что он на протяжении своего шестилетнего правления не позволял, чтобы приближенные к королю лица (находившиеся в Испании – Э.А.), имели на острове индейцев, несмотря на многочисленные королевские грамоты и распоряжения предоставить индейцев (CDI, t. I, p. 306-307).

Общее состояние дел в колонии при Овандо было резюмировано современным доминиканским историком Р. Касса. Овандо распорядился, чтобы энкомендированные работали в хозяйствах испанцев два периода в году, по 5 месяцев, между которыми полагались 40 дней «отдыха», когда они могли заниматься своими огородами. Вскоре установился порядок продления пятимесячных работ еще на 2-3 месяца, что получил название «деморы»³⁹. Назначенного индейцам жалования не хватало даже на то, чтобы купить одежду, чего желали короли... Индейские поселения переносились на большие расстояния от прежних мест ближе к приискам. При Овандо было проведено 2 или 3 перераспределения индейцев. Как заметил Касса, в эти годы цена собаки была выше, чем цена трудоспособного индейца. Рост испанского населения, которое достигло 14 тыс., растущая смертность индейцев; новые их разделения в пользу людей, близких к губернатору, были факторами уменьшенияaborигенного населения. Растущая инфляция постоянно

---

³⁸ de cuya mudanza se morian infinitos dellos

³⁹ demora – продление

угрожала рентабельности добычи золота, чего можно было избежать, лишь заставляя индейцев работать больше и больше. Кроме того, в конце правления Овандо золотоносные залежи стали истощаться. Смертность индейцев была особенно велика в крупных энкомьендах, где индейцы находились в распоряжении управителей (*mayordomos*), заинтересованных не в сохранении рабочей силы, а в получении прибыли (*Cassá* 1974, p. 209-210).

При Овандо на Эспаньоле было основано несколько испанских поселений, уже руками индейцев, которые не только строили дома испанцам, но и обрабатывали им земли (*Las Casas* 1951, t. II, p. 241-242).

Как отмечают современные исследователи, эти поселения были более многолюдны, чем Изабелла, и, в отличие от нее, в них проживали не только мужчины, но и женщины и дети. В 1514 г. на Эспаньоле в 15 поселениях было около 5 тыс. испанцев, и в 1509-1514 гг. приблизительно 10% из них составляли женщины (*Deagan, Cruxent* 2002, p. 208).

Ко времени правления Овандо относится первая попытка предоставления индейцам освобождения от энкомьенды. Ее целью было узнать, способны ли были индейцы жить как крестьяне Кастилии. В 1508 г. Овандо отобрал нескольких касиков, наиболее «испанизированных»⁴⁰, среди которых был и Диего Колон, увезенный в Испанию Колумбом в первом плавании и отправлявшийся в Испанию еще раз. Касики для этого опыта получили энкомьенды. Опыт длился около 6 лет. Согласно

---

⁴⁰ más ladinos, o castellanizados

тому, что в 1517 г. заявили все опрошенные иеронимитами⁴¹, он полностью провалился. Индейцы предавались «кохобам», «ареито» и «прочему безделью», не занимаясь своими хозяйствами. Как заявил один испанец, единственное, что удалось установить, это то, что индейцы "не жаждут ни почестей, ни богатств"⁴², которые подвигают людей работать и приобретать (цит. по: *Mira Caballos* 1997, р. 109-111).

Уже в 1508 г. короне стало известно, что на Эспаньоле была потребность в индейцах, и что, если не принять мер, остров вскоре останется без них. Прокураторы острова просили разрешения привозить индейцев с «соседних бесполезных островов» с тем, чтобы они работали как индейцы «этого острова». Разрешение было дано с условием, что привезенные не будут использоваться как рабы, что им будут платить жалованье и давать им необходимые вещи «как другим индейцам этого острова» (CDI- 2, т. 5, р. 130-131).

У самого Овандо тоже были индейцы в энкомьенде, которых он использовал в земледелии, для получения касабе на содержание людей своего дома. Для себя же он все получал из Кастилии, по словам Лас Касаса, который видел одно из таких хозяйств с большим числом индейцев недалеко от города Консепсьон (другое, или другие находились около г. Санто-Доминго). Это хозяйство, утверждал Лас Касас, не отличалось от

---

⁴¹ Об этом опросе будет сказано в следующей главе.

⁴² no son codiciosos de honra ni de riquezas

хозяйств других испанцев ни большей доктринацией индейцев, ни лучшим обращением с ними (*Las Casas* 1951, т. II, р. 369).

При Овандо на Эспаньоле началась более упорядоченная жизнь колонии. В королевской грамоте от 15 ноября 1505 г. ему рекомендовалось не поступать строго с индейскими женщинами, изменявшими своим мужьям с испанцами, особенно, если не было жалоб от мужей. Испанцев, при этом, следовало отчитать и даже как-то наказать, но так, чтобы об этом не стало известно мужьям. Иначе, полагали в метрополии, не избежать большого скандала (CDI-2, т. 5, р. 112).

Трудно сказать, какого скандала не хотели центральные власти. Как писал Лас Касас, те 300 испанцев, что находились на Эспаньоле до прихода Овандо, вели очень вольную (*muu a la larga*) жизнь. Они, среди прочего, брали себе в наложницы сеньор или их дочерей. Монахи порицали этот "грех" и настаивали, чтобы Овандо отнял у испанцев этих женщин или велел вступить с ними в брак. Овандо обязал испанцев жениться на индианках или оставить их. Испанцы, хотя и считали такой брак для себя бесчестием, вступали в него, так как, считал Лас Касас, не хотели терять то, что они имели в таком браке (услуги, довольство, власть), так как, будучи женатыми на местных женщинах, они наследовали статус и власть (*estado y señorío*) своих жен. Но далее Овандо сделал то, что Лас Касас назвал несправедливостью и глупостью - когда испанцы вступили в брак с индианками, Овандо отнял у них индейцев их жен и отдал их другим, а им дал в другом месте (*Las Casas* 1951. т. II, р. 341-342).

Причины такого решения становятся ясными из королевской инструкции от 3 мая 1509 г., данной новому правителю, Диего Колону⁴³. В ней говорилось, что Овандо сообщил в метрополию, что некоторые испанцы, женатые на «женщинах земли», считают, что их женам и детям принадлежат земли, которыми владели их отцы и матери, и что они (испанцы), несмотря на то, что их неоднократно порицали за это, не оставляют своих мыслей. Овандо у таковых людей отнимал индейцев, что им были даны с родственниками жены, и вместо них давал других; и если оказывалось, что их (испанцев) поместья были на землях родителей их жен или родственников, то их (испанцев) выдворяли в другие места, где они забыли бы свои намерения.

Король, указав, что он хочет, чтобы такие люди были лишены всякой причины помыслить подобным образом, предписал Д. Колумбу, во избежание больших опасностей, продолжить то, что начал Овандо. Кроме того, монахам следовало исповедать таких людей и отвратить их от подобных мыслей, указав им, сколь неразумны их желания (цит. по: *Morales Padrón* 1979, р. 86). Здесь явно намерение короля пресекать любые намерения колонистов считать себя собственниками земель, которые, как полагала корона, принадлежали ей.

Не все королевские инструкции Овандо реализовал. Так, вопреки указанию создавать поселения индейцев вблизи золотых

---

⁴³ Диего Колон сохранял титулы Адмирала и Вице-короля, но был уже правителем не "всех Индий", а лишь Эспаньолы, островов и материковых земель, открытых его отцом (см. CDI-2, т. 1, р. 1).

приисков, он велел расположить главные поселения испанцев ближе к главным индейским (цит. по: *Mira Caballos* 1997, р. 108-109).

Когда Овандо был сменен Диего Колумбом, королевская инструкция повторяла наставления для Овандо относительноaborигенов. Она начиналась с утверждения о том, что главным желанием короля всегда было обращение индейцев в «святую католическую веру». Священнослужители и те лица, у которых индейцы находились в энкомьенде, должны были сообщать им о вере, не прибегая к силе. В каждом поселении должен был быть священник, который наставлял бы детей данного поселения.

Вождям и другим главным индейцам острова следовало сказать от имени короля, что его волей было хорошее обращение с индейцами, как с королевскими подданными и уроженцами (Испании). Опять предписывалось не грабить индейцев и не оскорблять их словесно. «И чтобы они и их жены могли спокойно перемещаться по всей земле». Повелевалось также передать вождям королевскую волю, чтобы те «очень хорошо» обращались со своими индейцами.

Повторялся запрет на проведение индейцами прежних праздников и ритуалов, с оговоркой, если они их еще делают. Индейцы должны были жить так, как другие люди «наших королевств». Указывалось, что этого следовало добиваться постепенно, с большой сноровкой (*con mucha maña*), не вызывая возмущения и обид. Напоминалось, что индейцы Эспаньолы должны жить в поселениях вместе как уроженцы испанских

королевств, и чтобы каждый отдельно имел свой дом и жену, и детей, и определенный земельный участок (*heredad conocida*). При этом Д. Колумбу указывалось, чтобы он узнал, что уже сделано, и как можно быстрее делать эти поселения.

Со ссылкой на то, что индейцы бродят и не хотят работать за справедливую плату, и на письмо королевы от 20 декабря 1503 г., указывалось, что их можно заставлять работать, как это делал в последние годы своего правления Овандо.

Были еще наставления о справедливой продаже недвижимого имущества⁴⁴ индейцев, о запрете на предоставление им оружия (*Konetzke 1953, p. 18-20*).

Повтор распоряжений свидетельствует не только о неизменности планов испанской короны относительно аборигенов, но и о том, что, намеченное осуществлялось медленно или не исполнялось вовсе.

Д. Колон также сделал перераспределение индейцев, намереваясь дать их семьям испанцам, которые остались бы на острове. Это перераспределение затронуло многих, в том числе тех, что получили индейцев от Овандо. По причине этого перераспределения также умерло какое-то число аборигенов (CDI, t. 1, p. 307).

До короля дошли сведения, что при распределении индейцев некоторым из испанцев давали их много, другим мало,

---

⁴⁴ Употреблено слово *heredades*, которое можно трактовать не только как "недвижимое имущество", но и "поместье". В данном случае, очевидно, в виду имелась не земля, считавшаяся королевской, а то, что сделано на ней.

а некоторым – ни одного. В метрополии посчитали, что по этой причине те испанцы, у кого были индейцы, не посылали их на прииски, а держали для своего престижа, в качестве пажей или стременных, что, как говорилось в документе, было неугодно короне и причиняло большой ущерб испанцам острова. 14 августа 1509 г Д. Колону было велено сделать перераспределение индейцев в следующей форме: королевским чиновникам и алькальдам, назначенным королями – 100; всаднику (*caballero*), если он с женой – 80; щитнику (*escudero*) также с женой – 60, крестьянину также с женой – 30. В случае наличия лишних индейцев или их нехватки, следовало сделать соответствующую корректировку. Индейцев следовало использовать для работ, а не для каких-то других целей. Их нужно было наставлять в делах веры, давать им одежду и другое, согласно тому, как было прежде. Испанец за каждого выделенного ему индейца (как сказано в документе, за каждую "голову") должен был ежегодно вносить в казну 1 песо золотом (*Konetzke* 1953, p. 20-22).

В королевском письме Д. Колону от 14 августа 1509 г. повелевалось, чтобы индейцы вручались испанцам лишь на два-три года, а затем перераспределялись. Объяснялось это тем, что пожизненное вручение индейцев отягчает королевскую совесть (*cargoso a nuestra conciencia*). Подчеркивалось, что индейцы должны были вручаться не как рабы, а как набории, то есть слуги (*Konetzke* 1953, p. 22). Через несколько месяцев, 12 ноября того же 1509 г. королем было подписано новое письмо Д. Колумбу, где, с учетом того, что смены хозяев тормозили работу на

приисках, было велено разрешить прежним пользователям сохранить индейцев. Новые наделения индейцами предполагалось делать за счет привезенных с других островов (цит. по: Zavala 1973, р. 16-17). Как позже написал Лас Касас, поселенцы Эспаньолы сначала добились от короля разрешения на получение энкомьенды "на одну жизнь" (*por una vida*), позже – на две, и прилагали усилия, чтобы это были три жизни⁴⁵ (*Las Casas* 1951, т. II, р. 375).

По выражению Отса Капдеки, «обычай», по которому пользоваться энкомьендой стали вдова и дети энкомендера, был узаконен королевским распоряжением от 25 марта 1536 г., и энкомьенды стали предоставляться *на две жизни*, то есть, первого владельца и его непосредственного наследника (порядок – старший сын, дочь, жена) (*Ots Capdequi* 1957, р. 29). Следует иметь в виду, что «обычай» появился под давлением испанских поселенцев.

Когда число аборигенов на островах уменьшилось, королевское распоряжение о наследовании индейцев энкомьенды семьей умершего удовлетворяло не всех испанцев. Те, у кого их не было, увидели в этом распоряжении угрозу того, что они не получат индейцев и впредь. Так, главный алькальд Кубы жаловался на то, что в отличие от прошлого, когда чиновникам, помимо жалования, давали много индейцев, ему, когда он пришел на остров, не смогли дать ни одного. Он не надеялся их получить,

---

⁴⁵ То есть колониста, его детей и внуков.

так как индейцы умерших испанцев наследовались их детьми и женами (CDI-2, т. 6, р. 61-62, 65).

Лас Касас писал, что, королевские чиновники во время правления Д. Колона, в соответствии с королевским распоряжением, стали получать 200 индейцев, и что индейцы у них мерли быстрее, чем у частных лиц. После того, как в каждой деморе умирала половина или треть из этих двухсот, чиновники предъявляли королевскую грамоту. «И так снова перетасовывались все индейцы острова», и еще раз их перераспределяли, чтобы поддержать это количество. При этом частные лица, что не были в фаворе, оставались без индейцев (*Las Casas* 1951, т. II, р. 373-374).

По словам одного анонимного современника событий, Д. Колон предоставил индейцев своим клиентам и сторонникам, оставив без индейцев многих, что вызвало большие раздоры. Поэтому на Эспаньолу были отправлены апелляционные судьи, рехидоры и постоянные писари (CDI, т.I, р. 248), функции которых должны были ограничить полномочия верховного правителя. Кроме того, Д. Колон (как и его предшественник Овандо), не хотел давать энкомьенды лицам, находившимся в метрополии, в том числе приближенным короля. Именно они добились, чтобы на остров были посланы судьи, и чтобы репартимент было поручено Альбукерке. В инструкции для него повелевалось отнять индейцев у всех, кому их давал Д. Колон (CDI, т. I, р. 307-308).

Индейцы на островах, как местные, так и, несколько позже, привезенные с соседних земель, были в тот период основной рабочей силой во всех сферах колониального хозяйства (как короны, так и частных лиц). Они были заняты на золотых приисках, в земледелии и уходе за скотом, в переноске грузов. Какая-то их часть находилась в домашнем услужении. Привлекались они и для возведения построек, прокладки дорог и др. Их распределяли не только среди поселенцев или учреждений, но и могли выделить для целого поселения. Так, в королевской грамоте от 25 июля 1511 г. губернатору Эспаньолы (в то время это был Д. Колон), королевским чиновникам и лицам, ответственным за разделение индейцев о. Сан-Хуан, повелевалось назначить 100 индейцев каждому селению на Сан-Хуане для проведения дорог (CDI-2, т. 5, р. 283).

Важностьaborигенной силы для колонии ясно осознавала корона. В 1511 г. в королевской грамоте говорилось, что все благо Эспаньолы состоит в большом количестве индейцев для работ на приисках и в сельском хозяйстве (*granjerías*), и что при их недостатке остров может прийти в упадок (CDI-2, т. 4, р. 266). Сходно было сказано и в следующем году - «все достояние этих стран – индейцы, и, если они закончатся, все там запустеет» (Konetzke 1953, р. 37). Лас Касас утверждал, что во времена Д. Колона обращение с индейцами было хуже, чем при предыдущем правителе (*Las Casas* 1951, т. II, р. 371)⁴⁶.

---

⁴⁶ Как написал Лас Касас, новый правитель взял индейцев для себя и для своей жены. Индейцы были также вручены и его дядьям, Бартоломе и Диего,

Для начального периода колониальной жизни испанских Антильских островов были характерны интенсивные перемещения аборигенов. Они имели разные причины. Как говорилось выше, при завоевании островов и соседних территорий испанцы вели с собой индейцев как вспомогательную хозяйственную и даже военную силу. Перемещения проходили с одних островов на другие, с островов на материк, и с материка на острова. Кроме того, местные жители бежали от испанцев, как это случилось, когда испанцы захватили Эспаньолу и некоторые из аборигенов стали перебираться на соседнюю Кубу. В королевском письме 1512 г. говорилось, что это происходит «каждый день». Королевская воля вернуть их обосновывалась тем, что число индейцев на Эспаньоле уменьшается, а королю хотелось, чтобы их число росло. Возвращенных повелевалось распределить среди испанцев в качестве наборий (Papeles 1931, t. I, p. 4). Завоеватель и тогдашний правитель Кубы, Д. Веласкес, считал, что, так как пришельцы и местные жители вступили в браки и очень привязаны друг к другу, их разлучение вызовет среди них большую смуту (CDI, t. XI, p. 428). Индейцы Сан-Хуана уходили на соседние малые острова.

Протест доминиканцев и Законы Бургоса

Намерения и попытки властей в метрополии «упорядочить» жизнь индейцев в той форме, как это представлялось монархам и

что прибыли вместе с ним, а также их приближенным и некоторым лицам, часть которых имела специальные грамоты от короля.

их советникам, не облегчали участиaborигенов. Отношение завоевателей и колонистов к местному населению определялось экономическими целями пришельцев (получить скорейшую выгоду), хотя эти цели иногда и оправдывались идеями юридического и морального характера.

Первые, благоприятные, впечатления Колумба об островитянах, в том числе убеждение в легкости их обращения в христианство, улетучились, начиная с его второго плавания к островам. С тех пор большинство (скорее всего, подавляющее) участников захвата Антильских островов было убеждено в том, что “indios” не были разумными людьми. Об этом красноречиво говорит упомянутое выше намерение королей сделать их таковыми, высказанное в инструкции Овандо.

Жалобы на жестокое обращение испанцев с местными жителями, возможно, доходили до королевского двора еще со времени второго пребывания Колумба на Гаити, когда у него возникли противоречия с главой монахов фраем Буилем. Наибольший, неконтролируемый произвол по отношению к островитянам Эспаньолы чинился испанцами, видимо, во времена последнего пребывания там Хр. Колумба и в правление Бобадильи.

Как упомянуто выше, группа францисканских монахов, прибывших с Овандо, ограничилась обучением детей местных вождей. Прибывшие позже⁴⁷ доминиканские монахи, увидев, что

---

⁴⁷ Общепринятая дата прибытия доминиканцев на Эспаньолу – 1510 г. Недавно обнаруженные документы свидетельствуют, что они прибыли на год раньше (*Ladero Quesada* 2008, р. 7).

вершилось с индейцами на Эспаньоле, возмутились нехристианским, на их взгляд, отношением испанцев к коренным обитателям и приняли решение публично осудить это. Этот эпизод колониальной жизни пространно описан Лас Касасом. «На протяжении многих дней монахи-доминиканцы видели, наблюдали и узнавали, какие дела творят испанцы по отношению к индейцам, нимало не заботясь об их телесном и духовном здоровье... и вот братья-доминиканцы, будучи людьми высокоучеными и добродетельными, стали сопоставлять совершенное с дозволенным и обсуждать между собой всю чудовищность и безмерность подобного беззакония, дотоле неслыханного, и говорили они так: «Разве индейцы не – люди? Разве по отношению к ним не должно соблюдать законы человеколюбия и справедливости? Разве не было у них собственных земель и властителей, и правления? Разве они нас чем-то оскорбили? ... Как могло случиться, что за столь малое время, каких-нибудь 15-16 лет, безвинно погибло столько людей, ибо ведь говорят, что было их на острове несметное множество».

Монахи решили, что соответствующую проповедь, подписанную всеми (в то время их было трое), прочитает Антон Монтесино⁴⁸ славившийся своей эффективностью порицания пороков, в четвертое воскресенье Адвента⁴⁹ 1511 г. На проповедь монахи пригласили правителя острова, королевских чиновников

---

⁴⁸ В некоторых изданиях «Истории» Лас Касаса он фигурирует как Антонио Монтесинос.

⁴⁹ Адвент – католический пост перед рождеством.

и всех летrado⁵⁰ города Санто-Доминго. И с амвона, в присутствии правителя «всех Индий», Монтесино, назвав себя «гласом Христа», «в укор, и в порицание, и в осуждении, и в устрашение», среди прочего вопросил: «... На каком основании вели вы столь несправедливые войны против миролюбивых и кротких людей, которые жили у себя дома и которых умерщвляли и истребляли в неимоверном количестве с неслыханной свирепостью? ... Как печетесь вы о том, чтобы наставлять их в вере, дабы узнали они нашего господа и творца, и были крещены, и слушали мессу, соблюдали воскресенья и праздники? Разве они не люди? Разве нет у них души и разума? Разве не должны вы любить их как самих себя? ...». Монах возгласил, что те, к кому он обращался, могли уповать на спасение их душ «не более чем мавры и турки, не вedaющие и не приемлющие веры христовой».

Как написал Лас Касас, слова монаха «словно громом поразили собравшихся», но «никого не переубедили» (*Лас Касас* 1968, с. 127-129). Более того, испанцы обратились к викарию доминиканцев, чтобы он наказал выступавшего с проповедью. Тот отказался, и в следующее воскресенье тот же монах повторил все, что он сказал в прошлой проповеди и объявил, что доминиканцы не будут исповедовать тех испанцев, которые не последуют их призыву (*Лас Касас* 1968: 130-132).

Весть о таком небывалом событии дошла до короля. 20 марта 1512 г. тот сообщал Диего Колумбу: “Видел проповедь, которую, как Вы говорите, произнес доминиканский монах,

---

⁵⁰ Letrado – юрист, адвокат; образованный человек

называемый фраем Антоном Монтесиносом, и, хотя он всегда проповедовал в скандальной форме, я очень сильно удивился тому, что он сказал, ибо, чтобы сказать это, у него не будет ни одного доброго основания ни в Теологии, ни в Канонах, ни в Законах, согласно тому, что говорят все летрадо, и так я это полагаю". Еще более был король удивлен тем, что монахи не хотели отпускать грехи испанцам, которые не освободили индейцев. Если, как он писал, какое-то обременение совести могло быть (а его не было, по мнению короля), то оно было на совести его самого и его советников, а не на совести тех, кому индейцы были вручены по воле короля (цит. по: *Zavala* 1973, р. 21).

Доминиканский провинциал в Испании, Фрай Альфонсо де Лойаса, также выразил порицание монахам своего ордена. Он считал их доводы неразумными, так как острова были обретены королями по праву войны, и Папа даровал их королю. Монахам было велено больше не читать проповедей на эту тему (*Zavala* 1973, р. 21). Несмотря на подобное давление со стороны светских и духовных властей, доминиканцы Эспаньолы стояли на своем и отправили Монтесино в метрополию.

К этому времени, по мнению Лас Касаса, большая часть коренных обитателей Эспаньолы погибла. И выражение «большая часть» он считал недостаточным, так как из 3 млн. душ осталось около 20 тысяч (*Las Casas* 1951, т. II, р. 437).

В метрополии делами колоний занимался специальный орган - Совет по делам Индий, образованный в 1511 г. В 1524 г.

он получил название Королевского Верховного Совета Индий (Consejo Real y Supremo) (*León Pinelo* 1892, p. 39-40). В Совет Индий стекалась информация из колоний, в виде отчетов местных властей разного уровня, светских и духовных, сообщений королевских чиновников, а также писем частных лиц. Совет Индий имел совещательные и рекомендательные функции. Вся практическая деятельность, связанная с «Индиями», осуществлялась через Торговый дом (Casa de Contratación) Севильи. Для обсуждения важных вопросов при королевском дворе созывались специальные собрания (juntas), на которые, помимо членов королевских советов, могли быть приглашены монахи, теологи, правоведы и представители колониальных поселений, городские советы которых направляли в метрополию специальных посланников, прокураторов. Историки нашли, что такие совещания проводились в 1512, 1513, 1516, 1520, 1526, 1542 и 1550 гг. (*Bermejo de Capdevilla* 1962, p. LVIII).

Первым из них и стал совет, когда в Испанию прибыли доминиканцы Эспаньолы. Драматичность ситуации, сложившейся накануне и в ходе обсуждения, подробно описана Лас Касасом. Монтесино удалось получить аудиенцию у короля и изложить ему факты о зверствах испанцев, которые стали известны монахам (*Las Casas* 1951, т. II, p. 449-451; см. также *Las Casas* 1968, с. 138-140). Со своей стороны, прокураторы Эспаньолы и некоторые частные лица с острова, находившиеся при дворе, стали первыми, по выражению Лас Касаса, кто оставил индейцев, утверждая, что те не умеют управлять собой и

нуждаются в покровителях, а также, что они неспособны к восприятию веры (*Las Casas* 1951, т. II, р. 456).

Члены совета, изучив информацию, полученную от доминиканцев, которых поддержали некоторые францисканцы, а также от конкистадоров, составили свои рекомендации для короля. Первым из пунктов утверждалось, что, поскольку индейцы свободны и короли повелели обращаться с ними как с таковыми, то так и должно быть. Во втором говорилось, что они должны быть наставляемы в вере и что для этого следовало прилагать все необходимое усердие. Третьим пунктом королям разрешалось повелевать, чтобы индейцы работали, «но, чтобы работа была такого рода, чтобы не была препятствием для наставления в вере и была бы полезной для них и для страны (a la *república*), и для короля. Далее рекомендовалось, чтобы эта работа оставляла время для отдыха. Пятый пункт гласил о том, что индейцы должны были иметь собственные дома с хозяйством и время для работы на этом хозяйстве на свой манер⁵¹. Согласно шестому пункту, король должен был повелеть, чтобы индейцы всегда поддерживали общение с испанскими поселенцами, с целью лучше и быстрее быть наставленными в делах «святой католической веры». В последнем пункте рекомендовалось за работу индейцам давать подходящую плату, но не деньгами, а одеждой и другими предметами для их домов (цит. по: *Las Casas* 1951-II, р. 456-457).

---

⁵¹ labrar y tener y conservar la dicha hacienda a su manera

Чтобы на основании этих общих положений разработать статьи законов, король повелел высказать мнение относительно обсуждаемых вопросов своим проповедникам, фраю Бернардо де Меса, и лиценциату Грегорио.

Тем временем, король Фердинанд подписал грамоту (22 февраля 1512 г.) в которой говорилось, что ему стало известно, что в Индиях, куда отправляется много людей, не хватает индейцев. Причина этого виделась в том, что некоторые лица имели очень большое число индейцев, а многим поселенцам (как первым, так и отправляющимся ежедневно) индейцев недостает. Поскольку, говорилось далее в грамоте, главную прибыль приносило использование индейцев, то те поселенцы, у которых их не было, терпели большие убытки. Когда же индейцев в энкомьенде было более 300, с ними невозможно было хорошо обращаться, хорошо ими управлять, содержать их и наставлять в вере. Поэтому, после беседы с некоторыми членами своего Совета, король принял решение, чтобы впредь ни одно лицо любого достоинства, включая королевских чиновников на островах, не могло иметь на каждом из островов и на материке более 300 индейцев, пожалованных королем, ни по репартимьенто, ни в какой другой форме. Те, у кого на тот момент было больше, должны были их оставить, чтобы они были разделены среди поселенцев. В число 300 не входили индейцы, что были привезены из других мест, а также рабы. На исполнение этого распоряжения отводилось 30 дней после его оглашения. За нарушение предусматривалось лишение всех индейцев (*Konetzke*

1953, р. 34-36; CDI, т. I, 238-239, 241). В Санто-Доминго королевское распоряжение было оглашено в июле 1512 г.

Наконец, в декабре 1512 г. был составлен свод статей, который получил название Законов Бургоса (известны также как Ордонансы), в которых была закреплена система энкомьенды или репартимьенто.

В преамбуле к Законам говорилось о постоянном желании королей, чтобы индейцы пришли к познанию католической веры, и что длительный опыт показал, что для этого изданных прежде распоряжений недостаточно, так как индейцы по природе своей склонны к праздности и порокам. Причина того, что на них не воздействовало христианское учение, испанской короне виделась в том, что они обитали вдали от испанцев и, поэтому, когда приходили в свои поселения с работ, где их наставляли в вере, они обращались «к обычной праздности и порокам».

Поэтому было решено приблизить места обитания индейцев к поселениям испанцев. Творцам этих законов представлялось, что постоянное совместное проживание с испанцами, возможность ходить в церковь, слушать службы и видеть, как это делают испанцы, быстрее научат их делам веры. Полагалось также, что будет легче лечить заболевших индейцев, что им не надо будет ходить далеко на работы, и они не будут умирать по дороге, не приобщившись к таинствам. Новорожденные будут крещены, специально назначенные инспекторы смогут чаще посещать индейцев и не позволят отнимать у них их жен и дочерей, как это происходит, когда они

находятся в отдаленных местах. Утверждалось, что прекратятся другие многие беды, что причинялись индейцам.

Законами Бургоса регламентировалась вся жизнь индейцев, полученных конкистадорами и колонистами по разделению, и большая их часть будет рассмотрена в главе 6. Здесь будут представлены положения, касавшиеся в большей мере испанцев.

В первом законе провозглашалась решимость короны переместить индейцев (*sus estancias*) к поместьям испанцев и указывалась необходимость подготовки нового места.

Во втором указывалось, что касиков и индейцев следовало переводить на новые места "строго по их воле", и чтобы они не понесли ущерба при перемещении. Обращалось внимание верховного правителя и других ветвей власти, что делать это следовало, имея целью хорошее обращение с индейцами и их сохранение, а не какие-либо другие интересы, частные или общие.

Одннадцатым законом запрещалось использовать индейцев, работавших на приисках, для переноски грузов. Если они переходили с одного места на другое, они могли нести свои пожитки и продукты.

Еще один закон (12-ый) определял, что все, у кого были индейцы в энкомьенде, были обязаны крестить новорожденных в течение восьми дней⁵². Если священника не было, крестить должен был тот, кто отвечал за эстансию.

---

⁵² Здесь идет ремарка - если будет в этом необходимость.

21-й закон запрещал пользоваться чужими индейцами и принимать их «в своем доме, в эстансии, на прииске или в любом другом месте». Разрешалось принимать на одну ночь проходящего индейца.

23-й определял порядок учета индейцев энкомьенды. Лица, имевшие таких индейцев (как местных с Эспаньолы, так и привезенных с соседних островов), должны были сообщать инспекторам о тех, что у них умерли и родились. Инспектора были обязаны завести книгу, в которой по каждому, кто имел индейцев репартимьенто, они были бы записаны по их именам, и где отмечались бы родившиеся и умершие. Это следовало делать для того, сказано в законе, чтобы инспектор имел полное представление, прирастают индейцы в числе или уменьшаются. Соответственно, инспекторы в каждую плавку золота должны были сообщать эти сведения королевским чиновникам острова, а те, при отправке золота в метрополию – королям.

25-й закон указывал на то, что многие лица, имевшие индейцев в энкомьенде, занимали их в своих хозяйствах⁵³, что было неугодно короне. В связи с этим определялось, что на добыче золота должны были быть заняты не менее трети энкомендированных индейцев. Исключение делалось для поселенцев двух вилей Эспаньолы, находившихся далеко от приисков. Их индейцы должны были делать из хлопка гамаки и рубахи, разводить свиней и заниматься другими работами (*granjerias*), что будут полезны для колонии (*la comunidad*).

---

⁵³ *haciendas e granjerías*

Поскольку при перемещении на новые места индейцы какое-то время будут заняты на их обустройстве, адмиралу, судьям и чиновникам вменилось определить для этого кратчайшие сроки.

Одним из законов (29) повелевалось, чтобы в каждом поселении (испанцев) было два инспектора, в обязанности которых входило посещать все поселения, прииски, усадьбы, свиноводческие хозяйства и выпасы⁵⁴ и проверять, как индейцы воспитываются в вере, как с ними обращаются, как их содержат и как исполняют они и те, кто за них отвечает⁵⁵, королевские приказы.

Закон 30 определял, что адмирал (Д. Колон), судьи и чиновники должны были назначать инспекторов из наиболее старых весино тех поселений, которые будут ими инспектированы. Для исполнения их функций им полагалось назначить несколько индейцев сверх обычного наделения. Если инспекторы будут недобросовестны и не будут исполнять предписаний, особенно в том, что касается пищи и гамаков, у них следовало отнять индейцев энкомьенды.

Следующим законом (31-м) повелевалось инспектировать места с индейцами дважды в год (один раз в начале, другой – в середине года). Оговаривалось, что это должен делать не один и тот же инспектор, а поочередно, "чтобы один знал, что делает другой..." .

---

⁵⁴ todo el pueblo o minas o estancias o porqueros o pastores

⁵⁵ como guardan e cunplan ellos e los que les tyenen a cargo

32-ой закон запрещал инспекторам приводить в свои дома и имения беглых или потерявшихся индейцев, которых они найдут на усадьбах или в других местах. Таковых сразу же следовало передать на время в распоряжение какого-либо испанца на усмотрение самого инспектора.

Инспекторы должны были иметь копию данных ордонансов, подписанную адмиралом, судьями и чиновниками, чтобы они лучше знали, что им следует исполнять (закон 33).

Закон 34 повелевал адмиралу, судьям и чиновникам раз два года проверять работу инспекторов. На время следствия инспектор был обязан вручить адмиралу, судьям и чиновникам полный список подведомственных ему индейцев с указанием родившихся и умерших на протяжении двух лет. В свою очередь, Д. Колон, судьи и чиновники должны были послать соответствующее сообщение королям.

Наконец, 35-ый закон определял, что ни один испанский поселенец (*vecino ni morador*) Эспаньолы не мог иметь более 150 и менее 40 индейцев репартильяно, полученных королевской милостью или другим образом (*Konetzke 1953, p. 38-57; см. также Ordenanzas reales*)⁵⁶.

Главе доминиканских монахов Эспаньолы, Педро де Кордoba, прибывшему в то время в Испанию, удалось убедить короля в необходимости внести изменения в законы в пользу индейцев. Вновь были собраны некоторые члены Совета и

---

⁵⁶ Для острова Сан Хуан была составлена копия этих ордонансов; даты на копиях отличаются в несколько дней.

теологи, перед которыми выступил Кордoba, осудивший разделение индейцев между испанцами. После обсуждения королю были представлены изменения к законам.

Дополнения к Законам Бургоса были оглашены через несколько месяцев в Вальядолиде. Последним пунктом повелевалось, чтобы через два года мужчины и женщины ходили одетыми. Здесь же допускалось, что по прошествии времени среди индейцев могут появиться настолько разумные и готовые быть христианами, и столь воспитанные, и понятливые⁵⁷, что сами сумеют управлять собой и воспримут образ жизни живущих там христиан. Поэтому повелевалось, чтобы таким людям, под надзором испанских властей, была предоставлена возможность жить самим по себе, и чтобы они занимались делами, присущими вассалам, и платили монархам (*Ordenanzas de 1513*)⁵⁸.

В законах Бургоса сохранилось противоречие (даже несовместимость, по словам Савалы) между провозглашением испанской короной свободы индейцев и сохранением института энкомьенды. Испанские правоведы обосновывали покорение индейцев идеями естественного рабства, содержащимися у Аристотеля и Святого Фомы. Но признать законность управления энкомендированными индейцами как рабами мешало то, что корона считалаaborигенов свободными (*Zavala 1973, p. 24-25*).

---

⁵⁷ tan políticos y entendidos

⁵⁸ Закон не оговаривал, где должны были жить такие индейцы – в испанских ли поселениях, прежних индейских, или следовало образовать какие-то другие.

Судя по ссылкам на Законы Бургоса более позднего времени, в том числе с других островов, они были в силе и десятки лет спустя, вплоть до оглашения на островах Новых Законов.

Ко времени работы над законами Бургоса относится документ, некоторые положения которого свидетельствуют о том, как в метрополии представляли себе отношения между завоевателями и покоренными на Эспаньоле, бывшей тогда центром распространения испанской экспансии на другие земли. В инструкции от августа 1513 г., предназначеннной для Педрариаса перед отплытием в Даръен, говорилось, что одной из вещей, что более всего возмутила индейцев Эспаньолы и сделала их врагами христиан, было забирать у них женщин и дочерей против их воли и пользоваться ими как женами (цит. по: *Las Casas* 1951, L. III, cap. LIV).

Разработка представленных выше законов Бургоса имела место в конце правления Д. Колона. У него не было времени для их претворения в жизнь из-за возникших проблем на Эспаньоле. Туда, как сказано выше, были назначены апелляционные судьи, вместе с которыми Д. Колон, согласно королевской воле, должен был решить некоторые вопросы (Papeles 1931, t. I, p. 4). Согласно Овьедо, эти судьи, как высшая инстанция, должны были разбирать жалобы на решения «адмирала и его наместников, главных алькальдов и любых других судей». Колон посчитал, что его полномочия и привилегии ограничивались таковыми судьями (*Fernández de Oviedo y Valdés*, 1851, t. 1, p. 99). У Д. Колона были

противоречия с королевским казначеем Мигелем Пасамонте. Кроме того, на Эспаньоле имелось много недовольных последним распределением индейцев, осуществленным Д. Колоном (*Zavala* 1973, р. 13). Это привело к тому, что король повелел Д. Колону вернуться в Испанию.

Несмотря на то, что энкомьенда имела строго персонального поручателя, документы свидетельствуют о том, что хозяева энкомьенд договаривались между собой о перераспределении индейцев (CDI-2, т. 4, р. 114, 118-119 и др.). Корона была против таких проявлений самостоятельности в распоряжении индейцами. В грамоте от 14 июня 1527 г. указывалось, что, поскольку некоторые весино продают индейцев, отказываются от них и меняются полученными при разделении индейцами (в нарушение Ордонансов), то повелевалось соблюдать то, что было оглашено при разделении индейцев 1522 г. (CDI-2, т. 6, р. 17).

Самым крупным энкомендеро на островах была испанская корона. Аборигены, которыми она располагала, были заняты не только на добыче золота, но и в других отраслях хозяйства (CDI-1, т. I, р. 336).

Разделение индейцев 1514-1515 гг. на Эспаньоле

Диего Колон отплыл в Испанию в конце 1514 или начале 1515, оставив на Эспаньоле жену и двух дочерей (*Las Casas* 1951, т. III, р. 90). В конце его правления было проведено распределение индейцев между испанцами, которое корона вверила не ему, как

правителю, а специально назначенным людям, получившим титул «репартидоров»⁵⁹. Назначенные королем Педро Ибаньес де Ибарра и Родриго де Альбукерке прибыли на остров в июне 1514 г. Так как первый из них умер, его место занял Пасамонте.

По распоряжению репартидоров предварительно алькальды поселений инспектировали находившиеся в их юрисдикции энкомьенды. Советы поселений избирали прокураторов, которые совместно с ординарными алькальдами должны были просмотреть списки, представленные поселенцами, о наличии у них индейцев. Каждое испанское поселение назначало также двух весино, которые должны были посетить места работ и поселений (*las estancias*⁶⁰ у *asientos*) касиков и принять клятву от испанцев, у которых были энкомендированные индейцы. Испанцы должны были перед писарем заявить трудоспособных, а также детей и стариков.

Записи об индейцах, сделанные инспекторами на местах, были сравнены с теми заявлениями, что были сделаны испанцами перед алькальдами. Так как оказалось, что в эстансиях обнаружилось большее число индейцев, чем в документах, предъявленных алькальду и прокуратору поселений, то было решено считать более точными сведения, собранные инспекторами, так как они видели индейцев в хозяйствах. И

---

⁵⁹ repartidor - тот, кто разделяет, наделяет

⁶⁰estancia – здесь, имение, поместье. Согласно Марреро – относительно небольших размеров, со смешанным хозяйством, где занимались земледелием и содержалось небольшое количество скота (*Marrero* 1974, т. 2, р. 56).

разделение было совершено по ним (CDI-I, t.I, p. 52-53). Те, кто руководил разделением, имели в своем распоряжении оба списка - составленных инспекторами и сделанных по заявлениям хозяев индейцев, а также список испанцев (CDI-I, t.I, p. 56).

Вручение грамот о предоставлении индейцев проходило в несколько этапов в г. Консепсьон⁶¹. Лас Касас привел одну из подобных грамот: “Я, Родриго де Альбукерке, репартидор касиков и индейцев на этом острове Эспаньола, от короля королевы, наших господ, в силу королевских полномочий, что от их высочеств у меня есть, чтобы делать разделение и вручать названных касиков и индейцев, и домашних наборий жителям⁶² этого острова... настоящим вручаю Вам, Нуньо де Гусман, весино вильи Пуэрто-Плата, касика Андреса Гуйбона с его нитаиной, который зовется Хуан де Барахона, с 38 служилыми лицами, 22 мужчинами, 16 женщинами”. С этим же касиком вручались 7 старииков, 5 детей и 2 домашних набории. Далее говорилось о том, что получатель мог пользоваться врученными людьми в своих хозяйствах, в соответствии с королевскими распоряжениями. Индейцы энкомендировались на жизнь данного человека и на жизнь его наследника, сына или дочери. Было предупреждение о том, что, если королевские ордонансы не будут блюстись, индейцы будут отобраны. На то время, что испанец имел в своем распоряжении индейцев, на него возлагалось бремя совести

---

⁶¹ Это испанское поселение в то время было одним из крупнейших на острове, соперничая со столицей (Санто-Доминго) по экономической значимости (Deagan, Cruxent 2002, p. 215).

⁶² a los vecinos y moradores

(cargo de la conciencia), а не на совесть королей (*Las Casas* 1951, t.2, p. 559-560). Таким образом, короли отказались от моральной ответственности за действия своих подданных, в противоположность тому, что было прежде.

Сохранилось и опубликовано сообщение об этом разделении. Оно содержит без малого двести страниц текста, и в нем можно найти сведения об энкомендеро (весино ли он, женат или нет, является ли его жена индианкой или испанкой, его должность или род занятий) и количестве индейцев, что ему предназначались. Отдельно называлось число работников (personas de servicio), и отдельно - старики и детей, которые не предназначались для работы. Число старииков и детей в большинстве случаев указывалось; их пол, как правило, нет. У работников пол указан почти всегда. Иногда называлось имя энкомендированного, как правило старейшины (касика).

Очевидно, что еще одна классификация индейцев была важной для испанцев. Во всех разделениях, как по испанским поселениям в целом, так и в индивидуальных, отдельно назывались "индейцы касика" (indios del cacique) и «домашние набории» (naborías de casa). Индейцы касика, это те, что находились под управлением своих старейшин, проживая в индейских поселениях. Naborias de casa⁶³, исходя из толкования индейского слова, что давали ему разные хронисты, следовало бы перевести как «домашние слуги», что можно было бы понимать как лица,

---

⁶³ слово женского рода “la naboria” обозначало мужчин и женщин.

использовавшиеся для личного обслуживания того или иного испанца и членов его семьи. Но анализируемый документ отразил несколько ситуаций, где число «домашних наборий» превышало потребности самого большого домохозяйства: 63, 67 и даже 162 (CDI, t. I, p. 65, 69, 111). То есть, очевидно, что термин “naboria de casa” служил не для обозначения рода занятий (слуга по дому), а определял некий статус, который отличался от статуса индейцев касика. Важное для испанцев, отличие, заключалось, видимо, в том, что домашние набории находились в распоряжении энкомендеро постоянно, тогда как индейцы касика работали на него определенное время. Набории, скорее всего, проживали не в поселении под властью касика, а при доме хозяина, если их было немного, или на эстансиях.

Была также категория индейцев, которые в документе названы “allegadas”, буквально «собранные». Это были беглые или оставшиеся по каким-то причинам без хозяев люди, которых тот или иной испанец «собрал» для себя до следующего официального наделения.

Индейцы могли быть вручены испанцу временно - на определенный срок или на каких-то условиях. Таких называли depositados.

После оглашения энкомьенд инспекторы соответствующего испанского поселения должны были проверить наличие касиков и индейцев и сделать все указанное в ордонансах (CDI, t. I, p. 80).

В завершение каждого поместного распределения повелевалось, что, если среди энкомендированных окажутся дети испанцев (христиан, как говорится в документе) от местных женщин, то такую энкомьенду следовало считать ничтожной. Таковые дети объявлялись свободными от всякого подчинения и услужения (*sujeción é servidumbre*), и их отцы и родственники могли делать с ними все, что хотят (CDI, t. I, p. 80-81).

Распределением 1514-1515 гг. были затронуты большинство индейцев Эспаньолы. В него не входили рабы, так как они являлись собственностью того или иного поселенца

Вручение или разделение индейцев было начато 23 ноября 1514 г. с города Консепсьон. Там было «найдено» (выражение документа) 2082 работника у касиков и 842 среди наборий; количество детей и стариков в общих числах не отмечалось.

Первым в списке наделяемых индейцами стоял король. Для королевских хозяйств (*haciendas, minas e granjerías*) был вручен касик Диего Энрике Гуакон с 92 работниками, среди которых было 47 мужчин и 45 женщин, и с ними 4 старика и 7 детей. Также король получил касика Сан Бенито со 140 работниками (62 мужчины и 78 женщин), 11 стариками и 26 детьми.

На второе место в списке был поставлен епископ Хуан де Фонсека. Ему был вручен касик Ортис Нитаино Тамайо, который прежде служил Бартоломе Колону. У него было 102 человека работников (52 мужчины и 50 женщин), 12 стариков и 17 детей. Также ему был вручен касик Лукас де Котуй, прежде служивший другому человеку, с 56 работниками (28 и 28), 8 стариками и 5

детьми. Он также получил 37 домашних слуг (*naborias de casas*), что прежде были у Б. Колона, и 5 наборий, что временно находились у Родриго де Альбукерке (CDI, t. I, p. 58-60). Всего 200 работников.

В Консепсьон получил энкомьенду Лопе Кончильос, в то время секретарь короля Фердинанда. Ему отошел касик Аирагуай (Ayraguay), что прежде был энкомендирован францисканскому монастырю, с 68 работниками (37 и 31), 5-ю стариками и 5-ю детьми. Также ему была поручена касика Барахона (Barahona), прежде находившаяся в распоряжении того же монастыря с 85 работниками (41 и 44), 15 стариками и 7 детьми. К Лопе Кончильосу перешел и касик Макоте, прежде находившийся в энкомьенде у доминиканцев - 47 работников (24 женщины и 23 мужчины), 12 детей и 7 стариков (CDI, t. I, p. 60-61). Тоже 200 работников.

Мигель де Пасамонте получил в свое распоряжение 5 касиков с общим числом 196 (126 мужчин и 70 женщин) работников, 26 детей и 20 стариков (CDI, t. I, p. 61-62).

Родриго де Альбукерке получил в этом разделении 4 касика и одну касику со 177-ю работниками, где также число мужчин было больше числа женщин, и 46 стариков и 24 ребенка. Помимо этого, ему были вручены 23 домашних набории, что он имел прежде; с ними были 11 стариков и одна девочка (CDI, t. I, p. 62-63)⁶⁴. Опять 200 работников.

---

⁶⁴ Здесь вместо выражения “que antes solía tener” (что имел ранее), употреблявшегося выше, сказано “que antes tenía y registró” (что имел ранее и зарегистрировал), которое затем оказалось заменено более коротким “que

Затем индейцев получили рехидоры Консепсьон. Первый из них, Хуан де Вельория, «весино и рехидор», получил: касика Айалу с 80 работниками (49 мужчин и 31 женщина), а также 7 старииков и 16 детей; касику Беатрис с 41 работниками (21 и 20), 10 стариками и 7 детьми; касику Мари-Санчес с 7 работниками (3 мужчины, 4 женщины), 1 стариком и 1 ребенком. Помимо этого – 22 набории, из которых часть (15) у него уже была, и еще 7, что прежде были у других испанцев; среди наборий была одна старая женщина, не пригодная для работы (CDI, t. I, p. 63-64). Всего 150 работников.

Хотя соотношение наборий и индейцев касика, получаемых отдельными "важными" испанцами, не было одинаковым (постоянным), общее их число часто предстает "круглым" или приближенным к нему, что отражает какие-то нормы.

Так, рехидор Хуан де Альбукерке, помимо касика с 40 работниками получил 63 домашних набории, перешедших к нему от трех испанцев. (CDI, t. I, p. 65). Одному весино, помимо необычно большого количества домашних наборий (67 человек), был назначен касик с 13-ю работниками (CDI, t. I, p. 69). Весино и рехидор Педро де Сибера получил 67 работников в трех касиках и всего три домашних набории (CDI, t. I, p. 227-228).

По мере перечисления жителей конкретного поселения число вручаемых индейцев последовательно уменьшалось, видимо, в соответствии со значимостью данной личности для

registró” (что зарегистрировал). Это последнее выражение буду переводить как «были зарегистрированы».

этого поселения. Свою роль могла играть и степень близости человека к репартидорам (о чем не раз писали историки того времени и частные лица).

Были совсем небольшие вручения – 6, 5, или 2 «домашних набории» (CDI, t. I, p. 76-77). По 2 набории получили несколько человек. Несколько «домашних наборий» были вручены францисканскому монастырю и городскому приюту (*hospital*). Набории были также переданы врачу (3), каменщику (2), портному (2), брадобрею (2), рудокопу (*minero* – 1). Во всех этих случаях и некоторых других с малым числом слуг они названы “*naborias*”, без добавления “*de casa*” (CDI, t. I, p. 77-78). Среди получивших индейцев в г. Консепсьон была одна женщина.

При упоминании домашних наборий нередко фигурировали «собранные» (*allegadas*): 5 из 18; 1 из 2; 4 из 5 и др. (CDI, t. I, p. 75).

В списке энкомендированных в Консепсьон оказался касик Диего Колон. Он был вручен, вместе с 15-ю работниками, жителю Санто-Доминго Перо Лопе де Меса; прежде они были зарегистрированы на имя другого испанца, уже усопшего (CDI-I, t. I, p. 68). Этот касик упомянут еще раз, в перечне индейцев, касавшемся жителей Санто-Доминго. С 22 работниками, 3 стариками и 4 детьми он был оставлен у Франсиско Арболанчеса (CDI, t. I., p. 127).

Было доказано, что этот человек – один из тех местных жителей, что были захвачены Христофором Колумбом на о. Гуанахани в первом плавании и увезены в Испанию. Во втором

плавании по островам он служил переводчиком. После второго пребывания в Испании он осел на Эспаньоле и женился на сестре касика Гуаринеха, став, таким образом, сам касиком (*Mira Caballos. Caciques guatiaos*). Лас Касас писал о нем, что Диего жил на Эспаньоле много лет, «общаясь с нами» (*Las Casas* 1951, т. I, р. 384).

26 ноября того же года было проведено разделение для испанцев виллы Сантьяго. Там в распоряжении касиков находилось 1199 работников, а наборий - 1024.

Здесь не было энкомендированных королю, и распределение начиналось с высокопоставленных лиц в метрополии. Фернандо де Вега, главный комендандр Кастилии, получил 300 индейцев в лице касика Аиамунуэха (Ауатиупиух) с его женой и детьми. Эта энкомьенда интересна тем, что как будто свидетельствует о том, что на то время в некоторых местах острова у индейцев сохранилась более сложная социальная структура, чем двучленная «касик-индеец», а именно трехступенчатая «касик-нитаино-индеец». Упоминание «домов» (*casas*) нескольких нитаино этого касика позволяет думать о наличии каких-то институтов, подобных клану. И относительно одного из «домов» сказано, что он был прежде) энкомендирован другому нитаино (назван по имени) с такими-то нитаино (тоже названы) (CDI, т. I, р. 81-83).

Разделение индейцев Сантьяго дает пример вручения нитаинов без касика. Так, Алонсо де Сандовалъ, весино этой виллы, «женатому на женщине этого острова», помимо 20

работников из наборий, что были за ним записаны, и двух старики, также были вручены: нитаино Бернардино с четырьмя работниками и тремя набориями; нитаино Мартин Кабаркос с 8 работниками и 2 детьми; нитаино Кристобаль Амагубо (Amagubo) с десятью работниками и тремя стариками; нитаино Бартоломе с 12-ю работниками и двумя детьми (CDI, t. I, p. 87-88).

Небольшое число индейцев отмечено и у некоторых касиков: 14 (из них – один старик), 10 (из них – два старика), 9 (CDI, t. I, p. 88-89). Были ситуации, когда один касик вручался трем испанцам с тремя разными количествами работников (26, 17 и 21) и когда два касика с общим количеством индейцев, притом небольшим (14 человек), вручались одному испанцу (CDI, t. I, p. 92-93).

Как и в Консепсьон, здесь также были энкомьенды из малого числа индейцев, вплоть до одного. Кроме того, для «обслуживания бедных» были назначены три набории в местный приют; все они были *allegadas* и прежде находились в распоряжении других людей (CDI, t. I, p. 97).

Следующее разделение «касиков и индейцев и домашних наборий» было проведено 7 декабря того же года для испанцев виллы Пуэрто-де-Плата. С касиками было зарегистрировано 267 работников, а в категории домашних наборий – 310 работников⁶⁵ (CDI, t. I, p. 99). В большинстве случаев работники под властью касиков превосходили числом работников-домашних наборий.

---

⁶⁵ Общее число у составителя документа или переписчика получилось 587.

В этой вилье ни король, ни его сановники энкомьенду не получали, и не было больших энкомьенд. Здесь в начале перечня энкомендеро стоял рехидор вильи. Ему был вручен касик Риобо (Riobó) со своим нитаино Мартинико и 68 работниками (36 мужчин и 32 женщины), 9 детьми и 3 стариками. Рехидор получил также двух домашних наборий и супружескую пару (Алонсиго и Беатрис), статус которой не был указан (CDI, t. I, p. 99-100).

Еще один рехидор этой вильи получил 42 домашних набории, 3 старика и 3 ребенка. Энкомьенда этого рехидора интересна вот чем. Ему был энкомендирован касик Альварико, который являлся его *cuñado*, то есть братом его жены⁶⁶. У Альварико было 19 работников (8 мужчин и 11 женщин), 3 старика и 1 ребенок. Испанец получил также 5 домашних наборий и одного старика, что были прежде зарегистрированы на его племянницу Хуанику⁶⁷ (CDI, t. I, p. 100).

9 декабря того же года было оглашено разделение «касиков и индейцев, и домашних наборий» города Санто-Доминго. У касиков там было 4213 работников, а наборий – 1760⁶⁸.

Здесь опять самым большим энкомендеро был король, у которого, как говорилось в документе, в городе Санто-Доминго и его округе имелись разные хозяйства⁶⁹. Первым был назван касик

⁶⁶ Маловероятно, что он мог являться мужем сестры испанца

⁶⁷ Судя по форме имени, племянница была, скорее всего, индианкой и, возможно, дочерью Альварико.

⁶⁸ По документу, общее число работников составило 5983

⁶⁹ “las haciendas e minas e granjerías”

Франсиско де Агуэйбана (Agueybana) из Саоны со 154 работниками (в данном случае из сочетания “persona de servicio” выпала вторая часть), из них 67 мужчин и 86 женщин, а также 44 старика и 13 детей. Другой касик, Кафарайя (Cafarraya) имел 174 человека, опять без указания, что они трудоспособны (77 мужчин и 98 женщин), а также 34 старика и 73 ребенка (удивительно большое число детей в сравнении с другими случаями). У касика Андреса из Гуайягана (Guayagan) было 258 работников (108 мужчин и 150 женщин), а также 44 ребенка и 21 старик. Касик Франсиско Кайседо располагал 38 работниками (10 мужчин и 21 женщина), тремя детьми и пятью стариками. Касик Диего де Пальма был вручен с 21 работником (без указания на пол), 2 детьми и одним стариком. Кроме того, королю вручили 47 домашних наборий, что прежде числились за М. де Пасамонте, и еще 40 домашних наборий, что и прежде были зарегистрированы за королем (CDI, t. I, p. 107-108).

Здесь же получил индейцев адмирал Диего Колон – в лице одного касика с 30-ю работниками и 61 ребенком и 36 стариками (трудно объяснимое сочетание; возможно вкрадась ошибка).

Дядя адмирала (то есть брат Христофора Колумба), тоже Диего, получил касика со 166 работниками, 41 ребенком 34 стариками. Далее, видимо, какой-то пропуск в записи, так как следует стандартная фраза «Также ему вручены в лице названного касика» Гонсало Фернандеса из Каиакоа 8 работников. Помимо индейцев с касиками, этот Д. Колон получил

26 домашних наборий, что прежде были записаны на его племянника (CDI, t. I, p. 108).

Вот еще несколько интересных, на мой взгляд, энкомьенд. Мигелю Пересу де Альманса, секретарю короля, был вручен касик капитан⁷⁰ Манигуатех (Manyguatex), что прежде был в энкомьенде у монахов – 103 работника (необычно большое число для монастыря), 17 старики и 14 детей. Помимо названного капитана, Перес де Альманса получил еще одного касика с 52 работниками, 4 старики и 1 ребенком, а также 45 домашних наборий, что прежде были у адмирала Д. Колона.

198 работников, 40 старики и 50 детей в лице одного касика получил апелляционный судья.

Значительное число индейцев получил и Хиль Гонсалес, королевский бухгалтер (contador), который, был также рехидором города. Ему вручили касику Каталину с 12 работниками со всеми детьми, которые, как сказано в документе, «кажется», являются детьми вышеизвестных людей, а также 36 старики (подозрительно большое количество). Еще с одним касиком было 20 работников, 1 старики и 1 ребенок. И с другим касиком – 26 работников, 2 старики и 1 ребенок. Кроме того, Хиль Гонсалес получил 33 домашних набории, что за ним числились прежде, и 9, что были записаны за другими испанцами (CDI, t. I, p. 108-110).

---

⁷⁰ Не часто встречается такая титулatura индейца - «касик капитан». Капитаном у испанцев назывался, как правило, человек во главе какого-либо вооруженного отряда. Привлечение испанцамиaborигенов к их операциям против непокорных зафиксировано в источниках.

Большое число индейцев получил другой королевский чиновник, смотритель выплавок Кристобаль де Тапиа, бывший также рехидором Санто-Доминго. В лице касики Иамарех (Yamarex) он обрел 72 работника, 7 детей и 7 стариков. С касиком Торрес ему досталось 25 работников (детей и стариков не было). С касиком Мартином – 33 работника, 1 старик и 1 ребенок. И еще – 61 домашних наборий, что у него уже были, и 9 из наборий другого человека (8 из них – «собранные» и 1 – домашняя) (CDI, t. I, p. 110). В сумме – 200 работников.

Франсиско де Тапиа, алькальд городской крепости, получил с одним касиком 44 работника, 22 старика и 14 детей; с другим – 117, 8 и 8 соответственно; и еще с одним – 26 работников (взяты у францисканцев). Кроме того – 13 домашних наборий. Тоже 200 работников.

Энкомьенда Франсиско Гаая интересна большим количеством домашних наборий, 162 работника (в их число входили 24 *allegadas*), 10 детей и 5 стариков; они уже были записаны на него. Получил он и касика с 38 работниками и 2 стариками. Всего 200 работников.

Королевский фискал Санчо Веласкес получил касика дона Хуана с 50 работниками, 11 стариками и 16 детьми, что прежде были в распоряжении короля. Кроме того – 9 домашних наборий, что числились за ним, и еще 41 от трех прежних хозяев. 100 работников.

Одна из женщин-касик, Каталина из Куриамы попала в услужение четырем испанцам. Общее число ее индейцев

составило 120 работников и 22 старика. Во всех случаях упоминались дети, но не называлось их число (CDI, t. I, p. 115,116, 117). Есть пример того, как индейцы одной и той же касики⁷¹ из Хигуэя оказались у семерых разных испанцев - 43, 40, 40, 40, 50, 31 работников. В этих энкомьендах также упомянуты дети, но число их не указано. Старики не упомянуты вовсе (CDI, t. I., p. 120-122).

В энкомьенду к пятерым испанцам попал касик Сальседо - 26, 40, 40, 20 и 27 работников; были упомянуты также дети, но их число не указано (CDI, t. I., p. 124-125).

В Санто-Доминго, сравнительно с другими энкомьендами, было больше мелких вручений, очевидно, потому, что там, в островной столице, обитало больше, чем в других местах, испанцев, занятых ремеслами и в сфере обслуживания. Это были плотники, ковали, рудокопы (mineros), торговец, нотариус, башмачник (borziguinero), чулочник (calcetero), аптекарь (boticario), торговец, нотариус, каменщик, рыбак, кондитер (pastelero), сторож лодок (cargo de guardar las canoas) и другие (CDI, t. I., p. 135-138).

Вероятно, все эти люди не были весино города, в котором они жили, так как у них не указан этот важный для жителя того или иного испанского поселения статус.

Вручение индейцев для вильи Сальвадор провинции Хигуэй было проведено 18 декабря. Там были зафиксированы 913

---

⁷¹ В документе эта касика в одних случаях обозначена как cacica de Catabanó, что следует понимать как «касика из Катабано». В других - cacica Catabanó, и Катабано можно воспринимать как имя женщины.

работников у касиков и 285 домашних наборий. И здесь ни король, ни его сановники энкомьенду не получали, но было несколько человек, что получили более пятидесяти работников.

Ситуация в Хигуэе примечательна тем, что там под властью одного старейшины могло находиться большое количество индейцев, и таким старейшиной могла быть женщина. Одна из них, Мария из Хигуэя имела титул «доња»⁷². Соответствующий мужской титул «дон» зафиксирован в этом распределении считанные разы. И за какие-то, видимо, особые заслуги или достоинства, соответствующего титула удостоилась женщина. Ее люди были распределены между 15-ю испанцами, группами от 25 до 48 работников, всего 443 человека. При этом ни в одном случае дети и старики даже не упоминались (CDI, t. I, p. 145-148).

Работники еще одной женщины, Исабель из Гуанама, общим числом 341 человек, были распределены между 11-ю испанцами, группами от 10 до 60 человек. Странно, но и вместе с таким большим количеством трудоспособных людей не были упомянуты дети и старики (CDI, t. I, p. 144-145, p. 148-149).

Во главе нескольких групп работников этих женщин стояли «капитаны». Как сказано выше, эти титулы у испанцев получали предводители вооруженных отрядов (независимо от их величины). Может быть, во время военных действий эти индейцы руководили группами, помогавшими испанцам. Но здесь такой титул имела женщина, Инес (capitana Inés). Возможно, в данном контексте (в разделении) «капитан» выступал аналогом более

---

⁷² la cacica doña María de Higuey

часто встречающейся категории «нитайно». Об этом, кажется, говорит то, что нитайно Педро звался также «Капитаном»⁷³. Нарушают эту логику случаи, когда один и тот же человек (в одной и той же ситуации) назван «нитайно» и «касиком» (CDI, t. I, p. 128, 134).

Обстоятельства, при которых женщины становились касиками, в большинстве случаев неизвестны. Есть примеры, что женщины-касики наследовали мужчинам касикам. Так, Лусия из разделения в Консепсьон, наследовала касику Гонсало Бланко после его смерти (CDI, t. I, p. 66). Там же касика Эльвира наследовала касику по Аделантадо (CDI, t. I, p. 70). Ни в том, ни в другом случае не сказано о степени родства.

Возможно, наличие заметного числа женщин-касик в Хигуэе явилось следствием того, что их мужья (отцы и братья?) погибли в недавней войне.

Несколько касиков из Хигуэя с их индейцами были вручены обитателям Санто-Доминго, где, видимо, не хватало своих для разделения между его поселенцами.

В конце перечня этого разделения были названы обитатели вильи, не имевшие статуса весино (один определен как «морадор», у других нет и этого титула). Эти люди (их было меньше, чем в Санто-Доминго) жили, видимо, не за счет труда индейцев, а преимущественно своим трудом – коваль (herrador), брадобрей (barbero), кузнец (herrero); они получили лишь по

---

⁷³ el nitayno Pedro Capitán (CDI, t. I, p. 145)

несколько индейцев. Одной вдове оставили двух домашних наборий, что были у нее зарегистрированы (CDI, t. I, p. 144-150).

На следующий день, 19 декабря, было проведено разделение индейцев для обитателей вильи Асуса. Здесь насчитали у касиков 676 работников и в набориях – 137.

Первым энкомендеро опять стоял король. В лице одного касика он получил 77 работников, 9 стариков и 8 детей. В лице другого – 45 работников и 10 стариков и детей. Помимо этого, за королем были сохранены 8 домашних наборий (CDI, t. I, p. 152-153).

21 декабря того же года датируется разделение индейцев вильи Буэнавентура. Там были распределены 1073 работника, относившихся к касикам, и 450 наборий⁷⁴. На первом месте среди получателей энкомьенды стоял Хуан Ортис де Матьенсо, апелляционный судья Королевской Аудиенсии. С одним касиком он получил 88 работников, с другим – 106, и еще 6 домашних наборий (CDI, t. I, p. 160-161). Разделение вильи Буэнавентура примечательно тем, что в нем представлены около двух десятков рудокопов, каждый из которых получал по несколько человек (начиная с одного) для работы на приисках (CDI, t. I, p. 170-172).

22 декабря было проведено разделение «касиков и индейцев, и домашних наборий» вильи Ибонао. Там у касиков было зафиксировано 719 обязанных к труду лиц, среди домашних наборий – 336 таковых же. Здесь первым стоял королевский торговый агент Хуан де Ампьес, который в двух касиках получил

---

⁷⁴ Общее число работников составило, по документу 1513 человек.

184 работника с 3 старицами и 13 детьми, а кроме того 16 домашних наборий (CDI, t. I, p. 173-174).

27 декабря было оглашено разделение индейцев вильи Пуэрто-Реаль. У касиков там было зафиксировано 540 работников, домашних наборий – 299 работников; всего.

В этой вилье сначала оглашалось общее число работников, что получал энкомендеро, затем – по касикам и домашним набориям. Видимо, совершенствовалась процедура, может быть, и не без влияния пользователей....

Итак, Антонио де Пора, весино и рехидор, получил в сумме 150 работников. В касике Фернандо Гуанабах (Guanabax), которого теперь зовут Домингито – 76 работников, 12 стариц и 14 детей. В касике Лойпа – 47 работников и «всех детей, что, кажется их детьми» и трех стариц. Кроме того – 21 домашних наборий, что за ним числились, и 6 - от другого испанца (CDI, t. I., p. 183).

Другой весино и рехидор получил заметно меньше: от одного касика 52 работника с 3 старицами и 5 детьми; при другом – 25 работников 10 стариц и 4 детей (CDI, t. I., p. 183).

Один из весино этой вильи получил всех наборий острова Тортуга, которые, кажется (слова документа), не были энкомендированы прежде (CDI, t. I, p. 186-187).

28 декабря наделяли индейцами жителей вильи Гуахава (Guahava). Там количества были такие: 266 работников у касиков, 261 – наборий (CDI, t, I, p. 191)⁷⁵.

---

⁷⁵ Всего 477, стоит в публикации.

В тот же день, 28 декабря было оглашено разделение индейцев для вильи Сан-Хуан-де-Магуана. Там нашли 1107 работников у касиков и 422 домашних набории (CDI, t. I, p. 196). Здесь первым энкомендеро был Ф. Колон, брат Христофора. В одном касике он получил 130 работников, 18 старики и 30 детей. В двух других – 70 работников, а также старики и детей (CDI, t. I, p. 196-197).

На примере разделения индейцев в этой вилье видно, как важному поселенцу, в данном случае рехидору, общее значительное число энкомендированных набиралось из разных источников. Алонсо Даисла получил касика с 16 работниками, 8 стариками и 5-ю детьми (сочетание работников и не работников необычно); еще 7 наборий от другого испанца; еще касика от другого испанца с 40 работниками, 13 стариками и 8 детьми; 2 домашних набории от испанца, 5 еще (неясно) и 10 от одного (CDI, t. I, p. 197-198).

И еще один пример подобного рода – Гонсало Раскону были вручены 8 домашних наборий, что у него были и 4, 2 и 8 перешли от других испанцев. Кроме того, ему была поручена касика с пятью работниками и еще 6 домашних наборий от другого испанца (CDI, t. I, p. 204)

29 декабря было оглашение энкомьенда вильи Вера-Пас: 502 работника с касиками, 714 – домашних наборий⁷⁶. Здесь в еще большей пропорции, чем в Пуэрто-де-Плата, количество работников-домашних наборий превосходило количество

---

⁷⁶ Здесь в сумме дано на 50 человек больше.

работников касиков. Первым получателем энкомьенды был назван рехидор этой вильи, женатый на местной женщине (*miúej natural de la Isla*). В одном касике ему вручили 25 работников и 4 детей, в другом – 10 работников. Кроме того, ему были вручены 24 домашних набории с 4 детьми. Другому рехидору энкомьенда была назначена при условии, что на остров прибудет его жена из Кастилии (CDI, t. I, p. 208, 209).

31 декабря были оглашены раздачи индейцев вильи Сальвательера-де-ла-Савана (*Salvatierra de la Cabana*) или просто Савана (*Cabana*)⁷⁷. Там у касиков было зафиксировано 692 работника, а наборий – 204 (CDI, t.I, p. 219). В начале списка стояли тоже рехидоры, некоторые из них получили значительное число индейцев, до 70.

1 января 1515 г. имело место последнее оглашение этого репартимьенто. Оно касалось обитателей вильи Якимо, полное название Вилья-Нуэва-де-Якимо (*Villa Nueva de Yaquimo*). Там в распоряжении касиков находилось 807 работников, домашних наборий было 232 (CDI, t. I, p. 226).

При общем взгляде на репартимьенто 1514-1515 гг. обращают на себя внимание перераспределения индейцев. Главной причиной, восходящей ко времени формирования института энкомьенды, было очевидное нежелание короны закреплять за испанцами обитателей новых земель, которых корона считала своими вассалами. Когда, все же, индейцы были закреплены за поселенцами (оставаясь номинально вассалами

---

⁷⁷ Здесь также, видимо, вместо С было написано (или напечатано) С.

короны), и их число стало катастрофически уменьшаться, приходилось делать новые распределения в связи с увеличением числа новых поселенцев. Они обычно случались при смене верховных правителей и в связи с жалобами на них поселенцев. К частичным перераспределениям вели смерть предыдущего энкомендеро, отъезд испанца, лишение энкомьенды (редко).

Перераспределение затрагивало и хозяйства короля. Так, в одном случае от короля к поселенцу перешли индейцы касика, 65 работников, 5 стариков и 9 детей (CDI, t. I, p. 66), в другом - 26 домашних наборий (CDI, t. I, p. 73). Еще в одном поселении от него отошел касик с 22 работниками (CDI, t. I, p. 228).

Есть примеры того, как энкомьенда в лице одного касика, принадлежавшая ранее одному испанцу, делилась на двух испанцев. Есть и обратные, когда касик, прежде служивший двум испанцам, теперь назначался одному, третьему (CDI, t. I, p. 118, 120). Не всегда индейцев одного касика, разделенных по разным репартименто, было много; так, люди касика дона Хуанико из Асуга были разделены между тремя испанцами - по 10 работников с неназванным числом детей (CDI, t. I, p. 131). Есть примеры того, как индейцев передавали от одного коллективного энкомендеро другому – касика Магдалена, прежде служившая со своими 13 работниками приюту в г. Санто-Доминго, была в этот раз вручена доминиканскому монастырю (CDI, t. I, p. 140).

Непонятны принципы соотношения домашних наборий и индейцев касика при формировании энкомьенды одному испанцу, за исключением того, что подбиралось определенное

число работников. Были случаи вручения только наборий. Так, Торибио Муньос получил 18, которые были уже на него записаны, и еще 18 – переписанных с прежних пользователей, включая Адмирала, то есть Диего Колумба (CDI, t. I, p. 71). Были энкомъенды, состоявшие из одних домашних наборий, которые уже числились за получателем. Так, 50 взрослых и 5 детей получил Родриго де Моралес, женатый на «женщине острова» (CDI, t. I, p. 213).

Иногда испанец получал по несколько наборий из многих источников. Так, Алонсо Перес де Альмонте, женатый на «женщине острова», помимо 18 домашних наборий, уже зарегистрированных за ним, получил еще 3, 2, 3 и 2, бывших прежде у других испанцев. У Себастиана де Гевара, женатого на «женщине острова», эти количества были 5, 3, 3, 4, 1, 4. Кроме них, ему вручили касику Эльвиру с 10 работниками (5 мужчин и 5 женщин), которая прежде служила Аделантадо, то есть брату Христофора Колумба, Бартоломе (CDI, t. I, p. 75-76).

Есть несколько энкомъенд, которые можно считать отнесенными на перспективу. Так, кузнецу Эрнандо Алонсо назначили 8 наборий (из них 3, что у него уже были, и еще 5). При этом четырех из пяти ему были обещаны из тех, что станут вакантными. В другом случае к получаемым четырем назначались восемь, что будут вакантными (CDI, t. I, p. 189).

В ряде случаев вручались индейцы, которые отсутствовали⁷⁸, то есть, видимо, находились в бегах, с наказом,

---

⁷⁸ toda su gente anda ausente

чтобы получатель энкомьенды этих людей собрал⁷⁹ и использовал их согласно тому, как сказано в королевских ордонансах. В одном случае таких индейцев отдавали алькальду крепости для использования их на ее строительстве и ремонте (CDI, t. I, p. 233-234).

Имели место перераспределения, которые были, вероятно, понятны лишь участникам событий. Так, Диего де Валенсуэла получил одну домашнюю наборию из тех, что у него были зарегистрированы, с условием, чтобы это не была Беатрисика (CDI, t. I, p. 209). То есть, можно было оставить любую из тех, что были, за исключением данной, по какой-то причине, видимо, не маловажной, если ситуация оговаривалась публично.

В нескольких случаях зафиксирована судьба индейской женщины, состоявшей в браке с испанцем и ставшей вдовой. Так, Луиса была временно отдана Гаспару де Астудилью, с наказом, чтобы его жена держала ее в своем доме и научила женским занятиям и делам веры, и чтобы он не использовал ее на других работах (CDI, t. I., p. 121). Сходной была ситуация с Каталиной Ортис, которая также была отдана на время вместе с сестрой (CDI, t. I., p. 145) и еще несколькими женщинами (CDI, t.I, p. 212, 228). Обращает на себя внимание, что в этих случаях женщины названы «индианками», а не «женщинами земли», как когда речь шла о женах испанцев. Эти случаи, видимо, говорят о том, что индейские вдовы испанцев не наследовали статус и, вероятно, недвижимость своего умершего супруга.

---

⁷⁹ que la recoja é allegue

Было несколько вручений индейцев, которые делались при условии, что их получатель через назначенный срок привезет свою жену из Кастилии. В противном случае индейцы считались вакантными, и король мог их назначить кому-либо (CDI, t. I, p. 209, 215, 231). В одном случае условием энкомьенды 14 домашних наборий было обустройство асьенда для выращивания свиней. В этом случае индейцев разрешалось перевести из Верапас в Консепсьон (CDI, t. I, p. 217).

Разделение Альбукерке перечеркивало то, которое до этого было сделано Д. Колоном. Именно в этой связи Овьедо написал, что "менять привычку (и особенно у индейцев) – это отрезать им голову, и так вот земля была поражена на всем этом острове"⁸⁰.

Савала подсчитал, что по этому разделению, более всего индейцев, 1430 человек в разных местах острова, было предоставлено самому королю. Епископ Фонсека, занимавшийся делами Индий, получил 244; Лопе де Кончильос, секретарь короля – 264. Другими крупными энкомендадо были Эрнандо де ла Вега – 745; Мария де Толедо - 428; Диего Колон, брат Христофора Колумбса - 250; Фернандо Колон, сын Христофора – 266; М. де Пасамонте – 251; (королевский) камергер Хуан Кабрера– 424; секретарь короля Альманса – 238; Лукас Васкес де Аильон – 440, Р. де Альбукерке – 270. Всего репартимьенто включало 32 тыс. индейцев, из которых работники (*los de servicio*) составляли 22344 (Zavala 1973, p. 18)⁸¹.

⁸⁰ ... rquor mudar la estumbrado de su isla indios; se quedó la tierra muy dignificada en toda esta isla (Oviedo 1851, t. I, p. 105)

⁸¹ Я насчитал 15056 работников у касиков и 7276 домашних наборий, всего

Из этого разделения, которое можно считать, в некоторой мере, переписью работоспособногоaborигенного населения Эспаньолы (без учета рабов), видно, что некоторые, особенно немногочисленные, группы энкомендированных индейцев были без детей. На это обратил внимание А. Розенблат. Всего в документе речь шла не более чем о 3 тыс. По мнению этого автора, данное разделение свидетельствовало о «процессе исчезновения аборигенов в острой фазе»; показателями чего были: департимент из 40-50 человек без детей, общее количество мужчин превышало количество женщин, несмотря на недалекий в прошлом период войны. Малое количество детей, по мнению демографа, было связано с малым числом женщин (одна из причин – их забирали испанцы) и с тем, что индейцы противились деторождению (*Rosenblat* 1954, p. 113-114).

В целом ряде случаев дети упоминались, но не называлось их число (CDI, t. I, p. 121 и др.). Количество детей не указывалось в общем числе индейцев, разделенных среди испанцев того или иного поселения. Иногда указывалось, что детей следовало вручать тому испанцу, к которому отходят их матери (CDI, t. I, p. 165, 166). Наличие такого предписания может служить косвенным указанием на то, что передача детей могла случаться по-другому

Не говорят ли эти факты о том, что дети аборигенов не ценились испанцами при разделении, в них не усматривалось будущее – может быть, потому, что энкомьенда практически в

любое время могла быть переиначена, по воле короля или по пристрастию правителя и репартидора.

В некоторых энкомьендах отсутствовали старики. Разные соотношения трудоспособных и детей (при отсутствии старииков) могли быть в одном и том же месте – 24 домашних набории, 7 детей; 36 наборий, 6 детей; 13 работников, 4 детей; 47 наборий, 1 ребенок (CDI, t.I, p. 212). И еще - 30 работников с 8 детьми и 33 работника с 11 детьми (CDI, t. I, p. 226).

Но в отчете зафиксированы и случаи с необычно высоким соотношением старииков и детей в сравнении с работниками. Так, среди энкомьенд г. Санто-Доминго Мартин де Гамбоа получил касика дона Диего (прежде служил Мигелю Пасамонте) с 85 работниками, 43 детьми и 34 стариками: алькальду города, а инспектор индейцев Хуан Москера – касика Алонсо Москеру с 86 работниками, 69 детьми и 80 стариками (помимо 15 домашних наборий и 4 старииков с ними) (CDI, t. I, p. 112). Касика Каталина была вручена с 25 работниками, 10 стариками и детьми, число которых не было указано (CDI, t. I, p. 133). С касиком Хуаном Альгвасилом было названо 50 работников, 20 старииков и 16 детей (CDI, t. I, p. 197).

Это, как и некоторые другие, необычные для данного документа соотношения между работниками, стариками и детьми наводят на мысль, что в ряде случаев при перераспределениях индейцев могли не учитываться родственные связи.

Приведенные выше данные из разделения Альбукерке подтверждают известный из других документов факт, что

испанцы не только брали индейских женщин наложницами, но и формализовали свои отношения официальным (церковным) браком. Корона, как отмечено выше, поощряла такие союзы. Розенблат пришел к выводу, что 60 энкомендеро были женаты на женщинах-вождях (*sacicas*). Он также справедливо отмечал, что из нескольких тысяч других испанцев острова многие жили с местными женщинами (*Rosenblat 1954*, p. 113-114).

В связи со смешанными браками или связями возникает вопрос о статусе потомства от них. В отчете о репартильменто еще не фигурирует слово «метисы». Тем не менее, уже явно была группа детей от связи испанцев с местными женщинами. После каждого разделения среди испанцев того или иного поселения указывалось, что такие дети не подлежали распределению и возвращались отцам. Их количества не назывались. Логично предположить, что речь шла о внебрачных детях, остававшихся с матерью (в общине, если это были индейцы касика, или среди «домашних наборий»).

Очевидно, что индейцы касиков, а тем более, домашние набории были связаны с местом своих работ, которые назначал энкомендеро. Следовательно, при их переходе от одного хозяина к другому, должно было, в большинстве случаев, меняться и место их занятости, что влекло за собой перемену мест проживания со всеми сопутствующими обстоятельствами. Картина перераспределения индейцев 1514-1515 гг. дополняет утверждения тех авторов, что говорили о губительности для энкомендированных индейцев смены их хозяев.

Последствия нескольких последовавших подряд перераспределенийaborигенов на Эспаньоле красноречиво изложил в упомянутом выше письме Суасо. По его словам, в правление Д. Колона поселенцы разделились на его противников и сторонников. Как хорошо видно из приведенных выше случаев, в большинстве случаев энкомендированные при Д. Колоне были перераспределены Альбукерке. По словам Суасо, индейцы были отняты у семейных и вручены холостякам, которые, «никакого хозяйства (*ninguna naturaleza*) не имели на этом острове». Новые налоги на добычу золота привели к тому, что остров покинули более 800 индивидуальных промысловиков. Другим отрицательным следствием общего разделения Суасо назвал то, что индейцы вынуждены были перемещаться на большие расстояния и в места, где были другие воздух и воды и переменчивая погода, в силу чего «умерло их без числа», не считая тех, что умерли от чрезмерного труда и плохого обращения с ними.

Суасо полагал, что, по названным им причинам, от первых разделений при Христофоре Колумбе до времени написания письма (1518 г.) число индейцев уменьшилось от 1 миллиона 130 тысяч до менее чем 11 тысяч.

По утверждению Суасо, особенно недовольны действиями Альбукерке были первые завоеватели, которые вынуждены были «отправиться искать свою жизнь в другие места» (CDI, t. I, p. 309-311).

Лас Касас также писал спустя десятилетия, что Альбукерке оставил «большинство или многих весино» Эспаньолы без индейцев. Кроме того, по его словам, на Альбукерке жаловались, что он продал некоторые репартименто за деньги. Он же утверждал, что не прекратилось жестокое обращение испанцев со своими энкомендированными. При этом у таких испанцев никогда не отбирали индейцев, а наложенные на них штрафы, если и были, то очень незначительны (как насмешка, по выражению Лас Касаса). Жалобы на Альбукерке дошли до короля, но, имея высоких покровителей при дворе, тот был прощен (*Las Casas* 1951, т. II, р. 559-562).

После отъезда Альбукерке с Эспаньолы туда отправлялись другие чиновники с правами репартидоров, о деятельности которых известно меньше. Один из них, Кристобаль Леброн, разделял только тех индейцев, что лишились прежних хозяев⁸². Тем не менее, по словам Лас Касаса, число индейцев уменьшалось, и репартидором Эспаньолы был назначен францисканский провинциал Педро Мехия, который, утверждал Лас Касас (доминиканец), как и его предшественники, не беспокоился о благе и жизни индейцев и много меньше – об их доктринации (*Las Casas* 1951, т. II, р. 565).

В опубликованных источниках содержится мало сведений о повседневной жизниaborигенов того времени, и они случайны. Овьедо в 1515 г., возвращаясь с материка, на Эспаньоле должен был пересечь реку. Индейцы (их касик назван по имени, это был

---

⁸² такие индейцы назывались «вакантными» (vacos).

Алонсо де Овандо) для переправы испанцев сделали, судя по описанию Овьедо, плот с некой квадратной оградой в 6-7 футов посередине, где разместился Овьедо. Местные индейцы направляли плот. С испанцами шли мужчины и женщины с материка, которые переправлялись вплавь и, устав, цеплялись за плот, который стал погружаться в воду и едва не затонул. Овьедо расплатился с местными жителями рыболовными крючками и ножами (малой ценности, по его словам), а касику дал рубаху (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 397). В тот же раз Овьедо увидел ареито, которые он затем описал в своей «Истории». Не исключено, что это было в обстоятельствах, которые назвал Лас Касас - индейцев заставляли так встречать испанцев, передвигавшихся по острову (см. выше).

Содержащиеся в описании распределения индейцев 1514-1515 гг. показывают, что индейцы Эспаньолы, спустя немногим более 20 лет после появления там Христофора Колумба, были раздроблены, рассеяны по хозяйствам отдельных испанцев. При этом большое число людей (домашние набории) было лишено общинных связей, а в среде тех, что оставались под властью касика (предположительно, в рамках общин) регулярные перераспределения должны были нарушать родственные связи и саму общину.

Другие острова

Сан-Хуан

На Сан-Хуане насаждение энкомьенды встретило сильное сопротивление местных индейцев, поддержанных соседями с островов, лежащих к востоку, что с первого плавания Хр. Колумба получили название "カリбов".

В королевском письме Д. Колону от 25 июля 1511 г. указывалось, что разорение карибов о. Санта-Крус будет лучшим средством замирения острова Сан Хуан. У обитателей Сан-Хуана следовало отобрать лодки, заключить «хороший мир» и заставить их работать. По соглашению с индейцами следовало казнить нескольких " злоумышленников" или, по крайней мере, отправить их рабами на Эспаньолу для работ в королевских хозяйствах. Все это следовало сделать добром, а если бы индейцы противились, таковым надлежало объявить войну и обратить их в рабов, взятых в правильной войне (*buenas guerras*) (CDI-2, t. 1, p. 20-21).

Тем же числом были сформулированы наставления для алькальда и главного альгасила Сан-Хуана – не обращаться плохо с индейцами, как иногда было на Эспаньоле, и наставлять их в делах веры. У них следовало отнять лодки, чтобы обезопасить испанцев. Следовало беспокоиться о привозе на Сан-Хуан индейцев с других островов (CDI-2, t. 5, p. 274-279).

Кажется, на Сан-Хуане впервые на островах (до начала 1511 г.), при замирении индейцев было использовано «рекеримьенто»⁸³. Только двое из бунтовавших касиков согласились служить королю (цит. по *Moscoso* 2011, p. 19).

---

⁸³ Requerimiento (требование) - документ, составленный, по мнению Лас Касаса, испанским юристом Паласьос Рубиос (*Las Casas* 1951, libro III, cap. LVII), согласно которому индейцы должны были «без промедления»,

Из королевского письма местным властям от 23 февраля 1512 г. видно, что, испанцы нарушали запрет использовать индейцев для переноски грузов, объясняя это гористым рельефом местности и отсутствием дорог, и нагружали их поклажей в 30 фунтов. В письме подчеркивалось, что, если индейцы будут работать много, они умрут, от чего королевская казна и поселенцы острова понесут большой ущерб. Поэтому король повелевал, чтобы, пока не будут устроены дороги, не разрешать нагружать индейцев более 25 фунтов каждого, за исключением чрезвычайных случаев⁸⁴. Королем было удовлетворено пожелание испанских поселенцев на Сан-Хуане брать местных индейцев в качестве наборий, «с согласия и по воле» самих индейцев и их касиков (*Konetzke* 1953, p. 37-38).

События на Сан-Хуане приняли такой оборот, что вначале июня 1513 г. туда вынужден был высадиться с военным отрядом Д. Колон. Тем не менее, местные индейцы, поддержанные "карибами", продолжали не только сопротивляться, но и нападали на испанские поселения, сжигая их и убивая испанцев. В одном из нападений карибов была убита Луиса, считавшаяся «главной касикой» и ее муж-испанец (*Moscoso* 2011, p. 23-24).

При правлении островом Санчо Веласкеса, в 1514-1515 гг. было проведено общее разделение индейцев, которых насчитали

принять христианство и признать вассальную зависимость от испанского короля. В случае отказа имгрозила война, плen, обращение в рабство и другие кары. Документ, сделанный на латыни, должен был зачитываться при первой встрече с жителями той местности, куда приходили испанцы. Никчемность процедуры вызывала критику самих завоевателей.

⁸⁴ sino los que no se pudieren excusar

около 4 тыс. В 1515 г. чиновники писали королю, что два касика (названы их имена) "опять взбунтовались по неизвестной причине"⁸⁵, а один пришел с миром.

Современные исследователи установили, что это было время подъема горной экономики и наибольшей потребности в трудеaborигенов. В десятилетие 1520-1530 гг. режим энкомьенды на Сан-Хуане пришел в упадок как следствие исчезновенияaborigenной рабочей силы, упадка горного дела, ограниченной колониальной торговли и некоторых других факторов (*Moscoso* 2011, p. 23-26).

Куба

Активная колонизация Кубы была начата, когда правителем Индии был Д. Колон. В 1512 г. индейцы Кубы все еще «понемногу замирялись»⁸⁶, как об этом говорилось в королевском письме от 10 декабря. Из этого же письма видно, что «некоторые» индейцы никак не хотели служить испанцам. Веласкесу предписывалось замирить их по строгостям войны, предъявив им сначала рекеримьенто в надлежащей форме (*Papeles* 1931, t.I, p. 3). В период с 1513 по 1514 гг. на Кубе были заложены несколько поселений испанцев. Резиденцией губернатора через некоторое время стал Сантьяго, который получил статус города.

Первое разделение местных индейцев между испанцами Веласкес осуществил самостоятельно. В письме от 1 апреля 1514

---

⁸⁵ se han tornado a rebelar sin saber la cabsa

⁸⁶ se van pacificando poco a poco

г. королю он сообщал, что, для того, чтобы некоторые весино недавно основанного поселения Асунсьон не ушли на Эспаньолу (они просили у Веласкеса на это разрешения), он начал давать индейцев. Особенностью этого распределения было то, что некоторым испанцам, особенно заслуженным, поселенияaborигенов вручались полностью⁸⁷. Это, видимо, можно объяснить наличием соответствующего числаaborигенов и малым числом, в сравнении с Эспаньолой, пришедших на Кубу испанцев. Но были вручения и отдельных людей. Веласкес писал, что индейцы вручались на определенное время для работы за плату и за еду (цит. по *Saco* 1932, т. 2, р. 299).

Из других документов известно, что одно поселениеaborигенов могло быть вручено двум испанцам (наиболее известный пример – Лас Касас и Рентерия).

Королевскими распоряжениями от 8 мая 1513 г. и 13 ноября 1513 г. Веласкес был назначен “репартидором” с указанием параметров распределения. Первыми индейцев получали королевские чиновники, после них - первые поселенцы и завоеватели, затем - лица у которых имелись соответствующие королевские пожалования. После этого Веласкес на его усмотрение мог предоставить энкомьенду тем, кто, как говорилось, лучше будет обучать индейцев и лучше с ними обращаться⁸⁸ (цит. по: *Saco* 1932: 298-299).

---

⁸⁷ dar a cada vecino un pueblo según su mérito. Кубинский исследователь Л. Марреро абсолютизировал этот факт, написав, что Веласкес разделил индейцев не по индивидам, а в поселениях (*Marrero* 1974, т. 2, р. 7).

⁸⁸ á los que mejor vos paresiesen, y que mejor les enseñen y traten

На Кубе были и хозяйства короны, на которых делали касабе и выращивали свиней (*Las Casas* 1951, т. III, р. 258)⁸⁹. Одной из хозяйственных задач для Кубы того времени было снабжение хлебом и мясом первых поселенцев в Кастилье-дель-Оро (CDI-2, т. 6, р. 5).

Вот что о том времени писал Лас Касас, сам бывший на Кубе в 1513-1515 гг. В то время более всего говорили об острове Куба, богатом золотом и с мирными индейцами. Там уже два года был Веласкес, и гибель «тех людей» (обитателей Кубы – Э.А.), на первых порах была, по словам Лас Касаса, более необузданной и быстрой⁹⁰, чем в других местах. Объяснял он это тем, что, испанцы ходили по всему острову, замирия (как они говорят, добавил историк) местных индейцев, и вели с собой многих индейцев, которых они забирали в селениях, чтобы тем им служили. И поскольку, как он выразительно написал, «все ели, и никто не сеял», а другие индейцы селений - кто бежал, кто из страха быть убитым не занимался (земледелием), то вся или почти вся (частый оборот речи Лас Касаса) земля пришла в запустение⁹¹.

Так как здоровых мужчин и женщин уводили на работы, то в селениях оставались лишь старики и больные. По словам Лас Касаса, он несколько раз был свидетелем, когда при входе испанцев в поселение кричали те, кто были в домах. И когда их

⁸⁹ При необходимости такая асьенда могла быть передана губернатору, как в данном случае Веласкесу, для покрытия каких-то расходов.

⁹⁰ más vehemente y acelerada

⁹¹ de bastimentos vacua y desamparada

спрашивали, что с ними случилось, они отвечали: «Есть, есть» (*Hambre, hambre*). У недавно родивших женщин от недоедания и работ пропадало молоко, и младенцы умирали. Лас Касас, сославшись на письмо королю, написанное человеком, которому можно верить, утверждал, что за три месяца умерло 7 тыс. детей. У одного королевского чиновника за три месяца из 300 индейцев энкомьенды осталось не более десятой части. Один испанец рассказал Лас Касасу, как он "экономил" на питании индейцев, которые работали у него на земле. Каждый третий день он отправлял их в лес, чтобы они ели там, что найдут, и затем работали следующие два дня (*Las Casas* 1951, т. III, р. 90-91).

Несколько конкретных случаев отношений того времени между испанцами и их индейцами, описал Мартир со слов священника, неоднократно бывшего на островах. В Сантьяго касик и его индейцы, отработав на прииске и не получив надлежащего вознаграждения, покончили с собой, вдохнув смертельный дым каких-то трав. В другом месте (Принсипе) испанец заподозрил свою беременную жену-индианку в измене, привязал ее к палкам и велел слугам поджечь. Женщина умерла, а ее отец-касик, узнав об этом, напал на дом судьи со своими людьми. Сам судья отсутствовал, были убиты его новая жена, ее слуги и все домашние. После чего касик и его люди (их было 30 человек) заперлись в доме и подожгли его и сгорели с телами семьи судьи и всем его добром. Еще в одном случае изнасилованная испанцем молодая индианка, намереваясь убить себя, выпила ядовитый сок маниоки. Яд оказался недостаточно

силен, и на следующий день она убила себя, спрыгнув на заостренный сук дерева. Другая девушка уговорила свою ровесницу, служанку священника, отправиться к предкам, где они могли бы жить мирно. Они повесились на дереве на своих поясах. Мартири написал, что подобных историй рассказывают много. (*Martyr* 1912, т. 2, р. 187-189).

Лас Касас утверждал, что положение индейцев на Кубе ухудшилось, когда оттуда ушли двое доминиканцев и он сам. Как он написал, «каждодневно росла нечеловеческая жестокость, которую использовали наши по отношению к тем людям»⁹². Индейцы стали убегать с рудников и других работ, где их морили голодом и чрезмерным трудом. Беглых преследовали всеми мерами, в том числе с помощью специально выращенных для этой цели собак. Индейцы уходили на небольшие прибрежные острова, их ловили и жестоко наказывали. От бессилия и отчаяния они стали вешаться, были случаи, когда с собой кончали целым домом: «родители и дети, старики и молодые, малые и большие», даже жители одних деревень приглашали для этого других. Травились и соком юки (маниоки). Лас Касасу был известен случай, когда индейцы, прежде, чем повеситься, убили свою хозяйку. Он утверждал, что на Кубе индейцы кончились быстрее, чем в других местах (*Las Casas* 1951, т. III, р. 103-104).

Из сообщений Веласкеса и королевских грамот явствует, что на Кубу с Эспаньолы бежали индейцы, которые, как было

---

⁹² creció la残酷inhumana que los nuestros usaban con las gentes della cada día más y más

сказано в королевском послании, «не работают и подстрекают других»⁹³. Повелевалось вернуть таковых на условиях королевского прощения.

Король одобрил разделение индейцев, сделанное Веласкесом, и указал, что на Кубе должны соблюдаться, для облегчения королевской совести, общие ордонансы о хорошем обращении с индейцами (то есть Законы Бургоса – Э.А.). Следовало соблюдать тот же порядок, что на Эспаньоле, и Веласкес должен был консультироваться с чиновниками Эспаньолы и с ними отчитываться перед королем (CDI-2, т. 6, р. 4-5). Об одном из вождей, перешедшие на Кубу с Эспаньолы, некоем капитане Кагуах, говорилось, что он был переводчиком (*criado interprete*) касика Иакагуэя и что он уже мертв (CDI, т. XI, р. 415)⁹⁴.

В своем письме королю (август 1515), Веласкес и королевские чиновники на Кубе писали, что не следует наказывать индейцев, убивших испанцев, оказавшихся на Кубе в результате кораблекрушения (как повелевал король), так как индейцы уже смирны и служат хорошо тем лицам, которым они энкомендированы. Они также утверждали (понятно, защищая свои интересы), что нельзя возвращать ушедших с Эспаньолы. То и другое, по их мнению, вызовет «много неудобств», потому что

---

⁹³ no sirven y alborotan á los otros

⁹⁴ В этом же письме есть упоминание касика Иукагуэя (Yucahuey), резиденция которого была в устье реки Toa (CDI, т. XI, р. 417). Возможно, это тот же Иакагуэй.

индейцы и набурии, что перешли с Иахатуэем⁹⁵, “настолько укоренились в земле, что считают ее своей, и все женаты на главных женщинах, а они (женщины с Эспаньолы – Э.А) (замужем) за главными людьми земли, и у них уже есть дети и внуки, и было бы много скандала» (Papeles 1931, t. I, p. 17-18)⁹⁶.

Одновременно с завоеванием острова испанцы старались навязать аборигенам свою веру. Как это проходило, описал Лас Касас, участник тех событий. Войдя в поселение, священник собирал всех детей и с помощью нескольких испанцев и индейцев с Эспаньолы, знавших испанский язык, крестил их (*Las Casas* 1951, t. II, p. 534).

Ямайка

Несколько позже, чем на Эспаньоле, общее распределение коренных жителей между испанцами было сделано на Ямайке. Всего там было зарегистрировано 14636 человек, из которых индейцы касиков составляли 8600, наборий у испанцев – 1500, старииков и старух – 566, детей (мальчиков и девочек – 3970. Как и на других островах, индейцев получили не только испанские поселенцы, но и королевские чиновники и сам монарх (2 тыс. человек) (Сообщение от 16 октября 1516 г. цит. по (*Saco* 1932, t. 2, p. 274-275).

*

---

⁹⁵ В опубликованном документе стоит *Yahatney*; очевидная ошибка, должно быть *Yahatuey*. Видимо, это тот же вождь, который у Лас Касаса фигурировал как Атуэй (*Hatuey*).

⁹⁶ В отличие от некоторых других пунктов документа, по данному нет комментария.

В это время должны были претерпеть некоторые изменения хозяйство и материальная культура аборигенов. Эта сторона специально не отражена в письменных источниках. В частности, по словам Овьедо, мужчины, которые до прихода ничего не носили впереди срамных мест, под воздействием испанцев стали надевать лоскуты сукна, хлопка или другой ткани размером в руку⁹⁷. Эта ткань крепилась к нити, которой человек опоясывался. Когда они стали более разумными, по словам Овьедо, мужчины и женщины надевали рубахи из хлопка, которые они делали очень хорошо из хлопка. А в его время немногие, что остались ходили одетыми в рубахи, особенно те, что находились в распоряжении испанцев. А если, кто и не носил, то это были люди, оставшиеся от касика Энрике (*Fernández de Oviedo y Valdés*, 1851, t. I, p. 167; Lamina 1, fig. 11).

Очевидно, что определяющим явлением на Больших Антильских островах во время правления Овандо и Д. Колона было формирование института энкомьенды, приведшего к дальнейшему сокращению числа аборигенов, особенно на Эспаньоле. Нормы распределения работников-аборигенов между испанцами не раз менялись. Как говорилось выше, в 1509 г. Д. Колон должен был предоставить королевским чиновникам и алькальдам, назначенным королями, 100; всаднику - 80; щитнику - 60, крестьянину – 30 (*Konetzke* 1953, p. 20-22). У Лас Касаса находим, что во время правления Д. Колона королевским чиновникам стали предоставлять 200 индейцев (*Las Casas* 1951, t.

---

⁹⁷ pampanillas de paño o algodón u otro lienzo, tamaño como una mano

II, р. 373-374). В феврале 1512 г. повелевалось, чтобы никто не мог иметь более 300 индейцев (CDI, т. I, 238-239, 241). 35-ый Закон Бургоса определял, что ни один поселенец Эспаньолы не мог иметь более 150 индейцев или менее 40. Альбукерке наделял по-своему – некоторые поселенцы имели 200 работников и многие – гораздо меньше 40.

Следующий этап истории аборигенов на островных владениях испанцев в Америке, характеризовался деятельностью там монахов иеронимитов, а именно, теми реформами, что были им предписаны королевской волей и что они пытались реализовать.

Гл. 3. Аборигены и реформы иеронимитов

Ситуация на Эспаньоле к 1516 г.

Во время правления Д. Колона число испанских весино на Эспаньоле достигало 14 тыс. (Cassá 1974, р. 195)⁹⁸. Трудоспособных энкомендированных аборигенов, как можно судить по разделению 1514-1515 гг., было в то время немногим более 22 тыс. Было также какое-то число рабов. Так как корона, некоторые королевские сановники в метрополии и чиновники на островах, а также члены муниципальных советов забирали значительную часть работников, для большей части испанских

---

⁹⁸ Касса не указал свой источник. Кроме того, видимо, он употребил слово "весино" в значении "житель", а не в значении социального статуса.

поселенцев-весино их явно недоставало. Это приводило к постоянному напряжению в среде колонистов (обычно это принимало форму вражды между приближенными к верховному правителю острова и остальными весино) и к их намерениям покинуть Эспаньолу.

Проблему индейцев того времени описали доминиканские монахи Эспаньолы в письме (июнь 1516 г.) одному высокопоставленному лицу в Испании. Они сообщали, что первый подсчет индейцев на Эспаньоле, сделанный при Христофоре Колумбе (для обложения их податью) дал 1 миллион 100 тыс. человек. А в то время, когда они писали свое письмо, индейцев не было и 12 тыс. душ, «малых и больших, старых и молодых, здоровых и больных». Если прежде весь остров был заселен, как земля Севильи, то, по их словам, сейчас пройдешь 60 лиг и не встретишь человека, с которым поздороваться.

Монахи так объясняли причины, по которым на Эспаньоле погибло много местных жителей. Прибывшие на остров испанцы полагали, что, поскольку «эти люди» без веры, их можно было равнодушно убивать, пленить, забирать их земли, владения и власть, и вещи, и это нисколько не отягощало совесть⁹⁹. Кроме того, индейцы "были очень робки и миролюбивы, и безоружны", а все или большая часть людей, что перешли на Эспаньолу – отбросы Испании, люди алчные и разбойные. Монахи подчеркивали, что индейцы приняли христиан с любовью, а те грабили их, отбирая все, и даже жен и дочерей, и убивали лишь,

---

⁹⁹ e dello ninguna conciencia se hacía

чтобы испробовать свои мечи. Индейцы, чтобы избавиться от испанцев, задумали не сеять¹⁰⁰, полагая, что те, не имея продовольствия, уйдут. Но испанцы опустошили посевы самих индейцев, и от голода их умерло столько, что нельзя было передвигаться по земле из-за зловония¹⁰¹.

Далее монахи писали, что, поскольку «на этой земле» не было животных крупнее кролика, кастильцы использовали индейцев как выочных животных. Грузы в 2 арробы¹⁰² переносились на расстояние до 60-70 лиг. Плечи носильщиков были сбиты, ночевали они под открытым небом (как выразительно написали монахи, "стойлом", что им предоставлял караванщик, было поле). Пищей в это время им служили какие-то черви и корни, что они находили. В обратную дорогу их также отправляли без еды, и из 100 человек, которые выходили с грузом, живыми не возвращались и десять. Случалось, что, когда один испанец вел 20 или тридцать груженых индейцев, связанных один с другим за шею, кому-либо из них удавалось перегрызть ремень, бросить груз и бежать, и испанцы стали водить с собой бульдога (*alano*). При этом, чтобы пес не сбивал лапы, его несли двое индейцев на плечах в гамаке. Если какой-то индеец бежал, спускали пса, и тот загрызал индейца. Испанцы ценили таких собак больше, чем людей. Доминиканцы привели случай

¹⁰⁰ Хотя в тексте прямо не сказано, но из дальнейшего повествования очевидно, что речь шла о посевах для испанцев

¹⁰¹ ... murieron tantos, que no había quien andoviese por los campos de hedor. Очевидно сходство с тем, что писали о голоде на Эспаньоле Лас Касас и Овьедо.

¹⁰² arroba - мера веса в Кастилии = 11,5 кг, в Арагоне = 12,5 кг.

бесчеловечного обращения испанцев с переносчиками грузов, в данном случае женщинами. Испанец вел трех женщин с поклажей, и когда одна из них изнемогла, он убил ее, а груз разделил между оставшимися. Когда устала еще одна, он сделал то же самое; убил он и третью. По словам монахов, когда испанцы вели пленных женщин с младенцами, и те начинали плакать, испанец мог взять ребенка за ноги и разбить его о камни или бросить в заросли.

В одном эпизоде на пришедшем в порт судне было 800 схваченных индейцев, и за два дня, что их не выгрузили, умерло 600 человек. Тела выбрасывали за борт, и волна выносила их на берег, "как бревна". Их даже не зарыли в песок (о чем просили монахи), а оставили на съедение собакам или рыбам. Когда пленных переводили из порта в другое селение, вся дорога была усеяна не погребенными телами. Уже в пункте назначения монахам не разрешили взять даже детей для крещения, о чём они просили, «и так погибли все души и тела».

В этом письме есть некоторые детали колониального быта, не описанные более нигде. Так, когда испанец умирал, его тело переносили два индейца на палке, которая продевалась между руками и ногами (очевидно, связанными – Э.А.). Так же несли и умершего индейца и бросали его в мусорную яму (*muladar*). У одного испанца, будто бы, было в таком месте столько костей индейцев, как в захоронении при церквях в Кастилии.

Доминиканцы утверждали, что христиане не научали индейцев католической вере и соблюдению тайнств (как

полагалось при энкомьенде – Э.А.), а использовали их как животных, давая им сегодня одну жену, завтра ее отбирая и вручая другую. Так испанцы поступали, по мнению монахов, в согласии со своим единственным желанием - добыть золото. Монахи написали также, что, по словам одного из первых конкистадоров, индейцев они называли не иначе как собаками (perros).

По мнению монахов, испанцы говорили, что индейцы не способны (*no son hábiles*) для брака и для восприятия веры, чтобы создать мнение, что индейцы способны только на одно – добывать золото. А в этом деле, писали монахи, испанцы научили индейцев стольким тонкостям, что очевидно, что индейцы могли бы быть хорошими торговцами, если бы испанцы приложили к этому столько же старания, сколько они приложили для обучения, как добывать золото.

Среди подписавших это письмо были такие значимые фигуры как Доминго де Бетансос, Антонио Монтесинос, Томас Ортис и Педро де Кордoba (CDI, t. VII, p. 397-430).

Все это было написано спустя несколько лет после провозглашения Законов Бургоса. В целом, ситуация, обрисованная доминиканцами для Эспаньолы¹⁰³, была, сходна с той, что имела место на других Больших Антильских островах, которые испанцы стали «осваивать» позже Эспаньолы. Так, жалобы на "очень малое число индейцев" на Кубе дошли до

---

¹⁰³ Первые издатели этого документа полагали, что монахи преувеличили жестокость испанцев. Но протокольные документы сохранили свидетельства подобных случаев.

метрополии уже в 1516 г. (Papeles 1931, t. I, p. 43), то есть, всего через несколько лет после высадки испанцев на острове.

Шаги Лас Касаса

В цитированном выше письме доминиканцев о бедах индейцев говорилось, что обо всех этих делах хорошо знает священник Лас Касас. Б. де Лас Касас прибыл на Эспаньолу в 1502 г. в составе экспедиции Бобадильи. Начальный период его жизни на острове известен плохо, но, вероятно, он участвовал в завоевательных походах в разные области¹⁰⁴. В 1507 г. он был в Риме и, возможно, там принял сан священника (*O'Gorman* 1967, р. LXXXIII-LXXXIV). С 1513 г. Лас Касас был капелланом в отряде П. Нарваэса на Кубе и получил там энкомьенду. Позже он написал о себе, что, как и другие, посыпал индейцев добывать золото и заниматься посевами. И, хотя старался обращаться¹⁰⁵ с ними мягко, об их наставлении он не заботился больше других. Тем не менее, размышления над Святым Писанием и проповедями доминиканцев на Эспаньоле, и над отказом исповедования, что он получил от монаха этого ордена, а также собственные раздумья привели его к выводу, что все, что совершалось в Индиях по отношению к индейцам, было несправедливо и жестоко (*Las Casas* 1951, т. III, р. 92-93). Отказавшись от энкомьенды, Лас Касас в июле 1515 г.

---

¹⁰⁴ Он упоминал о своем пребывании в некоторых местах острова (*Las Casas* 1967, т. I, р. 47 и др.).

¹⁰⁵ Бросается в глаза, что Лас Касас написал «старался обращаться», а не «обращался».

возвратился на Эспаньолу и присоединился к протестующим доминиканцам. Вместе с А. Монтесино он отправился в Испанию.

Воспользовавшись противоречиями между разными партиями при королевском дворе, он убедил некоторых влиятельных лиц рассмотреть обвинения против колонистов, а также предлагаемые меры. Кардиналу Сиснеросу, ставшему после смерти короля Фердинанда (в январе 1516) регентом, Лас Касас, видимо, в мае 1516 г. вручил две памятные записки: об унижениях (*agravios*) индейцев на островах и о мерах (*remedios*), которые облегчили бы их участь (*Pichardo* 1972, p. 8-11). Соображения Лас Касаса способствовали тому, что Сиснерос принял решение послать в Индии в качестве правителей трех монахов еронимитского ордена¹⁰⁶.

В письме от 3 сентября 1516 г. королевским чиновникам на Эспаньоле указывалось, что иеронимиты направляются, чтобы разобраться в том, как можно навести некоторый порядок и найти средство¹⁰⁷ против плохого обращения с индейцами этого острова. Также повелевалось помочь монахам во всем и не мешать им. Полномочия иеронимитов относительно индейцев распространялись и на другие острова (*Papeles* 1931, t. I, p. 21, 47-48).

Гражданским правителем Эспаньолы, в должности судьи-

¹⁰⁶ Овьедо объяснил этот шаг регента жалобами испанских вассалов и уроженцев (*naturales*) Индий (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 103-104). *Naturales* - одно из испанских названий аборигенов Америки в ранний колониальный период.

¹⁰⁷ a entender en dar alguna horden y remedio

следователя¹⁰⁸ острова, был послан Алонсо де Суасо, который должен был расследовать деятельность должностных лиц разного ранга и королевских чиновников (*Las Casas* 1951, т. III, р. 121). Лас Касас получил титул «прокуратора и общего защитника всех индейцев»¹⁰⁹ и должен был помогать иеронимитам советами (*Las Casas* 1951, т. III, р. 136)¹¹⁰. В плавание иеронимиты отправились без Лас Касаса и Суасо; первого не захотели взять на свое судно сами монахи, а второй не успевал.

Инструкции иеронимитам и их первые распоряжения

Иеронимиты получили обширные инструкции (были составлены с участием Лас Касаса). Там говорилось, что короли посыпали монахов, движимые многими жалобами, полученными от индейцев¹¹¹, в которых говорилось, что их угнетали и убивали испанские поселенцы. Короли же хотели, чтобы те и другие жили в полном покое, и чтобы одни не обижали других. Иеронимитам вменялось собрать информацию на всех испанских островах того времени, определить число касиков и индейцев у них и общее число индейцев. Они должны были узнать, как с индейцами обращались энкомендеро, губернаторы, судьи и другие должностные лица (*ministros*). Им следовало также подобрать

¹⁰⁸ Juez de residencia – чиновник, расследовавший деятельность должностных лиц.

¹⁰⁹ procurador y protector universal de todos los indios

¹¹⁰ Хлопоты Лас Касаса в Испании подробно описаны им самим (*Las Casas* 1951, т. III, сар. LXXXIV-XC).

¹¹¹ Мне не известны документы с жалобами индейцев того времени с какого-либо из Больших Антильских островов. Видимо, имелись в виду сообщения монахов и Лас Касаса.

места для поселений индейцев ближе к золотым приискам, с учетом наличия рек для рыболовства и земель, пригодных для возделывания.

Предписывалось поначалу выяснить у испанских поселенцев, «возможно ли по воле и согласию сторон найти и принять какие-либо добрые меры, которые послужили бы Господу и Их Высочествам, и чтобы они (поселенцы – Э.А) и индейцы получили пользу, а острова были бы спасены». То же самое следовало узнать от индейцев, через их вождей. При этом неоднократно указывалось, что с индейцами следует хорошо обращаться, так как они христиане, свободные и подданные короля. В соответствии с полученной информацией иеронимитам предлагалось остановиться на одном из двух возможных решений.

Первый вариант, как можно судить по одному из текстов, предусматривал две возможности («меры», как сказано). Первая была выражена достаточно кратко и с оговоркой - если возможно, по воле сторон, пусть будет принята какая-либо хорошая и соответствующая разуму мера, чтобы жили совместно¹¹². Далее, опять с упоминанием воли сторон, высказывалось пожелание принять меры, чтобы индейцы жили в поселениях и управлялись своими касиками или другими для этого назначенными людьми, и чтобы они давали королям некоторое «справедливое количество» (речь шла о подати, как видно из другой части

---

¹¹² si fuese posible que con voluntad de parte, se tome algund buen medio que sea justo é conforme á razón, para que hayan de vivir, é estar, é conversar los unos con los otros

документа Э. А.).

«В случае, если вышеуказанную меру нельзя будет принять», следовало применить другую, которая, в отличие от первой, изложена очень подробно. Она предусматривала создание индейских поселений, желательно вблизи приисков, во главе с касиками. В них должно было проживать около ("более или менее", сказано в тексте) 300 глав семей (*vecinos*) и сделано соответствующее число жилищ, «как они обычно делают», таким образом, что в случае роста семьи все могли бы в нем поместиться. В этом уточнении можно заметить отличие от Законов Бургоса, где речь шла о прямоугольном жилище. Тем не менее, в селении предусматривались улицы и площадь. Жилище касика должно было располагаться у площади и быть больше и лучше других жилищ, так как в нем будут все собираться.

В эти новые селения следовало привести ближайших к нему касиков и индейцев. Если для поселения не хватало индейцев одного касика, оно дополнялось другими касиками; при этом каждый руководил своими¹¹³. Низшие касики должны были подчиняться своему вышестоящему касику, как это делают обычно. Указывалось, что главный касик управляет всем селением вместе с монахом или священником, что там будут находиться, и с лицом, для этого назначенным.

Касик мог наказывать индейцев с разрешения монаха или клирика. Самых касиков могли наказывать испанские судьи. Для управления индейским поселением предусматривались

---

¹¹³ tenga superioridad en sus indios

должностные лица, «рехидоры, альгасилы и другие подобные», которых должны были назначать старший касик¹¹⁴, монах или священник, а также управляющий (*administrador*) этого поселения. В случае разногласий право принятия решения оставалось за двумя голосами (из трех).

Здесь наиболее очевидно намерение центральной власти ввести испанские нормы в структуру управления индейскими поселениями. При этом в решении о назначении индейской сельской администрации касик был ограничен волей монаха (или священника) и управляющего.

В таком поселении должны были быть церковь со священником или монахом и приют. Предусматривался и ризничий (*sacristán*), который мог быть индейцем; в его обязанности входило учить детей до 9 лет чтению и письму, особенно детей касиков и других знатных людей. Он должен был также учить их говорить на кастильском языке (*romance castellano*) и, при возможности, делать то же со всеми касиками и индейцами.

Предусматривались и многие другие меры, изложенные в Законах Бургоса. На два-три таких поселения предполагался испанский управлятель (*administrador*) с несколькими помощниками-испанцами при оружии. Этот управлятель, вместе с монахом или священником, должны были «работать сколько можно», чтобы воспитать (*poner en policía*) касиков и индейцев, заставляя их ходить одетыми, спать в постелях и хранить

---

¹¹⁴ в одном случае этот касик назван *cacique principal*, в другом *cacique mayor*

инструмент и другие вещи, что им будут вручены. Указывалось на то, чтобы каждый довольствовался одной женой и не оставлял ее, а чтобы женщины жили добродетельно (*castamente*). Женщину, замеченную в адюльтере, и ее соратителя следовало наказывать поркой, и пр.

В этом варианте регламентировался труд индейцев. "Весино" (редкое название индейцев) каждого поселения и мужчины от 20 до 50 лет должны были работать следующим образом. Одна треть должна была постоянно быть на прииске. Следовало выходить из дома на восходе солнца или несколько позже. Обеденный перерыв предполагался дома в течение трех часов, после чего следовало работать до захода солнца. Бригады на приисках должны были меняться каждые два месяца, под руководством людей, назначенных касиком, названных индейским словом «нитаины». Здесь предусматривалось определенное новшество – индейцы должны были добывать золото без испанцев.

После работ на приисках индейцы должны были трудиться на своих участках, под надзором касика и испанцев (монаха, священника или администратора). 15 дней в году отводились для работ на касика, при этом касик не должен был оплачивать этот труд. Женщины, дети и старики должны были пропалывать его участки по мере необходимости. Регламентировались продукты и их доставка на прииски. Добытое золото индейцы сдавали бы не испанцу, как прежде, а своему бригадиру-нитаину. Плавка золота должна была проходить каждые два месяца или по усмотрению

королевских чиновников, в присутствии нитаино, главного касика и администратора. Выплавленное золото делилось бы на три части. Одна его треть шла королю. Из остальных двух проводились общинные выплаты, и оставшееся золото разделялось бы по домам; при этом касик получал шесть частей, а нитаины – по две. Предусматривалось обучение «некоторых индейцев» таким ремеслам как плотники, каменщики, ковали и другие.

Определялись и многие другие обстоятельства, в том числе, касавшиеся компенсаций испанцам.

В случае неудачи по устройству поселений и гражданского воспитания индейцев¹¹⁵ и при сохранении их в энкомьенде предусматривалась второе средство. Следовало внести ряд изменений в предшествующие законы (имелись в виду «Законы Бургоса») в пользу индейцев. В частности, отменялось решение поселять индейцев возле мест проживания испанцев, «так как опыт показал, что от этого имелось много неудобств как в том, что касается наставления в вере, так и в плохом обращении...». Запрещалось использовать индейцев для переноски грузов, сокращался их трудовой день, увеличивался рацион мяса для них; назывались и некоторые другие меры.

В инструкции содержалось и напоминание о «последнем законе» (очевидно, что имелись в виду дополнения к Законам Бургоса) относительно тех индейцев, что могли «жить цивилизованно (*en policía*) и управлять собой»: о предоставлении

---

¹¹⁵ poner los indios en policía

им права жить самостоятельно, о несении ими службы подобно другим вассалам в Испании, о плате монархам (*Las Casas* 1951, L. III, cap. LXXXVIII, LXXXIX; CDI-2, t. 9, p. 53-74¹¹⁶).

*

Новые правители прибыли на Эспаньолу в самом конце 1516 г. В первом письме Сиснеросу с Эспаньолы от 20 января 1517 г. монахи писали кардиналу, что их прибытие на остров сопровождалось слухами о том, что они будут отнимать индейцев у колонистов, и что последние с этим не согласны, основывая свою позицию на прошлых королевских распоряжениях о разделении индейцев.

Иеронимиты сообщали, что, согласно инструкции, они изъяли индейцев у тех испанцев, что находились в Кастилии (сделав это с согласия местных властей и королевских чиновников). Этих индейцев они временно передали королевскому торговому агенту Хуану де Ампьес, поручив ему наставлять их в католической вере и снабдить всем необходимым¹¹⁷. Чтобы прежние владельцы не понесли убытков, было велено выкупить у них их хозяйства¹¹⁸. У представителей местной власти и королевских чиновников индейцы изъяты не были, как предписывалось в инструкции, потому что, объясняли

¹¹⁶ Между этими двумя вариантами документов есть некоторые различия, при том, что в издании CDI есть очевидные опечатки.

¹¹⁷ На Кубе и Ямайке изъятые индейцы были распределены между женатыми колонистами в надежде, что те останутся на островах. То же предполагалось сделать и на Сан-Хуане (CDI, t. I, p. 352).

¹¹⁸ В документе того времени (1519 г.) названы дворяне, проживавшие в метрополии, у которых были изъяты индейцы, а также изъяты и проданы имения (haciendas) на Эспаньоле (CDI, t.I, p. 370-371).

иеронимиты, эти репартимыенто являлись частью их жалования

Тех испанцев, что занимались добычей золота, иеронимиты перевели на оклад (*soldada*), тогда как прежде их заработка зависел от количества добываемого золота, что вело к чрезмерной эксплуатации индейцев и их смертям.

Иеронимиты жаловались на отсутствие епископов, что приводило, по их мнению, к тому, что многие церковнослужители жили как люди без пастуха, а многие миряне, особенно индейцы, умирали без причастия. Многие индейцы еще не были крещены, а если крещены, то им не объяснили, в чем заключается это таинство. Особенно мало священников было на Сан-Хуане, где, по сообщениям индейцев, очень мало (*rosos o ningunos*) людей исповедовалось, и многие умирали, не исповедовавшись. Не соблюдались и другие таинства. Как писали иеронимиты, нет никого, кто бы заботился о спасении этих бедных овечек.

Относительно разумности индейцев и нужно ли их размещать в селениях, монахи решили не писать прежде, чем соберут соответствующую информацию (CDI, t. I, p. 267-274).

Аборигены по опросу иеронимитов

В опросе, который провели иеронимиты, первые два вопроса касались личности того, кому адресовался вопрос. Те, что касались аборигенов, выглядели так: Знают ли, верят, видели или слышали, что эти индейцы, особенно острова Эспаньолы, как

мужчины, так и женщины, настолько знающи и способны¹¹⁹, что каждый из них сможет жить *políticamente*, умев обрести своими руками то, что их прокормит, добывая золото, продавая хлеб или работая поденщиком, и что они смогут хранить обретенное для покрытия своих нужд¹²⁰ на манер, как это сделал бы разумный крестьянин¹²¹ из тех, что живут в Кастилии? Следует ли для веры индейцев и обращения с ними перевести их в поселения, более близкие к испанцам, и нужно ли это сделать по их воле или силой; и это последнее не приведет ли к тому, что индейцы убегут или взбунтуются? В теперешних поселениях или в тех, что были бы сформированы, следует ли их иметь как свободных, с испанским правителем на жаловании, либо лучше оставить их энкомендированными, и в этом случае, нужно ли реформировать что-либо? (цит. по: Zavalá 1973, p. 27-28).

Обращает на себя внимание, что в этих вопросах, как и в инструкциях для иеронимитов, не представлено различие между индейцами касика и домашними набориями, которое, судя по репартимьенто 1514-1515 гг., имело значение для поселенцев.

Подробно ответы на вопросы иеронимитов проанализированы Э. Мира Кабальосом (*Mira Caballos* 2010). Он выявил, что "свидетели", к которым иеронимиты обратились с вопросами, подбирались с учетом возможности их разных мнений: францисканский и доминиканский монахи и 12 колонистов, как сторонников "официальной" партии, так и их

---

¹¹⁹ son de tal saber y capacidad

¹²⁰ para lo gastar en sus necesidades

¹²¹ un ome labrador de razonable ser

противников, которые названы "колумбитами"¹²². Среди опрошенных Мира Кабальос выделил четыре группы свидетелей, представлявших, как он пишет, различные идеологии и интересы.

По мнению этого исследователя, францисканец фрай Педро Мехия занял эклектическую позицию, промежуточную между позицией его ордена и официальной. Он считал, что некоторые из индейцев имеют "разум, чтобы жить самостоятельно"¹²³, так как они "умеют получать доход и делать покупки, и ухаживать за своими огородами"¹²⁴. Что касается энкомьенды, то он ее оправдывал, в соответствии с идеями его ордена того времени, хотя признал, что, если энкомьенда будет такой же, то через 20 лет из 20 тыс. индейцев не останется и 2 тысячи.

Бернардо де Санто Доминго, придерживаясь идей своего ордена, утверждал, что индейцы были способны жить свободными. Он считал, что в поселения таковых можно было допускать только несколько весино (семейных и добродетельных) и монахов-доминиканцев, которые должны были обучать индейцев испанскому языку, религии и "счету деньгам". Каждая семейная пара взрослых индейцев должна была платить подать в 2 песо золотом.

В третью группу Мира Кабальос объединил 4-х колонистов, которых он отнес к "колумбитам". Они считали энкомьенду, с

¹²² То есть, сторонников семьи Колумба. Видно, что иеронимиты не консультировались с индейцами, как было предписано в инструкции для них.

¹²³ razón para vivir por si

¹²⁴ saben granjear y comprar y entender en sus conucos

некоторыми изменениями, единственным возможным средством для христианизации индейцев. Все, за исключением одного, считали, что некоторые из индейцев могли бы жить свободными.

4-я группа – "официальная", самая большая, 8 человек. Они утверждали, что индейцы не способны жить в свободе и должны оставаться в энкомьенде без каких-либо изменений. Что касается перемещения индейцев ближе к испанским поселениям, то часть опрошенных из этой группы считала это полезным для обеих сторон, другая – очень вредным.

Таким образом, на вопрос о способности индейцев жить на свободе (то есть без опеки) ответили отрицательно 10 опрошенных из четырнадцати. Трое других заявили, что на это были способны только некоторые, и один, Бернардо де Санто-Доминго, заявил о полной дееспособности всех индейцев.

Самым полезным аспектом перемещения индейцев называли то, что они перестали бы умирать при переходе от своих мест обитания к имениям испанцев или к рудникам, так как этот "путь длинен, и еды мало".

Среди недостатков перемещения индейцев упоминалось их нежелание менять свою натуру¹²⁵, и что, если их принуждать к этому, то они покончат с собой, как это они делали из-за других, менее значимых, причин. Некоторые опрошенные указывали на необходимость создать запасы продовольствия в предполагаемых местах поселения. Один из испанцев сказал о возможности возникновения раздоров между касиками, если они будут жить в

---

¹²⁵ mudar de sus naturalezas

одном районе или селении, как это было прежде (из-за женщин и рыбных угодий). Кроме того, индейцы одного касика могут переходить к другому. Сосредоточение в одном месте многих принципалов вызовет зависть, воровство и распри...

Среди опрошенных некоторые указывали на вред постоянных перемен в энкомьендах при тотальных разделениях, так как многие (имевшие индейцев), думая, что их потеряют, не только не испытывали к ним любви, но и не обращались с ними хорошо.

Почти все опрошенные обвинили холостяков и тех семейных, что не имели каменного дома, в плохом обращении с индейцами, так те думали лишь о том, чтобы выжать из работников максимум и вернуться богатыми на полуостров.

Некоторые опрошенные указывали на большое неравенство в наделении индейцами, что, по их мнению, причиняло вред индейцам, так как, если их было мало, их нельзя было подменить, а если много, то недостаточно хорошо с ними обращались и их содержали. Заявители отмечали, что большое число энкомьенд было менее 40 человек и более 200.

Указывались и чрезмерные работы, как в имениях, так и на приисках.

Свидетели упоминали использование на рудниках труда детей, женщин и стариков, по причине чего в индейских поселениях не оставалось никого, кто мог бы возделывать огороды (цит. по: *Mira Caballos 2010*).

Один из опрошенных испанцев указал на то, что индейцы

очень беззаботны и не думают о будущем, не сберегают еду, и если у них много мяса, рыбы и чего-то подобного, то они едят днем и ночью, пока не закончат, не думая о том, что завтра еды не будет. Другой утверждал, что подобных (индейцам) не найдешь в Кастилии даже среди самых простых крестьян (цит. по: *Mira Caballos* 1997, р. 111).

Ко времени, когда на Эспаньоле начинали свою деятельность иеронимиты, относится анонимный документ, составленный, видимо, в Испании и отразивший позицию, противоположную высказанной доминиканцами. По мнению автора, индейцы, в соответствии с законами Бургоса, живут как христиане, и даже как монахи, и ведут себя как христиане, и многие являются хорошими христианами, и их будет с каждым днем больше. А если им дать свободу, чтобы они жили сами по себе, то они вернутся к прежнему идолопоклонству (CDI, т. I, р. 252). Тем не менее, для улучшения ситуации анонимный автор предлагал изъять индейцев у тех их хозяев, что находились в Кастилии, а также у губернатора, судей и королевских чиновников (CDI, т. I, р. 250-253).

От того времени осталось также мнение королевского чиновника на Эспаньоле, Х. Гонсалеса Давилы, находившегося тогда в Испании. В мемориале епископу Бургоса он резюмировал вопросы иеронимитов и собранную ими информацию. Самыми важными для блага и вечного сохранения Индий он посчитал два. Первый – есть ли у индейцев способность воспринять свободу, чтобы жить цивилизованно, как живут в Кастилии некоторые

крестьяне? Второй – если этой способности не будет найдено, благом ли будет перевести их из своих поселений ближе к «нашим»; и если переводить, делать ли это добром или силой?

Все под присягой, по словам чиновника, утверждали, что индейцы неспособны жить сами по себе (*entre sí*). Противоположное мнение высказал лишь доминиканец. Опрошенные были согласны, что для спасения (духовного – Э.А.) индейцев и сохранения их жизни следует их вывести из их поселений. Только два человека указали на трудности, но эти трудности, по их мнению, не были сравнимы с благами их приближения к испанским поселениям – а именно, познанием веры при совместном проживании с испанцами ("нами", как сказано в мемориале) и прекращением перемещений индейцев между их землями и местом их энкомьенды¹²⁶, что более всего уменьшает их в числе. Справедливо будет привести их доброму, объяснив, может быть, что так желает их Высочество, а испанцы не могут не исполнить это.

По мнению Гонсалеса Давилы, испанцам, получившим индейцев в энкомьенду, следует самим часто общаться с индейцами, так как наемные работники (*mozos de soldada*) с ними обращаются плохо. Часто общаясь с индейцами, полагал чиновник, энкомендеро будут их любить и удовлетворять их нужды. Для лучшего осуществления этих перемен нужно будет, чтобы на острове не было ни одного доминиканца, по крайней мере, тех, что высказали упомянутое мнение. Когда это будет

---

¹²⁶ de ir é venir á sus tierras

сделано, надо будет восстановить королевские распоряжения относительно облегчения труда индейцев и хорошего с ними обращения. Хозяевам следует больше времени проводить со своими индейцами, что является наивернейшим средством для хорошего обращения с ними, считал Гонсалес (CDI, t. I, p. 290-292).

Очевидно, что разнообразие мнений относительно судеб индейцев, высказанных представителями монашеских орденов и мирскими лицами относительно некоторых частных аспектов, перекрывалось убеждением большинства участников этого опроса в необходимости сохранения энкомьенды.

Иеронимиты приняли решение, сохранив энкомьенду, образовать новые индейские поселения.

Что касается Лас Касаса, то, по его словам, поскольку он настаивал на том, чтобы индейцы были отняты "у судей, чиновников и других" и чтобы иеронимиты приложили все свое старание для освобождения индейцев, его жизнь подвергалась опасности, и доминиканские монахи убедили его укрыться в их монастыре (*Las Casas* 1951, t. III, p. 147).

Доминиканцы протестовали против сохранения энкомьенды, чем вызвали порицание Сиснероса. В одном из мемориалов он напоминал, что этим монахам было велено их генералом и королем не вмешиваться, «так как было достоверно известно¹²⁷, что названные индейцы не были способны сами по себе воспринять и постичь дела веры». Если монахи будут

---

¹²⁷ se sabía y tenía por cierto

настаивать на своем, их следовало схватить и отправить в Испанию. Там же повелевалось вернуться в Испанию Лас Касасу, при этом он лишался жалованья прокуратора индейцев (цит. по: *Fernández Rodríguez*, 1994, p. 70-72).

В мае 1517 г. Лас Касас отправился в Испанию. Благодаря его усилиям, в декабре 1517 г. на заседании Совета Индий был зачитан мемориал, в котором, со ссылкой на финальную часть Ордонансов 1513 г., указывалось, что индейцы свободны, и что испанцы, которые после публикации законов их не выполнили и получили выгоду от труда индейцев, должны ее возместить (*Pichardo* 1972, p. 28-31)¹²⁸.

Меры иеронимитов

В январе 1518 г., через год после прибытия на Эспаньолу, монахи-правители и Суасо сообщали монарху о том, что они сделали. По их письмам можно себе представить, какие радикальные изменения свершились в жизни обитателей Эспаньолы, переживших испанское вторжение и последовавшие потрясения.

Среди первых потребностей Эспаньолы монахи назвали привоз негров-босалей¹²⁹. Объясняли они это не только выгодами для испанских поселенцев острова и королевской казны, но и тем, что это поможет индейцам, которые будут освобождены от

¹²⁸ Этот, как и некоторые другие мемориалы Лас Касаса, направленные на облегчение участия островных аборигенов, не принимались в расчет испанскими властями. О ранних мемориалах Лас Касаса см.: *Pichardo* 1972.

¹²⁹ bozal – раб-негр из Африки, в отличие от негра из метрополии, который мог быть "ладино", то есть знать испанский язык.

трудов и получат больше пользы для своих душ и своего размножения, особенно сейчас, когда их размещают в селениях, собирая их из многих мест, где они были рассеяны.

Монахи подтверждали свое мнение, что, для того, чтобы эти «бедненькие индейцы жили и не кончались», следовало не возвращать их дворянам, проживающим в Кастилии, у которых они были изъяты. Объяснялось, что индейцы у них были отняты по той причине, что с ними обращались хуже, чем с другими, так как они находились в руках мажордомов. Иеронимиты полагали также, что индейцев не следует вручать «оттуда», то есть из метрополии, а нужно назначить человека, который занимался бы этим «здесь».

Индейцы, которых монахи сравнили с обобранными от плодов деревьями¹³⁰, были рассеяны по всему острову в небольших количествах по своим поселкам, а также на приисках, в имениях и в других хозяйствах кастильцев. Это мешало найти какой-либо способ сделать их хорошими христианами и, тем более, способствовать их размножению (*multiplicar en generación*) – по той причине, что в одних местах не хватало женщин и было больше мужчин, в других – наоборот.

Монахи приняли решение, «чтобы все эти люди, касики и другие индейцы, были сведены и размещены в поселениях» по 400-500 человек в каждом, считая стариков и детей, и чтобы они там имели свои хозяйства и какое-то количество скота¹³¹. Сначала

¹³⁰ redrojo que queda en los árboles después de cogida la fruta.

¹³¹ haciendas é tuviesen algunos ganados

они переговорили с касиками и капитанами, прося их от имени монарха добром оставить свои поселения и угодья¹³² и перейти в те, что будут построены. При этом от короля были обещаны "многие милости", а именно, "некоторые свободы и скот", для того, чтобы они жили, как "другие кастильцы, их вассалы". По словам монахов, везде индейцы это восприняли хорошо, обещая все сделать, если будет исполнено то, что им обещал монарх.

После того, как было достигнуто соглашение с индейцами, иеронимиты обратились к испанцам - с просьбой помочь в этом "святом деле" и определить сведущих и опытных людей, которые вместе с людьми, назначенными иеронимитами, и с касиками выбрали бы места, где можно было ловить рыбу и где были бы земли для возделывания. Не сразу, но, под давлением иеронимитов, испанцы согласились, и после того, как были названы места поселений, их начали обустраивать. Иеронимиты распорядились, чтобы на время проведения этих работ индейцев не привлекали к работам на приисках и к другим хозяйственным работам на испанцев (за нарушение предусматривалась конфискация произведенного). Как написали иеронимиты, под угрозой этого наказания все работали до такой степени споро, что они надеялись все закончить к концу февраля.

Тем не менее, монахи указали, что индейцы не смогут перебраться в новые поселения до следующего года, пока там не будет обустроено хозяйство и не созреет урожай¹³³. Они

---

¹³² asientos é naturalezas

¹³³ Que esté la hacienda criada é de comer, que antes deste tiempo no tiene sazón.

надеялись заселить пять или шесть поселений, а всего, полагали, будет 25 или 26.

Монахи сообщали также, что распорядились назначить в каждое индейское поселение священника и семейного кастильца, который показывал бы, как жить упорядоченно (*en policía*), был бы во всем кроток и справедлив¹³⁴, и наставлял бы, как вести хозяйство, как распоряжаться полученным и хранить его (CDI, t. I, p. 298-304).

О тех же событиях монарху сообщал Алонсо де Суасо – «сейчас мы занимаемся сведением индейцев в поселения до 300-400 (человек), чтобы они не бродяжничали, а (жили) цивилизованно (*en policía*), женились, имели свои хозяйства, рыбные и охотничьи угодья и др.»¹³⁵ (CDI, t. I, p. 295). В другом письме того же времени, красочно изложив негативные результаты прошлых разделений аборигенов, он написал, что из 1130 тыс. аборигенов, населявших Эспаньолу, когда туда пришел Колумб, сейчас не осталось и 11 тыс. человек. Суасо утверждал, что через 3-4 года, если не принять мер, не останется ни одного (CDI, t. I, p. 310).

В те поры, когда иеронимиты и Суасо писали в метрополию, там находился один из трех монахов, Мансанедо, отправившийся ко двору, чтобы непосредственно поведать о состоянии дел в колонии. Февралем 1518 г. помечен его просторный мемориал для короля, который был, видимо,

---

¹³⁴ tenga en todo paz e justicia

¹³⁵ se casen, tengan sus haciendas, pesquerías, monterías, ets.

составлен еще на Эспаньоле с участием других иеронимитов (см. их письмо CDI, t. I, p. 348). Как сказано в мемориале, все то время, что иеронимиты находились в Индиях, они старались найти способ, при котором с душами и телами индейцев обращались бы хорошо, а королевская совесть (*conciencias Reales*) и совесть тех, у кого были индейцы в энкомьенде, была бы спокойной (*seguras*). Со многими умными и опытными людьми обсуждали они разные меры для достижения этой цели, и ни одна не подходила полностью, так как каждая имела свои недостатки. Монах даже написал, что он не знает, какую меру принять.

Тем не менее, в этом мемориале содержится обширный перечень соображений, из которых я здесь приведу те, что имеют непосредственное отношение к изучаемой теме.

По мнению Мансанедо, те индейцы Эспаньолы и Сан-Хуана, которых он видел, по большей части не имели ни способностей, ни знания для управления собой «на наш манер» без воздействия испанцев. Кроме того, утверждал он, у индейцев нет ни любви, ни воли к делам католической веры, если их не принуждать. Поэтому, если их оставить жить на их выбор и желание, опасался монах, они вернутся к своим прежним обрядам и ритуалам, а не к делам божиим.

Одной из главных причин запустения Индий Мансанедо считал перемены, поскольку никто не был уверен, что у него будут оставаться индейцы, данные ему в энкомьенду, и испанец пользовался ими как чужими вещами, полученными на времяз, по причине чего умерли и продолжают умирать многие индейцы. По

этой же причине испанцы не старались строить дома и заводить хозяйства, опасаясь, что у них отнимут индейцев и они потеряют все сделанное.

Он отмечал также, что плохо исполняется королевское распоряжение об инспектировании положения индейцев. Не исполнялось распоряжение короля о том, чтобы епископы назначали священников для служб в церквях эстансий (где работали индейцы – ЭА), поэтому в доктринации и обучении индейцев делам католической веры сделано очень мало.

Отдельно Мансанедо написал о юкайцах, обитателях Юкайских (ныне Багамских) островов, привезенных на Эспаньолу. Их статус обозначался выражением «постоянные слуги» (*naborias perpetuas*); как и рабы, они не подлежали переделам энкомьенды. Мансанедо сообщал, что некоторые весино Эспаньолы продавали и покупали много раз названных *naborias perpetuas*, что было запрещено¹³⁶. Мансанедо хотел уточнить некоторые вопросы относительно «постоянных наборий». В частности, если испанец вступит в брак с подобной наборией, останется ли она в рабстве, в котором находилась, как это имело место в случае с другими рабами.

Мансанедо склонялся к сохранению энкомьенды, так как в этой «мере», на его взгляд, содержалось значительно меньше недостатков, чем в других (Papeles 1931, t. I, p. 52-63).

К лету 1518 г. иеронимиты пришли к выводу, что они

---

¹³⁶ В этом, видимо, было формальное отличие "постоянных наборий" от рабов – ЭА.

сделали свое дело настолько, что оно может быть завершено без них, в том числе, на других островах, и просили позволения вернуться (письмо от 17 июля 1518) (CDI, t. I, p. 356-357). Однако, в сентябре того же года им было направлена грамота от имени короля, в которой, после упоминания прежних ордонансов и распоряжений, изданных для того, чтобы индейцы «сохранялись, множились и были хорошими христианами», говорилось, что королю известно, что, несмотря на все это, с «этими касиками и индейцами плохо обращаются лица, которым они вручены». Поэтому король повелевал иеронимитам постараться¹³⁷, чтобы с названными касиками¹³⁸ лучше обращались, лучше их содержали и наставляли, насколько возможно, исполняя ордонансы со всей строгостью правосудия (CDI-2, t.9, p. 89-90).

Предположительно, к 1518 г. относится письмо упомянутого выше Х. Гонсалеса Давилы, по которому можно судить, каковыми представлялись «четыре главные причины» исчезновения индейцев на Эспаньоле тем испанцам, что не были противниками энкомьенды. Сообщение было составлено, очевидно, еще до того, как в Испанию пришли известия об эпидемии оспы. Этими причинами, по мнению этого королевского чиновника, были: смена губернаторов; перемещение индейцев от одного весино к другому (что вело к смене поселений и жилищ, неуверенности в распоряжении индейцами и соответственно, неподобающему обращению с

---

¹³⁷ que con mucha diligencia proveays

¹³⁸ Хотя здесь стоит только слово «касик», из других фраз видно, что речь шла о касиках и индейцах.

ними); судебные тяжбы между весино, которые отвлекали их от хорошего обращения с индейцами и от ведения хозяйств. Самой главной причиной, считал королевский счетовод, было то, что от острова всегда ожидали больше золота, чем могло быть (CDI, t. I, p. 332-333).

В последнем известном мне письме иеронимитов, от 10 января 1519 г., они сообщали, что они сделали 30 селений, в которых будут собраны «немногие индейцы, что остались». Было посажено более 800 тысяч кустов маниоки, которой хватит для пропитания более 7 тыс. человек в течение года. Монахи также писали, что ими были завезено убранство для церквей в местах поселения индейцев.

Результаты и следствия реформ

Далее случилось непредвиденное. Как писали монахи, в то время, когда индейцы должны были в декабре отправиться с приисками в свои поселения, «господу было угодно наслать эпидемию оспы на названных индейцев, которая не кончается, и от которой умерло и умирает до настоящего времени почти третья часть названных индейцев». Монахи просили прислать негров-рабов, утверждая, что, если эпидемия продлится еще два месяца, никакого золота на Эспаньоле добыто не будет, и, если останется какое-то количество индейцев, их хватит лишь для ухода за скотом и поддержания гасиенд. Тогда же стало известно о начале эпидемии среди индейцев Сан-Хуана (CDI, t. I, p. 367-368).

Относительно эпидемии среди индейцев Эспаньолы оставили сведения и другие современники. Так, лиц. Родриго де Фигероа, посылаемый на Эспаньолу¹³⁹, находясь еще в Севилье, сообщая о новостях с Эспаньолы, написал, что говорят, что умерла четвертая часть индейцев (CDI, t. I, p. 368-369). Письмо датировано апрелем 1519 г. и, скорее всего, отражает сведения, более ранние, чем те, что сообщены в вышеназванном письме иеронимитов. В письме нескольких должностных лиц от 20 мая, отправленном с Эспаньолы, речь шла уже о смерти «большой части» индейцев (CDI, t. I, p. 369-370). Эпидемия поразила и аборигенов других островных владений Испании. Мартир писал, что оспа свирепствовала среди индейцев, как эпизоотия среди скота (*Martyr* 1912, t 2, p. 52).

Некоторые сведения об иеронимитах есть у Овьедо, который в 1515 г. прошел Эспаньолу с запада на восток, встречался при королевском дворе со многими действующими лицами тех лет и позже долгие годы жил на этом острове. По его оценке, правление четырех человек (то есть, трех иеронимитов и Суасо) было очень хорошим, за исключением того, что и они перемещали индейцев. Переселение индейцев Овьедо назвал великим злом, ибо подобные меры, полагал он, приводят к самым большим потерям среди "этих людей". Объяснял он это, как и другие, тем, что, поскольку христиане из-за частых перемен не были уверены, что индейцы останутся у них, то они либо

---

¹³⁹ Одной из его задач была свести в поселении индейцев, которые могли жить сами по себе; об этом см. ниже.

заставляли их чрезмерно работать, либо не обращались с ними так, как обращались бы, если бы не опасались этих «частых переворотов».

Овьедо написал, что относительно труда индейцев было много правовых споров между известными правоведами, канонистами, теологами, монахами и прелатами. Спор шел о том, должны или нет работать индейцы на испанцев; способны они или нет принять католическую веру и др. Поскольку в этих спорах мнения были очень различны, то, считал Овьедо, никакой пользы от него не последовало ни земле, ни индейцам.

Овьедо написал, что оспа случилась, когда индейцы были сведены в поселения. По его словам, она была так сильна, что на островах не осталось индейцев или их осталось столь мало, что это казалось великой небесной карой (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 104-105).

Лас Касас назвал селение индейцев в деревни средством, хорошим по сути, которое, в силу многих обстоятельств, оказалось губительным для индейцев. Далее он объяснял причину – поскольку индейцы так хрупки, то при перемещении из тех мест, где они родились и выросли, в другие (каким бы малым ни было расстояние) они легко заболевали и умирали. При этой смене мест им, по большой части, не оказывали никакой помощи, и они заново должны были возделывать землю "своими трудами и потом". По словам Лас Касаса, общеизвестно, что сводить индейцев в поселения, переводя их из одних мест в другие, это только убить их, что и случилось (*Las Casas* 1951, t.III,

р. 304-305).

Как видим, относительно губительности перемещений для индейцев совпадали мнения таких антагонистов как Овьедо и Лас Касас.

Некоторые современные исследователи полагают, что причиной высокой смертности индейцев того времени послужила именно их концентрация в поселениях. Однако, как следует из письма иеронимитов, эпидемия началась, когда индейцы находились на приисках и только собирались разойтись по новым поселениям. Кроме того, как видно по репартимьенто 1514 г., значительная часть индейцев относилась к категории «домашних наборий» и, какая-то их часть, вероятно, не находилась в то время на приисках.

Как бы то ни было, мор случился в заключительной фазе преобразований иеронимитов. И преобразования эти не изменили сути отношений между колонистами и аборигенами, оставив нетронутой систему эксплуатации в виде энкомьенды.

Иеронимиты вернулись в Испанию и разошлись по своим монастырям (*Las Casas* 1951, т. III, р. 359, 362). Суасо в качестве правителя Эспаньолы был сменен Родриго де Фигероа. Одной из задач, поставленных королем перед новым правителем, было освобождение индейцев от энкомьенды (*Cassá* 1974, р. 218). Но он даже не изъял индейцев у судей, как ему было велено в инструкции, объясняя это королю тем, что это следовало сделать после расследования их деятельности (CDI, т. I, р. 421).

Исход испанцев

В годы деятельности иеронимитов на островах там стали ощущаться две проблемы, оказавшие дальнейшее влияние на судьбы островных колоний и местного аборигенного населения: нехватка рабочих рук и исход испанцев.

О нехватке на островах (были названы все четыре – Эспаньола, Сан-Хуан, Фернандина (Куба) и Ямайка) «крестьян и трудового люда» говорилось в королевском письме чиновникам Торгового дома Севиля от 22 июля 1517 г (Papeles 1931, t. I, p. 45). Поскольку основную рабочую силу составляли аборигены, колонисты испросили королевского разрешения (и получили его) вывезти на Эспаньолу обитателей "многих бесполезных островов", что, по их словам, были вокруг Эспаньолы. Оттуда были вывезены до 15 тыс. человек, из которых умерли более 13 тыс. Суасо в январе 1518 г. сообщал, что выживших продавали как рабов, хотя они были свободными, и ставили клеймо на лицо (CDI, t. I, p. 311-312). Фигероа несколько позже, в апреле 1520 г., докладывал, что "понемногу привозят с Материика карибов и итотов из тех, что едят человеческое мясо, без какого-либо скандала (со стороны) отцов-доминиканцев" (CDI, t. I, p. 377). Мартир, в свою очередь, утверждал, что только с Багамских островов на Эспаньолу и Кубу за 20 лет было вывезено 40 тыс. мужчин и женщин в качестве рабов (Martyr 1912, t. II, p. 248).

Современные историки нашли, что в испанские владения на Больших Антильских островах ввозили индейцев с Багамских островов, островов Аруба, Бонаire, Кюрасао, Малых Антильских, Тринидада, Маргариты и Кубагуа, с полуострова

Пария, из Куманы, с побережья от Венесуэлы до Юкатана и от Новой Испании до Флориды (*Anderson-Cordoba* 2005, р. 350).

Нехватка рабочей силы, усугубляемая недовольством разделами индейцев, приводила к тому, что многие из испанцев покидали насиженные места. Так, Суасо в своем письме от января 1518 г. сообщал, что из Вильи Буэнавентура, насчитывавшей 30 весино, ушли 13. Из города Консепсьон ушли 12. Прежде в этом городе было 50 весино, которые выставляли 40 всадников. После репартимьento Альбукерке осталось 28 весино и менее 10 всадников. В других испанских поселениях, по словам Суасо, было то же самое, и они превратились в пастушки хижины (CDI, t. I, р. 310-311).

Суасо не написал, куда конкретно уходили испанцы, хотя и упомянул слухи об Индиях¹⁴⁰. Колонисты с Эспаньолы могли перейти на Кубу или отправиться на материковые земли от Венесуэлы до Панамы и Никарагуа, где с разной степенью успеха пытались закрепиться испанцы. В эти годы с Кубы вышли несколько разведочных экспедиций к Юкатану и прилежащим землям Мексиканского залива. Отправляясь на завоевание материковых земель, испанцы уводили с собой островных аборигенов. По разным источникам, Кортес и последовавший за ним Нарваэс увели с Кубы от 4-х до 5 тыс. (по некоторым сведениям, лучших и отобранных) (цит. по:(*Zerquera y Fernández de Lara* 1977, р. 72, 74; *Marrero* 1974, т. 2, р. 133; см. также CDI-2, т. 1, р. 199). О запустении острова после экспедиций, ушедших с

---

¹⁴⁰ allá suenan mucho las Indias

Кубы, писал и Овьедо¹⁴¹ (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, т. I, р. 499).

После того, как до островов дошли новости о богатствах материковых земель в нынешней Мексике и Перу, их испанских обитателей стало еще труднее удерживать на прежних местах. В 1520 г. в письме с Эспаньолы говорилось, что, если бы те, кто хотел уехать, могли оплатить свои долги, на острове стало бы еще меньше людей (CDI, т. I, р. 397).

К тому времени испанская корона признала, что политика энкомьенды была главным инструментом разрушения аборигенных обществ на островах. Так, в королевском письме 1521 г., предоставившем Франсиско Гарро право заселять новые земли, среди многих наставлений говорилось: "Никоим образом не должны делать репартимьенто между поселенцами... потому что из этого, как вы знаете, пришли все беды, что случились с индейцами островов Эспаньолы и Сан-Хуана...". Тем не менее, указывалось, что, если местные индейцы не захотят мирно обмениваться с пришельцами, их можно будет разделить и вручить поселенцам как наборий (*Fernandez Navarrete* 1923, р. 189).

Поворот во взглядах монахов на аборигенов

По мере того, как испанцы расширяли свои владения в Новом Свете за пределы островов, они встречали аборигенов,

---

¹⁴¹ Овьедо заключил, что с индейцами Кубы покончил Бог за их пороки, преступления и идолопоклонство.

имевших разный багаж достижений культуры и разные модели поведения по отношению к чужакам. Из отношений на местах с этими различными обществами в метрополии формировалось и трансформировалось представление об индейцах в целом и о том, какую политику следовало вырабатывать для управления ими.

Относительно легкое подчинение островных аборигенов сменилось заметными потерями завоевателей на материке. Воинственность ряда народов, некоторые элементы их культуры (антропофагия и использование отравленных стрел), а также отказ принимать христианство делали их врагами испанцев, у которых, как правило, они получали общее название "карибов". В сентябре 1520 г. на северном побережье Венесуэлы были разорены францисканский и доминиканский монастыри и убиты несколько монахов. При этом организаторами нападения были сыновья местных вождей, бывшие прежде в обучении у монахов (*Martir* 1912, т. II, р. 273). В те же дни в других местах побережья были убиты несколько десятков испанцев. Некоторые из них занимались обменом с местными индейцами, другие промышляли захватом людей (CDI, т.I, р. 423-426).

Это событие перевернуло взгляды на индейцев ряда прежних сторонников идеи мирной христианизации. Так, фрай Томас Ортис, доминиканец, который в 1516 г. подписал письмо в защиту индейцев Эспаньолы, затем ставший викарием доминиканцев в провинции Чирибиче (северное побережье Венесуэлы) и случайно избежавший смерти¹⁴², в своем

---

¹⁴² Он во время нападения индейцев находился на о. Кубагуа с испанцами

сообщении, которое он в 1524 г. зачитал на Совете Индий, дал местным обитателям самую уничтожающую характеристику.

Вот перечень их недостатков (не всегда последовательный, возможно, с нашей точки зрения) в книге Лопеса де Гомары. Они едят человеческое мясо и являются большими содомитами, чем любые другие. У них нет никакого правосудия (*justicia*), они ходят нагими, у них нет ни любви, ни стыда; они как ослы глупы, безрассудны, бесчувственны; легко убивают себя и других¹⁴³; правду блюдут только в свою пользу; они непостоянны; не знают, что такое совет; они неблагодарны и любители новостей; хващаются тем, что напиваются, и у них есть вина из разных трав, плодов, корней и зерна; они опьяняются также дымом и некоторыми травами, теряя рассудок; они – скоты в своих пороках. Никакого подчинения или уважения не имеют молодые к старикам и дети к родителям; они не поддаются ни обучению, ни наказанию¹⁴⁴; неверны, жестоки и мстительны; наивраждебнейши (по отношению к) религии, бездельники, воры, лжецы, низких суждений¹⁴⁵; не блюдут веру и порядок; мужья не хранят верность женам, а жены мужьям; колдуны, вещуны, некроманты; трусливы как зайцы, грязны как свиньи; едят вшей, пауков и червей в любом месте, где их найдут; у них нет людских ни умения, ни ловкости; когда забывают дела веры, которым они научились, говорят, что они для Кастилии, а не для них, и что они

(Fernández Rodríguez 1994, p. 83).

¹⁴³ no tienen en nada matarse y matar

¹⁴⁴ no son capaces de doctrina ni castigo

¹⁴⁵ de juicios bajos y apocados

не хотят менять ни обычай, ни богов; к больным они не выказывают никакого сострадания, и будь они соседи или родственники, они их оставляют при смерти или уносят умирать в лес с небольшим количеством хлеба и воды; чем больше они взрослеют, тем хуже становятся; до 10-12 лет кажется, что вырастут в какой-то мере воспитанными и добродетельными; после этого превращаются словно в глупых животных (*brutos animales*). Среди "пороков" было названо и отсутствие у индейцев бород.

В заключение этого перечня было сказано, что никогда Бог не создавал людей, столь погрязших в пороках и низости, без примеси какого-либо добра и цивилизованности (*bondad y policía*). Автор мемориала ссылался на собственный опыт и, еще более, на фрая Педро де Кордоба, который, по словам Ортиса, написал все это, и с которым много раз обсуждались эти и другие вещи, о которых он умалчивает (*López de Gómara* 1922, т. II, р. 243-244; см. также *Martir* 1912, т. 2, р. 274-275).

Поразительная характеристика при том, что в те же годы испанцы столкнулись на материке с носителями культур, многие элементы которых (особенно в материальной сфере) вызывали у конкистадоров восхищение. Королевская инструкция Э. Кортесу 1523 г. начиналась с благодарения господу за то, что обитатели новых земель "более умелы и способны, и разумны"¹⁴⁶, чем индейцы материка и островов, в связи с чем высказывалась надежда, что они более готовы, чтобы жить как христиане (CDI-

---

¹⁴⁶ mas aviles y capases y razonables

2, т. 9, п. 167-168). 1523 г.

Противление аборигенов

На протяжении всего раннеколониального периода, вплоть до провозглашения на островах Новых Законов, испанцы сталкивались с отторжением аборигенами навязываемых им форм жизни, что сопровождалось их нещадной эксплуатацией и бесчеловечным обращением с ними. Это неприятие имело разные формы, как видно из сказанного выше: лишение жизни себя или будущего потомства, бегство от хозяина и, в некоторых случаях, вооруженная борьба.

Отток испанцев с островов породил надежды островитян на освобождение от пришельцев и вызвал выступления против колонистов на всех островах. Их общей характеристикой была спонтанность и разрозненность, а отличались они, пожалуй, тем, что их пик на разных островах приходился на разные годы.

Эспаньола

Наиболее успешной следует считать многолетнюю борьбу с испанцами касика Энрике (Энрикильо, как его звали испанцы) на Эспаньоле, и она более подробно описана современниками. Начало его противостояния испанцам совпадает по времени с концом правления иеронимитов и, вероятно, ослаблением королевского контроля над энкомендоро, а также с началом исхода испанцев с острова.

Энрике, как сын касика, был воспитан во францисканском монастыре, где его научили читать и писать и, по словам Лас

Касаса, хорошим нравам. Он вернулся на свои земли (в Баоруко) и, став взрослым, женился. Его хозяин-энкомендеро, Валенсуэла, позарился на его лошадь и отобрал ее. Более того, он хотел отнять у Энрике жену и даже побил того. Энрике пожаловался наместнику губернатора в своей виллы. Последний пригрозил ему и, говорят (написал Лас Касас), даже посадил в тюрьму или на цепь. Когда Энрике выпустили, он отправился с жалобой в Королевскую Аудиенцию в Санто-Доминго. Там он получил грамоту в свою пользу (*de favor*), с которой его отослали к тому же наместнику. Этот, получив бумаги, как говорят (опять слова Лас Касаса), пригрозил ему сильнее, чем в первый раз.

Валенсуэла продолжал притеснять Энрике, и последний в одну из пересмен индейцев не вернулся на работы и не послал индейцев. Попытка Валенсуэлы вернуть их силой не удалась - испанцы, выступившие с ним, были рассеяны, несколько убиты. Не справился с людьми Энрике и более крупный отряд испанцев (70 или 80 человек, по словам Лас Касаса). Энрике со своими людьми ушел в горы Баоруко, в 1519 г., к нему стали приходить индейцы со всего острова, и в его подчинении собралось около 300 человек, которых он учил их военному делу. Энрике не позволял своим людям, чтобы они нападали на испанцев и убивали их. Лас Касас объяснил это тем, что Энрике лишь хотел защитить себя и своих людей от испанцев. Тем не менее, его люди, против его воли, считал Лас Касас, убили нескольких испанцев, которые шли с материка и везли золото. После одной из схваток, в которой испанцы были разбиты и спрятались в пещерах, люди

Энрике хотели их поджечь. Вождь не позволил им это сделать, велев только взять оружие. Слава Энрике росла, и весь остров был взбудоражен. Когда собирали отряд, направляемый против него, не все испанцы хотели идти, и Аудиенции приходилось прибегать к штрафам. Неудачей закончилась попытка убедить Энрике вернуться к мирной жизни, предпринятая францисканским монахом Ремихио (Лас Касас полагал, что это был один из тех, что воспитал Энрике).

Успешные действия Энрике побудили некоторых других вождей выступить против испанцев. Одним из них был индеец по прозвищу Сигуайо. Он, как и Энрике ушел от своего хозяина, присоединил к себе 10 или 12 индейцев, и они стали нападать на испанцев на приисках и в поместьях. По словам Лас Касаса, он навел страху на весь остров. Наконец, был организован отряд из индейцев, который преследовал его много дней и настиг. Сигуайо был убит, его соратники бежали. После него поднялся Тамайо, который нападал на испанцев вне поселений, убив многих, в том числе женщин; позже он пришел к Энрике (*Las Casas* 1951, т. III, 259-267; см. также *Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, т. I, р. 140-141).

Энрике настолько обеспокоил испанские власти, что из Испании на Эспаньолу был послан специальный отряд (почти 200 человек), во главе с Франсиско де Баррио Нуэво, назначенным губернатором Кастильи дель Оро. Он прибыл на остров в начале 1533 г. Первой задачей Баррио Нуэво было «всеми возможными

способами»¹⁴⁷ заключить мир с Энрике от имени испанской короны. На месте было решено не использовать прибывших из Испании людей, а дать Баррио Нуэво несколько десятков местных испанцев, имевших опыт преследования индейцев в горах, в сопровождении индейцев-носильщиков (CDI, t. I, p. 481-501).

Кампания Баррио Нуэво завершилась заключением мира между королем Испании и индейским вождем. Одним из условий соглашения было обещание Энрике ловить беглых негров и индейцев¹⁴⁸. 27 августа 1533 г. Энрике с тремя десятками своих вооруженных людей¹⁴⁹ прибыл в окрестности вильи Асуга. Его встретили несколько иадальго и знатных людей, алькальды и весино, конные и пешие. Как написал Овьедо, обнимались все. Испанцы выставили угожение (разное мясо и вино). Ели вместе испанцы и главные индейцы, и остальные. Сам Энрике не ел, не пил, хотя испанцы его об этом просили. Держался он с большим достоинством, говорил со всеми, но не смеялся. Трапеза длилась четыре часа (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 154-155).

Необычное для того времени явление - совместная трапеза вооруженных людей, которые только что были врагами. Очевидно, что испанцы пошли на такое завершение индейского неповиновения в силу той угрозы, что представлял Энрике для

¹⁴⁷ por todas las vías que pudiere

¹⁴⁸ Детали кампании и переговоры между Баррио Нуэво и Энрике подробно описаны Овьедо (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 140-149).

¹⁴⁹ все с полупиками (lanzas de gineta), мечами и круглыми щитами, а некоторые с кинжалами.

существования испанской колонии, на что прямо указывал Овьедо - «И в самом деле он (мир – Э.А.) был очень нужен, так как остров пропал по причине восстания этого касика...» (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 150).

Безуспешные попытки схватить Энрике испанцы объясняли труднодоступностью мест, где он скрывался со своими людьми, разбросанностью мест обитания и возделываемых участков, мобильностью, своевременным оповещением о приближении испанцев. Немалую роль играло и то, что люди Энрике овладели навыками использования европейского холодного оружия.

Энрике не выступал за защиту прежнего образа жизни. При встречах с испанцами, описанными Овьедо, он вел себя, как мог себя вести в такой ситуации испанский предводитель. Он был набожным христианином и более всего, по словам Овьедо, сожалел о том, что многие индейские дети по причине военных действий не были крещены (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 151). Испанцам было известно, что на протяжении всего бунта Энрике не переставал постыдиться по пятницам и усердно молился в другие дни. Тем не менее, он прибегал к практике, вероятно, известной ему от предков. Как написал Овьедо, для того, чтобы сохранить людей для войны, и чтобы мужчины были сильны, он не разрешал им плотского соединения с женщинами до того, как они достигнут 25 лет. (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 157).

Энрике умер немногим более года после заключения мира

(*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, 158). Поселение, которое он получил по договору с королем, было в 1537 г. сожжено восставшими африканскими рабами. Те из обитателей, что не бежали, были убиты (*Cassá* 1974, р. 220; *Guitar* 2002, р. 6-7). Когда Энрике сдался, было сформировано два новых пуэбло, одно из которых было разрушено Лемба. Место расположения другого, где умер вождь, было предметом спора историков. Касса склоняется к тому, что это было Бойя, находившееся вблизи от реки Окоа (*Cassá* 1992, р. 300).

Сан-Хуан

На Сан-Хуане испанское население было незначительным, обитало в двух небольших прибрежных поселениях; какое-то число находилось внеселений (*Anderson-Cordoba* 2005, р. 347). Что касается реформ иеронимитов, то, по мнению королевского казначея Андреса де Аро, они за год не сделали ничего, и весино чувствовали себя неуверенно, боясь перемен (CDI, т. VII, р. 393, nota 1).

Ситуация с аборигенами отличалась от того, что имело место на Эспаньоле, тем, что на Сан-Хуане были найдены значительные по тем годам месторождения золота, где заставляли работать индейцев. Плохое питание и тяжелый труд сокращали число местных работников, и испанцы все больше зависели от ввезенных индейцев-рабов. Сотни их привозились ежегодно; рабы-индейцы преобладали на этих работах до 1530-х гг. Испанцы предпочитали привезенных рабов, так как на них не распространялись законы по защите индейцев. Торговля рабами

велась в Карибском бассейне до 1530-х. (цит. по: *Anderson-Cordova 2005*, р. 348-349).

От притеснений аборигены убегали внутрь острова или на соседние, Малые Антильские, острова.

Ямайка

Во времена правления иеронимитов Ямайка продолжала оставаться базой для снабжения других испанских колоний. Когда на Кубе готовилась экспедиция Кортеса к берегам Мексики, для ее нужд с Ямайки были привезены кобылки, бычки, свиньи, овцы, куры и козы (*Días del Castillo 1963-I*, р. 401). После того, как испанцы на Ямайке узнали об успехах Э. Кортеса в Мексике, с острова отправилось несколько экспедиций в соседние материковые земли; в некоторых из них были местные индейцы (*Fernández de Navarrete 1923*, р. 75-76).

На Ямайке раньше, чем на других островах, исчезла большая часть местных аборигенов – уже к 1520 г.

*

Для коренных обитателей Больших Антильских островов главным общим итогом рассматриваемого периода стало дальнейшее падение их численности, которую не смогли прервать специально посланные для этого на острова монахи-иеронимиты.

**Гл. 4. От возобновления опытов с поселениями
«свободных» индейцев (в 1520-е гг.) до середины XVI
в.**

В данной главе будет рассмотрена политика испанцев относительно островных аборигенов в период с 1520 г., когда на островах был возобновлен опыт освобождения индейцев от энкомьенды, вплоть до реализации на островах Новых законов 1542-1543 гг., по которым индейцы Больших Антильских островов выводились из энкомьенды. Материал, представленный по Кубе, значительно превосходит то, что я даю по другим островам, так как на ней дальше, чем на других, аборигены сохраняли значимость для испанских поселенцев, что нашло отражение в письменных источниках.

1520-е - начало 1540-х

Эспаньола

Как упоминалось выше, на Эспаньоле опыт по освобождению индейцев от энкомьенды и предоставлению им самостоятельной хозяйственной жизни был начат при Овандо. Он длился несколько лет и был испанцами оценен как неуспешный. О возможности наличия индейцев, которые могли бы вести жизнь самостоятельного христианина (под надзором испанцев) говорилось в последнем пункте дополнений к Законам Бургоса. Напоминание о такой возможности содержалось и в инструкции для иеронимитов. По некоторым сведениям, они сочли возможным предоставить свободу лишь одному человеку (цит.

по: *Gussinyer i Alfonso*, nota 80).

Когда на смену иеронимитам и Суасо на Эспаньолу в качестве правителя был направлен Родриго де Фигероа¹⁵⁰, ему также повелевалось заняться освобождением "способных" индейцев. В одном из соответствующих распоряжений от 9 декабря 1518 г., врученных ему, очевидно, перед отплытием, испанскими монархами было велено, чтобы всем индейцам, которые по своей воле захотят свободы и смогут при этом жить цивилизованно и упорядоченно, была предоставлена полная свобода. Повелевалось не создавать помех таким касикам и индейцам (*Konetzke* 1953, t. I, p. 68).

В другом документе от того же числа уточнялась соответствующая процедура. Свободу следовало испрашивать у Фигероа, и он, в случае положительного решения, давал "свободу жить самостоятельно" и назначал подать. Предусматривалось, что каждый освобожденный женатый будет платить ежегодно 3 песо золотом; за каждого сына или мужчину старше 20 лет, что будет в его доме или под его правлением – 1 песо. Столько же должен был уплачивать каждый индеец старше 20 лет, даже если он не был женат, но был самостоятелен (*esté por sí*). Каждое лицо от 15 до 20 лет должно было платить 1 песо в год, даже если находилось под властью родителей или других лиц. Касик должен был платить за лиц (их пол не назван) в возрасте от 15 до

---

¹⁵⁰ Вот его титулы, как они представлены в одном из писем самого Фигероа - *juez de residencia é Justicia mayor desta Isla Española, é juez de la Audiencia Real de las apelaciones en estas partes, é repartidor de los caciques é indios desta dicha isla* (CDI, t. I, p. 379-380).

20 лет, находившихся под его властью, 3 песо золотом. Оговаривалось, что на касика не налагается никакая подать или служба¹⁵¹, и что за ним сохраняются привилегии¹⁵², что ему должны его индейцы (*Konetzke* 1953, p. 69-70).

Кроме того, Фигероа должен был держать вакантными (решая, что с ними делать) тех индейцев, которых иеронимиты взяли у испанских дворян, что не проживали на островах, и которых они уже распределили среди колонистов (CDI, t. I, p. 368-369).

Фигероа прибыл на Эспаньолу в августе 1519 г. Через месяц королевские чиновники острова сообщали в метрополию, что он освободил двух касиков, которые добывали золото для короля, и намеревался это сделать с некоторыми другими. Чиновники сомневались в пользе опыта с освобождением индейцев и указывали на очевидные потери королевских доходов от него. Эти потери могут быть еще больше, считали они, если другие касики не захотят "работать хорошо". Испрашивалась лицензия для ввоза рабов. Там же утверждалось, что индейцы, остававшиеся в энкомьенде, "могут сохраняться очень недолго" (*pueden durar muy poco*) (CDI, t. I, p. 371-373).

По письмам Фигероа с Эспаньолы можно представить, какова была в то время ситуация с аборигенами на Эспаньоле. Так, 6 июля 1520 г. он писал, что следовало сохранить¹⁵³

---

¹⁵¹ Непонятно, ввиду того, что выше шла речь об уплате подати за подчиненных

¹⁵² libertades y preeminencias

¹⁵³ Употреблен глагол *disimular*, одно из значений которого – «простить».

энкомьенды, ибо, в противном случае поселенцы не смогут себя содержать, и остров запустеет. Он сообщал, что теперь к индейцам постоянно ходят инспектора, добрые мужи, тогда как прежде они (инспектора) были такие слабые, что не исполнялось ни одно наказание. Энкомендоро были недовольны инспекторами, но Фигероа намеревался поддерживать последних, потому что без них, по его мнению, в два года не осталось бы и 500 индейцев на острове. Он писал далее, что почти все энкомендоро на острове очень жестоки с индейцами, и для них не имело значения, что индейцы кончатся, если они (энкомендоро) получат золото и отбудут в Кастилию.

Относительно двух поселений индейцев, что он "поставил на проверку гражданской жизни"¹⁵⁴, из текста письма видно, что для опыта были взяты поселения с индейцами короля и Диего Колона. Фигероа написал, что они лениво делают (только) то, что им необходимо для пропитания, и не больше. Этих индейцев определили на добычу золота, чтобы они могли выплачивать королям подать. Им были даны рабочие инструменты и другие вещи, и они уже занимались этим, но, по словам Фигероа, не сделали почти ничего. Фигероа не верил, что эти люди были способны на такую работу, так как советы для них бесполезны, хотя им и говорили, что они будут свободны, если будут делать это. Фигероа полагал, что хоть какая-то польза будет даже от такого их состояния, если это поможет индейцам сохраняться и

Судя по продолжению фразы, речь шла о сохранении энкомьенды.

¹⁵⁴ tengo puestos en probación de vida política

множиться. И его вывод – все здесь говорят, что, будучи в Энкомьенде, невозможно им будет не умереть вскоре, как бы хорошо их ни защищать. А отнять их у христиан – это, наверняка, обезлюдить остров¹⁵⁵ (CDI, t. I, p. 417, 419).

Таким Фигероа видел будущее колонии, и перед таким выбором стояла корона.

Противники Фигероа обвиняли его в том, что он назначил инспекторами молодых людей, что привез с собой, тогда как король велел, чтобы ими были старые поселенцы. И эти инспекторы налагали большие штрафы и наказывали поселенцев. Остававшихся вакантными индейцев он, будто бы, вручал своим клиентам и родственникам; эти люди и он сам были богаты, а старые поселенцы едва могли содержать себя (CDI, t. I, p. 379; повтор на с. 412).

Летом 1520 г. на Эспаньоле была восстановлена деятельность Королевской аудиенции¹⁵⁶, чему, судя по ряду писем с острова, были довольны испанские обитатели. Недовольны же они остались тем, что одним из судей этой аудиенции был назначен Фигероа, что, по мнению его оппонентов, препятствовало расследованию жалоб на него самого (CDI, t. I, p. 415).

Из письма Фигероа от 13 ноября 1520 г., видно, что ему повелевалось продлить испытание с индейцами в поселениях, чтобы увидеть, на что они годны¹⁵⁷. Более того, следовало

¹⁵⁵ Фигероа употребил глагол "despoblar" и имел в виду испанцев.

¹⁵⁶ Она была прервана с прибытием на остров Суасо (CDI, t. VII, p. 355-356).

¹⁵⁷ para cuánto eran

увеличить число таких поселений, поместив в них людей, что будут освобождаться от энкомьенды. Этими поселениями должны были управлять¹⁵⁸ назначенные туда священники.

Фигероа заверил, что он все исполнит, хотя и был уверен, что вне энкомьенды индейцы кончатся¹⁵⁹. Он писал, что его не любят за то, что он и инспектора штрафовали тех, кто плохо обращался с индейцами. Люди острова (так он назвал соотечественников) очень сожалели о королевском повелении относительно свободы, так как ожидали разделения вакантных индейцев (CDI, t.I, p.421).

На какое-то время (1520-1523) на Эспаньолу возвращался Диего Колон с титулами адмирала и вице-короля. Административные функции при этом он разделял с судьями Королевской аудиенции и королевскими чиновниками, о чем свидетельствует письма, адресованные короной этим ветвям власти (CDI, t.I, p.427 и др.).

Политика испанской короны, направленная на постепенное освобождение индейцев от энкомьенды, с одной стороны, и потребность для поселенцев в рабочей силе, с другой, приводили к сочетанию, казалось бы, не совместимых явлений. Так, когда некие индейцы стали свободными от энкомьенды по смерти их хозяина, один из весино г. Санто-Доминго, Пасамонте, обратился (15 июля 1521 г.) к Фигероа с просьбой пользоваться ими.

---

¹⁵⁸ употреблен глагол administrar, другие значения которого – "отправлять правосудие", "причащать"

¹⁵⁹ aunque cierto si no se encomiendan, por más visitadores e ordenanzas ellos se acabarán

Фигероа, по его словам, решил, что, если индейцы захотят работать на этого человека, который будет им платить как свободным людям, от них будет больше пользы, чем, если будет по-другому. Поэтому он повелел алькальдам отправиться туда, где находятся эти индейцы, и объяснить им, что они свободны, и что Их Величества повелеваю и хотят, чтобы их не вручали никому, а чтобы они жили как испанцы, и то, что они заработают, было бы ихним, а если они хотят перейти к Пасамонте, тот очень хорошо оплатит их труд. При согласии индейцев, алькальдам поручалось определить ежегодную плату, которую должен будет им давать Пасамонте (CDI, t. I, p. 436-437).

Савала справедливо отметил, что на деле это было продолжением прежней системы работ индейцев, хотя исполнялась юридическая формальность требования их выраженной воли (*voluntad expresa*) вместо применения насильственной формулы, которая до тех пор служила основой репартимьенто (*Zavala* 1973, p. 38).

Тем временем дела в метрополии складывались не в пользу энкомьенды. Против разделения индейцев были направлены решения Хунты 1523 г. в Вальядолиде (цит. по: *Zavala* 1973, p. 43-44). В последовавшей после этого инструкции Карла V Эрнану Кортесу от 26 июня 1523 г. об управлении новыми землями упоминался «длительный опыт» разделения индейцев на Эспаньоле и других островах, где, как говорилось, они очень сильно уменьшились в числе из-за плохого с ними обращения и чрезмерного труда. Там же говорилось о том, что одной из

причин, более всего возмутившей индейцев Эспаньолы и сделавшей их враждебными по отношению к "христианам", было то, что эти забирали у индейцев жен, дочерей и слуг, держали в своих домах против их воли и пользовались ими как женами (CDI-2, t. 9, p. 170, 175)¹⁶⁰.

Испанские власти признали, что "главное намерение" королей, а именно, обращение и наставление уроженцев тех земель в католической вере, не было осуществлено. Поэтому было решено привезти нескольких детей в метрополию, чтобы воспитать их в монастырях и школах. В королевской грамоте от 9 ноября 1526 г. властям Эспаньолы повелевалось подыскать 12 детей местных индейцев, наиболее способных; если возможно, то детей самых знатных, так как они обычно более самостоятельны и разумны¹⁶¹. Повелевалось это сделать, где бы дети ни находились, и прислать их на первых кораблях. Предполагалось, что, после того, как они будут наставлены и обучены делам католической веры и хорошо ее поймут, и будут воспитаны и научены жить в порядке и разуме¹⁶², они вернутся в свои земли и будут наставлять своих «в том и другом». Считалось, что от таких людей лучше будет воспринята любая вещь, чем от кого-либо другого (CDI-2, t.9, p. 254-255).

Есть сведения, что назначенный Председателем Королевской аудиенции епископ Себастиан Рамирес (он же по

¹⁶⁰ едва ли не дословный повтор инструкции Педрариасу почти десятилетней давности

¹⁶¹ son de mas ser y razón

¹⁶² estén puestos en policía y en manera de bivir en orden y razón

должности являлся губернатором острова), который прибыл на остров в 1528 г., освободил индейцев, у которых был статус наборий, но которых использовали как рабов. Для них было сделано поселение "со своими границами, землей и священниками". Некоторых индейцев Рамирес все же предоставил нескольким "честным и добропорядочным лицам" (цит. по *Saco* 1932, т. II, р. 258).

В 1529 г. Королевский Совет, собравшийся в Барселоне, заключил, что индейцы по праву и разуму¹⁶³ являются и должны быть полностью свободными и не обязаны к другой личной службе более чем другие свободные лица "этих королевств", и должны лишь платить десятину церкви ("Богу", гласил документ) и подать королю. Членам Совета представлялось также, что индейцы впредь не должны отдаваться в энкомьенду, а уже имеющиеся энкомьенды должны быть немедленно отменены. Объяснялась причина такого радикального мнения имевшимся опытом, выражаясь словами документа, великих жестокостей, чрезмерного труда, нехватки пищи и плохого обращения, что претерпели индейцы, будучи людьми свободными. В результате имела место гибель¹⁶⁴ индейцев и запустение земли на Эспаньоле (цит. по: *Zavala* 1973, р. 55).

К этому времени на испанских островах, за исключением Кубы, коренные обитатели все реже оставались в центре внимания современников. В одном из сообщений (от 2 июля 1527

---

¹⁶³ por todo derecho y razón

¹⁶⁴ acabamiento y consumación

г.) о состоянии дел на островах и о мерах, которые следовало бы принять, составленном для Совета Индий, "индейцы" были упомянуты (один раз, на более чем пяти страницах печатного текста) лишь при перечислении испанских поселений Кубы. Там было сказано, что «во всех этих поселениях», за исключением Гаваны, большинство весино могли добывать золото, так как у них были индейцы репартимьенто. Относительно испанских поселений на островах говорилось, что они очень заброшены и каждый день пустеют - весино уходят с них, так как не могут себя содержать. Исключение составляли поселенцы Эспаньолы тех мест, где выращивали сахарный тростник. По этому документу видно, что основной рабочей силой на островах становились рабы из Африки (Papeles 1931, t.I, p. 119-123; то же - CDI-2, t. 1, p. 428-440).

Корона в очередной раз пыталась регулировать распределение индейцев между поселенцами. По прошествии полутора десятка лет после принятия законов Бургоса, которыми запрещалось иметь в энкомьенде более 300 человек, многие испанцы на Эспаньоле, Сан-Хуане, Кубе и в других частях, как говорилось в одной королевской грамоте от 15 февраля 1528, имели в энкомьенде более 300 индейцев, в то время как другие, которые служили королю - ни одного или очень мало. Король повелевал всем должностным лицам в колониях, церковным и светским, в чьи обязанности будет входить разделение индейцев и управление ими, как Эспаньолы, чтобы они сами исполняли грамоту короля и заставили других ее исполнять, чтобы ни одно

лицо не имело более 300 индейцев (CDI-2, т.9, п.303-305).

В королевской грамоте 1529 г., предоставлявшей льготы тем, кто будет основывать новые поселения на Эспаньоле, "индейцы" не названы вообще, в то время как предусматривалось их заселение, помимо испанцев, "неграми" (cit. in: *Konetzke* 1953, p. 122).

После того, как был назначен Председатель Королевской аудиенции на Эспаньоле (Себастиан Рамирес, епископ Санто-Доминго и Консепсьон), 6 ноября 1528 г., была издано королевское распоряжение, согласно которому энкомендированные индейцы, оставшиеся вакантными после смерти женатых испанцев, не забирались у их жен и сыновей, даже если последние были незаконнорожденными. Если не было сыновей, индейцев следовало оставить вдове, чтобы она могла содержать себя и удачно выйти замуж. Этой мерой власти надеялись задержать колонистов на острове (CDI-2, т. 4, п. 246-247).

По некоторым документам можно судить, что даже на Эспаньоле, где христианизация аборигенов началась раньше, чем на других островах, спустя десятилетия она не была завершена. Так, в 1537 г. на остров пришел фрай Антонио де Мендоса, который, по словам современника, со своим юным сыном проповедовал среди индейцев и наставлял взрослых и детей "невероятно успешно", как никакие другие монахи (CDI, т. I, п. 547).

К тому же времени (25 октября 1538 г.) относится

королевская грамота, в которой Председателю и членам королевской резиденции г. Санто-Доминго сообщалось, что королю стало известно, что в городе есть много рабов, индейцев и негров, и они не наставлены подобающим образом¹⁶⁵. Хозяевам рабов предписывалось посыпать их в определенный час в подходящие для этого церковь или монастырь, где их наставляли бы в христианском учении (CDI-2, т. 10, р. 442).

Сан-Хуан

В распоряжениях, направленных на Сан-Хуан на имя судьи резиденции, Антонио де ла Гамы (12 июля 1520 г.) сообщалось, что после многих размышлений и обсуждений было решено, что индейцы – свободные, и так следует их воспринимать и к ним относиться. Им следует дать полную свободу, и их нельзя и не должно никому энкомендировать, как это делалось прежде. Поскольку, по мнению составителей документа, разовый вывод индейцев из-под власти христиан мог вызвать недовольство последних, предписывался следующий порядок. Сначала освобождались бы индейцы в поселениях касиков, что были в энкомьенде у испанцев, не проживавших на острове. Затем – те, что станут вакантными (то есть лишатся своего энкомендера по какой-либо причине – Э.А.). В поселения индейцев следовало "подмешать" (термин документа) несколько испанцев. В каждом селении должен был быть один или два священника. С остававшимися в энкомьенде индейцами следовало обращаться хорошо. Наконец, рекомендовалось обсудить, не следовало ли

---

¹⁶⁵ Скорее всего, имелись в виду аборигены, привезенные из других мест.

индейцев (видимо, тех, которых предполагалось «освободить») вручать так, как это делалось с деревнями бегетрий в Кастилии (цит. по *Zavala* 1973, р. 37).

Уместно вспомнить, что бегетрия (*behetría*) – это «вольная крестьянская община в средневековой Испании... имела право избирать (а также и менять) сеньоров, иметь самоуправление и другие вольности... По призыву короля или сеньора члены бегетрии должны были нести военную службу во время войны; обязаны были по отношению к своему сеньору сравнительно небольшими платежами и повинностями. Сеньор же оказывал военную защиту бегетрии» (БСЭ). Фраза о консультации относительно бегетрии говорит о том, что, несмотря на провозглашенное намерение «дать полную свободу» аборигенам и не «энкомендировать», как это делалось прежде», корона не приняла решения о форме выведения аборигенов из энкомьенды.

В письме от 16 ноября 1520 г., направленном королю, говорилось об индейцах короны, что были освобождены, «чтобы увидеть, способны ли они жить цивилизованно и воспринять какое-либо христианское наставление»¹⁶⁶. По мнению писавшего, индейцам ничего не шло впрок. Более того, они забывали то, чему их прежде научили (CDI, t. I, p. 430). Попытка создания поселения «свободных» индейцев на Сан-Хуане имела место в период, когда там было неспокойно. В том же письме сообщалось о недавнем рейде на Сан-Хуан карibов, когда 150 воинов, пришедших на 5

---

¹⁶⁶ para ver si serían capaces para vivir políticamente é recibir alguna doctrina cristiana

каноэ, напали на местные хозяйства и прошли до приисков. За 15-20 дней они убили 13 испанцев, столько же индейских женщин и увезли 50 местных индейцев (CDI, t. I, p. 429-430). Обращает на себя внимание, что были убиты женщины, тогда как обычной практикой островных карибов при нападении на врагов-индейцев было брать женщин в плен. Нападения продолжались и в 1530-е гг. (*Moscoso* 2011, p. 26-27).

1 декабря 1525 г. от имени короля было составлено письмо для вице-провинциала доминиканского ордена в Индиях, которым в то время был фрай А. Монтесинос. Письмо начиналось (традиционно) с утверждения о том, что королевскими намерением и целью всегда было и есть освободить местных индейцев с тем, чтобы они жили цивилизованно и были наставлены в делах католической веры и привлечены к ней, и освобождены от работ для того, чтобы сохранялись и множились, а не уменьшались в числе. Далее говорилось, что для этого король повелел искать хорошие меры, собрать теологов и грамотных и совестливых людей¹⁶⁷ чтобы найти решение, которое послужило бы господу, облегчению королевской совести¹⁶⁸ и сохранению индейцев. И, так как до сих пор из-за различий мнений не было принято решения, и индейцы все еще страдают, то, чтобы с этим покончить и принять окончательное решение, король повелел вновь собрать знающих и опытных людей. А чтобы в это время его совесть не была отягощена¹⁶⁹, он решил, что индейцы,

---

¹⁶⁷ personas de letras y conciencia

¹⁶⁸ descargo de nuestras Reales conciencias

¹⁶⁹ porque entretanto nuestras conciencias estén descargadas

которые в то время были вакантны и впредь станут вакантными на "этом острове"¹⁷⁰, должны быть освобождены, и им будут назначены работы и подати на усмотрение фрая Монтесиноса (*Konetzke* 1953, p. 79-80).

В 1530 г. на Сан-Хуане было насчитано 1543 индейца, из них рабов (скорее всего, привезенных) 1039 и свободных (видимо, местных) - 504 (*Anderson-Córdoba* 2005, p. 347). Даже на королевской асьенде Тоа в 1529 г. оставалось лишь около 40 индейцев. Индейцы из этой асьенды жаловались, что, когда они находились в распоряжении администратора, тот всегда заставлял их работать до ночи, не давая ни отдохнуть в полдень, ни идти в свои хижины. С ними всегда был эстансьеро, который, подгоняя их, называл собаками и иногда бил палкой (цит. по: *Moscoso* 2011, p. 26).

Ямайка

Относительно аборигенов Ямайки изучаемого в данной главе периода опубликовано мало документов. Известно, что одно время аббатом Ямайки являлся епископ Кубы, и в то время именно епископу было велено заниматься делами индейцев. В 1532 г. на него жаловались, что он взял половину индейцев этого острова для себя. Кроме того, он дал индейцев священникам Ямайки. Своих индейцев епископ предоставил двум важным персонам Ямайки, у которых на острове были поместья (CDI-2, т. 4 р. 250-251).

По выражению судьи резиденции Вадильо, который

---

¹⁷⁰ Монтесинос в то время жил на Сан-Хуане.

проводил расследование на Кубе, епископ погубил Ямайку¹⁷¹ (CDI-2, t. 4 p. 300).

Куба

Опыт по освобождению от энкомьенды аборигенов на Кубе был предпринят позже, чем на Эспаньоле. Этому могли быть разные причины. Первая, наиболее очевидная – Эспанола в начальный период колонизации островов и материковых земель была ее центром. Там находились правители Индий, которым направлялись королевские распоряжения, туда эти распоряжения попадали раньше, чем на другие острова, и там они могли быть раньше воплощены. Другая возможная причина – то, что аборигены Кубы, как и Багамских островов и Ямайки считались, в сравнении с обитателями Эспаньолы, более "простыми" (выражение Лас Касаса), и неспособными, на взгляд испанцев к самостоятельной жизни.

Вот как оценивались способности аборигенов, применительно к Кубе, высшими испанскими чиновниками на островах. Одно из обвинений сменённому правителью Кубы, Альтамирано, со стороны нового, Г. де Гусмана, в 1526 г. было то, что Альтамирано нарушил запрет не принимать клятву у индейцев, «так как таковые индейцы не дееспособны»¹⁷² и не знают, что такое клятва и в чем она состоит. Обвиняемый, будто бы, принял клятву у индейца-босаля. Правда, ответчик в оправдание сослался на право брать клятву у всякого свидетеля,

---

¹⁷¹ ha acabado de perderla

¹⁷² por ser los tales indios incapaces

особенно если он христианин, каковыми, по его мнению, и были все индейцы этого острова (CDI-2, т. 1, р. 292, 323). Оправдываясь по другому обвинению, тот же Альтамирано сказал, что индейцы не держат слова¹⁷³ (CDI-2, т. 1, р. 330).

Постоянные призывы короны к своим подданным о хорошем обращении с индейцами не изменили отношения испанцев кaborigenам. Сохранилась запись судебного разбирательства на Кубе 1522 г., где, наряду с другими вопросами, рассматривалось обвинение в насилии по отношению к своим индейцам против Васко Поркальо де Фигероа, одного из первых конкистадоров Кубы. На вопрос, "велел ли он вытащить и отрезать яички и члены и другие члены тела" некоторым индейцам и сжечь других; и когда яички были отрезаны, велел ли он тому, у кого их отрезали, съесть их? испанец сказал «да, сделал»¹⁷⁴. Далее его спросили, скольким индейцам велел отрубить яички и члены. Сказал – трем и одному подростку. Трех индейцев он заставил есть их отрубленную плоть, обмазанную землей, а после велел их сжечь. Велел сжечь и других, числом до 12, потому что ели землю. По словам Поркальо, в некоторых землях умерло более трети или половина индейцев только из-за поедания земли, и чтобы избежать этого, он сделал им такую казнь. Прежде он велел отслужить много служб и совершил

---

¹⁷³ no tienen palabra

¹⁷⁴ Fué preguntado si ha mandado sacar e cortar los compañones e miembros e otros miembros de sus personas á algunos indios e mandado quemar á otros, e que si asi cortados los dichos compañones si los ha mandado comer á quien los cortaba : dixo que sí ha hecho.

процессий, чтобы отвратить индейцев от этого зла, но они не перестали есть землю. Примечательно, что тех индейцев, которые не были при смерти (то есть были работоспособны – Э.А), он не скормил, а велел намазать жиром их рты и прижечь (CDI-2, т. 1, п.124-125).

Лишь в сентябре 1526 г. на имя францисканского провинциала, фрая Педро Мехия де Трильо была подписана королевская грамота, текст которой был, в целом, схожен с текстом, отправленным на имя Монтесиноса. Также говорилось о постоянном намерении дать свободу индейцам и о собрании теологов и ученых для выработки решения. И пока решение ищется, короли распорядились относительно того, "что касается того острова" (то есть, Кубы –Э.А.). О важности вопроса говорит тот факт, что Мехия, находившийся на Эспаньоле, должен был оставить все дела и отправиться на Кубу. Там ему следовало узнать, какие индейцы были вакантны¹⁷⁵ на протяжении 6 месяцев к моменту его прибытия туда или будут вакантны. Таковым Мехия должен был "предоставить ту свободу и образ жизни"¹⁷⁶, которую, на его взгляд, они по праву и разумению¹⁷⁷ должны иметь, и которая способствует их спасению¹⁷⁸, хорошему (с ними) обращению и их сохранению, а также облегчению королевской совести. Сделать это следовало соответственно качеству и дееспособности людей. Мехии доверялось и

---

¹⁷⁵ Среди причин названы смерть хозяина, плохое обращение, или другие.

¹⁷⁶ pongais en aquella libertad e manera de vivir

¹⁷⁷ de justicia y razón

¹⁷⁸ Имелось в виду спасение душ.

определение "службы", которую "должны и обязаны" были индейцы королям (как их вассалы – Э.А.). Если бы Мехия нашел, что некоторые весино, имеющие в энкомьенде индейцев, обращались с ними плохо, ему следовало обвинить таких людей перед губернатором для их наказания (CDI-2, t.1, p. 348-350). В ноябре того же года письмо было повторено и в феврале 1528 воспроизведено еще раз¹⁷⁹ (Papeles 1931, t. I, p. 109-112, 132-133).

Настойчивость короны была, очевидно, вызвана неблагоприятным состоянием дел на Кубе после смерти первого правителя острова, Д. Веласкеса. В королевском письме на имя нового правителя, Гонсало де Гусмана (4 августа 1526 г.) говорилось, что после смерти Веласкеса судьи Королевской аудиенции и другие лица, без поручения на то наделяли землями, предоставляли статус поселенца (*vecindad*) и вручали индейцев, кому хотели, но только не тем, что принимали участие в заселении и замирении острова. В ответ на просьбу жителей Кубы о назначении человека, ответственного за энкомьенды, таковым и был назначен Гусман, которому поручалось просмотреть королевские документы¹⁸⁰, накопленные предыдущим правителем, и, в соответствии с ними, заняться разделениями. Следовало это сделать "со всей справедливостью и равенством, сообразно знатности весино"¹⁸¹ и тому, что каждый заслужил и

---

¹⁷⁹ Повторы королевских распоряжений объясняются не только их важностью или тем, что они не исполнялись, но и тем также, что почта могла пропасть вместе с перевозившими ее судами.

¹⁸⁰ provisiones, poderes, cartas, cedulas e instrucciones

¹⁸¹ con toda rectitud e igualdad conforme á la calidad de los vecinos

сделал (CDI-2, т. 1, п. 342-344).

Из королевского письма от 9 ноября 1526 г. фраю Мехиे видно, что прокураторы и поселенцы Кубы написали в метрополию, что, если освободить индейцев, то они, имея больше свободы, примкнут к беглым бунтовщикам (которых было большинство), убьют испанцев, как это делали до сих пор, и вернутся к порокам идолопоклонства. Это объяснялось тем, что, по своей неправомочности и недееспособности¹⁸², вызванной тем, что христиане, которым индейцы были вручены, не заботились об их наставлении в католической вере, они быстро вернутся к прежнему. А испанцы, у которых нет другого способа обеспечить свою жизнь, если индейцев у них отнимут, вынуждены будут уйти в другие земли, при этом индейцы останутся на острове свободными и сильными. Это, по утверждению поселенцев Кубы, не послужит Господу, пострадают королевские ренты и земли, которые снабжаются с Кубы, и остров придется снова завоевывать. Поселенцы просили, чтобы не было никаких новшеств относительно индейцев, и чтобы их энкомендировали как прежде.

Несмотря на таким образом аргументированную просьбу, в королевской грамоте были повторены прежде обозначенные задачи с некоторыми вариантами. Тех вакантных индейцев, которые показались бы способными жить самостоятельно в поселениях как христиане и множиться¹⁸³, следовало поместить в

---

¹⁸² *inabilidad e incapacidad*

¹⁸³ *multiplicar en generación*

поселения (в том порядке, как посчитают нужным фрай Мехия и губернатор острова). В поселение следовало поставить священника или монаха, чтобы они наставляли индейцев в католической вере. До индейцев следовало донести, что король заботится о них, как о своих вассалах. Если же они будут против того, что повелевалось, им было обещано наказание, они лишатся свободы и доброго расположения монархов. Индейцев следовало очень хорошо проэкзаменовать на их дела и способность жить самостоятельно в поселениях.

Допускалась и энкомьенда, "в случае необходимости". Она должны была предоставляться "честным лицам", давно живущим на острове и намеревавшимся остаться на нем. Эти люди должны были обращаться с индейцами как со свободными христианами, давая им пищу и используя их умеренно, так, чтобы они работали меньше, в соответствии с ордонансами о хорошем обращении (*Konetzke* 1953, p. 84-86).

Тем же числом помечено королевское письмо на имя губернатора и чиновников острова. Там говорилось, что просьбы испанских поселенцев не заставили короля отменить прежнее решение, которое, по его словам, "более всего соответствует облегчению нашей совести и обращению названных индейцев" (*Papeles* 1931, t. I, p. 109). Уместно сказать, что в тот же день, когда король подтвердил свою позицию относительно опыта с освобождением индейцев на Кубе (9 ноября 1526 г.), им была подписана грамота о борьбе с индейцами-повстанцами этого острова (*Papeles* 1931, t. I, p. 112-113).

Тогда же, 9 ноября 1526 г., было подписано распоряжение о присылке в метрополию детей индейцев Кубы (совпадает дословно с тем, что было предназначено для Эспаньолы) (Papeles 1931, t. I, p. 108). Видимо, оно было исполнено, так как в декабре 1529 г. в грамоте на имя губернатора и чиновников короля, упомянув индейцев, присланных на «последних кораблях», распорядилась не присылать более (Papeles 1931, t. I, p.162).

В королевской грамоте от 16 марта 1527 г. на имя Мехии (или, как в нем сказано, другого служителя церкви, что будет заниматься «образом жизни» индейцев), правителя Кубы (в то время Гусман) и королевских чиновников сообщалось, что королю стало известно, что индейцев отягощали чрезмерными трудами на золотых приисках¹⁸⁴, и они умирали и сильно уменьшались в числе, и убегали, и росли другие потери. Поэтому король распорядился повелеть, чтобы индейцы острова не поднимали воду и землю¹⁸⁵ на приисках, ни в других чрезмерных трудах.

Из этой же грамоты следует, что испанские поселенцы острова продолжали настаивать на том, что, если выполнить королевское распоряжение, то остров запустеет, так как у его весибо нет других доходов, кроме как на приисках. Подчеркивалось, что открыты новые богатые залежи, что с индейцами хорошо обращаются и пр. Поэтому короля просили приостановить указанное распоряжение. Король распорядился

---

¹⁸⁴ Употреблены глаголы xamirar (вычерпывать воду) у descopetar (видимо, escopetar) вынимать землю, на приисках

¹⁸⁵ ni xamurasen ni descopetasen

собрать соответствующую информацию и рассмотреть ее в Совете Индий, после чего он даст распоряжения. А пока было велено исполнять прежнее (Papeles 1931, t. I, p. 114).

Через год, в королевской грамоте Гусману от 15 февраля 1528 г. одобрялись его действия, которые перечислены в таком порядке: замирение острова, хорошее обращение с индейцами, их обращение в веру, а также "опыт" (*experiencia*) с ними. Король доводил до сведения Гусмана, что он велел написать судьям аудиенции Эспаньолы, чтобы они не вмешивались в индейские вопросы на Кубе. И чтобы индейцами занимался сам Гусман, пока не прибудет новый епископ, Мигель Рамирес, которому также было поручено заниматься делами индейцев. В грамоте говорилось, что судьи аудиенции, против королевских распоряжений, ограничивавших размер энкомьенды 300 индейцами, давали по 600, даже помимо уже многих имевшихся. Король подтверждал, что никто не может иметь более 300 индейцев. Из этой же грамоты явствует, что Гусман назначил капелланов для посещения и наставления в вере индейцев, находившихся в эстансиях (CDI-2, t. 1, p. 444 – 445).

В грамоте от того же 15 февраля 1528 г., теперь на имя правителя Кубы и королевских чиновников, считавших, что не следует освобождать индейцев, так как они не дееспособны (их письмо было от марта 1527 г.), подтверждалось прежнее королевское распоряжение и что делами индейцев будут заниматься епископ и правитель (CDI-2, t. 1, p. 448).

Еще в одной королевской грамоте от того же 15 февраля

1528 г. говорилось, что король информирован о том, что Гусман распределил многих вакантных индейцев среди своих родственников и клиентов, и ожидается, что так он будет поступать впредь, если не принять мер, и это наносит вред поселенцам. Король, отвечая на просьбу последних, повелел, чтобы в случаях предоставления индейцев Гусману, его родственникам или клиентам, это делал только епископ острова. Если подобное разделение сделает сам Гусман, его следовало считать не ничтожным (CDI-2, т. 1, р. 451-452).

От той же даты известно еще одна королевская грамота, на имя епископа Кубы Мигеля Рамиреса и правителя Г. де Гусмана. В ней были полностью воспроизведены предыдущие грамоты о проведении опыта по освобождению индейцев от энкомьенды (в том числе на имя Мехии дель Трильо от 14 сентября 1526). Епископу и губернатору предписывалось заняться управлением индейцев и другими делами в соответствии с приведенным распоряжением (Papeles 1931, т. I, р. 132-135).

В марте 1528 г. в Сантьяго собирались прокураторы испанских поселений Кубы для обсуждения состояния дел на острове и составления петиции королю. Протокол этой встречи дает представление о том, какие вопросы, связанные с аборигенами, беспокоили испанских обитателей острова.

Прокуратор города Сантьяго считал нужным просить у короля отменить распоряжение о запрете использовать индейцев на подъеме воды и рытье. Он предлагал также просить короля, чтобы тот повелел проверить, как распределялись вакантные

индейцы после смерти Веласкеса, и, если были нарушены соответствующие королевские распоряжения, чтобы король повелел исправить. Еще одна просьба заключалась в том, чтобы после смерти весино его индейцы были оставлены его жене и детям.

Среди пожеланий прокуратора вильи Асунсьон, Педро Идальго, на первом месте также стояли те, что имели отношение к работам индейцев на золотых приисках. Еще одна просьба касалась королевских чиновников – чтобы они не занимали должности рехидора и не имели индейцев, и чтобы изъятые у них индейцы были разделены между поселенцами. Этот прокуратор предлагал также сформировать, за счет королевской казны, два отряда для "замирения острова" и обеспечения безопасности дорог.

Наиболее пространными и четко сформулированными были предложения Мануэля де Рохаса, в то время прокуратора вильи Сан-Сальвадор (Баямо). Одним из его пожеланий было определить и обозначить границы поселений, чтобы каждое знало, к какой юрисдикции относится, так как имеющаяся путаница оказывается при наделении индейцами и при их инспектировании. Чтобы король повелел, чтобы касики и индейцы были в юрисдикции одного поселения, ибо, в противном случае, это приводит к путанице у испанцев и ущербу для индейцев¹⁸⁶.

Еще одно пожелание касалось алькальдов - чтобы их не

---

¹⁸⁶ confusyon entre los españoles, e a los yndios gran dapño e menoscabo

назначали инспекторами индейцев. Ибо алькальды, являясь весино и будучи избираемы ежегодно, имея индейцев репартимьенто, не могут хорошо инспектировать и налагать штраф за ущерб и зло, причиненные индейцам. Наоборот, они прощают один другого. Особенно это проявляется по отношению к рехидорам и знатным людям поселений, у которых больше индейцев, чем у других, и с ними хуже обращаются. Это наносит вред индейцам и приводит к их побегам (*alzamientos*)¹⁸⁷. Рохас хотел, чтобы такие инспектора, получая жалованье от казны, не могли иметь индейцев репартимьенто, кроме нескольких слуг (*naburías*) для домашнего и личного обслуживания, и чтобы инспектора кормились не за счет посещаемых ими поселений индейцев и поместий, а на свои деньги.

Среди дополнительных пожеланий была просьба о том, чтобы никто не имел более 130 индейцев (мужчин и женщин). Рохас предложил обсудить прошлые разделения индейцев и просить короля пересмотреть распоряжения, сделанные после разделения, проведенного Веласкесом, так как среди женатых весино и конкистадоров было много людей без индейцев и очень мало - имеющих индейцев. А некоторые весино имели индейцев в большом количестве. Отсюда, по мнению Рохаса, возникали раздоры среди испанцев.

Рохас также предложил просить у короля, чтобы опыт по свободе индейцев делался с индейцами тех лиц, у которых они

---

¹⁸⁷ Рохас отметил, что в то время на Кубе было много беглых (*alzados*) индейцев.

были лишними, а не с вакантными, а этих вручить испанцам, которые в них нуждались. Предлагалось также просить о приостановлении опыта с индейцами относительно их дееспособности до тех пор, пока остров не будет мирным и надежным. Было также пожелание, чтобы не увозились индейские подростки, как просил король, ибо это привело бы к большому возмущению, при том, что остров и так бунтует.

Один из прокураторов заявил о вреде перемещений для индейцев, так как это вело к уменьшению их числа. Это было сказано для оправдания того, что у некоторых лиц индейцев было больше, чем у других. Прокуратор утверждал, что таких индейцев лучше содержали (CDI-2, т. 4, р. 10-34).

Очевидно, что среди испанцев были некоторые различия во мнениях относительно индейцев, вызванные различиями в социальном статусе самих поселенцев. Но все они были единодушны относительно продолжения эксплуатацииaborигенов в рамках энкомьенды.

Поскольку поселенцы противились королевским распоряжениям относительно ограничений в применении труда индейцев (этот протест обычно имел форму просьб отложить то или иное решение или повторно рассмотреть его), эти распоряжения неоднократно повторялись.

Так, 6 ноября 1528 г. в грамоту на имя Мигеля Рамиреса, епископа Кубы и аббата Ямайки, было включено королевское распоряжение от 8 декабря 1526 г. Там говорилось, что прокураторы и поселенцы Кубы считали это распоряжение очень

вредным для острова. Они утверждали, что на острове индейцы не обременены чрезмерными трудами и наоборот, они освобождены от них, и с ними очень хорошо обращаются, лучше, чем на каком-либо другом соседнем острове. И что добывать золото – "самое приятное" для индейцев¹⁸⁸, так как там они находятся со многими испанцами, среди которых есть священники, которые занимаются их обращением (в веру) и следят, вместе с инспектором, чтобы с ними обращались хорошо. По словам испанцев, шурфы (*minas*)¹⁸⁹ этого острова не глубокие, и золото там не мыли в реках или лужах (*charcos*), как на Эспаньоле и Сан-Хуане. Поэтому на Кубе индейцы копают мало и без большого труда, и шурфы не углубляются более чем на три или четыре пяди¹⁹⁰, и большую часть времени индейцы заняты на легких работах¹⁹¹. Далее говорилось, что, если индейцам не копать, то остров обезлюдеет (от испанцев), так как нет другого прибыльного занятия, а индейцы восстанут. Поселенцы просили короля отозвать приложенное распоряжение. Как и в других сходных ситуациях, король поручил епископу и губернатору подготовить соответствующие ордонансы и прислать их на рассмотрение. А пока повелевалось исполнять прежние распоряжения (Papeles 1931, t. I, p. 153-154).

В 1529 годуaborигены Кубы были поражены эпидемией. В

¹⁸⁸ es lo mas agradable para ellos

¹⁸⁹ mina - шахта, но, судя по глубине, предпочтительнее перевести как "шурф".

¹⁹⁰ palma; скорее, должно быть palmo – мера длины около 21 см.

¹⁹¹ Среди этих работ названы удаление земли и камней.

письме губернатора и королевских чиновников от 18 сентября 1530 г. сообщалось, что умерла треть индейцев. По их словам, остров был "замирен" от беглых индейцев до такой степени, что испанец один мог передвигаться по нему без страха. Тем не менее, авторы письма не исключали возможности новых бунтов (CDI-2, т. 4, р. 147-148)¹⁹².

Новый епископ прибыл на Кубу только в 1529 г. и лишь через год он представил в кабильдо г. Сантьяго королевскую грамоту об опыте с индейцами¹⁹³. К этому времени там обострились противоречия между верховным правителем острова (губернатором Гусманом) и местными властями. Члены кабильдо даже не стали предъявлять Гусману королевскую грамоту, в которой повелевалось, чтобы он не брал себе индейцев и не давал их своим родственникам, так как ждали прибытия судьи резиденции. В этой грамоте был запрет и на то, чтобы индейцев имел епископ. Епископ отказался от индейцев, но получил от Гусмана разрешение на то, чтобы они поступили в распоряжение мужа племянницы епископа, и индейцы остались в усадьбах (haciendas) епископа (CDI-2, т. 4, р. 159, 160).

В сентябре 1530 г. Гусман сообщал в метрополию, что он и епископ начали опыт по привлечению индейцев в поселения (CDI-2, т. 4, р. 195). Однако его оппоненты сообщали о другом. В одном из писем городского совета Сантьяго, составленного для короля в ноябре 1530 г., говорилось, что Гусман не отказывается

¹⁹² Более подробно о восстании индейцев будет сказано ниже.

¹⁹³ Опыт не был начат по той причине, будто бы, что епископ нашел много вакантных индейцев. (CDI-2, т. 4, р. 154).

от индейцев, как предписывало королевское решение. Кроме того, ни он, ни епископ, не предоставили свободу ни одному индейцу, хотя уже три месяца были вакантны 111 индейцев. Многие испанцы хотели получить их в энкомьенду, но им отвечали, что этим индейцам будет предоставлена свобода, хотя на самом деле их посыпали и посыпают на добычу золота. Члены городского совета подозревали, что губернатор их отдаст своим друзьям или клиентам, как он это делал прежде. В этом же письме говорилось о плохом обращении с индейцами Гусмана и его родственников (CDI-2, т. 4, р. 169-170).

Видимо, начало опыта по уяснению дееспособности индейцев относится к апрелю 1530 г., или, как отмечено в материалах расследования деятельности Гусмана, пять лет спустя после того, как он получил соответствующую королевскую грамоту (CDI-2, т. 4, р. 232-233). Расследование было проведено Хуаном де Вадильей, судьей королевской аудиенции Санто-Доминго. Пункты обвинения были зачитаны на публичном слушании 8 февраля 1532 г. Среди 87 пунктов в нескольких речь шла об индейцах.

Так, Гусман обвинялся в том, что на него работали 10 индианок другого испанца, делая ему хлеб на эстансии еще одного испанца (CDI-2, т. 4, р. 208). Его также обвиняли в том, что он не соблюдал королевское распоряжение о том, чтобы ни один испанец не имел более 100 индейцев и что он утаивал это распоряжение больше года – с тем, чтобы он сам и его приближенные пользовались индейцами (CDI-2, т. 4, р. 209).

Гусман не исполнил королевское решение о запрете иметь индейцев ему самому и его родственникам и клиентам. При этом он не только не отказался от своих индейцев и не изъял их у других, но и продолжал наделять приближенных (CDI-2, т. 4, р. 212-213). Он также обвинялся в том, что разрешал некоторым поселенцам увозить индейцев на материк (в Новую Испанию) и в Кастилию, что было запрещено, и покрывал продажу энкомендированных индейцев одними поселенцами другим, что также запрещалось (CDI-2, т. 4, р. 216, 219).

Вадильо в одном из писем (май 1532 г.) сообщал в метрополию, что на Кубе в то время имелось от 4500 до 5000 индейцев. Число негров (имелись в виду рабы) было значительно меньше – почти 500. Число испанцев не было узнано (CDI-2, т. 4, р. 252). В другом сообщении Вадильо писал, что виллы Кубы были малы до такой степени, что большинство не могли содержать писаря (CDI-2, т. 4, 298).

Что касается размеров энкомьенд или репартимьento на Кубе того времени, то они были очень неравны – как более 300 индейцев, так и менее 10 и даже 1. По мнению сообщившего эти данные нового кубинского правителя Мануэля Рохаса, вина за это лежала на репартимьento, что еще в 1522 г. провел Д. Веласкес, нарушив данное ему королевское распоряжение о том, чтобы наибольшие репартимьенто включали 200 индейцев, средние - 100, а наименьшие – 40¹⁹⁴ (CDI-2, т. 4, р. 252).

---

¹⁹⁴ Судя по формулировкам документа, речь шла об общем числе людей, а не только о работниках.

В упомянутом расследовании деятельности Гусмана названы наделения индейцами, совершенные им в 1532 г. Так, одному своему шурину (*cuñado*) он вручил 120 трудоспособных человек в поселении Гуайямабон, и его жене, Анне де Басан – третью часть индейцев того же селения. Кроме того, женщина получила индейцев некоего "островка" (*la ysleta*), число которых не указано, и четырех наборий. Эта женщина названа еще раз – ей Гусман вручил 45 человек, бывших прежде за другим испанцем. Тогда же один из его клиентов получил индейцев и наборий, что были за сыновьями умершего писаря. В документе приведены и другие перераспределения индейцев, сделанные Гусманом (CDI-2, t. 4, p. 212-213).

В отчете о своей деятельности на Кубе (24 сентября 1532 г.) Вадильо написал, что от опытного поселения индейцев (оно было в Баямо) не было никакой пользы, за одним исключением – священник забирал то, что получали индейцы¹⁹⁵. С ними обращались плохо, у них не было еды, и они мало отдыхали¹⁹⁶ (CDI-2, t. 4, p. 298). Из более позднего сообщения Рохаса известно, что он изъял этих индейцев у священника и передал их некоему Гаспару Каро. Причиной этому послужило то, что священник, назначенный управлять индейцами, пользовался ими, как если бы они у него были в энкомьенде. Кроме того, он держал в своем доме как наложницу жену одного из индейцев. На Гаспара Кано также были жалобы в метрополию (CDI-2, t. 4, 344,

---

¹⁹⁵ llevaba el provecho de lo que granjeaban los indios

¹⁹⁶ sin tener que comer y con poco sosiego

345).

Вадильо полагал, что полномочия епископа назначать инспекторов, недавно ему пожалованные, вкупе с тем, что губернатор и епископ¹⁹⁷ имели право предоставлять репартимьенто, причинят много вреда. Ибо, по мнению Вадильо, инспекторами становятся приближенные епископа и губернатора, и они грабят как индейцев, так и испанцев (налагая на этих штрафы).

Из письма Вадильо ясно, что корона, в качестве меры для защиты индейцев, наряду с опытом по освобождению, искала другие возможности, в частности предлагала свести всех индейцев острова в два поселения. Вадильо полагал, что, если индейцев, разбросанных на 300 лиг (протяженность Кубы – Э.А.), сселить в два поселения, выведя их из их прежних земель, это станет концом индейцев и голодной смертью для испанцев (CDI-2, т. 4, р. 299). Из этого письма видно также, что епископ, нарушая королевские ордонансы, которые повелевали, чтобы священники исповедовали и хоронили индейцев бесплатно, брал за каждое захоронение 8 реалов (при этом отсылал на Эспаньолу лишь 2-3) (CDI-2, т. 4, р. 299).

Примечательно общее соображение Вадильо – в этих губернаторствах очень распространено не исполнять королевские решения. (CDI-2, т. 4, р. 299).

В те же дни, когда Вадильо подписывал свое сообщение, в метрополии от имени королевы были составлены грамоты для

---

¹⁹⁷ у него был титул "Заштитника индейцев"

епископа и правителя Кубы (тогда это был уже Рохас), по которым можно судить о тех мерах, что корона хотела бы применить относительно аборигенов острова. Королева одобряла действия Гусмана относительно опыта с индейцами и еще раз призывала закончить опыт с теми индейцами, что вакантны или станут таковыми, отобрав из них тех, что покажутся более способными¹⁹⁸ (CDI-2, t. 4, p. 303).

В другой грамоте (28 сентября 1532 г.), на имя только Рохаса, королева указывала на то, что Гусман начал опыт со всеми вакантными индейцами одного испанца, тогда как ему было велено отобрать наиболее способных. Королева одобряла предложение Рохаса о том, чтобы каждый индеец в индивидуальном порядке обращался с просьбой об освобождении и был экзаменован в своих целях и намерениях. Получавшего свободу в этом случае забирали бы у любого испанца, которому он был энкомендирован. Королева одобрила и еще одно новшество, предложенное Рохасом - разрешить инспекторам, при посещении «собранных» индейцев, исследовать причины, по которым они не находились у своих хозяев. В том случае, если причиной было плохое с ними обращение, подобным индейцам позволялось освободиться от энкомьенды¹⁹⁹. Если же они ушли, не имея на то законной причины, их следовало вернуть хозяевам (CDI-2, t. 4, p. 305-306).

Еще одно распоряжение от того же 28 сентября 1532 г.

---

¹⁹⁸ más hábiles e suficientes

¹⁹⁹ Как сказано в грамоте, conseguir aquel remedio e manera de libertad ("обрести то средство и способ освобождения").

начиналось (как и ряд других) со слов о том, что королю стало известно, что «среди индейцев этого острова есть много тех, которые дееспособны²⁰⁰ и могли бы жить сами в поселениях цивилизованно как наши вассалы, не будучи энкомендированы испанцам-христианам». Тем из них, которые «по своей воле хотели бы свободы и просили бы ее, чтобы жить цивилизованно и упорядоченно», повелевалось «дать полную свободу». Повелевалось впредь, когда какой-либо касик или индеец этого острова «любого качества»²⁰¹, испросит "полную свободу", и Гусман и епископ увидят, что, в соответствии с их дееспособностью, они смогут ее достичь и жить цивилизованно и упорядоченно, как это делают христиане-испанцы, таким следовало предоставить полную свободу, назначив подать²⁰² (CDI-2, т. 10, р. 143-145).

Через несколько дней, 15 октября того же года на имя епископа и правителя Кубы была подписана грамота от имени королевы. Там говорилось о том, что одной из наиболее очевидных причин возмущения и бунтов индейцев было поведение «сборщиков» индейцев²⁰³. Из текста следует, что на острове каждый весино, у которого было некоторое количество индейцев, держал испанца, который занимался исключительно

²⁰⁰ tienen capacidad y habilidad

²⁰¹ de cualquier calidad que fuere

²⁰² Относительно податей, налагаемых на индейцев и касиков, были повторены параметры, изложенные в грамоте от 9 декабря 1518 г. (см. с. 2 этой главы).

²⁰³ В тексте стоит "ansi de los recogedores". Очевидно, что это ошибочная интерпретация слов "han sido los recogedores"; иначе непонятно. Recogedores – лица, которым поручалось собирать беглых или потерявшихся индейцев

поиском и сбором индейцев. Если таких индейцев находили у других касиков, их возвращали связанными и избитыми, по причине чего индейцы продолжали убегать. Составители письма полагали, что этого можно было избежать, запретив индейцам переходить из пределов одной виллы в другую. Далее повторялись соображения относительно посещения инспекторами собранных индейцев (CDI-2, т. 4, р. 320-322), изложенные в письме королевы от 28 сентября 1532 г.

О положении аборигенов на Кубе в начале 1530-х гг. можно судить по письму Мануэля Рояса королю от марта того года (он уже не был правителем Кубы). В нем Рояс писал, что королевское распоряжение 1512 г. о том, чтобы ни один человек не мог иметь репартильенто более 300 индейцев, никогда не имело действия, так как монарха убедили, что это ему не было выгодно²⁰⁴, и что лучше индейцев отдать тем, кто с ними будет лучше обращаться, даже хотя бы их было и много. Как написал Рояс, после того индейцы островов (именно так, во множественном числе, то есть речь шла не только о Кубе) пришли в такое состояние, что остались только у нескольких лиц, которые с ними очень хорошо обращались²⁰⁵.

По словам Рояса, Гонсало Гусман, будучи губернатором, добился, чтобы король издал дополнительное письмо (*sobre carta*), согласно которому следовало сократить излишние репартильенто, что были на Кубе. И Гусман нашел только одно

---

²⁰⁴ aquello no convenía su servicio

²⁰⁵ Тут Рояс написал, что среди них никто не превзошел его.

такое, у Рохаса, и отнял у него индейское поселение Гуанабакоа и, несмотря на апелляцию Рохаса перед королем, вручил индейцев другим лицам (Papeles 1931, t. I, p. 170-171).

В сентябре 1533 г. губернатор острова, провизор и викарий острова, королевские чиновники и некоторые весино Сантьяго обсуждали королевские распоряжения годичной давности. Относительно индейцев, ушедших из одной вильи к индейцам другой, собравшиеся решили, что будет неправильно оставлять индейцев там, где их нашли, так как индейцы будут стараться уйти с одного места на другое, что, в свою очередь, приведет к скандалам и тяжбам среди испанцев (CDI-2, t. 4, p. 318-320, 322-323).

Некоторое представление о том, как распоряжения из метрополии относительно индейцев реализовывались на Кубе, дает отчет Рохаса (он опять был губернатором) о его инспекционной поездке по острову. Рохас отправился из Сантьяго в конце января 1534 г. Несколько дней он провел в Сан-Сальвадоре (Баямо), готовясь к переходу по морю на лодках до Тринидада. В это время он не раз, по его словам, специально²⁰⁶ беседовал с индейцами опытного поселения, которое находилось недалеко от испанской вильи. Как он писал, он, как мог, привлекал собеседников к истинному знанию господа, как он это делал незадолго до того, когда проходил через Баямо на прииски²⁰⁷ (CDI-2, t. 4, p. 334). Более подробные сведения о

---

²⁰⁶ particularmente, может быть, «отдельно»

²⁰⁷ las minas de Hobabo en la provincia de Cueyba.

первой встрече с индейцами опыта есть в другом документе. Тогда Рохас велел привести к нему индейцев и через переводчика сообщил им о «любви к ним Их Величества» и о том распоряжении, в котором говорилось о предоставлении свободы тем, кто хотел, и об уплате подати, как это делали испанцы. Присутствовавшим индейцам Рохас поручил рассказать об этом остальным, чтобы они подготовились к экзамену, который Рохас и провизор собирались сделать на рождество. Рохас также повелел сказать индейцам, что они уже много времени находятся в опыте без пользы, и что король повелел отобрать из них 15-20 самых способных для нового опыта. Индейцы должны были обсудить это между собой и познакомиться с условиями²⁰⁸ (CDI-2, t. 4, p. 324).

Королевское распоряжение о предоставлении свободы любому индейцу, который ее испросит, при условии индивидуального экзамена его способностей и целей, с которыми он испрашивает свободу, было оглашено в Сантьяго. То же было сообщено индейцам опыта в Сан-Сальвадоре и «многим другим». О том же были извещены «многие индейцы» на рудниках (CDI-2, t. 4, p. 342). Употребленное несколько раз слово «многие», свидетельствует о том, что не все аборигены были поставлены в известность о королевской воле.

Рохас прибыл в Тринидад 14 марта и нашел его в запустении. По его словам, до ухода Нарваэса в Новую Испанию там было 40 весино, а теперь – 11-12, которые собирались

---

²⁰⁸ a fin de que lo comunicasen entre sí y se enterasen de las condiciones

покинуть это место, особенно после того, как до них дошли вести о Перу. Одна из их просьб к Рохасу была вернуть весино, которые перешли со своими домами, скотом и индейцами (таков порядок перечисления) в вилью Санкти-Спиритус по приказу Гусмана (CDI-2, т. 4, р. 334-335).

В эту вилью Рохас прибыл 1 апреля. Хотя она и была в лучшем состоянии, но большинство испанцев (там было 25 или 26 весино) также были затронуты новостями из Перу. И одной из причин этого было то, что индейцы репартилья «почти закончились в тех провинциях», и испанцы с трудом обеспечивали себя за счет рабов с соседних земель. Лишь трое из весино добывали небольшое количество золота, а остальные довольствовались касабе, водой и мясом²⁰⁹ (CDI-2, т. 4, р. 336).

Затем Рохас прошел в вилью Санта-Мария-дель-Пуэрто-Принсипе, где было не более 20 весино. Рохас счел нужным отметить, что во всех трех посещенных им вильях были испанцы, которые сожительствовали со своими набориями, рабынями или с дочерьми испанцев и «женщин этой земли». При нем некоторые из этих людей оформили брак со своими сожительницами, другие «отдалились от общественного греха» (CDI-2, т. 4, р. 339-340).

Из многочисленных «милостей», которые жители трех поселений ждали от государя, главными были три: потребность в неграх (рабах), снижение налога на добываемое золото, разрешение привозить рабов-индейцев с соседних земель. По мнению Рохаса, ввоз этих рабов было одним из наиболее

---

²⁰⁹ carne de montería; montería – в данном случае, охота на одичавший скот

прибыльных дел для поселенцев²¹⁰, особенно маломочных. Рабов-индейцев с материка испанские поселенцы Кубы получали в обмен на скот и "другие", не названные вещи (CDI-2, т. 4, р. 341-342). Фраза Рохаса о том, что больше других поселенцев покупка рабов была выгодна маломочным, подчеркивает отмечавшееся не раз в документах неравенство в распределении местных индейцев (в рамках энкомьенды) между испанцами.

После Пуэрто-Принсипе Рохас проинспектировал прииски, где на добыче золота были заняты аборигены (в тексте названы "gente", "esta gente"). По словам Рохаса, большая их часть была довольна. Он отметил, что рудники сильно истощены. Рохас еще раз, по его словам, велел известить о «названной свободе всех самых главных и понятливых индейцев»²¹¹, что были на рудниках. Среди них нашлось четыре или пять человек, которые сказали, что придут ее просить. Рохас отметил одного, Диего, набурию Диего Овандо (весино Пуэрто-Принсипе), который пришел в Сан-Сальвадор вместе с женой и остался с индейцами опыта ждать, когда Рохас и провизор придут туда для экзаменации индейцев²¹², испрашивающих свободу (CDI-2, т. 4, р. 342-343).

Рохас упомянул свое письмо императрице от 5 мая 1532

²¹⁰ cosas de que más se an aprovechado y sustentado en esta tierra los vecinos y moradores

²¹¹ los yndios más principales y entendidos

²¹² indios particulares в тексте. Видимо, "отдельных индейцев". Этим подчеркивалось, что освобождению от энкомьенды подлежали не все вакантные индейцы, оставшиеся от того или иного испанца, а отдельные, от любого испанца, но прошедшие экзамен. В чем состоял этот экзамен, мне не удалось найти.

относительно индейцев опыта, в котором он говорил, что следует отделить тех из них, что представляются наиболее толковыми, от стариков и неспособных, которые «не имеют и не могут уже иметь доброго намерения к чему-либо хорошему». Именно об этом, подчеркнул Рохас, говорилось в королевском распоряжении на имя епископа и Гусмана, и не было исполнено (CDI-2, t. 4, p. 345-346).

Сам Рохас, по его словам, много раз говорил с индейцами, проходя через вилью, где они находятся, и всегда всех их находил в хорошем состоянии и на своих местах²¹³, и никогда прежде они не жаловались на Гаспара Кано или кого-либо другого. А вот, когда возвращался из инспекции по острову, нашел их рассеянными²¹⁴ из-за отсутствия Гаспара Кано. Рохас упрекнул их за неблагодарность и предупредил, что опыт должен повториться, теперь с наиболее пригодными для свободы. Здесь Рохас сделал признание в том, что «по правде, он никогда у них не знал желания, которое они, естественно, должны были иметь, своей свободы» ни в какой другой форме, кроме как жить свободными и в покое (*descansados*), и таковыми они были более трех лет, и от них не было какой-либо другой пользы (CDI-2, t.4, p. 346-347; см. также p. 324).

Правитель Кубы общался с аборигенами острова через двух переводчиков, испанца Хуана Гарсию и индейца по имени Диего Надираль, который был наборией испанца Диего Довандо. При

---

²¹³ en su asiento y estancia

²¹⁴ derramados y distractydos

этом индеец считался *muy ladino*²¹⁵ (*Marrero* 1972, t. 1, p. 176²¹⁶).

От времени инспекционной поездки Рохаса в 1534 г. сохранился документ, в котором приведены списки весино Тринидада и Санкти-Спиритуса с указанием количества находившихся в их распоряжении аборигенов и рабов из Африки. В нем термином «индейцы» явно названы те, что были получены по энкомьенде. При этом нет их разделения на индейцев касика и наборий, что, видимо, говорит о том, что в пределах юрисдикций этих двух испанских поселений уже не было индейцев, которые находились бы под властью касиков.

В Тринидаде в 1534 г., когда его посетил Рохас, не были ни алькальда, ни рехидоров, так как его жители собирались уходить, узнав новости о Перу. По настоянию губернатора эти должностные лица были избраны (CDI-2, t. 4, p. 334-335).

Первым среди обитателей Тринидада был назван Хуан Деспиноса, весино этого поселения с его основания (18-19 лет); он был женат, имел троих детей (может быть сыновей). У него было 10 «индейцев»²¹⁷ (мужчин, женщин, детей), а также 10 «индейцев-рабов» (мужчин и женщин), 2 из них с Кубы, остальные из Новой Испании.

Педро де Кармона был весино Тринидада 12 лет, он был женат на женщине из Кастилии, имел две дочери. Владел 30

²¹⁵ То есть, очень хорошо знавший испанский язык.

²¹⁶ Марреро сослался на документы из собрания CDI-2. Я по этой ссылке не нашел сведений о переводчиках. Упоминание о переводчике Рохаса, без уточнения, кто им был, есть в другом документе (CDI-2, t. 4, p. 324).

²¹⁷ Так в документах обычно называли аборигенов, полученных по рапартимьенто.

индейцами, а также негритянкой с тремя детьми и двумя рабами “этого острова” (то есть кубинскими индейцами) с двумя девочками, и 8 мужчинами и женщинами (индейцами) из Новой Испании²¹⁸.

Алонсо Лопес де Айала, весино Тринидада со времени образования поселения, был холост. У него было 8 индейцев Матансас²¹⁹, которыми он владел совместно с Эрнаном Веласкесом, и четыре или пять рабов «с Кубы и Юкатана».

Алонсо де Рейна, весино 6 лет был не женат, но имел dochь. У него было 6 индейцев и 4 раба-индейца (два кубинские, и два из других земель).

Мигель Дарнани – являлся весино Тринидад и Санкти-Спиритуса 15 лет, женат на “женщине земли”²²⁰. У него была рабыня из Новой Испании.

Гильермо де Буэнос 60 лет, жил в Тринидаде со времени его основания, но получил статус весино лишь два года назад. Он был холост, его кормили другие поселенцы²²¹, но у него было 13 или 14 голов скота и 80 песо золота.

Что касается Санкти-Спиритуса, там самым зажиточным весино являлся Васко Поркальо (он был весино этого поселения более 12 лет). У него были сын и две дочери, рожденные вне

²¹⁸ Индейцы из Новой Испании попадали на Кубу рабами.

²¹⁹ Район бухты Матансас, где испанские поселенцы Тринидада имели свои хозяйства.

²²⁰ *mujer dilo tilo* судя по тому, что написано ниже о женах Хуана Веласкеса и Алонсо де Овьедо, «женщинами земли» в то время на Кубе называли дочерей испанцев от союза с индианками.

²²¹ *le dan de comer los vecinos*

церковного брака (*naturales*). При нем были 6 испанцев, 150 индейцев²²², 15-16 негров и негритянок (очевидно, рабов) и 50 рабов-индейцев, местных и из других земель.

Хуан де Ривера, весино 20 или более лет, был женат на женщине из Кастилии, имел дух сыновей, 6 или 7 испанцев, 14 или 15 индейцев и три индейца-раба.

Алонсо Санчес де Корраль, весино 18 лет, был женат на женщине из Кастильи, детей не имел. У него было 22 индейца; 27 рабов, местных и из Новой Испании (то есть, индейцев); 5 негров и 2 негритянки (тоже рабы).

Хорхе Веласкес, весино 16 лет, женат на “женщине земли”, дочери испанца. У него было три индейца, 7 рабов-гуанахо (то есть, привезенных с одноименного острова).

Педро Лопес Марроки, весино 18 лет, женат на женщине из Кастильи, с одним ребенком. У него было 6 индейцев и одна индианка с ребенком, а также 30 рабов из Новой Испании (то есть, индейцев).

Алонсо де Сепеда, весино 19 лет, женат на местной женщине (*de la tierra*), имел двое детей (замужнюю дочь и мальчика). У него было 5 индейцев и 3 раба-гуанахо.

Франсиско Себорро, весино 14 лет, женат на женщине из Кастильи, с тремя детьми. Владел одним негром (рабом) и тремя рабами из Новой Испании.

Хуан Родригес де Кордоба, весино Тринидада 20 лет, женат на местной женщине, у него была замужняя дочь и два

---

²²² то есть, полученных по репартильменто

внебрачных сына. Имел двух индейцев и 14 рабов, местных и из Новой Испании.

Себастиан де ла Фуэнте, весино 20 лет, был женат на местной женщине и имел замужнюю дочь. Владел 4 индейцами и двумя рабами из Новой Испании.

Алонсо де Овьедо, весино три года, хотя жил в Санкти-Спиритусе более 15 лет. Был женат на местной женщине, дочери испанца. У него была одна законная дочь и одна внебрачная. С ним жил один испанец. Овьедо владел 18 или 19 рабами из Новой Испании и рабами с Кубы. (цит. по *Zerquera y Fernández de Lara* 1977: 80-82).

Приведенные данные подтверждают наглядно известный из других источников факт о значительном неравенстве в распределении аборигенов между испанцами. Они дают также представление о соотношении аборигенов, полученных колонистами в энкомьенду (фигурируют как "индейцы"), и аборигенов-рабов – 253 и 186 соответственно. Среди последних иногда указано происхождение – местные, из Новой Испании, гуанахи. Число "негров", то есть африканских рабов, в этой части острова было все еще невелико (менее 30 у испанцев двух поселений).

Некоторые данные о составе населения усадеб того времени есть с востока острова. Так, в 1533 г. к Баракоа, где было 13 весино (только половина из них имела энкомьенду) и еще 25 испанцев, относились 212 индейцев рапартильяно (включая жен и детей), 60 рабов-индейцев из Юкатана, Пануко и островов, а

также 4 негра-раба (CDI-2, т. 4, р. 309). В 1537 г. в 20 усадьбах юрисдикции г. Сантьяго насчитали 130 индейцев мужчин и женщин, как местных (они названы свободными), так и привезенных рабов, среди которых были гуанахи (CDI-2, т. 4, р. 423).

В феврале 1535 г. Рохас подробно описал свой (совместно с провизором) визит к индейцам Сан-Сальвадора, чтобы возобновить попытку опыта с ними. Как писал Рохас, они нашли всех индейцев в их поселении (*asiento*) и хозяйствах (*sus haciendas*) в лучшем состоянии, чем, когда он их видел при возвращении из поездки по острову. Не хватало лишь нескольких умерших и еще несколько человек, что с самого начала не хотели быть в этом опыте, и их не смогли к нему привлечь.

Для «исправления и продолжения» опыта были отделены и отобраны, по их воле, около 40 человек, из которых 32 или 33 были взрослые мужчины и женщины, а остальные – малые дети. Индейцы остались на своем месте, что у них было изначально, около вильи. Они были обеспечены хижинами и огородами²²³, у них не было ничего изъято.

Остальные индейцы, около 40 человек, предпочли служить кому-либо, кто с ними будет хорошо обращаться, так как они не могли выполнить предъявляемых условий (эти условия не названы). Их временно вручили Хуану Вергаре, весино и рехидору вильи, с тем, чтобы он ими пользовался до

---

²²³ bien reparados de vohios e labranças

королевского распоряжения²²⁴. Из их числа несколько человек были вручены декану местной церкви, провизору и капеллану. Интересно замечание о том, что одного индейца, который, предполагалось, должен был работать рыбаком, не смогли привести, так как ни один индеец старшего возраста «не может ужиться с нами»²²⁵.

Далее Рохас и провизор занялись определением того, кто еще мог быть освобождён. Из пятерых индейцев на рудниках, собиравшихся прийти на экзамен, не пришел никто. Относительно упомянутого выше Педро, который с женой ожидал Рохаса в Сан-Сальвадоре, этот написал, что он был плохо научен делам «нашей святой веры», хотя по образу жизни был более развит. Он вместе с женой был помещен в группу тех индейцев, что оставались в опыте. Еще один индеец, из поселения, находившегося в энкомьенде у Рохаса, также просивший свободу, оказался «посредственно наставлен»²²⁶, «и, кажется, пришел с добрым и святым намерением», хотя во всем остальном "был туп" (*estaba torpe*). Его поместили с другими индейцами опыта, но пока не разрешили взять жену по каким-то причинам. По словам Рохаса, тот остался доволен. В это поселение был также помещен один уроженец Эспаньолы, вместе с женой, который прежде долго жил как свободный у одного

²²⁴ Решение вручить этих индейцев Вергаре вызвало недовольство других обитателей Сан-Сальвадора, так как тот был холостяком и лишь недавно обзавелся своим домом (CDI-2, т. 4, р. 374).

²²⁵ *ninguno puede estar en nuestra conversación*

²²⁶ *medianamente enseñado*

испанца. Еще три человека ушли, когда узнали условия, которых они должны были придерживаться. Один индеец пришел, кроме того, в Сантьяго. Как написал Рохас, он хорошо говорил и был правоспособен²²⁷, но его жена была старая и не поддающаяся наставлениям (*yndocrinable*). Рохас предложил индейцу свободу без жены, и тот не согласился (как сказано в тексте, не просил больше свободы). Как объяснил Рохас, в таком деле старая индейская женщина приносит больше вреда, чем много мужчин, какими бы плохими они ни были (CDI-2, т. 4, р. 362-368).

В конце мая 1535 г. королева подтверждала назначение нового правителя Кубы, опять Г. де Гусмана (CDI-2, т. 4, р. 384). Но и в сентябре, видимо, это распоряжение не достигло Кубы, и Рохас отчитывался о своих делах, как правитель. Как он писал, индейцами опыта занимались два испанца – капеллан наставлял их в делах веры, а некий весино Сан-Сальвадора - «нашему образу жизни в их занятиях»²²⁸. По словам Рохаса, в те времена, когда индейцам позволяется жить самостоятельно, они не приносят пользы²²⁹.

Из этого письма видно, что при разделении индейцев опыта на тех, с кем этот опыт был продолжен, и на переданных в энкомьенду, были случаи отделения детей от родителей. Поэтому касик по имени Анайя, оставшийся с женой в энкомьенде, тайно увел свою дочь, оказавшуюся в опытном поселении. Не

---

²²⁷ bien plástico e abil

²²⁸ en sus granjerías nuestra manera de vivir

²²⁹ no hacen cosa de provecho

справившись с ней²³⁰, родители отвели ее в лес, повесили и повесились сами.

В октябре 1535 г. правителем Кубы вновь стал Г. де Гусман. В своем письме королю от декабря того же года он писал, что на острове всегда было, хоть немного, беглых индейцев. Их преследованию, по мнению Гусмана, мешали два обстоятельства: нежелание колонистов нести большие расходы по содержанию тех, кто индейцев преследует, а также королевский запрет обращать схваченных в рабство. Гусман обращал внимание, что подобный запрет снят в других местах, и просил того же для Кубы. На его взгляд, плохо изгонять бунтовщиков с острова и, тем более, убивать, так как он знал, что большинство индейцев убегает по невежеству.

В том же письме Гусман изложил свое видение разделения индейцев в рамках «опыта». Он утверждал, что ни одни, ни другие не управлялись должным образом, и, «по всеобщему мнению», больше теряли, чем находили, в свободе. Гусман испрашивал соответствующего королевского распоряжения, так как в «нынешнем состоянии ими все пользуются, не получая никакой пользы, и не дают их никому»²³¹ (CDI-2, т. 4, р. 394-395). Противоречивое утверждение, за которым, тем не менее, очевидно желание покончить с «опытом» и отдать индейцев в энкомьенду.

Гусман, как верховный правитель Кубы, полагал, что

²³⁰ no pudiéndolo acabar con ella; из текста непонятно, что имелось в виду.

²³¹ porque como agora están, se sirven dellos todos sin hacer ningun fruto ny darle a nadie.

делами индейцев должен заниматься он. Смененный им Рохас, в свою очередь (письмо от 15 декабря 1535 г.), опирался на королевское распоряжение, давшее титул репартидора ему. Что касается «индейцев опыта», Рохас полагал, что без человека, который наставлял бы их и понукал, по своей воле они не сделают ничего хорошего, за возможными исключениями. Как он написал, за пять лет, что индейцы находились в опыте, четыре из которых он ими занимался, он много размышлял над этим и не видел, что в последний год пользы было больше, чем в первый.

Рохас полагал (в этом его мнение мало отличалось от мнения Гусмана), что более надежно было бы энкомендовать какому-либо весино Баямо, а, если кто-либо из их числа захочет остаться на свободе, предоставить ее ему на некоторое время. Если испытание не пройдет – отдать опять в энкомьенду. Я чувствую, писал Рохас, что достичь чего-либо хорошего они смогут только под страхом и принуждением, и никоим образом не думаю, что они способны жить сами по себе²³² (CDI-2, т. 4, р. 400-402).

Периодически между разными ветвями власти возникали распри, связанные сaborигенами острова. В конце 1536 г. казначей Лопе Уртадо, жалуясь в метрополию на неисполнение своих обязанностей алькальдами, среди прочего указывал, что они не инспектируют поселения индейцев (CDI-2, т. 4, р. 416). В свою очередь, Гусман сообщал, что Уртадо, собираясь

---

²³² При этом Рохас сделал странное замечание – «Говорю в общем» (Hablo generalmente)

отправиться в Кастилию, продал 5 свободных индейцев, чего никогда прежде не было на острове (CDI-2, т. 4, р. 421).

В апреле 1537 г. Гусман, уже не являясь правителем Кубы, сообщал королеве о своих последних делах. Среди них он назвал инспекцию усадеб юрисдикции г. Сантьяго, чтобы узнать, как там наставляли индейцев и негров и как с ними обращались. Как он написал, оказалось то, о чем он говорил – нет священников, не будет доктрины. Интересно уточнение Гусмана о том, что индейцев обычно отдают на рудники, а на сельские работы²³³ посылают негров, которые работают как четыре индейца.

По словам Гусмана, «их» (без указания на индейцев или негров) хорошо кормили, едой были касабе, бататы и мясо. Индейцам, в соответствии с королевскими ордонансами, давали отдых на 4 месяца. На взгляд Гусмана, этого делать не следовало, так как именно в это время они совершали безрассудные поступки (*desvarios*), и среди них случались непредвиденные смерти (*muertes desamparadas*). Как он написал, в эту пору одни замысливали свои побеги, другие – как повеситься или выпить яд, от чего они умирали десятками и больше. В этот период они в назначенных местах устраивали ареито, и в районе 50-60 лиг (это 200-240 км.) не оставалось ни одного индейца, который бы не пришел туда. Редко эти ареито заканчивались без большого числа смертей. Индейцы после них оказывались очень ослаблены (*tiuy desabridos*). Гусман подчеркивал, что, наоборот, когда индейцы возвращались с рудников или других работ, они были упитаны и

---

²³³ hacer estancias y haciendas

ухожены²³⁴. Они там не болели и очень редко оттуда убегали. Как уточнял Гусман, он это говорил, чтобы королева знала «мудреную породу этих людей»²³⁵. Гусман написал, что теперь не было никакого бунта, хотя недавно привели несколько беглых (CDI-2, т. 4, р. 423-424).

В те же дни членов городского совета Сантьяго беспокоило, что на острове не было человека, назначенного королем, который мог бы распределять вакантных индейцев. Поэтому, полагали они, у поселенцев не было надежды на получение индейцев и желания оставаться на острове. Они просили назначить такого человека. Повторялась просьба о разрешении ввезти негров, так как индейцев оставалось все меньше (CDI-2, т. 4, р. 429, 430).

К маю 1538 относится сообщение о самом низком объеме выплавленного на Кубе золота. Объяснялось это тем, что рудники были оставлены из-за страха перед индейцами (CDI-2, т. 6, р. 26-27; ср. 32, 41, 48).

Следующие несколько лет истории Кубы и судеб ее обитателей пришлись на правление Э. де Сото, назначенного губернатором Флориды, которую предполагалось завоевать, и, по совместительству, Кубы (королевская грамота от 4 мая 1537 г.) (CDI-2, т. 4, р. 431-432). Сото пришел в Сантьяго в июне 1538 с несколькими кораблями, на которых было 500 или 600 человек, что расселились в городе и в сельских усадьбах; при этом местные поселенцы должны были их содержать. Затем Сото по

---

²³⁴ muy gordos y bien tratados

²³⁵ la arrevesada naturaleza desta gente

суще прошел до Гаваны, куда прибыл к рождеству 1538 г. (CDI-2, т. 6, р. 33-34, 36, 39, 50).

Новый губернатор мало внимания уделял проблемам острова, и индейские бунты продолжались, что сказывалось на уменьшении добычи золота (CDI-2, т. 6, р. 51; апрель 1539). Сото отправился в экспедицию к Флориде в 1539 г. Его пребывание на Кубе привело не только к непредвиденным расходам местных поселенцев. Помимо этого, Сото конфисковал 250 лошадей и увел с собой многих местных испанцев. Именно этим объяснял бунты индейцев епископ. Сото поставил своим военачальником Васко Поркальо, который, по словам епископа, был могуществен и силен. Васко Поркальо в то время считался и «самым богатым весино острова». Его боялись индейцы, а с его уходом страх у них исчез (письмо от 15 августа 1539 г.). (CDI-2, т. 6, р. 50, 58).

Об ущербе от экспедиции Сото для Кубы тогда же писал в метрополию Гусман, в то время смотритель выплавок золота. По его выражению, индейцев для работ было мало, а убегать и причинять вред – много. Каждый день испанцы пребывали в страхе, особенно после того, как остров обезлюдел на две трети, так как несколько портов между Пуэрто-Принсипе и Гаваной Сото оставил в таком состоянии без припасов и людей, что хватило бы, по Гусману, 20 индейцев, чтобы с ними покончить. Главной причиной индейских бунтов Гусман считал то, что в течение долгого времени индейцев безнаказанно притесняли их энкомендадо. Как написал Гусман, Сото, помимо того, что со своими людьми кормился за счет местных поселенцев, еще

лишил их доходов, запретив продавать продовольствие и лошадей за пределы острова, а также увел Поркальо (CDI-2, т. 6, р. 59-60).

Назначенный Сото наместником Главный алькальд был, по мнению королевских чиновников, хорошим судьей и человеком хороших намерений, но был болезненным и старым и по этой причине не мог инспектировать землю и поселения. А необходимость в этом была, особенно на приисках, где следовало смотреть за тем, чтобы индейцам выдавали их «какону»²³⁶ (CDI-2, т. 6, р. 116-117). Писарь приисков опять докладывал (апрель 1540), что мало добыто золота, так как мало на острове индейцев, и эти индейцы и негры не отваживаются идти на рудники из-за страха перед беглыми индейцами (CDI-2, т. 6, р. 105). О проблемах борьбы с беглыми индейцами писали, тогда же, и городские власти Сантьяго (CDI-2, т. 6, р. 131-132). В те годы некоторые испанцы, получавшие разрешение покинуть Кубу со своими рабами, под видом рабов вывозили мирных индейцев (CDI-2, т. 6, р. 118-119), то есть тех, очевидно, что были у них в энкомьенде.

Что касается индейцев, находившихся на опыте в Баямо, то к апрелю 1540 г., как сообщали королевские чиновники, от них осталось не более 10 человек под началом одного весино, который ими пользовался, отдавая их в аренду и наем за разную

---

²³⁶ Саона – слово индейского происхождения, которым обозначалось вознаграждение индейцев за работу, как правило, в виде европейских предметов.

цену²³⁷ (CDI-2, t.6, p. 139).

К началу 1540 г. среди испанских поселенцев Кубы наметилась новая тенденция – не посыпать (вовсе) индейцев на добычу золота, а использовать их в своих хозяйствах²³⁸ (CDI-2, t.6, p. 166). Это говорит о том, что поселенцы Кубы увидели меньшую эффективность труда аборигенов на промысле золота в сравнении с их эксплуатацией в других сферах хозяйства (видимо, главным образом, сельского).

В источниках начала 1540-х гг. на Кубе упоминаются «поселения индейцев» (*pueblos de indios*), которые следовало инспектировать либо правительству острова, либо епископу (CDI-2, t.6, p. 158-159). Не всегда можно определить их точное местоположение, но, судя по встречающимся иногда индейским названиям, можно заключить, что это были прежние индейские поселения, а не созданные в соответствии с неоднократными королевскими распоряжениями.

Более длительному сохранению традиционных поселений на Кубе, в отличие от Эспаньолы, способствовало, видимо, несколько обстоятельств. Большая насыщенность колонистами Эспаньолы, как начального центра испанской экспансии в Новом Свете, вела к тому, что, при распределении и перераспределении аборигенов между колонистами быстрее размывалось население индейских поселений. Возможно, играло роль и другое обстоятельство – географического порядка, а именно, большая

---

²³⁷ los arrienda y alquila á diversos precios

²³⁸ con cobardicia de sus grangerias se dexan de cojer el oro

разреженность испанских поселений на Кубе в силу ее размеров.

Бунты аборигенов на Кубе

Большая географическая протяженность острова с наличием обширных, свободных от испанских поселенцев пространств и то, что поначалу остров находился в стороне от основных потоков колонизации, способствовали тому, что там дольше, в сравнении с другими Большиними Антильскими островами, сохранились группы аборигенов, которые могли противостоять пришельцам.

В 1525 г. один из испанцев утверждал, что «по этому острову и по всем частям его ходят много индейцев из местных, беглых, причиняя много вреда и ущерба и убивая испанцев и индейцев», и если они встретят одного испанца и даже двух или трех, то убивают их с большой жестокостью, а также мирных индейцев. На его взгляд, в то время восставших индейцев было как никогда прежде (CDI-2, т. 1, р. 152).

На Кубе, как и в других местах, правителям предписывалось, чтобы военные действия против беглых (*alzados*) начинались, только если те не выполняли требований рекеримьento. Рекеримьенто до индейцев должны были доводить служители церкви, «которым можно доверять». Индейцам следовало сказать, что они будут прощены за преступления, что они совершили, если покорятся. Если же они не подчинятся, то, после судебного разбирательства²³⁹, против них следовало начать

---

²³⁹ previo proceso jurídico

войну. При этом схваченные становились рабами тех, кто их пленил (CDI-2, т. 1, р. 351).

Остановлюсь на одном из эпизодов этих войн, отраженных в нескольких документах того времени, в которых прослеживаются некоторые детали обращения с плененными островитянами.

Из распоряжения правителя Кубы Д. Веласкеса от 19 июля 1523 г. для Родриго де Тамайо, висино вильи Сан-Сальвадора, следует, что какое-то время до этого Тамайо, исполняя указание Веласкеса, отправился против беглых индейцев кайо²⁴⁰ и имел с ними стычку. Многие из них были схвачены, при этом были убиты некоторые их предводители (*principales*). А теперь «много тех индейцев кайос» опять разбойничают²⁴¹ – они убили двух испанцев, разорили усадьбу Тамайо и увезли многих местных индейцев. Веласкес разрешил вести против этих индейцев войну, брать в плен, а тех, кто будет защищаться – убивать. Схваченных, как кайо, так и местных, разрешалось разделить между испанцами, участниками операции (в тексте названа «конкистой»). Их можно было продавать, менять и отчуждать после того, как они будут клеймены. Клеймение поручалось алькальду и инспектору вильи Сан-Сальвадор (Papeles 1931, т. I, р. 89-90).

Через два года сходное поручение Тамайо получил от другого губернатора Кубы, Рохаса. Губернатору было известно,

---

²⁴⁰ los yndios cayos que andan alçados

²⁴¹ haciendo males e robos

что «на этом острове бродят много индейцев кайо», взбунтовавшихся против испанцев, причиняя много зол и привлекая многих местных индейцев. Тамайо было велено отправиться во главе испанцев против бунтовщиков, которых было разрешено пленить и обращать в рабство, а оказывавших сопротивление - убивать. Пленных следовало привести в вилью, где их можно было клеймить. После клеймения им следовало вывихнуть (*desgovernar*) одну ногу. Клеймо ставили на лицо, а ногу вывихивали в наказание, чтобы не убегали впредь²⁴² и для острастки других.

Тамайо повелевалось выявить главарей и виновников смертей и казнить некоторых из них, выбрав форму умерщвления. Казнить следовало там, где это было бы уроком остальным. Относительно других принимались разные меры. Тех, кто находился в бегах два года и более, следовало объявить рабами, клеймить и разделить. Те, кто были в бегах год и более, разделялись между участниками кампании в качестве "обязательных наборий" (*naburias forzosas*), которых можно было продать один раз. Тех людей, что были в бегах менее года, следовало вернуть прежним хозяевам²⁴³. Последние должны были выплатить Тамайо «за каждую большую голову или малую старше 6 лет» – 2 песо золотом. Условия обращения в рабство крещеных оговаривались отдельно. Для принятия решения следовало собрать подробную информацию от свидетелей и

---

²⁴² porque queden seguros pa delante

²⁴³ Перераспределение индейцев кайо засвидетельствовано документом 1530-х гг. (CDI-2, т. 4, р. 213).

самых индейцев. Тех, кому не было 12 лет, независимо от того, сколько они были в бегах, следовало возвратить прежним хозяевам, которые должны были дать 2 песо золота за голову (Papeles 1931, t. I, p. 90-92).

Эти события нашли отражение через 20 лет, когда Тамайо представил перед алькальдом Баямо свидетельства своего в них участия, в том числе показания других участников²⁴⁴. В них содержатся некоторые детали, не отраженные в предыдущих документах. В походах Тамайо принимали участие «его индейцы». Беглые индейцы напали на поместье Тамайо и на его касика на мысе Санта-Крус. Там они сожгли судно и убили 2-х испанцев, а в Магуана сожгли хижины и много свиней, и увели 20 человек (мужчин и женщин) касика Тамайо.

Кроме Тамайо, с кайо воевал также Эрнан Гомес Давила. В одну из ночей трое индейцев из беглых, что он вел как проводников, ушли, взяв лодки со всем, что там было, и оружие, и оставив испанцев на острове в трех лигах от берега без еды и питья. Их выручал Тамайо со своими людьми (Papeles 1931, t. I, p. 180-194).

О реакции испанской короны на выступления аборигенов можно судить по королевской грамоте на имя губернатора Гусмана от 9 ноября 1526 г. Они рассматривались как вассалы короля, которые должны были подчиниться и служить ему. Тем, которые так поступят и будут «спокойны и мирны», было

---

²⁴⁴ Тамайо представлял перед алькальдом 10 октября 1547 г., опрос свидетелей был закончен 2 февраля 1548 г.

обещано королевское прощение всех совершенных преступлений²⁴⁵, включая смерть индейцев и испанцев. В противном случае им объявлялась война, а тем, кто в ней уцелеют²⁴⁶, предстояло вечное рабство и конфискация имущества (*haciendas*). Это требование должны были, в присутствии писаря, трижды предъявить монахи, которым бунтовщики доверяли бы. Если оно не было принято, против беглых объявлялась война как против взбунтовавшихся вассалов. В этом случае «любое лицо их могло убить и пленить, и причинять им любое зло и ущерб»²⁴⁷. Все схваченные индейцы становились рабами тех лиц, что их пленили, как если бы они были взяты на «хорошей и справедливой войне»²⁴⁸ (Papeles 1931, t.I, p. 112-113).

В апреле 1529 г. королевские чиновники Кубы сообщали, что из-за большого числа беглых индейцев, мирные индейцы не отваживаются отправляться на поиски золота, как это они делали прежде (CDI-2, t. 4, p. 64-65). В октябре того же года на востоке острова были убиты несколько испанцев, а также много служивших им индейцев и негров. Были разорены усадьбы, сожжены жилища и убит скот. Для борьбы с нападавшими были снаряжены три отряда, и многие из них были схвачены и казнены, другие – убиты, некоторые бежали (CDI-2, t. 4, p. 164-165).

В 1530 г. местные власти Сантьяго сообщали королю, что в провинции Баракоа ходит «некий Гуама», у которого уже давно

²⁴⁵ cualesquier delitos y excesos

²⁴⁶ que en ella fueren vacos

²⁴⁷ cualesquier personas los puedan matar y prender y hacer todo mal y daño

²⁴⁸ de buena y justa guerra

более 50 человек; у него в горах много огородов, и, хотя он до сих пор лишь собирал беглых индейцев, в будущем может принести много вреда острову (CDI-2, т.4, р. 168). В 1532 г. говорилось уже о более чем 60 сподвижников Гуама и что в окрестностях Сантьяго также есть беглые индейцы, причиняющие много вреда (CDI-2, т.4, р. 254).

Против беглых периодически посылали отряды, в состав которых входили, помимо испанцев, аборигены и негры-рабы. Наконец, в январе 1533 г. в метрополию было сообщено, что была разбита и убита большая часть людей Гуама. При этом от индейцев стало известно, что ожидался приход вождя Энрике с Эспаньолы (CDI-2, т.4, р. 308). Но и в конце следующего года правитель Кубы Рохас в отчете королю испрашивал разрешения обращать беглых индейцев в рабов (CDI-2, т. 4, р. 349). В начале 1535 г. Рохас сообщал, что земля замирена от индейцев-симарронов²⁴⁹, «которых обычно было много», хотя есть отдельные в некоторых местах (CDI-2, т. 4, р. 371). Сходно он писал в сентябре того же года - прекратились бесчинства индейцев и негров, хотя всегда было несколько одиночных индейцев-симарронов, не причинявших вреда (CDI-2, т. 4, р. 385-386).

И во второй половине 1530-х гг. беглые индейцы нападали на селения мирных, убивая их и испанцев. Так, осенью 1537 г было убито несколько испанцев и более 40 мирных индейцев (по

---

²⁴⁹ симаррон – слово индейского происхождения, использовалось испанцами для обозначения беглых аборигенов, а затем и рабов из Африки.

другому источнику, были убиты и негры). В мае 1538 г. более двух десятков симарронов в Баракоа сожгли хижины и церкви. При этом местные мирные индейцы отказались поддержать нападавших и выступили против них (CDI-2, т. 6, р. 27-27, 32, 41, 59). Осенью 1538 г. на переходе из Сантьяго в Баракоа, в районе индейского поселения Байтикири несколько испанцев было убито сопровождавшими их индейцами. После этого в Байтикири были убиты находившиеся там испанцы и сожжены хижины. Индейцы селения бежали и присоединились к другим беглым. Для их преследования был отправлен отряд из 30 человек (из них 11 испанцев). Около 20 человек беглых индейцев было схвачено. По мнению описавшего эти события главного алькальда, подобные бунты возникали из-за плохого обращения с индейцами их хозяев. При этом Ортис отметил, что эти же самые испанцы отказываются предоставить своих индейцев и негров для преследования беглых. Ортис особо написал, что мирные индейцы, убившие своих эстансьеро, раскрасили свои лица и тела как симарроны. По его словам, 13 из схваченных уже были казнены (CDI-2, т. 6, р. 48-49).

В другом письме Ортиса содержатся другие детали произошедшего. Пятеро испанцев были арбалетчики, двое – копейщики. Сопровождавшие испанцев индейцы в качестве носильщиков имели свои копья. Ночью индейцы похитили у испанцев крючки арбалетов и два копья, а потом копьями убили спящих (лишь одному удалось спастись). Против этих и других беглых индейцев в Сантьяго был собран отряд из 12 испанцев во

главе с капитаном, 12 негров и 10 индейцев (как написал Ортис, «самых надежных, что нашлись»). Другой отряд был послан из Баямо. В этот раз были схвачены 20 индейцев (CDI-2, т. 6, р. 75-77). И в этом письме Ортис объяснил бунты следствием плохого обращения с индейцами их хозяев, добавив, что хозяева отказываются давать индейцев и негров для преследования беглых, ставя свои интересы выше общего блага. Поэтому по острову нельзя было пройти без большого сопровождения (CDI-2, т. 6, р. 48-49). После казни схваченных, написал Ортис, один испанец может пройти там, где прежде не отваживались шесть или семь (CDI-2, т. 6, р. 78-79). О том, насколько серьезно корона отнеслась к индейским выступлениям на Кубе, свидетельствует тот факт, что в марте 1539 г. было королевское распоряжение о посылке на Кубу арбалетов, копий и щитов, чтобы противостоять индейцам (CDI-2, т. 6, р. 47). Сами испанцы на Кубе считали, что главным оружием в борьбе с беглыми индейцами были арбалеты (CDI-2, т. 6, р. 108-109).

В апреле 1540 г. прокураторы испанских поселений писали королю, что «на этом острове» всегда есть индейцы-злодеи, при этом более всего их было, по мнению авторов, в пределах виллы Асунсьон (Баракоа) и г. Сантьяго. Как писали прокураторы, у индейцев не было страха, ибо они знали, как мало осталось на острове людей, которых можно бояться. Индейцы, не только беглые, но и мирные, говорили и пели на своих ареито, что испанцы долго не продержатся на этой земле, так как там остаются лишь больные и слабые. Испанские поселенцы виллы

Асунсьон отваживались идти на свои участки, находившиеся в поллги или в лиге от поселения, лишь по пять или шесть человек вместе. Они вновь просили королевского разрешения обращать беглых индейцев в рабов, так как нанятые за плату люди преследовали беглых неохотно и не эффективно. Были также опасения, что вслед за индейцами могут подняться негры рабы (CDI-2, т. 4, р. 95-98; сходно – р.131-132).

Из частного письма от октября того же года явствует, что после казни индейцев, убивших испанцев, известий о беглых индейцах не было, и более того, одна группа беглых пришла с миром и служила своему хозяину «в этом городе», то есть, Сантьяго (CDI-2, т. 6, р. 147).

В 1542 г. прокураторы писали в метрополию, что, когда для преследования беглых индейцев посыпались отряды испанцев, это не приносило хороших плодов, наоборот, с каждым днем росли потери среди испанцев и негров. Поэтому было решено испробовать другой «опыт», и был собран отряд из 24 местных индейцев. Часть их была из свободных²⁵⁰, и несколько «хороших» - из тех, что были у весино города (то есть, из энкомендированных- Э.А). Их снабдили всем необходимым и назначили ежемесячное жалование. Лагерь мятеjkников был обнаружен в горах, в схватке 16 беглых было убито, столько же (мужчины и женщины) пленены, некоторые бежали. В этой операции погиб капитан индейского отряда. Пленные были приведены в Сантьяго и казнены. Победителям, как говорилось в

---

²⁵⁰ То есть, очевидно, из «опытного» поселения».

донесении, воздали много почестей и хорошо заплатили за работу, чему они, по словам прокураторов, были очень довольны и выразили желание всегда служить королю, занимаясь подобным делом. Прокураторы тоже считали, что этот отряд должен быть постоянным. Кроме того, они просили, чтобы свободных индейцев во время подобной службы освобождали от ежегодной подати в 3 песо (CDI-2, t. 6, p. 175-176).

В 1543 г. королевский торговый агент (factor) писал в метрополию, что из 20 лет, что он жил на острове, не было ни одного, когда не собирали бы деньги (*no se echase sisa*) для завоевания и замирения беглых индейцев (*los yndios cimarrones ó bravos*). Он писал, что индейцы каждый год уходят в горы (*los montes*), откуда они выходят на Рождество, когда сухо, жгут гасиенды, убивают испанцев и мирных индейцев и уводят их жен (CDI-2, t. 6, p. 196).

Как видно из приведенных выше эпизодов, обычно плененные лидеры восставших подвергались казни. Но известны и другие исходы. Так, епископ Сантьяго настоял на отмене смертного приговора касику Брисуэле, аргументировав это тем, что смерть касика могла вызвать самоубийства многих индейцев. Епископу удалось не только получить касика в качестве раба, но и вернуть того в его поселение (Каманиен) (CDI-2, t. 6, p. 222, сноска). Это уже 1540-е гг. Возможно, к такому решению подталкивала нехватка рабочей силы на острове.

Кубинский исследователь Ф. Пичардо Мойя связал три серии восстаний аборигенов Кубы с определенными этническими

группами. Восстания с 1523 по 1530 гг. он соотнес с обитателями прибрежных островов, “кайо”; их район действий был от р. Баямо на востоке до р. Саса на западе. Восстания 1524-1532 и 1538-1544 г. проходили от восточного мыса Маиси до Баракоа на севере и до Сантьяго на юге. Обитателей этих областей автор назвал «тайнами» (*Pichardo Moya 1945*, р. 13).

1540-ми годами, очевидно, закончилась активная фаза сопротивления обитателей Кубы испанцам²⁵¹.

«Новые Законы» и аборигены островов

Следующий период истории аборигенов Больших Антильских островов связан с исполнением на островах «Новых законов». При его рассмотрении особенно хорошо видно, насколько теории, строившиеся вокруг судеб аборигенов, были далеки для испанцев, существование которых в колониях зависело от возможностей их эксплуатации.

Как можно было заметить выше, испанская корона постоянно проявляла, на свой манер, беспокойство о «хорошем обращении» (*buen tratamiento*) завоевателей и колонистов с населением новых земель. Необходимыми условиями «хорошего обращения» было признание со стороны аборигенов власти испанского монарха над собой и принятие ими католической веры. Эти два пункта постоянно назывались во всех директивных документах короны. На практике даже согласия аборигенов

---

²⁵¹ Хронология борьбы аборигенов Кубы против испанцев представлена в очерке Х. Кастельяноса (*Castellanos 1959*)

(вольного или вынужденного) принять эти требования было недостаточно для того, чтобы на местах колонисты обращались с ними «хорошо» (в понятии королевских администраторов в колонии и властей в метрополии). Ни в одном известном мне документе не было развернутого объяснения, что следовало понимать под «хорошим обращением», хотя обычны отсылки к законам Бургоса 1512 г. Видимо, подразумевалось нечто противоположное «плохому», примеры которого стали известны при королевском дворе благодаря усилиям монахов.

Как говорилось выше, ситуация с аборигенами обсуждалась неоднократно на заседаниях специальных советов, начиная с 1512 г. В 1519 г. Лас Касасу удалось убедить нескольких проповедников короля представить Совету Индий ряд радикальных предложений. Спустя четверть века он так оценивал эти предложения и реакцию на них Совета. Первой, «важнейшей», частью он считал отрицание и осуждение энкомьенды, которую должен был отменить Совет, освободив индейцев. Члены Совета этого не сделали, и это, по словам Лас Касаса, разрушительное зло проросло до такой степени, что его не мог искоренить король со всей своей властью. Второй частью идей проповедников, по мнению Лас Касаса, была мера для хорошего правления освобожденными индейцами, которая заключалась в создании для них поселений. Лас Касас писал, что мера была хорошей по сути, но, в силу ряда обстоятельств, привела к гибели индейцев, как случилось при иеронимитах. Лас Касас так объяснил причины происшедшего - поскольку индейцы

столь деликатны, то при переводе их с тех мест, где они родились и воспитывались, на любое расстояние они легко заболевали и умирали, не получая никакой помощи. Кроме того, они заново должны были делать свои земельные участки²⁵². Настоящим средством, полагал Лас Касас, было бы их оставить их на их землях и в их деревеньках (*poblezuelos*)²⁵³, дать им полную свободу. Их иногда могли бы навещать монахи для наставлений, и так они смогли бы, полагал Лас Касас, как кролики, вновь множиться (*Las Casas* 1951, т. III, р. 304-305).

Однако некоторые другие монахи, в том числе доминиканцы, после упомянутых выше событий на побережье Венесуэлы, все еще были настроены очень агрессивно по отношению к аборигенам Нового Света. Так, фрай Бетансос, в 1516 г. выступавший в защиту индейцев, в своих мемориалах 1532 и 1534 гг. писал, что индейцы настолько подлы, что все делают лишь из страха, у них разума обычно не более чем у детей 7-8 лет. Бетансос даже утверждал, что божий суд справедливо падет на индейцев с тем, чтобы они все умерли, и чтобы от них не осталось и памяти. Он был уверен, что это произойдет скоро. А речь уже шла не об островных аборигенах, а об обитателях Новой Испании.

На этот раз наиболее яростными оппонентами доминиканца

²⁵² Лас Касас употребил слово *labranzas*. Подготовка участка под посадки на новых местах включала валку деревьев и их сжигание.

²⁵³ Уменьшительная форма по отношению к поселению говорит о том, что о крупных поселениях индейцев, когда-то отмеченных Колумбом, речи уже не было.

Бетансоса были францисканцы. Возражая против его тезиса о неспособности индейцев, они просили Совет Индий спросить у Бетансоса, выучил ли он язык индейцев и какие проповеди он написал. Далее следовал совет – поскольку его зубы не были отточены, чтобы говорить на языке индейцев, Бетанососу следовало молчать и замкнуть рот²⁵⁴. По словам францисканцев, дети местных обитателей хорошо писали, пели в церкви, учили других музыке и читали им проповеди, которым их научили монахи (цит. по: *Leon Portilla* 286)²⁵⁵.

Для испанцев главным критерием меры способностей аборигенов была их способность воспринять христианство. Свой вклад в эту оценку должна была внести папская булла от 2 июня 1537 г. *Sublimis Deus*. В ней подчеркивалось, что Иисус Христос сказал своим последователям обучать всех людей, так как все способны воспринимать веру. Утверждалось, что индейцы, как настоящие люди, «каковыми они являются», не только способны принять христианскую веру, но и стремятся к ней. В заключение папа заявлял, что индейцы и все люди, что «в будущем станут известны христианам, даже если будут жить вне христианской веры, могут свободно и законно пользоваться²⁵⁶ своей свободой и своей собственностью, что они не могут быть обращены в рабство» (*La Bula Sublimis Deus*).

---

²⁵⁴ y pues no aserraron sus dientes para pronunciar la lengua de los indios, callen y tapen la boca a piedra y lodo

²⁵⁵ Перед смертью Бетансос отрекся от своих слов о неспособности индейцев.

²⁵⁶ usar, poseer y gozar

Но булла не оказала воздействия на отношение испанцев к аборигенам, хотя она и попала в Мексику и стала известна в других испанских колониях Америки (*García Añoveros* 2000, р. 83). В королевской грамоте от 6 сентября 1538 г. на имя Антонио Мендосы, вице-короля и губернатора Новой Испании и Председателя Королевской аудиенции и канцелярии, повелевалось изъять соответствующие папские постановления и послания. Сообщалось также, что об этом был информирован Папа для того, чтобы отозвал эти документы, что Папа и сделал (CDI-2, т. 10, р. 440-441).

Тем не менее, проблема аборигенов Индий продолжал беспокоить испанские власти, и в 1542 г. была созвана очередная Хунта, для которой Лас Касас представил «Меры» (*Remedios*), касающиеся аборигенов всех «Индий». Лас Касас простираяно (как почти всегда) аргументировал свои предложения. Вот некоторые из его положений в укороченном изложении. Испанские короли, получив от Папы Индии для обращения в христианство местных обитателей, никому не могут передавать свою юрисдикцию. Короли должны были устранивать все помехи, мешающие этой цели; самой тяжелой он называл энкомьенду. За обращением индейцев должны следить проповедники, а не светские лица. Если энкомьенды не отменить, все индейцы погибнут. Поскольку Индии далеки, нельзя управлять вопросами энкомьенды посредством частных запретов и грамот, а следует издать общее распоряжение, которое невозможно будет нарушить. Последний пункт имел более общий характер. В нем

Лас Касас утверждал, что, отменив энкомьенды, король спасет испанцев от совершения больших грехов (цит. по: *Zavala* 1973, р. 75-78).

Заседания Хунты длились с мая по ноябрь 1542 г. На них обсуждались разные вопросы, но главной темой была энкомьенда. Большинство участников обсуждений было за ее отмену в том виде, как она применялась. 20 ноября 1542 г. в Барселоне были провозглашены Новые Законы, а 4 июля 1543 г., в Вальядолиде, они получили дополнения (*Morales Padrón* 1979, р. 422).

Законы были разработаны для всех испанских колоний в Новом Свете. В 40 статьях, подписанных в Барселоне, выделяют несколько блоков: реорганизация Совета Индий; административная реорганизация колоний; обращение с индейцами; реформа системы энкомьенд; новые распоряжения относительно открытых; реформа податной системы. Последней статьей повелевалось законы напечатать и распространить по всем Индиям, где монахи перевели бы их аборигенам (*Morales Padrón* 1979, р. 424-425).

«Новые законы» запрещали впредь обращать индейцев в рабство под каким бы то ни было предлогом (война, бунт, обмен – таков порядок перечисления). Для сохранения уже имевшихся рабов их хозяева должны были представить соответствующий титул; если такового не было, рабов следовало отпустить без судебных разбирательств. Запрещалось использовать индейцев против их воли в качестве разного рода слуг. Указывалось, какие

из энкомендированных индейцев должны были перейти короне.

Аборигенам Сан-Хуана, Кубы и Эспаньолы был посвящен отдельный пункт. Ямайка не названа вовсе, видимо, потому, что там их число было незначительно. Повелевалось, чтобы индейцев, «что в настоящее время живы», не беспокоили податями, либо другими королевскими, частными или смешанными службами, большиими чем испанцев, живущих на островах. Повелевалось оставить их свободными от трудов²⁵⁷ чтобы они могли лучше множиться и быть наставляемы в делах католической веры, с помощью монахов (*Konetzke* 1953, p. 216-220). Дополнения к Новым Законам, принятые 4 июня 1543 г., не касались обитателей Антил.

Новые Законы были неодобрительно встречены в колониях. Как писал испанский историк Эррера, когда в Индии пришли сообщения о провозглашении Новых Законов и их многочисленные напечатанные копии, они вызвали там большое смятение и недовольство. На собраниях все говорили, что законы были вредны и несправедливы, особенно тот, который гласил, что после смерти завоевателей и колонистов их индейцы переходили к короне, а не оставались за их женами и детьми (*Herrera* 1955, p. 421-422). В Перу даже вспыхнули гражданские войны между испанцами. В 1545 и 1546 гг. ряд статей этих законов был отменен (*Zavala* 1973, p. 84-89; *Pichardo* 1984, p. 58).

Эспаньола, Сан-Хуан и Ямайка
Особый статусaborигенов Антильских островов был

---

²⁵⁷ se dejen holgar

оговорен в Новых законах по той причине, что аборигенов там почти не оставалось. Из сотен тысяч, а возможно и миллионов человек, к моменту принятия законов на некоторых островах их насчитывалось, самое большое, несколько сотен (как на Эспаньоле и Сан-Хуане) или тысяч (на Кубе), разъединенных этнически, рассеянных пространственно и организованных, в лучшем случае, на уровне отдельных общин. Применение «Новых законов» на Эспаньоле и Сан-Хуане не вызвало больших проблем, в отличие от Кубы, где эксплуатация индейцев все еще приносила какую-то экономическую выгоду тем испанцам, что располагали достаточным количеством индейцев.

На Эспаньоле большая часть рабов и наборий была освобождена в 1544 г. В 1547 г. на острове были учтены 150 местных индейцев. По мнению Касса, значительную часть небольшого числа аборигенов, доживших до середины XVI в., составляли старики. А индейцев-рабов продолжали привозить с материка и позже. Они в немалых случаях составляли до 60% рабской рабочей силы на плантациях сахарного тростника (*Cassá* 1974, p. 191, 220; 1992, p. 301)

На Сан-Хуане, по объявлении «Новых законов» было освобождено 60 местных индейцев, взрослых и детей (цит. по: *Moscoso* 2011, p. 27).

На Ямайке, не упомянутой в Новых законах, на момент написания Лас Касасом «Истории Индий», было, по его мнению, около 100 индейцев (*Las Casas* 1951, t. II, p. 390-391).

Куба

На Кубе ко времени появления Новых законов вопросами аборигенов ведал епископ острова, вместе с губернатором. Судя по письму епископа от 15 июня 1543 г. на имя императора, королевское распоряжение было получено на Кубе в 1542 и подтверждено в 1543 г. Епископ его трактовал, как чтобы местные индейцы²⁵⁸ «не добывали золото и не были заняты на приисках из-за чрезмерной работы». Далее он сообщал, что «со стороны острова» была просьба отменить названное распоряжение, так как оно не служило ни господу, ни королю, ни благу индейцев, ни сохранению острова.

Епископ полагал, что было важно сохранить Кубу потому, что с нее на другие острова поставлялись провиант и лошади, на ней ремонтировались многие суда. Епископ утверждал, что с индейцами²⁵⁹ лучше обходятся, их содержат и наставляют в вере, когда они находятся на рудниках, чем в каких-либо других хозяйствах (*haciendas*), и что они более здоровы, когда добывают золото, чем в какое-либо другое время. Епископ писал, что на Кубе золото добывают не под землей, а в обрывах рек, и роют самое большее на глубину одного или двух ростов человека (*estado*). Епископ, по его словам, специально спрашивал у нескольких индейцев, занятых на добыче острова, что им будет лучше, добывать золото или работать в других хозяйствах. И они,

²⁵⁸ *yndios naturales de la ysla* – именно на местных индейцев распространялось решение Новых Законов об освобождении их от работ на испанцев.

²⁵⁹ здесь он написал *indios naburias*, что, видимо, свидетельствует о том, что категории «индейцы касика» уже не существовало на острове.

будто бы, ответили, что им больше нравится добывать золото, так как они это считают за честь²⁶⁰.

Далее следовала уже почти стандартная фраза, что, если местные индейцы не будут работать на золоте, остров пропадет и обезлюдеет (имелось в виду, от испанцев). Индейцы не смогут быть наставляемы в вере и убегут, так как нет других видов хозяйств²⁶¹, в которых они могли бы быть заняты, и так как им нечего будет делать, они займутся ареито и другими пороками и развратом. В те четыре месяца, что им дают для отдыха, они только это и делают, и бродят, рыбача в реках, и в это время нет способа, чтобы собрать их и доносить им христианскую доктрину. Более того, они забывают все, чему их научили за восемь месяцев. Епископ утверждал, что господу послужило бы более, если бы индейцев заставляли работать в эти четыре месяца и не выпускали их из рук, ибо в это время они занимаются только тем, о чем он сказал, и когда их выводят на рудники, они приходят худыми и ослабленными.

По словам епископа, он, будучи назначен защитником и инспектором индейцев, который должен следить, чтобы обращение с индейцами было хорошим, брал на себя моральную ответственность²⁶² сказать, что исполнение распоряжения не послужит богу и императору, остров пропадет, индейцы убегут и вскорости потеряют свои жизни, а с ними и души. Епископ просил быстрейшего монаршего решения, потому что, если

---

²⁶⁰ porque lo tienen por caso de onrra

²⁶¹ no ay otras ningunas haziendas

²⁶² cargo de mi conciencia

индейцы, узнав «эти новости», взбунтуются, испанцы не смогут их одолеть. Епископ написал, что он знает, что большинство монахов, что «проходят здесь», имеют противоположное мнение. Он даже предсказывал, что монахи будут причиной того, что Индии взбунтуются (CDI-2, т. 6, р. 182-185).

В письме епископа императору, написанном через несколько дней²⁶³, речь уже шла не только о королевском распоряжении не посыпать индейцев на золотые прииски, но и о предоставлении им свободы²⁶⁴. Причину того, что отстранение индейцев от добычи золота и предоставление им свободы не угодны господу и императору, епископ видел в том, что они не дееспособны²⁶⁵ и мало склонны к восприятию веры (CDI-2, т. 6, р. 186).

Сходные идеи излагали в августе 1543 г. в своих сообщениях и королевские чиновники. Так, торговый агент (factor), утверждал, как и епископ, что, если индейцев освободить, то испанцы подвергнутся большой опасности. Он полагал, что теперь они удвоят свои недобрые намерения, и есть опасность, что поднимется вся земля, так как появились беглые негры, хотя их пока мало. Кроме того, с Эспаньолы дошли вести о том, что оттуда на лодках хотят переправиться 200 беглых негров (CDI-2, т. 6, р. 196).

---

²⁶³ Официальные лица, писавшие из колоний в метрополию, постоянно дублировали свои послания, так как трансокеанская связь была ненадежна.

²⁶⁴ Судя по выражения *según nos an dicho*, епископ узнал об этом не из прямого императорского распоряжения, а через кого-то.

²⁶⁵ no tienen capacidad

Тем не менее, корона настаивала на своем, и к началу 1544 г. относится королевское распоряжение, согласно которому индейцам позволялось жить, где они захотят и переходить из одного поселения в другое (*Konetzke*, 1953, р. 228). Некоторые сведения о деталях того, как проходило провозглашение королевского распоряжения, можно найти в перечне обвинений, предъявленных разным испанцам на процессе (*juicio de residencia*), состоявшемся в Сантьяго в марте 1544 г. Так, когда алькальд г. Сантьяго на площади, в присутствии многих людей, собирался огласить королевское «распоряжение в пользу индейцев», упомянутый выше торговый агент (он же был рехидором) отобрал у писаря документ, клянясь при этом богом, что распоряжение не будет оглашено и выполнено. Его поддержал королевский бухгалтер (*contador*), тоже рехидор (CDI-2, т. 6, р. 208-209).

Прокураторы испанских поселений в письме от 22 марта 1544 г. доводили до сведения короля, что новый губернатор острова, Х. Давила²⁶⁶, велел провозгласить некоторые статьи относительно свободы и хорошего обращения с уроженцами этой земли, что привело к большому возмущению и скандалу среди них, а также среди негров и других индейцев²⁶⁷. Выражаясь языком прокураторов, если эта свобода не будет исправлена²⁶⁸, монарх потеряет Кубу, а они – жизнь, ибо местные индейцы таковы и так неблагодарны, что, помимо того, что не признают

---

²⁶⁶ Прибыл на остров 4 февраля, имея также полномочия судьи резиденции.

²⁶⁷ рабы, те и другие

²⁶⁸ *si no se remediasse*

благ оказываемой им монаршей милости, постараются, при помоши рабов, негров и индейцев, сделаться хозяевами острова. Поэтому придется снова завоевывать остров и отводить индейцев на работы, что не обойдется без несчастий и смертей живущих на острове испанцев. Поэтому прокураторы "просили и требовали" от губернатора приостановить исполнение королевского веления (CDI-2, т. 6, р. 210-212).

В те же дни (31 марта 1544 г.) королю писали члены местной администрации²⁶⁹, которые представили монарху свои доводы против предоставления свободы аборигенам. Так как на Кубе нет сахарных заводов и других прибыльных хозяйств, испанцы содержат себя тем, что местные индейцы и рабы (индейцы и негры) добывают золото. Хотя этого золота мало, оно играло важную роль в том, чтобы остров не запустел, так как из Испании приходят корабли с провиантом и необходимыми вещами. А с освобождением индейцев остров запустеет. И там, «где служили господу и восхваляли его святое имя», его смогут почтить как идола, а святая вера будет презираема и хулима. Индейцы и негры восстанут и убьют испанцев и останутся господами этой земли. Составители письма просили короля не допустить того, что нельзя будет исправить.

Далее сообщалось, что Давила велел огласить статьи об индейцах-набориях и рабах, не желая слышать о том, что это оглашение вызовет беспорядки и «нашу гибель». И сейчас как местные индейцы, так и рабы очень возбуждены, собираются

---

²⁶⁹ Justicia y Regimiento

между собой и едва хотят делать то, что им велят и о чем их просят. Авторам письма причина такого положения виделась в том, что у индейцев не было надлежащей добродетели. Те, кто сообщает монарху, что индейцы способны пользоваться свободой, врут ему, утверждали они.

Они напоминали монарху о трактах, которые понесли поселенцы, когда «заселяли этот остров, покупали этих рабов и содержали местных индейцев и строились, чтобы оставаться». Поэтому авторы письма считали несправедливым быть лишенными своего добра и милости государя. По их выражению, «освободить их будет значить сделать нас их рабами».

И еще об одной угрозе говорилось в данном письме. На острове было много негров (рабов) и мало испанцев. Поэтому негры, услышав, что местных индейцев освобождают, а они остаются рабами, тоже возмутились.

В этом письме есть не свойственная испанцам того времени характеристикаaborигенов - потому что они мужчины²⁷⁰и, если захотят восстать, они это сделают, как это умеют и привычны делать.

Коснулись авторы письма и опыта по освобождению индейцев. По мнению авторов письма, результатом опыта было, что индейцы, находившиеся в нем, умерли раньше тех, которые находятся в энкомьенде. Как было написано в письме, сколько бы ни наставляли индейцев, ни об одном из них нельзя было сказать, что он правоспособен и дееспособен (*abil e capaz*), и, наоборот,

---

²⁷⁰ por que son hombres

они еще более преданы своим ритуалам и обрядам, и грязным порокам. И в то же время, как они писали, есть столько бедных мужчин и вдов, отягченных сыновьями и дочерьми, у которых нет другого добра кроме 10-15 индейцев - набориев, которые готовят им пищу и добывают мясо. И если их отнять, поселенцы умрут с голода.

Кроме того, они напоминали, что, во исполнение прежних королевских распоряжений, многие женились иозвели каменные дома и другие постройки, потратив то, что у них имелось. Теперь же, если исполнять, что велено, они разорятся и останутся без имущества (*hacienda*) (CDI-II, т. 6, р. 213-217)²⁷¹.

По письму торгового агента и смотрителя плавок золота Эрнандо де Кастро (апрель 1544 г.) можно судить о том, что беспокоило королевского чиновника. В соответствии с ордонансами, королевские чиновники не могли иметь индейцев. По словам Кастро, через час после оглашения ордонансов он публично отказался от «пятидесяти лиц, индейцев и индianок», которых он имел, от чего чувствовал себя очень обиженным (*muy agraviado*).

Кастро напомнил, что, когда он прибыл на остров как торговый агент, король повелел ему вручить индейцев его предшественника, так как его жалование было недостаточным, ввиду местной дороговизны. Затем он получил должность смотрителя выплавок, но без жалования. Что касается индейцев,

---

²⁷¹ С просьбой отменить решение об индейцах обращались к монарху и отдельные испанские поселения (4 ноября 1544 г. Баямо) (CDI-2, т. 6, р. 234).

Кастро написал, что он и его жена воспитывали их как детей, облегчали их труд 30-ю неграми (рабами), что были у него. И это, по мнению Кастро, было главной причиной того, что индейцы еще живы. Из текста следует, что рабы-негры были заняты на добыче меди, а индейцы – в земледелии и уходе за скотом. Если он лишится индейцев, писал Кастро, то не может заниматься медью, так как он не может допустить, чтобы земли и скот были потеряны (то есть ими будут заниматься негры-рабы). Жалуясь на старость и на то, что имел четверых детей, Кастро просил вернуть индейцев или удвоить ему жалованье (7 апреля 1544) (CDI-2, т. 6, р. 219-221)²⁷².

От этого времени известно также письмо (25 июля 1544) епископа Кубы монарху об инспекции им своей епархии. Объясняя, почему он не совершил подобный обход прежде, хотя получал соответствующие распоряжения, епископ сообщил, что этому мешал бунт индейцев и негров, которым он занимался, так как на ту пору на Кубе не было губернатора. Беглых преследовали около года, некоторых убили (в город привезли их правые руки), других привели в город и казнили.

Из слов епископа видно, что христианизация переживших завоевание индейцев не была завершена во внутренних районах востока Кубы – туда посыпали монахов-францисканцев. Одному из них не удалось достичь результата, хотя его посыпали несколько раз, так как индейцы бежали. Другой, который посетил

---

²⁷² В другом письме Кастро писал, что его отказ от индейцев вызвал недовольство епископа и некоторых весино острова (CDI-2, т. 6, р. 262).

индейцев Баямо и Пуэрто-Принсипе, проявил рвение в обращении индейцев. По словам епископа, прилагались усилия (*se procurar*), чтобы энкомендеро объясняли своим индейцам христианскую доктрину, но это на них (видимо, индейцев) производило мало впечатления. В самом Сантьяго в праздничные дни во францисканском монастыре собирали «всех индейцев и негров», которым полтора часа рассказывали о доктрине. Епископ считал, что негры были более склонны к ее восприятию, чем индейцы. Епископ утверждал, что в прошлом обращение с индейцами было «очень плохим». Теперь же тем из них, что заняты на добыче золота, дают хорошую еду и за день работы платят один реал. Если же с индейцами обращаются сурово, они вешаются.

Епископ полагал, как и многие поселенцы, что, когда индейцы будут свободными, они будут лишь бездельничать и устраивать ареито и поэтому потеряют свои жизни и души, а испанцы – свои поместья, и король – остров. Если, по его мнению, освободить индейцев, в два года запустят Пуэрто-Принсипе, Санкти-Спиритус, Тринидад и Баракоа; мало испанцев останется и в Баямо. Останутся лишь Сантьяго и Гавана, и густые леса закроют дороги. Если все же императору будет угодно, чтобы индейцы были свободными, и если их надо наставлять в вере, то в каждом поселении, где они обитают, должен быть монах, так как, если их оттуда вывести (очевидно, епископ имел в виду прежние распоряжения короны), индейцы вскоре пропадут и повесятся, либо убегут. Он задался вопросом, для него, очевидно,

риторическим. И какой служитель церкви найдется, чтобы с ними быть? (CDI-2, т. 6, р. 223-226).

В Баямо епископ зафиксировал 30 весино (испанцев), женатых и в брачном возрасте. Там же отмечены 400 индейцев, определенных как набории, мало склонных к делам веры. Епископ отметил, что выдача им одежды²⁷³ не делается так, как велено. Епископ не преминул добавить, что индейцы не придают много значения тому, ходить ли одетыми или нагими²⁷⁴. В Баямо в то время было уже около 200 негров.

В Пуэрто дель Принсипе было 14 весино, 235 энкомендированных индейцев, 160 рабов (негров и индейцев). Как написал епископ, с индейцами (то есть, энкомендированными – Э.А.) обращались средне (medianamente), то есть ни хорошо, ни плохо. Если бы им дали свободу, то пропали бы они сами и испанцы, утверждал епископ.

В поселении Савана, резиденции Васко Поркальо, было 20 жилых хижин (casas bohios), в которых обитали индейцы и испанцы. Там была церковь, капеллан, который усердно наставлял индейцев и рабов. У Поркальо было 80 индейцев (набориев и уроженцев Кубы), а также 120 негров-рабов. Епископ отметил, что Поркальо беспокоился о христианском наставлении только тех индейцев, которые служили в его доме и не общались

²⁷³ это вознаграждение за труд названо словом *cacona*

²⁷⁴ Далее следует не очень понятная фраза - que muchos dellos en dándoles la *cacona* lo dan, которую, видимо, следует перевести как «и многие из них, получив одежду, отдают ее». Смуляет употребление *lo* там, где, по логике следовало бы поставить *la*. Но здесь не исключена ошибка или опечатка.

с другими. Со всеми (видимо, индейцами) в доме Поркальо хорошо обращались и хорошо их кормили, и они получали свою «какону».

В Санкти-Спиритус епископ не пошел, так как узнал о нем от некоторых его жителей, бывших в Сантьяго. Там проживало 18 женатых весино; у большинства имелись энкомендированные набории.

Епископ не пошел и в Тринидад, так как там, по его словам, не было ни одного весино (испанца)²⁷⁵.

В Гаване епископ нашел 40 весино, 120 набориев и 200 рабов, индейцев и негров (CDI-2, t.6 p. 228-232).

Он не упомянул индейское поселение Гуанабакоа недалеко от Гаваны. Возможно, обитатели Гуанабакоа попали в список Гаваны, так как в ту пору это поселение еще не было самостоятельной общиной, каким оно стало позже, после утверждения на Кубе «Новых Законов». Епископ не назвал и индейские пуэбло на востоке острова, что должны были еще быть в его время. Видимо, они, как и обитатели Гуанабакоа, были учтены в испанских вильях, к юрисдикции которых они относились.

Указываемая в документах принадлежность аборигенов к тому или иному испанскому поселению означала не то, что они обязательно обитали в его черте, а то, что они находились в юрисдикции данного поселения. В самом испанском поселении

---

²⁷⁵ В этой испанской вилье только индейцы проживали приблизительно с 1534 г. до 1570 (*Zerquera y Fernández de Lara* 1977, p. 82, 85).

могло проживать какое-то число слуг и рабов, занятых в домашнем хозяйстве испанцев. Основное же число аборигенов должно было обитать в сельской местности – в своих поселениях (пока они существовали), работая в имениях испанцев, или на приисках.

Эта инспекция епископа зафиксировала значительное сокращение местного населения. Если по сведениям Вадильо, на Кубе в 1532 г. было до 5 тыс. индейцев, то в 1544 г. епископ Сармьенто насчитал в пяти испанских поселениях менее 900 местных индейцев.

В начале 1545 г. года власти Сантьяго писали монарху, что губернатор Давила огласил ордонансы и распоряжение, следствием чего, по их словам, было «полное разорение острова» (CDI-2, т. 6, р. 239-240). Через несколько дней (19 января 1545 г.) письмо было повторено с добавлением некоторых подробностей. По словам авторов, дело дошло до того, что молодые индейцы, которых воспитали с детства, пришли в волнение настолько, что едва хотят работать на испанцев и делать то, что им приказывают. Составители письма предрекали, что не будет служения господу, и на место божественного культа вернется варварский, так как местные индейцы обратятся к своим прошлым ритуалам и мерзостям (CDI-2, т. 6, р. 241-243).

Со своей стороны, Давила, хотя и выполнил то, что ему было велено монархом, писал ему, что от запрета использовать индейцев на добыче золота «весь остров терпит большой ущерб», так как нет других доходов, и мало негров-рабов, которых можно

было бы использовать. И что все возмущены и хотят покинуть землю (CDI-2, t. 6, p. 252; то же - Papeles 1931, t. I, p. 178).

Из письма Кастро в декабре 1545 г. явствует, что, хотя губернатор и огласил королевские распоряжения, позже он допустил, чтобы индейцы работали на испанцев и добывали золото. Будучи в Гаване, губернатор даже показал, будто бы, некое королевское распоряжение о том, чтобы индейцы острова оставались в прежнем состоянии (CDI-2, t. 6, p. 255).

Еще и в 1546 г. прокураторы испанских повелений Кубы сообщали монарху, что новый губернатор, Чавес, как и его предшественники, приостановил исполнение повеления о запрете посыпать индейцев на прииски, до нового королевского решения (CDI-2, t. 6, p. 265-267).

Сам Чавес так отчитывался о своих делах в июне 1546 г. Все «законы, ордонансы и распоряжения Их Величества, посланные в эти земли», он исполнил или исполнит, за исключением распоряжения, которое повелевало не посыпать индейцев острова на прииски. Он ссылался на то, что его предшественники тоже этого не сделали, и на то, что, поскольку это было новым делом, он боялся не усłużить королю и ждал его окончательного решения. Он писал королю, что узнал (от монахов и от людей, у которых не было индейцев), что, несмотря на все усилия по обращению индейцев, они не способны к вере. Чавес, по его словам, проделал опыт, велев привести к нему нескольких индейцев из самых знающих кастильский язык. Он спрашивал у них о делах христиан, и оказалось, что индейцы так далеки от них,

как будто ничего о них не знали. Причину этого Чавес усматривал не в нерадивости тех, кто наставлял индейцев, а в малом стремлении самих индейцев к делам веры. Чавес привел пример, который, на его взгляд, характеризовал такое отношение. Он велел выучить наизусть «Отче наш» и «Аве Мария», повторяя их каждый день (индейцы находились в Сантьяго и не работали в то время). Через два дня, когда Чавес призывал их к себе, они не только не знали молитв, но даже спрашивали у того, кого за ними послали, не является ли отче наш чем-то съедобным. Они не соблюдали церковного порядка, хотя их об этом уведомляли. Чавес опасался, что освобождение тел индейцев может привести к большему плену их душ (здесь он сослался на опыт с индейцами Баямо). Чавесу представлялось, что наименьшим злом будет пренебречь (*disimular*) этим освобождением, по крайней мере, до тех пор, пока на острове будет такое количество негров-рабов, которые восполнят нехватку индейцев.

Он сообщил, что индейцы, которые были в то время вакантны, были переданы в ведение короны, и пообещал так делать впредь. Поскольку «труд – величайшее благо для индейцев этого острова, а безделье – их гибель», и чтобы весино острова не чувствовали себя ущербными по сравнению с весино Новой Испании, Чавес распределил 40 индейцев, изъятых у жены прежнего губернатора, среди бывших весино Баракоа, покинувших эту вилью и возвратившихся по велению губернатора. Чавес полагал, что подобное следует сделать и с весино других поселений, которые хотят покинуть их. Чавес

полагал, что индейцы в таком случае будут заняты только в домашних работах, так как их малое количество у каждого испанца не позволит использовать их на приисках. Решение об остальных вакантных индейцах Чавес оставлял до монаршего повеления (CDI-2, т. 6, р. 268-273).

Наконец, более чем через год (сентябрь 1547) Чавес писал монарху, что распоряжение о том, чтобы индейцы не добывали золото, «исполнено и исполняется». Он писал, что этим острову будет нанесен большой ущерб, так как поселения Пуэрто-Принсипе, Санкти-Спиритус и Тринидад, которые он «вновь заселил» (испанцами – Э.А.), не имея никакой торговли или каких-либо приносящих прибыль хозяйств, не смогут себя содержать и обезлюдеют, что, в свою очередь, повлечет запустение Сантьяго. Поэтому Чавес просил хотя бы этим трем поселениям разрешить добывать золото, «с теми немногими индейцами, что у них есть».

Написав далее о том, что были освобождены «все индейцы рабы», в соответствии с королевскими распоряжениями, губернатор опять сетовал – «кажется, все идет к гибели этой земли из-за большого недостатка людей и торговли на ней». Как он писал, весино острова говорили, что рабов они покупали, когда это было позволено, и что они платили пятину за них, если рабы были клеймены королевским клеймом. По его словам, все индейцы острова, как местные, так и привозные, располагая свободой, являются столь плохими работниками, что умрут от голода и не сделают ничего, за исключением того, что могут

погубить христиан, для чего уйдут в лес.

Чтобы не допустить этого, несмотря на то, что индейцы назывались свободными, Чавес не позволил им выйти из-под власти их хозяев, которые могли располагать индейцами как набориями, без возможности отдавать их в наем или продать. При этом индеец, при желании, будто бы, мог свободно поменять хозяина (CDI-2, т. 6, р. 299-300).

В ноябре 1549 г. в Сантьяго прибыл новый губернатор, Гонсало Перес де Ангуло и вскоре повелел огласить королевское распоряжение об освобождении (от энкомьенды) индейцев-уроженцев острова, что вызвало, по словам сообщавших об этом в метрополию, «возмущение и революцию». Кроме того, следовало освободить индейцев-рабов, которых, как было сказано в письме, весино покупали за свои деньги по разрешению короля (CDI-2, т. 6, р. 312-313).

Только в 1552 г. Перес де Ангуло велел огласить повеление о том, чтобы те люди, у которых были рабы-индейцы, предъявили соответствующие документы (*títulos*). Таких документов никто не предъявил, и губернатор провозгласил освобождение, поочередно в Гаване, Сантьяго, Баямо, Пуэрто-дель-Принсипе, Тринидаде, и Баракоа (CDI-2, т. 6, р. 335). Эти события отражены также королевским, публичным и совета Гаваны, писарем. 9 ноября 1552 г. губернатор повелел огласить в Гаване, что все лица, у которых есть индейцы-рабы, должны лично представить губернатору соответствующие титулы. Никто этого не сделал, и губернатор объявил рабов свободными, «много индейцев, как

мужчин, так и женщин». В марте 1553 г. губернатор сделал то же самое в Сантьяго, в апреле в Баямо. В Тринидаде, Пуэрто-Принсипе и Баракоа рабы были освобождены таким же образом местными алькальдами, по распоряжению губернатора. К началу августа 1553 г. этот процесс был завершен (CDI-2, т. 6, р. 356-357)²⁷⁶.

Таким образом, понадобилось 10 лет, чтобы на Кубе исполнить решение Новых Законов о предоставлении свободы индейцам-рабам²⁷⁷.

Количество освобожденных рабов в опубликованных документах найти не удалось. Что касается индейцев энкомьенды, то, по мнению Переса де Ла Ривы, их было найдено 2 тысячи человек - 1800 местных и 200 привезенных. Всего на острове в то могло быть от 5 до 6 тысяч аборигенов (*Perez de la Riva* 1972, р. 82).

*

В Новых Законах ничего не было сказано об отношении освобождаемых на островах аборигенов к земле. Можно предположить, что бывшие набории и рабы, скорее всего, оставались в работниках у прежнего хозяина. Если они от него уходили, то, не имея земли, где осесть и вести хозяйство, вынуждены были разрозненно "бродить", как говорится в

²⁷⁶ Не назван по какой-то причине Санкти-Спиритус.

²⁷⁷ Уместно сказать, что в этот период, а именно 29 января 1552 г. кабильдо Гаваны вынес решение о том, что индеец, свободный или раб, который сядет на лошадь, либо в лодку, должен быть наказан 200 ударами (azotes), а при повторе – еще и отрезанием уха (*Marrero* 1972, т. 1, р. 221).

источниках того времени. Что касается индейцев касиков, то уже в 1520-е гг. на островах наметилась тенденция к исчезновению касиков поселений²⁷⁸. Кроме того, имело место постоянное дробление обитателей сохранившихся поселений. Создание иеронимитами новых поселений аборигенов на Эспаньоле закончилось плачевно. Таким образом, различия между домашними набориями, индейцами касика и рабами, прежде очевидные и существенные, должны были исчезнуть по провозглашении Новых Законов на островах, формально, по крайней мере. Теперь все местные аборигены были «индейцами» (*indios*), без прежней категоризации. Что касается бытовых ситуаций, то не исключено, что память о прошлом рабстве родителей или дедов тех или иных людей могла какое-то время сохраняться.

Каждодневные отношения между завоевателями и покоренными, в очень малой степени определялись, если вообще определялась, той или иной позицией теологов и философов относительно аборигена и даже волей monarchov. Для колонистов, как видно из многих документов, главным был не вопрос возможностей обращения в христианство местного жителя, а возможности его эксплуатации. Одной из причин слабой реакции колонистов на благие пожелания monarchov относительно местного населения была та, что все завоевательные и поселенческие предприятия в испанской Америке

---

²⁷⁸ Документы об энкомьенде стали гласить не об «индейцах касиков», а об «индейцах поселений».

осуществлялись по частной инициативе и за частный счет (см. *Ots Kapdequi* 1957, р. 16-17).

Печальный итог полутора столетий пребывания испанцев на Эспаньоле резюмировал Лопес де Гомара, книга которого была издана в 1552 г. Испанцы убили многих индейцев в войнах и даже на приисках, и разрушили идолов их алтарей, не оставив ни одного. Они запретили все обряды и церемонии, что встретили. Они сделали индейцев рабами и разделили, и потому, так как те работали более того, что они привыкли, и по другим причинам, многие умерли и убили себя. Так что из 15 раз по сто тысяч и более человек, что было на том острове, нет сейчас и 500. Одни умерли от голода, другие от работы, и многие – от оспы. Одни убивали себя соком маниоки, а другие отравами; другие вешались на деревьях. Жены поступали как их мужья и вешались как они, и делали выкидыши, чтобы не рожать детей, которые будут служить чужакам. Должно быть это был бич, который Бог наслал на них за их грехи. Но большая вина за это лежит на испанцах, так как они обходились с индейцами очень плохо, страстно любя золото больше, чем ближнего (*López de Gómara* 1922, Томо I, р. 77-78).

Гл. 5 Колониальное общество и аборигены

Жизнь аборигенов испанских владений на Антилах зависела как от их непосредственных хозяев, так и от состояния колонии в целом. Поэтому необходимо охарактеризовать

основные компоненты колониального общества на островах и отношения между ними, чтобы яснее представить себе местоaborигенов в этих отношениях. Общество на островах не было одинаковым и застывшим на протяжении изучаемого времени, постоянно имелись какие-то отличия в его отдельных элементах и отношениях между ними, как во времени, так и пространственно. Начну с испанцев, обрисовав, схематично, их структуру.

Колонисты

Заселение островов пришельцами из Европы имело разные фазы во времени и по содержанию.

После возвращения Колумба из первого плавания, при подготовке ко второму, от желающих попасть в заокеанские земли не было отбоя. Помимо людей с необходимыми для колонии специальностями и профессиями туда отправилось много представителей знати, из простого любопытства (многие из них вскоре вернулись).

Как говорилось выше, при подготовке третьего плавания короли утвердили число пребывающих постоянно на Эспаньоле в 330 человек, которым было определено содержание. Колумб взял с собой 300 человек, полагая, что на Эспаньоле могут остаться кто-то из уже находившихся там. Тем, кто захотел бы вернуться в Кастилию, Колумб должен был дать разрешение (*Las Casas* 1951, т. I, р. 468).

Когда завоевания стали расширяться за пределы Эспаньолы, поток людей из метрополии настолько возрос и стал угрожать запустению самой метрополии, что новые завоевания и поселения стали осуществляться за счет внутренних ресурсов.

Завоеватели и колонисты не были однородной массой - ни по региональному происхождению, ни по богатству или роду занятий.

Первоначальные ограничения, разрешавшие отправляться в Индии только вассалам Изабеллы, после ее смерти были отменены, и, по словам Овьедо, туда прибывали люди из всех владений императора, и если кто из них не знал романсе²⁷⁹, то португальцы называли себя галисийцами, французы - фламандцами, шведы - немцами, а итальянцы - сицилийцами или неаполитанцами. Кроме того, по мнению Овьедо, было «без счета» греков, левантинцев и других народов (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 74; t. 3, p. 174; t. 4, p. 349, 459). Относительно регионального многообразия выходцев с полуострова тот же Овьедо выразился так: хотя все были вассалами королей Испании, «кто приведет к согласию бискаина с каталонцем, которые из столь различных провинций и языков? Как примиряется андалузец с гуйпускуанцем, и галисиец с кастильцем ... а астуриец и монтанес с наварцем и т. д.” (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 54).

Специальные исследования выявили региональный состав первых испанских колонистов в Новом Свете. Согласно П. Байд-

---

²⁷⁹ одно из названий кастильского языка

Бауману, в XVI в. в Америке выходцы из Андалузии составляли 36,9%, из Эстремадуры - 16,4%, Новой Кастилии - 15,6%, Старой Кастилии 14,0%, Леона - 5,9%. О соотношении людей из разных областей Испании непосредственно на островах можно судить по анализу почти 800 испанцев, ушедших с Кубы в Мексику: 30,6% из Андалузии, более 20% - из Кастилии, более 13% - из Эстремадуры и более 10% - из Леона. Гораздо меньше там было басков, галисийцев, португальцев и итальянцев. Выходцы из городов и сельской местности Испании были представлены в Америке одинаково. В начальный период колонизации Америки среди тех, кто отправлялся из Испании, большинство составляли молодые мужчины. Только с середины XVI в. стало расти число женщин и детей (*Boyd-Bowman 1976*).

Поначалу, когда на Эспаньоле не было испанских поселений, пришельцы располагались в индейских. Лас Касас писал, что испанцы на западе острова бродили «стадами» (*á manadas*), разделившись по пуэбло и деревням индейцев, где они кормились и пользовались услугами индейцев (*Las Casas 1951*, т. II, р. 137). Затем испанцы основывали поселениях двух видов - "город" (*ciudad*), являвшийся обычно столицей, и "вилья" (*villa*). Реже в текстах встречается слово «деревни» (*lugares*)²⁸⁰.

О социальном составе испанцев на островах можно судить по стандартной форме перечисления иерархии должностей и сословий, встречающейся в королевских документах,

---

²⁸⁰ ... tengan mucho cuidado de visitar las villas e lugares desa ysla (CDI-2, т. 4, р. 305). Административно они, видимо, относились к той или иной вилье или городу.

отправленных на острова. Это перечисление могло быть таким - "судьи"²⁸¹, рехидоры, всадники, щитники, чиновники и добрые мужи"²⁸² (Papeles 1931, t. I, p. 77, 81). В этом перечне нет тех, кто находился на нижних ступенях этой иерархии. А вот более полный перечень разных слоев испанцев, к которым было обращено королевское распоряжение в феврале 1534 г. (от верхушки пирамиды до основания): председатели и судьи королевских резиденций и канцелярий, губернаторы, коррехидоры, главные алькальды и любые другие судьи, капитан-генералы и их наместники, алькальды крепостей и фортоў, все советы, судьи, рехидоры, всадники, щитники, чиновники и добрые мужи городов, вилий и деревень, их постоянные и временные обитатели любого сословия, достоинства, предпочтения или состояния²⁸³ (CDI-2, t. 10, p. 192-193)

Сегменты общества, что от имени короны распоряжались, в разной мере, индейцами (верховная власть отдельного острова и островных колоний, муниципальная власть, церковные иерархи) постоянно претерпевали какие-то изменения в их структуре или функциях.

---

²⁸¹ Словом «судьи» ("jueces") были называемы представители разных уровней власти, которые сочетали административные и судебные функции.

²⁸² justicia, regidores, caballeros, escuderos, oficiales e omes buenos

²⁸³ presidentes e oydores délas nuestras abdiencias e chancillerías Reales... todos los gobernadores, corregidores e alcaldes mayores e otros juezes e justicias qualesquier, todos los nuestros capitanes generales e sus lugares thenientes, alcaldes dé los castillos e casas fuertes e llanas, todos los concejos, justicias, regidores, caballeros, escuderos, oficiales e omes buenos de todas las cibdades villas e lugares... e moradores estantes e tratantes en ellos de qualquier estado, dinidad, preminencya o condición que sean...

Основными пользователями труда аборигенов была категория испанцев, имевших статус весино. Другие сегменты общества значительно меньше влияли на положение аборигенов: ремесленники и торговцы, наемные работники, персонал и пассажиры морских судов, иногда задерживавшиеся подолгу в портах, монахи и священники. Только, пожалуй, надсмотрщики, непосредственно управлявшие аборигенами, в большей мере, чем весино, определяли судьбу того или иного аборигена, прежде всего, работника.

Весино являлся основным элементом испанского поселения, это был, как правило, мужчина, обычно женатый; который имел право голоса на выборах в муниципальный совет. Обретая статус «весино», называвшийся «весиндад» (*vecindad*), поселенец получал в пользование «двор» (*solar*) для усадьбы в населенном пункте и земли (*tierras*) за его пределами для ведения какого-либо хозяйства. Кроме того, и, может быть, самое важное поначалу, весино имел право на получение в пользование индейцев.

Королевская грамота от 18 июня 1513 г. провозглашала, что «все, кто отправится заселять новые земли», будут наделяться домами, дворами и землями, которыми эти люди смогут распоряжаться после того, как построят жилище, заведут хозяйство (*labor*) и проживут в селении четыре года (цит. по: *Guerra* 1976, p. 45-46).

Судя по разным документам, статус весино не обретался автоматически по истечении какого-то срока проживания в

данном поселении. Так, Алонсо де Овьедо, являлся весино виллы Санкти-Спиритус на Кубе лишь три года, хотя жил там более 15 лет (*Zerquera y Fernández de Lara* 1977: 82)²⁸⁴.

Статус весино мог быть предоставлен королями индивидуально. Так, в королевской грамоте от 12 июня 1513 г. правителю Кубы Д. Веласкесу повелевалось «дать весинадад с индейцами» некому Эрнандо де Эррера, который отправлялся на Кубу как поселенец (*poblador*) (CDI-2, т. 6, р. 3). В 1515 г. один из чиновников на Кубе просил у короля два разрешения на «весинадад с индейцами» для своих помощников (Papeles 1931, т. 1, р. 19). Вот изложение еще одного из соответствующих королевских распоряжений. Поскольку Франсиско де Эррера – человек, который нам служил и теперь будет жить на острове Куба как весино и побладор, я вам (обращение к Диего Веласкесу) велю, чтобы вы ему дали и указали на данном острове «весинадад со двором и землей и другими вещами, которые обычно дают другим поселенцам, отправляющимся на этот остров» ... и также вручите индейцев, чтобы они у него были, и чтобы он пользовался ими на тех условиях и в той форме, что там приняты... (Papeles 1931, т. I, р. 6; 13 мая 1513 г.).

Известны случаи, когда поселенцы, имевшие статус весино, не получали соответствующих статусу привилегий. Так, в королевской грамоте на имя губернатора и чиновников о. Сан-Хуан говорилось, что некто Бернардо де ла Фуэнте, весино г.

---

²⁸⁴ Неизвестно, почему он не стал весино раньше, и что привело к тому, что он стал весино.

Пуэрто-Рико, сообщил, что он более 10 лет живет на этом острове, и до сих пор ему не дали землю, двор и остальное, что получили другие весино этого острова. Король распорядился предоставить весинадад и индейцев (5 июня 1528 г.). Сходное распоряжение тогда же было отправлено Председателю Королевской аудиенции на Эспаньоле. В нем речь шла о Педро де Горене, который более 12 лет служил и жил «в этих местах и на этом острове» и до сих пор не получил ни одного индейца (Papeles 1931, t. I, p. 142)²⁸⁵. На Кубе Хуан Барба за 16 или 17 лет службы королям, как он писал, «не был вознагражден даже наборией» для его дома (CDI-2, t. 4, p. 130)²⁸⁶. К тому же времени (1531 г.) относится жалоба писаря королевских приисков на Кубе, которому было отказано (видимо, местной властью) в получении «индейцев и наборий», несмотря на то, что он их мог иметь по должности, а также был давним весино острова и женился там (Papeles 1931, t. I, p. 165).

Поначалу, когдаaborигенное население на Эспаньоле (как затем и на других островах) не претерпело демографических потерь, проблем с наделением колонистов индейцами не было. Так, по словам Колумба (в изложении Лас Касаса), даже работники (*peones*²⁸⁷), прибывшие на остров с королевским жалованием, отказывались от него и жили за счет индейцев, что

---

²⁸⁵ Было велено дать индейцев соискателю при очередной энкомьенде.

²⁸⁶ Об этом говорилось в письме, отправленном королеве с Кубы в августе 1530 г. Очевидно, что этот человек мог принимать участие в завоевании острова.

²⁸⁷ Другое значение этого слова – пеший солдат

им служили (*Las Casas* 1951, L. I, cap. CLXII). Позже в королевских распоряжениях неоднократно указывалось на то, что распределение индейцев должно было осуществляться согласно «качеству» будущего пользователя. На месте это распределение зависело от воли «репартидора», назначенного короной для распределения индейцев или (в редких случаях) взявшего на себя такое право. Поэтому среди писем, отправлявшихся из колоний в метрополию, нередки жалобы на несправедливое, по мнению жалобщика, распределение индейцев. Индейцев могли получить не-весино, как правило, приближенные «репартидоров» - домоправитель, частный рудокоп, писарь, переписчик (*escribiente*), воспитатель, как это известно из обвинений против правителя Кубы в феврале 1532 г. (CDI-2, t.4, p. 230).

Некоторые испанцы, у которых не было энкомендированных индейцев, рассматривали подобное как некое крайнее обстоятельство – "С тех пор, как я нахожусь в этой должности, а это скоро будет два года, у меня не было другого прибытка, ни ценной помощи, ни даже местного индейца для работы в моем доме, и поэтому все необходимое я покупаю за деньги, не получая никакой выгоды от этой земли" (CDI-2, t. 6, p. 84)²⁸⁸.

Достаточно рано первые поселенцы на островах проявляли свое нежелание того, чтобы король назначал новых весино. Еще

---

²⁸⁸ Después que en el oficio estoy, que avrá presto dos años, no e tenido otro provecho ni ayuda de costa ni aun un yndio de la tierra para servicio de mi casa, que todo lo necesario conpro a dinero syn tener provecho alguno de la tierra (1539 г.).

во времена Овандо, когда испанцы Эспаньолы жаловались на уменьшение численности местных индейцев и просили разрешения о ввозе их с других островов, они просили короля не делать пожалований индейцами или землей каким-либо лицам²⁸⁹, ибо, аргументировали они, если такие пожалования будут сделаны, то весино не смогут себя содержать. Они предлагали, чтобы разделением индейцев непосредственно на острове занимался специально назначенный для этого человек. Король же считал, что подобная практика будет препятствовать намерениям поселяться на острове. И, кроме того, указывал он, было бы неразумно упразднить королевский обычай жаловать тех, кто служил и служит королям (CDI-2, т. 5, р. 133).

Не все весино, получавшие индейцев, были женаты. Корона, желая закрепить испанское население на островах, неоднократно указывала, что весино, оставившие жен в Испании, должны их привезти к себе. В ряде случаев получение статуса весино (вместе с предоставлением в энкомьенду индейцев) обусловливалось вступлением поселенца в брак²⁹⁰. Некоторые энкомьенды предоставлялись с условием, что испанец привезет свою жену из Кастилии на протяжении года, иначе данные ему индейцы будут объявлены «vakantными» (vacos) и поступят в

---

²⁸⁹ Имелись в виду лица, не проживавшие на Эспаньоле.

²⁹⁰ (Año 1513. Mayo 8, Valladolid.)—Real cédula mandando dar vecindad en la isla de Cuba, con 80 indios encomendados, á G. G. de Avila, siendo casado, y no siéndolo, que dentro de dos años sea obligado á casarse y lleve la mujer (CDI-2, т. 6, р. 3).

распоряжение короля, который назначит их другому (CDI, t. I, p. 87).

Статус «весино» могли иметь некоторые ремесленники, судя по ре партимьенто 1514-1515 гг. и другим документам. В то же время, как сказано выше, не все постоянные обитатели поселений-испанцы имели статус весино. В документах они фигурируют как «жители» (moradores). Сошлюсь на список мужчин Гаваны от 1555 г., разделенных, как раз, на vecino и moradores. Среди весино названы каменщик, плотник, портной. Среди «жителей» – торговцы, плотники, глашатай, конопатчик, священник, несколько клиентов, двое из которых были эстансьеро (CDI-2, t. 6, p. 429-433). Некоторые "жители" получали в энкомьенду индейцев. Так, в разделении 1514-1515 гг. Франсиско Давила, «житель» города Санто-Доминго, к 25 домашним набориям, что у него были зарегистрированы, получил еще 9. Другие два "жителя", названные там же, получили 3 и 6 домашних набории (CDI, t. I, p. 130-131).

По тому же документу видно, что какая-то часть испанцев не имела не только статуса весино, но и статуса «жителя». Вероятно, большинство таких людей жили своим трудом. Некоторым из них могли вручать небольшое число (от одного) индейцев, с указанием, что это сделано, чтобы такой-то (испанец) исполнял свои функции, то есть, очевидно, не использовал бы индейцев для каких-то других работ. Так, Хуан де Андино, плавильщик и рудокоп (fundidor, minero) получил четырех домашних наборий для работы на приисках; один из этих слуг

прежде был у бурильщика (barrinero) (CDI, t. I, p. 171). Среди получивших таким образом энкомендированных индейцев – плотник (три домашних набории), брадобрей (6 домашних наборий с двумя детьми), еще один брадобрей (10 домашних наборий и 2 старика), портной (4 домашних набории и один ребенок) и др. Все наделения - с указанием «чтобы занимался своей профессией»²⁹¹ (CDI, t. I, p. 215; см. также 140 и др.). С тем же наказом двух домашних наборий получил работник (reópn) (CDI, t. I, p. 216). У некоторых испанцев, получивших индейцев, в цитируемом документе не был указан род занятий. Из этого же списка явствует, что слуг-набориев могли иметь негры (CDI, t. I, p. 135, 171)²⁹².

На землях вне поселения испанцы заводили хозяйства разного рода - земледельческие, скотоводческие или смешанные, которые назывались обычно «эстансия» (estancia), «асьенда» (haciendas) и «ситио» (sitios), где главной рабочей силой поначалу были индейцы. Там же находились испанцы управляющие и надсмотрщики, не являвшиеся весино.

На островах была еще категория испанцев, которые не имели статуса весино - «клиенты» (criados), обычно люди, находившиеся на службе у какого-либо важного лица или выполнявшие его отдельные поручения. Они могли стоять во главе сельских усадеб своих покровителей, называясь “estanciero”

---

²⁹¹ para que ejerza su oficio или porque use su oficio

²⁹² В том и другом случае лица, получившие индейцев, называли «неграми» (negros). В те поры этим словом обычно называли рабов, а для обозначения свободных негров употреблялось слово horro.

или руководить бригадами, работавшими на добыче золота (“minero”). В колониях имелось и какое-то число наемных работников-испанцев (peones, mozos de soldada) (CDI, t. I, p. 291). Статуса весино не имели, как правило, ремесленники, клиенты и разного рода слуги²⁹³. Не было статуса весино и у представителей королевской администрации.

Не имели статуса весино и приезжие торговцы (“tratantes”).

В начальные годы завоевания и колонизации островов не располагали статусом весино служители культа. В инструкции Д. Колону от 3 мая 1509 г. король запрещал вручать индейцев священникам, так как ему стало известно, что последние, имея индейцев, больше занимались получением выгоды от них²⁹⁴, чем отправлением своих служб и тайнств (*Konetzke* 1953, p. 20). Но, как видно по рапортильенто 1514 г. на Эспаньоле и другим, более поздним, свидетельствам с других островов, индейцев предоставляли монастырям, находившимся при них приютам, а также отдельным священникам.

Очевидно, что корона старалась ограничить обретение индейцев для самых низких слоев испанцев. Так, в королевской грамоте от 27 сентября 1514 г. речь шла о приобретении наборий испанцами Сан-Хуана, на что было королевское распоряжение. Как говорилось в грамоте, королю стало известно, что большое число наборий приобрели многие лица из работников и низкого

²⁹³ Число последних у знатных лиц могло быть значительным. Так, когда Суасо отправлялся на Эспаньолу, ему были оплачены дорога и содержание его самого, его клиента и 14 слуг (CDI, t. I, p. 292, nota).

²⁹⁴ por tener que granjear y tratar con tales indios

сословия²⁹⁵ у которых нет ни репартимьенто, ни статуса весино. Далее речь шла о том, что эти набории часто убегали от своих хозяев, последние их преследовали и вторгались в земли касиков без всякого порядка, что наносило ущерб касикам. Кроме того, король был недоволен тем, что нельзя было контролировать такие вылазки, так как они проходили в местах, где обитали только индейцы.

В грамоте подчеркивалось, что, когда давалось разрешение на приобретение наборий, волей короля было, чтобы их приобретали лица не "названного качества", и у которых уже имелись бы весинадад и индейцы на Сан-Хуане. Король повелевал изъять полученных наборий и вручить их от его имени весино Сан-Хуана вместе с индейцами, которыми они будут наделяться. Тем лицам (у которых изъяли наборий), что приобрели наборий хорошо и без ущерба для касиков, не похитили их и не получили каким-либо обманом, рекомендовалась "разумная компенсация" от новых хозяев наборий (*Konetzke* 1953, p. 60-61).

Земли в Индиях с юридической точки зрения считались землями кастильской короны, и поэтому частное владение землей покоилось на королевском пожаловании (*gracia* или *merced*). Монарх также жаловал земли городам, вильям и деревням (*Ots Capdequi* 1959, p. 7, 25). Л. Марреро отметил, что земли, предоставленные короной завоевателям и первым колонистам, вручались им навечно (а *perpetuidad*), с правом продавать и использовать их по своему усмотрению. Земли, которые позже

---

²⁹⁵ muchas personas de servicio y bajas

предоставлялись муниципальными советами, были вручаемы только в пользование (*usufructo*), и лишь королевское подтверждение предоставляло право полной собственности (*Marrero*, t. II, p. 76)²⁹⁶.

*

Как говорилось выше, испанская иммиграция на острова была преимущественно мужской. Женщины попадали туда в качестве членов семей (жен, дочерей, родственниц) или прислуги. У них не было статуса весино, и ранние королевские распоряжения, как правило, не предусматривали наделение их индейцами. Тем не менее, некоторые знатные женщины получали индейцев. Так, в распределении 1514-15 гг. на Эспаньоле супруге Диего Колона было вручено большое число индейцев. Тогда же некая Менсия де Валенсуэла получила во временное пользование 10 домашних наборий, которые прежде были зарегистрированы за ее мужем (CDI, t. I, p. 216).

Когда по разным причинам испанские семьи на островах стали оказываться без своих глав, встал вопрос о наследовании энкомьенды индейцев, как института, который позволял колонистам выжить на островах. Выше говорилось о том, что испанцы на островах добились увеличения числа "жизней" энкомьенды. Но и позже прокураторы испанских поселений Кубы доносили до Карла жалобы на то, что, когда там появлялись вакантные индейцы (как правило, по причине смерти их хозяина),

---

²⁹⁶ Тот же Марреро заметил, что получившие землю весино вели себя как собственники.

то губернаторы острова, либо другие репартидоры, наделяли ими тех, кого считали нужным, не принимая во внимание жену и детей умершего. Прокураторы считали это основной причиной того, что мало людей хотели оставаться на острове. Они просили в подобных случаях не забирать индейцев у жен и сыновей умерших, даже если сыновья были внебрачными. А если сыновей не было, то просили оставлять индейцев вдове, так как, имея их, она могла бы вступить в брак, и весино имели бы желание оставаться на острове. Вопрос был рассмотрен в Совете Индий, и 6 ноября 1528 г. Карл повелел председателю Королевской аудиенции на Эспаньоле оставлять индейцев вдове и сыновьям (в том числе и внебрачным) (CDI-2, t. 4, p. 245-246)²⁹⁷.

Реальные возможности наследования энкомьенды вдовами зависели от статуса ее усопшего мужа. Некоторым женщинам удавалось сохранить энкомьенды своих мужей и удачно выйти замуж. Так, на Кубе донья Гиомар наследовала индейцев и имущество своего умершего мужа, контадора Педро де Пас, «за их совместных сыновей» (CDI-2, t. 6, p. 221, nota 1).

Вокруг наследования той или иной энкомьенды завязывались сложные отношения. Так, после смерти Гусмана, экс-губернатора Кубы, и его супруги доньи Каталины у них осталось двое детей. Их попечителем стал их дядя по матери, Франиско Агуэро. Агуэро (к этому времени) был женат на Анне

---

²⁹⁷ Конкретные примеры подобного наследования встречаются в документах - *Yten paresce que se encomendaron á María de Ortega, muger que fue de Diego de Soto, vecino desta cibdad, los yndios e naburias que fueron del dicho su marido, ya difunto* (CDI-2, t. 4, 116); вторая половина 1530-х гг.

Басан, вдове Андреса де Дуэро, и у них в энкомьенде было много индейцев и несколько их поселений, которые прежде принадлежали Дуэро. Кроме того, у Агуэро и Басан было много рабов (негров и индейцев). По словам писавшего, им некогда было управлять индейцами Гусмана и его детей. У самого Гусмана в энкомьенде было два поселения. Доныя Каталина прежде также имела индейское поселение, которое она получила как вдова казначея Перо Нуньеса, но в данный момент оно ей уже не принадлежало, и не могло перейти детям Гусмана. Сообщавший это главный алькальд Кубы просил у короля энкомендировать ему поселение и индейцев Перо Нуньеса и передать во временное управление два поселения и индейцев Гусмана, принадлежащих его детям (CDI-2, т. 6, р. 86-87).

*

Количество энкомендированных индейцев тому или иному человеку, проживавшему на островах, являлось, как правило, признанием его социальной значимости. Одно время больше всего индейцев имели важные персоны, проживавшие в Испании, начиная с короля. Далее шли верховные правители островов, члены местных городских советов, королевские чиновники и отдельные (особо заслуженные) весино. Эти последние были, обычно, людьми, отличившимися при завоевании того или иного острова.

Поскольку энкомьенда осуществлялась разными категориями власти (корона, местные правители, специально назначенные лица) и разными людьми, у которых были свои

предпочтения, то «значимость» энкомендеро, выраженная в числе его индейцев, не всеми поселенцами воспринималась одинаково. Отсюда – бесчисленные жалобы на «репартидоров» и просьбы к короне «исправить» (*remediar*) то или иное наделение или лишение кого-то индейцев.

Достаточно быстро среди испанцев на островах появились неимущие и нуждавшиеся, о чем говорит наличие там приютов (*hospitales*) для бедных. В разделении индейцев 1514-15 гг. на Эспаньоле был упомянут человек, названный "адвокатом бедных" (CDI, t. 1, p. 121-122).

Институты королевской власти на островах

Светская власть

Система управления колониями складывалась по мере завоевания островов. Перед первым плаванием Колумбу были обещаны должности адмирала, вице-короля и правителя земель, которые он, полагалось, откроет и обретет (Путешествия 1952, с. 55-56, 60-61). После этого плавания титулы и посты Колумба были подтверждены. Королевская инструкция перед вторым плаванием предоставляла ему широкие полномочия: «все капитаны, пилоты, моряки, пешие и конные воины, мастеровые и другие особы», участники экспедиции, «должны быть покорны упомянутому адмиралу, как адмиралу их высочество на море и как вице-королю и губернатору их высочество на суше, и, таким образом, должны ему подчиняться во всем». Он также имел право назначать алькальдов и альгавазилов, рассматривать «судебные дела, прошедшие первую инстанцию», и, в виде исключения,

назначать должностных лиц поселений (Путешествия 1952, с. 255-258).

Сменивший Колумба Бобадилья в одном из королевских писем именовался как «судья- следователь» (*juez pesquisidor*), в другом - как «судья-правитель» (*juez gobernador*). Бобадилья первым из испанских правителей на островах организовал судебное разбирательство деяний своего предшественника. С тех пор практика смены высших должностных лиц на островах с проведением расследования их деятельности стала обычной нормой. Расследование могли проводить как лица, которые сменяли правителя, так и назначенные только для расследования (см. ниже).

Когда сын Хр. Колумба, Диего, после тяжб с королевской властью относительно наследования титулов отца, прибыл на Эспаньолу на смену Овандо, за ним, как видно по Законам Бургоса, были сохранены титулы «адмирала» и «вице-короля», но именовался он уже только «правителем острова Эспаньолы и других островов», открытых его отцом (*Konetzke 1953, p. 38*), и его власть не распространялась на остальные «Индии». Сужение сферы авторитета Диего Колона просматривается в том, что короли иногда в своих распоряжениях (относительно одного и того же вопроса) обращались как к нему, так и к правителю отдельного острова (в частном случае, к Диего Веласкесу на Кубе) (*Papeles 1931, t. I, p. 2-3*). Более того, в таком важном деле, как разделение индейцев среди конкистадоров, король указал Д. Колону не вмешиваться в распоряжения правителя Кубы; он

также повелевал обсудить с судьями и чиновниками на Эспаньоле, как провести это разделение, и это решение послать Веласкесу (Papeles 1931, t.I, p. 7).

Первыми правителями других, помимо Эспаньолы, островов становились лица, стоявшие во главе экспедиций, завоевавших эти острова. Они были наделены (королевской волей) высшей административной, военной и судебной властью. В первый период правления Диего Колона (1509–1515), когда проходило завоевание Сан-Хуана, Ямайки и Кубы, прерогатива назначения таких правителей была за ним, как вице-королем. Поэтому, в частности, Д. Веласкес на Кубе формально именовался не губернатором, а наместником губернатора (*teniente de gobernador*)²⁹⁸. Когда в 1537 г. семья Колумба отказалась от привилегий, полученных Христофором, губернаторов стали назначать непосредственно короли. Губернатор, в свою очередь, назначал должностных лиц более низкого уровня; он мог также назначать своих заместителей (*tenientes*) в испанские поселения.

На Эспаньоле был период, когда там не было губернатора - начиная с совместного правления иеронимитов и Суасо, что приводило к неразберихе в индейских делах. Фигероа, сменивший иеронимитов и Суасо, тоже не имел титула губернатора... (CDI-1, р. 375 и другие). Назначение и

---

²⁹⁸ В 1523 г. Веласкес так именовал себя - *adelantado governador e capitán general de las yslas e tierras nuevamente descubiertas*. Кроме того - *repartidor de caquíes e indios desta ysla fernandina por sus magestades e teniente en ella por el viRey en su Real nombre* (Papeles 1931, t. I, p. 89).

переназначение Диего Колона в качестве вице-короля приводило к смене правителей на отдельных островах и к новым разделениям индейцев. В конце второго правления Д. Колона его власть стала ограничиваться учрежденной в г. Санто-Доминго Королевской аудиенцией²⁹⁹.

Назначение правителя того или иного острова сопровождалось целым рядом документов - капитуляций, если речь шла об открытии, завоевании и заселении новых земель; инструкций, распоряжений и пр. - для уже завоеванных. На месте правитель регулярно получал от короны повеления, касавшиеся общей политики относительно индейцев или по каким-то конкретным случаям, о которых королям и Совету Индий становилось известно из сообщений самих же правителей, королевских чиновников и частных лиц.

Верховные правители отдельных островов были гарантами реализации королевской политики в колониях, включая те ее аспекты, которые касалисьaborигенов. Одной из важнейших функций правителей того или иного острова, данной им монархом, было распределениеaborигенов³⁰⁰. Его обязанностью было проводить инспекции подвластных ему территорий и, среди прочего, следить за тем, чтобы с индейцами обращались надлежащим образом, и чтобы они были заняты на работах в соответствии с королевскими распоряжениями. Так, королевские

---

²⁹⁹ Иногда в документах фигурирует как Королевская аудиенция и канцелярия.

³⁰⁰ Ту или иную персональную энкомьенду, проведенную местными репартидорами, король мог повелеть отменить (Papeles 1931, t. I, p. 13).

чиновники Кубы сообщали в 1540 г. королю, что главный алькальд острова (оставленный наместником губернатора Сото, ушедшего во Флориду), в силу своего возраста и болезней, «не может инспектировать ни землю, ни поселения», хотя была необходимость, чтобы он проинспектировал индейцев на приисках и заставил давать им их «какону». Там же говорилось о необходимости того, чтобы наместник повелел, чтобы треть энкомендированных индейцев отправлялась на прииски, в соответствии с королевскими распоряжениями, и посмотрел, как с ними обращаются и как их содержат (CDI-2, т. 6, р. 116-117).

Из документов разного времени, относящихся к разным островам, видно, что практически каждый из правителей, помимо исполнения воли королей, блюл собственные интересы. А интересы в тот период были сосредоточены, главным образом, на использовании трудаaborигенов. Особенno острой проблема получения индейцев в энкомьенду оказалась, когда их число стало уменьшаться. Репартидоры злоупотребляли своим положением, забирая себе большее число индейцев и наделяя ими, в обход королевских постановлений, родственников и приближенных. Это известно еще по репартименту 1514 г. на Эспаньоле. Позже, на Кубе в 1524 г. во время суда-резиденции первого правителя острова Диего Веласкеса³⁰¹ среди предъявленных ему обвинений были такие: давал индейцев тем, кто их не заслуживал, и оставлял без энкомьенды тех, кто ее заслужил; будучи обязан предоставлять индейцев

---

³⁰¹ Следствие проводилось, когда Веласкес уже умер.

незаинтересованно, без какого-либо подкупа, вручал их тем, кто ему отдавал часть прибыли, полученной трудом этих индейцев и др. (CDI-2, т. 1, р. 199). На том же острове губернатор Гусман наделял индейцами своих родственников и клиентов (CDI-2, т. 1, р. 451-452).

Иногда в дела колоний вмешивались высшие королевские сановники из метрополии. Так, королевский секретарь Лопе де Кончильос, своей волей назначил казначеем на Эспаньолу упомянутого выше Пасамонте и, помимо высокого жалования, определил тому индейцев, по 200 на Эспаньоле и Сан-Хуане и 300 на Кубе. И другим своим ставленникам назначал жалование и индейцев (CDI, т. I, р. 257).

Еще в 1511 г., как говорилось выше, короли создали противовес власти вице-короля и правителя островов - на Эспаньолу были назначены апелляционные судьи «островов, Индий и материка»³⁰². Некоторые вопросы Д. Колон, тогдашний правитель, должен был решать сообща с этими судьями, как, например, разрешение на переход испанцев с Эспаньолы «на острова Куба и Сан-Хуан и другие части» (Papeles 1931, т. I, р. 4, 14). Этим судьям короли поручали отдельные расследования; при этом, как указывалось в королевском распоряжении от октября 1511 г., они могли получать помощь от вице-короля и королевских чиновников (*Fernández de Navarrete* 1923, р. 146 – 149). Но самое, видимо, главное, эти судьи должны были, как писал Овьедо, разбирать жалобы на решения адмирала и его

---

³⁰² jueces de apelación de las islas, Indias e tierra firme del mar Océano

наместников, а также назначенных им должностных лиц (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 99).

Королевская аудиенция Санто-Доминго стала высшей судебной инстанцией в пределах островных колоний и некоторых соседних материковых земель до создания там своих аудиенций. Занималась она и делами, связанными с аборигенами. В 1528 г. Карл распорядился, чтобы председатель Аудиенции (тогда - епископ Санто-Доминго и Консепсьон-де-ла-Вега, Себастиан Рамирес), занялся «тем порядком, что должны иметь индейцы тех островов для их сохранения и обращения в нашу святую католическую веру» (CDI-2, t. 4, p. 246).

Судьи Аудиенции иногда вмешивались в такие дела отдельных островов, на которые у них не было королевских полномочий, в том числе того, что касалось индейцев. Так, одновременно они выдавали разрешение на вручение индейцев на Кубе. Более того, вместо определенных королем пределов в 300 индейцев, они предоставили более 600 индейцев тем лицам (в документе не сказано, кому), у которых уже были индейцы (CDI-2, t. 1, p. 445; февраль 1528).

Отношения между председателем и судьями Аудиенции не всегда были упорядочены. Так, в ноябре 1541 г. епископ Санто-Доминго (председатель Аудиенции) жаловался королю на ее судей, которые, по его словам, сговорившись, доставляют ему много хлопот – проводят заседания в своих домах, пристрастно

каждый день устанавливают новые законы и меняют прежние порядки, перечат ему³⁰³ (CDI, t. I, p. 586).

Средством контроля центральной власти над местными элитами было замещение губернаторов из среды конкистадоров лицами, присыпаемыми из метрополии. С появлением Королевской аудиенции на Эспаньоле верховенство внешней по отношению к весино власти стало определяющим в местных делах.

Сами монархи принимали решения по тому или иному вопросу относительно Индий (и индейцев) после предварительных (часто неоднократных) консультаций с разными заинтересованными лицами. Обычно их грамоты начинались с фразы о том, что полученная информация рассматривалась Королевским советом и Советом Индий и после консультации с королем («со мной»), было решено, что король должен повелеть дать эту грамоту.

Совет Индий стал главным источником информации и рекомендаций для королей. Короли могли дать прямое распоряжение относительно того или иного вопроса (скажем, предоставить кому-то энкомьенду или статус «весино» и т.д.) или отдать решение вопроса на усмотрение местных властей (Papeles 1931, t. I, p. 44; и др.). Они направляли свои распоряжения не только вице-королю, президенту Королевской аудиенции, губернаторам, но и своим чиновникам.

---

³⁰³ están tan sobre puntas conmigo, que no puede ser mas (буквально – "на ножах, дальше некуда")

Если королевское послание было важным, и чтобы никто не мог сослаться на его незнание, то в нем указывалось, что оно должно быть «публично оглашено на площадях и рынках и в других обычных местах» в присутствии общественного писаря и свидетелей.

Историки давно отметили, что на протяжении всей колониальной жизни наблюдалось расхождение между принятым правом и его реализацией. То, что провозглашалось законом, отличалось от того, что происходило в реальной общественной жизни. Это касалось и норм по защите индейцев, когда на деле преобладало, по большей части, беззаконие, и индеец был оставлен на милость надсмотрщика, энкомендеро и колониальных властей. Последние часто ссылались на трудность исполнения королевских распоряжений или опасность их реализации. При этом они прибегали к процедуре, получившей название "подчиниться, но не исполнить"³⁰⁴. Когда приходило распоряжение, исполнять которое на месте не считали нужным, получатель документа торжественно возлагал его на голову, в знак подчинения и почтения, и в то же время заявлял, что исполнение откладывается. Это не считалось актом неповиновения, так как короля об этом извещали и просили, чтобы он принял решение, когда получит новую информацию (*Otz Capdequi* 1957, p. 14)³⁰⁵.

---

³⁰⁴ se acata pero no se cumple

³⁰⁵ Конкретный пример см. у Овьедо (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 93-94).

Средством королевского контроля над властными институтами разного уровня на местах был упомянутый выше суд резиденции (*juicio de residencia*). Он имел место по истечении срока правления верховного правителя³⁰⁶, независимо от того, менялся тот ординарно или по каким-то причинам досрочно. Таким же образом расследовалась деятельность и назначенных верховным правителем должностных лиц. Могла проверяться и деятельность королевских чиновников.

Расследование назначал монарх, при этом определялись его временные рамки. За это время судья резиденции, которым мог быть человек, сменяющий должностное лицо, или специально назначенный для расследования, должен был провести тайное расследование, а затем публичное. Для последнего делалось оповещение о том, что все, имевшие претензии к лицу, относительно которого проводилось расследование, могли представить перечень «обид» (*agravios*). Эти жалобы суммировались и предъявлялись в письменном виде как список обвинений (*cargos*) тому, против кого они выдвигались. В течение определенного времени лицо, в отношении которого велось расследование, знакомилось с этими обвинениями и готовило, тоже в письменном виде, свои опровержения (*descargos*) или согласия с претензиями. Судья резиденции принимал решение по каждому обвинению - наложить ли на обвиняемого тот или иной штраф или наказание, оправдать ли его или передать решение на

---

³⁰⁶. В одном королевском документе (15 февраля 1528) говорилось, что все губернаторы и судьи (*justicias*) должны подвергаться суду резиденции каждые два года (Papeles 1931, t. I, p. 128).

усмотрение монарха и членов Совета Индий. На время следствия лицо, в отношении которого велось следствие, должно было отдать свой жезл судье-следователю.

Примером такого рода процесса может быть расследование правления Г. де Гусмана, проведенное Вадильей на Кубе на рубеже 1531 и 1532 гг. (CDI-2, т. 4, р. 202-235, 296-297). Вот длинный перечень обвинений, касавшихся индейцев. Они интересны как тем, что показывают, насколько не исполнялись соответствующие королевские распоряжения, так и тем, что отражают сложные отношения между испанскими колонистами в вопросах, связанных с эксплуатацией аборигенов. В документе они представлены в следующем порядке: 31 – не исполнял королевское распоряжение раз в три года инспектировать остров, в силу чего поднялись многие индейцы и убили многих испанцев; 33 – не имея на то королевского повеления, дважды налагал акцизные сборы (*sisas*) для нужд войны с беглыми индейцами; 34 – забирал у весино индейцев-рабов для прокладки дороги от города до порта, которая была не нужна; 39 – выдавал разрешения на вывоз индейцев с острова (в Новую Испанию и Кастилию); 40 – не соблюдал королевские распоряжения о том, чтобы индейцы вручались женатым весино и конкистадорам, и чтобы никто младше 25 лет не имел индейцев; 41 – не оказал помощи в войне против индейца Диего Гуамакона в провинции Маиси, по причине чего погибло много индейцев и испанец; 46 – будучи репартидором касиков и индейцев и обязанным блюсти ордонансы о хорошем обращении с индейцами, особенно в том,

где повелевается, чтобы лица, которым предоставляются вакантные индейцы (по причине смерти, отсутствия или преступления того, кто их имел), были обязаны покупать поместья (*haciendas*) тех, кто прежде имел индейцев, не сделал этого. Более того, всех вакантных индейцев предоставлял лицам, которые договаривались с прежними их владельцами о покупке их поместий за 400 или 500 песо при их цене в 200, и вручал им грамоты (приведены имена – Э.А.); 51 – чтобы замять свою ссору с Бернальдино де Кесадой, имевшим, в соответствии с королевским распоряжением, 100 индейцев, вручил ему еще стольких же (от двух других поселенцев) - притом, что многие женатые весино и конкистадоры не имели индейцев и жили в большой нужде; 55 – нарушил королевское распоряжение о том, чтобы ординарные алькальды были инспекторами индейцев, учредив (таковыми) генеральных инспекторов и назначив ими лиц с дурной репутацией; 58 – когда к нему пришел один весино Асунсьон (Баракоа) просить двух индейцев, что у него взял наместник (видимо, губернатора в Баракоа – Э.А), Гусман обозвал его негодяем, пригрозил наказать, если тот будет жаловаться на наместника, и сказал, что это были индейцы доны Каталины, его (губернатора) жены; 72 – после смерти казначея Перо Нуньеса де Гусмана не послушал требования королевских чиновников не распоряжаться энкомендированными тому индейцами до королевского решения и энкомендировал их доные Каталине де Агуэро, что прежде была женой казначея, а теперь – жена губернатора. При том, что у самого Гонсало де Гусмана, как

у королевского чиновника, было много индейцев, а также индейцы Хуана Переса, его племянника; 73 – Хуану Бону де Кехо и его сыну, которые были весино Гаваны, энкомендировал много индейцев, хотя у Бону де Кехо уже было столько индейцев, сколько ему полагалось как весино; 74 –энкомендировал вакантных индейцев не женатым весино и конкистадорам, как должен был в соответствии с королевскими повелениями, а своим друзьям, родственникам, клиентам и низким людям³⁰⁷; 75 – до женитьбы и после имел наложницей свою наборию Альдонсилью, которую затем выдал замуж; 77 – в 1528 г. Хоан де Миранда, весино Сантьяго, пленил, вместе с несколькими индейцами из беглых, одного индейца, который находился в бегах три года. Миранда попросил Гусмана дать ему этого индейца как раба или как наборию, как это обычно делалось. Гусман не захотел этого делать и сказал, что это индеец одного его касика (по имени Фрей Хуан), и велел его отпустить. Через месяц раб³⁰⁸ Гусмана вновь схватил этого индейца и привел в город, и Гусман велел клеймить его как раба и взял себе, а потом обменялся рабами с казначеем Ямайки. Кубинский индеец, оказавшись на Ямайке, от отчаяния повесился; 87 –нарушил королевское распоряжение о том, что испанцы могли жениться на местных женщинах³⁰⁹ (*mujeres de la isla e tierra*), и арестовал двух

---

³⁰⁷ Среди перечисленных названы "его домоправитель", "его минеро", "его писарь", "его переписчик" (*su escribiente*), воспитатель (*amo suyo*) и муж воспитательницы дочери Гусмана.

³⁰⁸ Этот раб был мавром (*morisco*).

³⁰⁹ *mujeres de la isla e tierra*

испанцев под предлогом того, что они это сделали без его разрешения (CDI-2, т. 4, р. 214, 216-217, 218-219, 221, 222-223, 224, 228-230, 231, 234-235)³¹⁰.

Решения судьи резиденции не всегда принимались беспрекословно. Так, решению Вадильо вручить двум королевским чиновникам на Кубе тех индейцев, что были у их предшественников по должности, воспротивились епископ острова и Гусман (CDI-2, т. 4, р. 249-250). В некоторых, видимо, особо сложных или важных для короны случаях, расследование деятельности правителя поручалось самому председателю Королевской аудиенции. Так, епископу Эспаньолы (как председателю аудиенции) в 1528 или 1529 г. было велено отправиться на Кубу расследовать деятельность губернатора (CDI-2, т. 6, р. 17)³¹¹.

Судьи Королевской Аудиенции получали существенные энкомьенды. Так, Хуан Ортис де Матьенсо "по воле короля" получил в энкомьенду касика с 80 работниками. Уточнение о воле короля было, видимо, нужно потому, что судья не являлся весино и не был женат (CDI, т. 1, р. 160-161).

Хозяйственные интересы короны на островах представляли и защищали королевские чиновники (*oficiales reales*): казначей

³¹⁰ Здесь упомянуто королевское распоряжение, согласно которому определялось число индейцев для испанцев, что женились на индейках из их поместий (*hacienda*).

³¹¹ Он должен был сделать это за 30 дней, после которых должен был вернуть жезл губернатору. Помимо разбирательства, ему следовало востребовать долги короне, "без большого ущерба для должников" (*sin notable daño de los deudores*).

(tesorero), счетовод (contador), торговый агент (factor). В королевских письмах о них часто речь шла в совокупности – «наши чиновники» (nuestros oficiales). Иногда после перечисления названных трех добавлялось «и другие наши чиновники» (Papeles 1931, t. I, p. 69). Там, где выплавляли золото или переплавляли индейские золотые изделия, было лицо, контролировавшее эту операцию, смотритель выплавок (veedor de fundiciones) или просто плавильщик (fundidor). Первым по значимости среди королевских чиновников, был, видимо, казначей.

Королевские чиновники, присылаемые, как правило, из метрополии, не имели статуса весино, и их право на получения ими индейцев в энкомьенду менялось. Поначалу, когда индейцев было много, они получали от королей (как говорилось выше) право на энкомьенду. Судя по одной королевской грамоте (12 мая 1513 г.), королевскому чиновнику (независимо от его должности) полагались 200 индейцев рабочим место (Papeles 1931, t. I, p. 10)³¹².

Затем, какое-то время, под давлением весино, чиновникам было запрещено иметь индейцев на том основании, что они получали королевское жалование. Некоторые из чиновников, у которых были покровители в метрополии, имели индейцев на

---

³¹² Примеры из разделения на Эспаньоле 1514-1515 г. подтверждают это число. Так, торговый агент Хуан де Ампьес на Эспаньоле, который не был женат и жил в г. Санто-Доминго, был наделен в вилле Ибонао, в двух касиках, 184 работниками (с 3 стариками и 13 детьми) и 16 домашними набориями (CDI, t. I, p. 173-174).

нескольких островах, как упомянутый выше Пасамонте³¹³. И из более поздних документов явствует (1526 г., Куба), что отдельные чиновники имели такое количество индейцев, что, по словам недовольных, их было достаточно для 3-х и даже 4-х весино. Там же говорилось, что большее количество индейцев и лучшие из них попадали обычно в руки губернаторов (CDI-2, т.1, р. 265).

В экстренных случаях место королевского чиновника могло занять лицо, назначенное местной властью. Так, на Кубе в 1530-е гг. Гонсало Фернандес в течение трех лет занимал должность счетовода, будучи определен на нее губернатором и другими королевскими чиновниками, так как предыдущий счетовод отсутствовал. Когда стало известно о смерти последнего, Г. Фернандес был переназначен (CDI-2, т. 6, р. 52). В 1547 г. там умер Эрнандо де Кастро, занимавший две должности (торговый агент и смотритель выплавок (*fator y veedor*)³¹⁴. И в том случае губернатор и королевские чиновники назначили на его место весино г. Сантьяго (CDI-2, т. 6, р. 307).

Подобные назначения, как и любое другое решения островных властей, должны были получить одобрение короны.

³¹³ В августе 1520 г. Пасамонте жаловался в метрополию, что индейцев на Сан-Хуане у него отобрали, а индейцы Кубы и Эспаньолы умерли от оспы (CDI, т.1, р. 414).

³¹⁴ Совмещение нескольких чиновничих должностей на Кубе можно отнести, видимо, к концу 1529 г., когда королева в письме на имя губернатора и чиновников указала, что дела, которыми занимались чиновники, были столь малы, что на них хватило бы и одного, и не надо было бы платить жалование. И повелела так сделать (Papeles 1931, т. I, р. 161-162).

В управленческой структуре колоний был должность инспектора индейцев (*visitador de los indios*), обязанности которого были изложены впервые в Законах Бургоса 1512 г. (статьи 29-34). Он должен был следить за исполнением королевских распоряжений, касавшихся аборигенов. Эффективность деятельности таких лиц зависела от главного правителя острова. Видимо, на Кубе иногда такие инспекторы получали индейцев репартилья и, кроме того, питались за счет посещаемых ими индейских поселений или испанских поместий. Во всяком случае, в марте 1528 г. Мануэль Рохас, в то время прокуратор вильи Сан-Сальвадор, предложил другим прокураторам обратиться к монарху с просьбой о запрете на это (CDI-2, т. 4, р. 20-21).

Несколько позже возникла необходимость в появлении такого лица как "защитник индейцев" (*protector de los indios*). Первым "генеральным прокуратором и защитником индейцев Индий"³¹⁵ стал Лас Касас (*Las Casas* 1951, т. III, р.136). Вскоре он, правда, был лишен этого звания. В дальнейшем, «защитниками индейцев» стали назначаться верховные гражданские правители и церковные иерархи. Моралес Падрон выделил два типа "защитников индейцев". Первый из них – косвенный или по должности. К ним он отнес Совет Индий, вице-королей, королевские аудиенции, губернаторов, епископов, священников и монахов. Второй тип – прямые защитники, мирские или служители церкви, назначенные короной либо колониальными

---

³¹⁵ procurador y protector universal de los indios de las Indias

властями. Поскольку между защитниками-епископами (на материковых территориях) и гражданскими властями возникали трения, институт был упразднен во второй трети XVI в. Он был восстановлен в 1589 г. Как написал Моралес Падрон, инструкции при назначении на этот пост содержали широкие полномочия, но в них не было четкости относительно формы их применения (*Morales Padrón* 1979, p. 385-386).

Политика короны относительно разных частей своих владений в Америке не была единообразной и зависела от складывавшихся условий на местах. Это иногда вызывало недовольство испанцев, как весино, так и правителей, на том или ином острове. Так, в одном из своих писем Гусман жаловался, что только на Кубе взимают пошлину при продаже рабов. Это, по утверждению губернатора, приводило к тому, что рабов на остров не привозили, хотя в них была нужда (CDI-2, т. 6, р. 60).

Духовная власть

Церковь на островах являлась институтом королевской власти, так как римский папа делегировал испанским королям право на управление церковью и церковными делами в самой Испании и в колониях в Америке³¹⁶. Как не раз упоминалось выше, одной из главных (если не первой) целей завоеваний в Новом Свете со стороны испанской короны провозглашалось распространение христианства ("нашей святой католической

---

³¹⁶ О формировании отношений между испанской короной и Ватиканом, так называемом «королевском патронате», см. подробно *Григулевич* 1977, с. 89-120.

веры", как обычно говорилось в документах) среди местного населения.

Главная роль в этом деле отводилась, как правило, монахам. В начале колониальной жизни у местных властей не было возможности устроить нормальную церковную и монашескую жизнь. На островах к обычным трудностям жизни монахов добавлялось поначалу отсутствие хлеба и вина для отправления служб. Повествуя о временах правления Диего Колумба, Лас Касас писал, что на Эспаньоле долго не соблюдались церковные посты и воздержания, что удалось, будто бы, исправить доминиканским монахам (*Las Casas* 1951, т. II, р. 383). Сменившие Д. Колумба иеронимиты писали в 1517 г. королю, что местные жители, как миряне, так и служители церкви, страдают из-за отсутствия епископов, так как некоторые служители церкви живут как люди без пастыря, а многие миряне, особенно индейцы, умирают, не приняв причастия, и за этим некому проследить. Было много не крещеных индейцев, а крещеных никто не наставил и не объяснил им, что это за таинство. Священников было так мало, особенно на Сан-Хуане, что очень мало индейцев (*rosos u ningunos*, как сказано в документе) исповедовалось, и многие умирали без исповеди. Не совершались и некоторые другие таинства, и, по словам монахов, не было никого, кто бы заботился об этих несчастных овечках (CDI, т. I, р. 273-274).

После того, как на островах были учреждены епископаты, дела, связанные сaborигенами, были возложены на епископов.

Так, епископу Кубы, Мигелю Рамиресу, были поручены «защита, управление и заступничество» индейцев Кубы. Когда до короны дошли сведения о том, что на острове есть какие-то разногласия относительно этой должности, 10 мая 1531 г. было подписано королевское распоряжение, излагавшее «порядок и ограничения», которые он должен был соблюдать. Епископ мог посыпать инспекторов в любое место, куда он сам не мог отправиться, но утверждать их должен был лично губернатор³¹⁷. «Зашитник» или назначенные им лица должны были проводить расследование и собирать информацию о плохом обращении с индейцами. И, если оказывалось, что испанцы, которым вручены индейцы, заслуживали телесного наказания или лишения индейцев, следовало соответствующую информацию и следственные документы отослать губернатору, чтобы тот их рассмотрел и вынес решение. «Зашитник» мог арестовать обвиняемого и отослать его вместе с информацией губернатору. «Зашитник» или его заместители могли назначать штраф (до 50 песо золотом и до 10 дней карцера).

Если обнаруживалась вина коррехидоров и их альгвасилов, следовало послать информацию губернатору, чтобы он их наказал. В этом пункте подчеркивалось, что корона не имеет намерения, чтобы «зашитники» имели какое-либо превосходство над этими представителями королевской власти³¹⁸. Он и другие лица от его имени не могли расследовать криминальные дела

---

³¹⁷ Как сказано в документе, они должны были быть увидены и утверждены губернатором.

³¹⁸ В документе - nuestras justicias, то есть «наши судьи».

между индейцами; этим должны были заниматься губернатор и другие власти³¹⁹ (CDI-2, t. 10, p. 93-95).

На Кубе епископы стали репартидорами индейцев, наравне с губернаторами. Поэтому королевские распоряжения, касавшиеся индейцев, часто адресовались правителью острова и епископу. Королевским распоряжением епископ на Кубе получил право назначать генеральных инспекторов (*visitadores generales*), которые могли налагать штраф (до 50 песо) на энкомендеро, плохо обращавшихся со своими индейцами. Как писал королеве в 1532 г. Вадильо, это обстоятельство, а также то, что губернатор и защитник индейцев имели право разделения индейцев, приносило большой вред, так как инспекторами назначались клиенты того и другого. Вадильо даже назвал этих инспекторов грабителями индейцев и испанцев (CDI-2, t. 4, p. 299).

Епископы, не являясь весино, тем не менее, могли, королевским решением, получать все те привилегии, что полагались весино. Так, назначенный на Кубу Мигель Рамирес, который собирался там обосноваться, обратился к королю с просьбой предоставить ему "место и усадьбу, где он сделал бы и имел бы свой провиант и постройки для своего скота, в соответствии с его статусом и саном"³²⁰. В марте 1528 г. король в грамоте на имя губернатора и чиновников Кубы (тогда называлась Фернандиной) распорядился назначить епископу усадьбу (Papeles, 1931, t. I, p. 138). В распоряжении не было речи

---

³¹⁹ Здесь также употреблена форма *nuestras justicias*.

³²⁰ sitio e estancia donde hiziese e toviese sus provisiones y mantenimientos y cabañas para sus ganados conforme a su calidad y dignidad

об индейцах, и не понятно, кто там должен был работать. Из другого документа следует, что епископы, являясь "защитниками индейцев", не имели права брать их в энкомьенду. Тем не менее, у пришедшего на смену Рамиресу епископа Сармьенто было почти тридцать индейцев, предоставленных ему правителем Кубы (CDI-2, t. 6, p. 116). Таким образом епископ -"защитник индейцев" превращался в энкомендоро, то есть, в свою противоположность.

Институты местного самоуправления

Органом местного самоуправления в испанских вильях и городах был совет (*cabildo* или *consejo*). Он состоял из алькальда³²¹ и нескольких (в зависимости от числа весино) рехидоров. Эти должности были выборными, но проходили подтверждение короной. В некоторых случаях короли назначали рехидоров своей волей³²². Со временем корона отменила практику избрания рехидоров и стала их назначать (иногда за мзду). За общественным порядком следили исправники (*corregidores*) и полицейские (*alguaciles*).

В юрисдикцию вильи или города входили не только территория непосредственно поселения, но и земли прилежащих испанских хозяйств и индейских селений³²³. Перед короной

³²¹ Этот алькальд назывался ординарным (*alcalde ordinario*), в отличие от главного алькальда (*alcalde mayor*), назначавшегося губернатором (или прямо короной).

³²² В 1519 г. Андрес де Дуэро был назначен рехидором в вилью Сантьяго. Были назначения рехидоров и в другие поселения Кубы (Papeles 1931, t. I, p. 77, 81, 82).

³²³ Когда в источниках того времени говорилось о числе «весино» или «индейцев» и, позже, «негров» того или иного испанского поселения, то

интересы островных поселений испанцев защищали прокураторы, выбранные для этой цели поселением.

Отношения между ветвями власти

Среди островных испанцев достаточно рано выявились противоречия между теми, кто завоевывал острова, и более поздними поселенцами и, особенно, лицами, прибывавшими на острова на времена (губернаторы, члены Королевской аудиенции, королевские чиновники). Эти противоречия иногда принимали форму открытой вражды между представителями разных ветвей власти – верховными правителями и духовными иерархами, губернатором (и его наместниками) и городскими советами, королевскими чиновниками и епископами, иногда – между разными королевскими чиновниками. В посланиях в метрополию почти всегда присутствуют жалобы одних на других (CDI-2, т. 6, р. 19; CDI-2, т. 4, р. 152 и др.).

Между весино и губернаторами постоянно возникали тяжбы относительно наделений индейцами (Papeles 1931, т. I, р. 98; 1526 г.). Тяжбы имели место и тогда, когда индейцы перестали играть решающую роль в жизни колонии (на Кубе, в данном случае) (CDI-2, т. 6, р. 311; 1549 г.).

По-разному складывались отношения между верховными гражданскими правителями и духовными иерархами. Самое первое противостояние имело место между Хр. Колумбом и

имелись в виду не только те, кто жили в черте поселения, но и те, что обитали в сельской местности в пределах юрисдикции этого поселения.

фраем Буилем. Лас Касас писал о трениях между первым епископом и поселенцами на Эспаньоле (*Las Casas*, 1951, т. II, р. 553; см. также CDI, т. I, р. 419 и др.).

Одним из спорных моментов было управлениеaborигенами. В инструкции Овандо от марта 1503 отвечать за дела с индейцами было велено гражданской власти (губернатору). Ему также вменялось «постараться» отдалить индейцев от ошибок, в которых они пребывают. Даже в перечне лиц, которые должны были следить за тем, чтобы индейцы заключали браки в церкви, сначала названы губернатор и лица, ответственные за поселения, а затем – священники. После образования на островах епископатов эти полномочия перешли в руки епископов. На местах многое зависело от отношений между епископом того или иного острова и его правителем.

В 1530-е гг. епископ Кубы, по словам королевских чиновников, был "большим другом" (*tu y amigo*) губернатора Гусмана. В то же время он враждебно вел себя по отношению к королевским чиновникам до такой степени, что те просили короля рассудить их. Чиновники сообщали королю, что епископ, будучи на Ямайке (он был назначен ее аббатом) взял себе принадлежавшие короне 2 усадьбы и индейцев при них (этих - по заниженной цене). Кроме того, многих индейцев он получил, вступив в "выгодные компании" (*compañías exquisitas*)³²⁴ (CDI-2, т. 4, р. 266).

---

³²⁴ То есть, договорившись на каких-то условиях с хозяином рекомендованных аборигенов.

Недовольство губернатора местной властью принимало иногда крайние формы. Так, в 1530 г. Гонсало де Гусман, находясь в кабильдо г. Сантьяго и будучи недовольным избранием нового алькальда, вырывал у того жезл, толкал его и пр., и пришлось вмешиваться рехидорам. В свою очередь, епископ Кубы после резиденции, что провел Вадильо, принуждал кабильдо предоставить ему информацию об этой резиденции, угрожая отлучить от церкви (CDI-2, т. 4, р. 227).

Миряне и епископ (вместе с губернатором, в данном случае) могли иметь разный взгляд на то, кто должен оплачивать службу священников в сельских усадьбах, их хозяева или епископ из получаемой десятины (CDI-2, т. 4, р.161-162).

Причины противоречий между королевскими чиновниками, представлявшими интересы короны на том или ином острове, и членами кабильдо, защищавшими местные интересы (в том числе, свои личные), были ясно выражены в петиции прокураторов Кубы ее губернатору от февраля 1528 г. В то время королевские чиновники были рехидорами кабильдо г. Сантьяго. И, по словам прокураторов, служа монарху и стараясь увеличить королевские доходы, эти чиновники имели цель и намерение, отличные от того, что выгодно общему благу (CDI-2, т. 4, р. 2-3).

Одной из причин противоречий внутри испанского сообщества было, по мнению современников, несоблюдение норм распределения индейцев между колонистами (CDI-2, т. 4, р. 26-27). На это указывал М. Рохас, еще не будучи губернатором

Кубы. Несколько лет спустя, в 1532 г., тот же Рохас, уже будучи таковым, свидетельствовал королю, что большая часть зол Кубы восходит к общему репартимьенто 1522 г., проведенному Д. Веласкесом, когда тот нарушил распоряжение давать большие репартимьенто в 200 индейцев, средние в 100, меньшие в 60 и самые малые в 40, так как были сделаны репартимьенто более 300 индейцев, а малые насчитывали 10 человек и даже 1 человека (CDI-2, т. 4, п. 252).

Лишь иногда чрезвычайные обстоятельства вынуждали принимать общее решение при участии не только светских властей и церковных иерархов, но и представителей поселенцев. Так, в обсуждении возможностей завершения войны с касиком Энрике в совете на Эспаньоле в феврале 1533 г. участвовали заседатели Аудиенции, Адмирал (Луис Колон), епископ и некоторые другие церковные чины, королевские чиновники, представители местной власти и «другие весино» (CDI, т. I, п. 486-487).

Очевидно, что противоречия между представителями разных ветвей власти, приводившие к появлению разнородной регламентации относительно управления аборигенами, особенно в сфере их распределения и перераспределения между испанцами, отрицательно сказывались на стабильности бытия аборигенов.

*

На эффективности управления колониями отрицательно сказывалась их удаленность от метрополии. Между датами

подписания распоряжений в метрополии и их получением в колонии проходили многие месяцы; то же имело место в обратном направлении. Так, в королевской грамоте от 15 февраля 1528 г. был ответ на письмо правителя Кубы от 25 сентября 1527 г. (почти пять месяцев) (CDI-2, т. 1, р. 442). В другом королевском письме той же даты шла речь о сообщении с острова от марта 1527 г. (почти год) (CDI-2, т. 1, р. 448). 20 августа 1534 г. в Сантьяго пришел корабль из Кастилии с королевскими письмами, подписанными 25 октября 1533 г. (CDI-2, т. 4, р 343-344). То есть, потребовалось почти 10 месяцев, чтобы распоряжение только дошло до адресата. А сколько оно готовилось, и сколько времени требовалось на его оглашение в разных поселениях островов, а затем исполнение. Как писал Овьедо, пока какое-то сообщение дойдет до короля, "поменялось время", и нужно давать другое распоряжение. Кроме того, по мнению этого историка, и сообщение могло быть искаженным (*Oviedo* 1851, т. 1, р. 611).

Не было надежной связи и между отдельными островами. Уходил целый год на то, чтобы житель Гаваны добрался до Королевской аудиенции в Санто-Доминго и вернулся назад (Papeles 1931, т. I, р. 291). Иногда в течение полугода не было судна с одного острова на другой (CDI-2, т. 6, р. 49). Затруднена была и внутриостровная коммуникация. Особенно это было свойственно Кубе, в силу ее протяженности, где испанские вильы находились, по большей части, на больших расстояниях одна от другой и были разделены естественными преградами в виде гор и лесов. В 1545 г., спустя три десятилетия со времени завоевания

острова, губернатор Кубы жаловался на трудности наземного сообщения, в силу чего приходилось передвигаться на индейских лодках по морю (Papeles 1931, t. I, p. 177).

*

Несколько слов о языковом общении колонистов и аборигенов. Как говорилось выше, Хр. Колумб еще в первом плавании захватил несколько островитян с видами сделать из них переводчиков. Один из них, Диего или Диего Колон, и в самом деле стал таковым во втором плавании по островам. Овьедо о нем писал, что он лучше других выучил "наш язык" и говорил на нем посредственно³²⁵(Fernández de Oviedo y Valdés 1851, t.I, p. 48).

По словам Лас Касаса, на Эспаньоле было три аборигенных языка, один из которых был универсальным. И этот язык знали некоторые, включая Рамона Панэ, не в совершенстве, "так как никто, ни священник, ни монах, ни мирянин не знал ни одного в совершенстве", за исключением Кристобаля Родригеса. По утверждению Лас Касаса, Кристобаль, получивший прозвище Ленгва³²⁶, был первым, кто выучил язык индейцев Эспаньолы. Он, будто бы, несколько лет намеренно находился среди индейцев, не общаясь с испанцами Лас Касас усомнился в «полном проникновении» Родригеса в этот язык, хотя он знал его больше других. Лас Касас объяснил причину незнание испанцами языков острова не тем, что они были трудны для выучивания, а тем, что ни один человек, церковный или мирской, не заботился

³²⁵ avia mejor que los otros aprendido é hablaba ya medianamente la lengua nuestra

³²⁶ lengua - язык

в то время ни о чем, кроме как пользоваться индейцами. Исключение составляли Рамон (Панэ) и два монаха францисканца, которые тоже, по мнению Лас Касаса, знали язык недостаточно (*Las Casas* 1951, т. II, р. 175)³²⁷; 1967, т. I, р. 633-634).

В разделении Альбукерке на Эспаньоле назван некий испанец Антон де ла Ленгва (CDI, т. I, р. 194). В документах о завоевании Кубы упоминаются «христиане, знавшие языки» аборигенов при отрядах из 20 человек (CDI, т. XI, р. 416, см. также р. 422).

Можно полагать, что другие испанцы, в силу необходимости, овладевали каким-то объемом языка, чтобы управлять работой своих индейцев. В самом начале, как писал Лас Касас, узнавали местные слова, обозначавшие воду и хлеб (*Las Casas* 1951, т. II, р. 127). Однако, судя по другим источникам, некоторые из испанцев со временем овладели языком островитян в такой мере, что могли их понимать. Так, Диас дель Кастильо написал, что, когда в одной из экспедиций у острова Косумель с испанцами заговорила индианка с Ямайки, многие из солдат, и он в том числе, очень хорошо понимали тот язык, который таков же как на Кубе (*Díaz del Castillo* 1963, т. I, р. 40).

Как упоминалось выше, у губернатора Рохаса на Кубе были переводчики.

Коренные обитатели островов

---

³²⁷ События, в которых упомянут Кристоваль, относятся к 1500 г. Он же упомянут годом ранее (*Las Casas* 1951, т. II, р. 97).

В документах первой половины XVI в. прослеживается деление испанцамиaborигенов островов на несколько категорий – в зависимости от социального статуса, места в системе эксплуатации, пола, возраста и некоторых других характеристик. Эта классификация не была строгой, зависела от ее целей, и менялась во времени.

В неоднократно цитированном выше разделении 1514-1515 гг., четко различались "домашние набории" и "индейцы касиков". Именно эти две группы индейцев вручались испанцам, либо передавались на время до особого распоряжения. Регулярно в документах упоминались и «собранные». Другие категории островитян первой половины XVI в. - "рабы" и "беглые". Какое-то время небольшое число местных (островных) индейцев находились в "опыте" по освобождению от энкомьенды. Сохранялись и социальные ступени – «касики» и (на Эспаньоле) «таинны».

Рассмотрим названные группы индейцев на островах, начав с рабов, так как именно рабами становились побежденные островитяне, когда испанцы только стали "осваивать" острова.

Рабы

Рабство было общей нормой (юридической, этической и политической) в Европе того времени. Относительно причин и обстоятельств обращения в него существовали весьма различные мнения. Спектр соответствующих идей в Испании значительно возрос после плаваний Колумба и завоеваний в Новом Свете. Из ряда оправдательных причин обращения в рабство индейцев,

перечень которых есть в статье Гарсии Аньовероса (*García Añoveros* 2000), испанцы, как правило, приводили нежелание подчиниться господству испанского короля и, следовательно, принять католическую веру, и преступления против природы, прежде всего, содомия и антропофагия.

Впервые о намерении принуждать работать островитян Колумб написал в своем бортовом журнале 16 ноября 1492 г. Первыми рабами стали обитатели Эспаньолы во время второго пребывания Колумба на Эспаньоле. Согласно данным историка К. Варелы, первая партия рабов в количестве 50 человек была отправлена в Севилью в феврале 1495 г. Это были индейцы касика Гуатигуанá, велевшего убить нескольких испанцев. В последующие месяцы были отправлены еще несколько партий. Варела полагает, что к моменту расследования деятельности Колумба Бобадильей с Эспаньолы были отправлены на продажу около 1500 человек (*Varela* 2006, р. 111-112).

На Эспаньоле Бартоломе и Христофор Колумбы привлекали на свою сторону испанцев тем, что давали им рабов (*Las Casas* 1951, L. I, cap. CXVIII - относительно Бартоломе.). При конфликте Хр. Колумба с Рольданом и его сторонниками, одним из условий примирения со стороны последних было требование предоставить им рабов (*Colón* 1944, р. 227-228). Сам Христофор Колумб полагал, что торговля рабами принесет выгоду казне, и в одном из писем королям (14 октября 1498 г.) он написал: «И пусть даже умирают рабы в пути – все же не всем им грозит такая участь...». При перечислении статей возможных доходов для

испанской казны рабов он поставил на первое место (далее стояли красящее дерево и золото) (Путешествия 1952, с. 434, 435).

После того, как аборигены Индий были признаны вассалами испанской короны, их обращение в рабство было запрещено. В королевской грамоте от 20 июня 1500 г. повелевалось освободить рабов, проданных по распоряжениям Колумба, и даже вернуть их в места происхождения (*Konetzke* 1953, р.4). Однако достаточно быстро короли нашли, кого из обитателей Индий можно было обращать в рабство. 30 октября 1503 г. Изабелла указывала, что в некоторых местах, куда были посланы капитаны и с ними монахи для проповедей, наставлений и требования служить испанским королям, индейцы (названы в документе каннибалами) сопротивлялись и даже убили нескольких испанцев. Кроме того, они воевали против других индейцев, находящихся на службе у королей, и поедали их. Королева, после консультации с Советом, приняла решение позволить всем, кто по ее велению отправляется на острова и материк, пленить каннибалов, если они сопротивлялись и не хотели принять на своих землях людей, посланных королевой, и везти их, куда угодно (*Konetzke* 1953, р. 14-16).

С того времени в рабство обращали всех, кто не признавал над собой власть испанского монарха и, соответственно, отвергал новую веру. Против таковых формально объявлялась война, которая считалась справедливой (*justa guerra*) или хорошей (*buena guerra*); оказывавших сопротивление убивали, а схваченные становились рабами.

На Больших Антильских островах много индейцев было пленено, когда испанцы покоряли западную часть Эспаньолы; они были проданы в рабство на самой Эспаньоле. Несколько лет спустя оказалось, что эти индейцы разбежались, и королевским распоряжением было позволено их хозяевам схватить их и использовать как лиц, подлежащих рабству³²⁸ (королевское письмо от 30 апреля 1508 г.). Основанием для такого решения выдвигалось то, что названные индейцы были взяты на хорошей войне, и потому, что поднялись против служения королю (*Konetzke* 1953, р. 17-18). Последний большой контингент местных рабов составили, вероятно, индейцы Пуэрто-Рико, длительное время сопротивлявшиеся испанцам.

Чтобы иметь приток рабов, которыми можно было торговать, испанцы в колониях были заинтересованы в том, чтобы индейцы считались в состоянии войны³²⁹. В метрополии знали об этом, и в королевской грамоте 1521 г. Франсиско Гараю последнего предупреждали, что "все христиане испанцы, что отсюда отправляются, очень сильно хотят, чтобы они (индейцы – Э.А.) были в войне, а не в мире" (*Fernández de Navarrete* 1923, р. 188).

Когда на Кубе в 1520-е гг. "поднялись" (термин документа) индейцы "против верности и службы, и подчинения", что, по мнению короны, они должны были соблюдать как подданные и вассалы, губернатор острова получил такое распоряжение:

---

³²⁸ personas sujetas a servidumbre

³²⁹ Лас Касас описал подобную ситуацию, когда он впервые появился в бухте Санто-Доминго.

известить индейцев, чтобы они в назначенный им срок пришли к подчинению, службе и верности короне, как вассалы. Им было обещано прощение любых преступлений за время бунта, включая смерть испанцев и индейцев. В противном случае было велено вести против них войну, и тех из них, что останутся (в живых)³³⁰ обратить в вечных рабов, и конфисковать их имущество. Это требование в присутствии писаря должны были трижды огласить монахи, пользовавшиеся доверием индейцев. Если индейцы будут стоять на своем, повелевалось вести против них военные действия как против восставших вассалов короля. В этом случае любой человек мог их убивать, пленить и причинять им любой ущерб безнаказно³³¹. Лица, схватившие индейцев, могли пользоваться ими как рабами, взятыми в "хорошой и справедливой войне" (Papeles 1931, t.I, p. 112-113).

Меньше чем через 4 года, 2 августа 1530 г., королем было подписано распоряжение о запрете на обращение индейцев в рабство. Объяснялось это тем, что "необузданное поведение конкистадоров и других" причинило большой ущерб индейцам и вызвало несправедливые войны для их порабощения, которого они не заслуживали как королевские подданные. Впредь было запрещено порабощать индейцев каким бы то ни было образом (война, обмен, покупка или что-то другое). Хозяева, имевшие рабов, должны были в течение месяца после оглашения этого распоряжения заявить их перед местными властями. А эти

---

³³⁰ fueren vacos

³³¹ syn por ello caher ni yncurrir en pena alguna

должны были завести книги, в которых были бы вписаны количества рабов, их имена и имена хозяев – "чтобы знать тех, кто действительно является рабами, и чтобы впредь не могли делать больше"³³² (CDI-2, т. 10, р. 39-42).

В феврале 1534 г. – новый поворот испанской политики в отношении рабства индейцев. Королевское распоряжение опиралось на мнение "многих и знатных лиц" о том, что распоряжение от 2 августа 1530 г. о запрете обращать индейцев в рабство привело к тяжелым последствиям (смерти местных уроженцев, восстания индейцев и убийства ими испанцев, утрата испанцами усадеб и домов из-за отсутствия рабов; пребывание в идолопоклонстве индейцев, которые не стали рабами, следствием чего представлялась возможная потеря земель). Поэтому было решено, что индейцы, плененные в справедливых войнах, снова могут быть обращаемы в рабство. При этом оговаривалось, что рабами не могут стать женщины и дети до 14 лет, что рабы с материка не могут ввозиться на острова, что война не может быть начата без разрешения губернатора провинции и монахов. Оговаривалось также, что схваченные индейцы должны были находиться в статусе свободных наборий до тех пор, пока Аудиенции вынесут решение, рабы они или нет (CDI-2, т. 10, р. 192-203).

Порабощение индейцев было отменено Новыми законами, но еще в течение 10 лет в разных местах Испанской Америки

---

³³² para que sepa los que verdaderamente son esclavos y de ay adelante no se puedan hacer mas.

колонисты противились их исполнению (*García Añoveros* 2000, р. 80-81).

В опубликованных документах изучаемого времени о жизни рабов на испанских островах содержится мало сведений. Очевидно, что жизнь индейца-раба на островах слабо регулировалась королевской властью, в отличие от индейцев энкомьенды. К июлю 1511 г. относятся королевские грамоты с повелением о том, чтобы индейцев, привезенных на Эспаньолу с других островов, метили клеймом на ноге (*pierna*). Вид знака определяли адмирал и чиновники. Этот знак должен был указывать, кому принадлежат такие индейцы. С его помощью власти надеялись без проволочки определить, чьи они, если они терялись или переходили к другому человеку, и вернуть их хозяину (CDI-2, т. 5, р. 272, 282). В феврале 1512 года король одобрил клеймение индейцев, скваченных на Пуэрто-Рико при их «замирении»; им клеймо ставили на лоб в виде буквы «F»³³³ (цит. по: *Saco* 1932, р. 155-156). Клеймение индейцев было отменено королевской грамотой лишь 13 января 1532 г. (CDI-2, т. 10, р. 104).

В Законах Бургоса, подробно регламентировавших жизнь энкомендированных, рабы несколько раз упоминались лишь мимоходом. Так, из закона 13 очевидно, что для рабов не предусматривался перерыв в 40 дней на работах по добыче золота, как это было указано для энкомендированных. В законе 27, в котором шла речь об индейцах, привезенных из других мест,

---

³³³ Начальная буква имени короля.

указывалось, что, если таковые были рабами, то тот, чьими они были, "может обращаться с ними, как он захочет". Далее шла оговорка – "но мы повелеваем, чтобы это было не с той строгостью и суровостью, с которыми обычно обходятся с другими рабами, а с возможно большей любовью и мягкостью, чтобы они были более склонны к нашей святой католической вере".

Нет общих сведений о количествах рабов-индейцев на островах в изучаемый период. Из некоторых документов видно, что в разные периоды времени и в разных местах испанских колоний индейцы рабы могли составлять разные пропорции в общей массеaborигенного населения. При этом очевидно, что со временем число индейцев-рабов, привезенных извне, стало превосходить число рабов, уроженцев того или иного острова.

В опубликованных источниках мало сведений о повседневном быте рабов. В любом случае, эти люди, не только привезенные, но и местные, были вырваны из рамок прежней общинной жизни, социальной и культурной среды. В пределы одного хозяйства могли попасть рабы из разных земель Карибского бассейна, как это явствует из ряда документов (ср. *Anderson-Córdova 2005*, p. 349).

Индейцы энкомьенды

Индейцев энкомьенды, в отличие от рабов, их хозяин не мог передать другому человеку ни по какому юридическому праву (отчуждение, продажа или передача). На практике это положение

нарушалось, и оно было подтверждено королевскими грамотами 1527 и 1540 гг. (цит. по: *Ots Capdequi* 1955, р. 165).

Как сказано выше, в число индейцев, которые от имени короны препоручались (энкомендировались) испанцам, входили набории, индейцы касиков и нитайнров, а также "собранные".

Набории

Наиболее раннее из известных мне определений того, что такое набория (*naborias*, *naburias*)³³⁴, содержится у Мартира. Рассказывая в десятой книге 1-ой декады о работах касика и его индейцев на приисках, он написал, что наемники такого рода звались анабориями (*anaborias*) (*Martyr* 1912, т. 1, р. 182). Есть и объяснения этого слова у авторов, которые сами были на островах. Так, в одном из мемориалов Лас Касаса, составленном в 1516 г (*Pichardo* 1972, р. 11) сказано – "Там зовут набориями индейцев, которых испанцы всегда имеют в своих домах, что не зарегистрированы как индейцы касиков" (*Documentos* 1 1972, р. 93). Три десятка лет спустя, в "Истории Индий" Лас Касас написал о "двух манерах слуг" у испанцев. Одна из них, по его словам - "все индейцы", обычно мальчики и девочки (*muchachos* у *muchachas*), которых взяли у родителей и которые были постоянно в домах испанцев; они назывались набориями. Здесь Лас Касас объяснил, что на языке "этого острова" (Эспаньолы –

---

³³⁴ Так как словом *naboria* (*naburia*) женского рода назывались лица обоих полов, не всегда удается понять, шла ли в документе речь о мужчинах или женщинах.

Э.А.) «набории» означало "слуги" (*criados*) (*Las Casas* 1951, т. II, р. 205).

В другом месте той же книги Лас Касас написал более пространно и выразительно. Набориями были индейцы, которые служили³³⁵ постоянно, ночью и днем. Им только не хватало названия "рабы", потому что, хотя с индейцами репартимьенто обращались много хуже, чем с рабами, они не всегда были при испанцах и работали на них, так как на некоторые дни или периоды времени они отправлялись в свои поселения. Набории же не получали даже этого небольшого времени для отдыха³³⁶. По мнению Лас Касаса, на островах именно этот вид услужения испанцам привел к разрушению общественного порядка (*policías*) и гармонии прежней спокойной жизни индейцев, "так как совсем дробились и рассеивались поселения, когда один испанец уводил 10, а другой 15, и с одним шел отец, с другим – мать, и с другим – дети" (*Las Casas* 1951, т. III, р. 23).

Вот какое определение набории содержится у другого историка того времени, Овьедо – "набория – это индеец, который не является рабом, но обязан служить³³⁷, хотя и не хотел бы" (*Fernandez de Oviedo y Valdés* 1950, р. 142).

В повседневной жизни на островах поселенцы не всегда делали различие между набориями и рабами; при этом набории

³³⁵ Здесь употреблен глагол *servir*, который можно переводить и как "работать".

³³⁶ Как видим, Лас Касас противопоставлял наборий индейцам репартимьенто, хотя набории тоже вручались испанцам короной.

³³⁷ Употреблен глагол *servir*.

иногда клеймились (CDI, t. I, p. 251)³³⁸. С другой стороны, даже в весьма строго оформленном разделении Альбукерке на Эспаньоле (1514-1515 гг.) в некоторых случаях трудно понять, шла ли речь о набориях или об индейцах касика³³⁹.

Набории, как и индейцы касиков, могли перераспределяться. Так, в 1514 г. одному весино были вручены 22 домашних наборий: семь из них у него уже были зарегистрированы, а 9 и 6 к нему перешли от двух других испанцев (CDI, t. I, p. 123). Примеры сходного перераспределения наборий известны и в более поздние годы (1526-1530) на Кубе – в частности, один весино, к которому перешли индейцы умершего, должен был из них выделить другим испанцам 3, 2 и 1 наборию (CDI-2, t. 4, p. 116).

По некоторым ситуациям энкомьенды Альбукерке видно, что иногда набории вручались не прямо испанцам, а через касиков (то есть, это были набории касиков)³⁴⁰. Предоставление индейцев касику для его личных потребностей было предусмотрено Законами Бургоса. Но там их число ограничивалось, в то время как разделение 1514-1515 гг. дает примеры (хотя и не многочисленные) десятков наборий у касика.

---

³³⁸ Y el otro es el hierro de las naborías que pues son libres é no esclavos, es conciencia herrarlas é pagar dineros por el hierro.

³³⁹ ... le encomendó el cacique Andrés de las Yaguas... con cinco personas de servicio... И здесь же – Асимismo se le encomendó con las dichas naborias un viejo que no es de servicio (CDI, t. I, p. 103; см. также с. 59, 63, 96).

³⁴⁰ Асимismo se le encomendó todas las naborías que parecieren ser del dicho cacique, con que no estén encomendadas á otra persona (CDI, t. I, p. 72). В другом случае речь шла о набориях одного из нитайно (CDI, t. I, p. 88). У касика Беррио было 26 домашних наборий (CDI, t. I, p. 90).

Набории касиков упоминаются в разделениях индейцев на Кубе, имевших место в правление Г. де Гусмана с 1526 по 1530 гг. (CDI-2, t. 4, p. 117)³⁴¹

Можно было бы предположить, что *naborias de casa*, если судить по их названию и по тому, что о них писал Лас Касас, были заняты на работах по дому. Но у некоторых весино Эспаньолы в 1514 г. их было гораздо больше, чем можно предположить для обслуживания дома испанца, каким бы большим он ни был. Так, у некоего Кристобала Гильена их было 67 (CDI, t. I, p. 68). Еще больше домашних наборий работного возраста было у Франсиско Гарая, в то время рехидора города и алькальда крепости вильи Якимо – 162 (CDI, t. I, p. 111)³⁴².

Небольшие количества наборий вручались, как упоминалось выше, ремесленникам для помощи в их работе (CDI-I, t. I, p. 150). Реже в случаях вручения небольшого числа домашних наборий речь шла об их назначении добывать золото на приисках (CDI-I, t. I, p. 151). Если учесть, что на добыче золота были обычно заняты артели индейцев, то, возможно, названные в данном случае три человека должны были пополнить одну из них. Домашние набории вручались не только отдельным лицам, но и заведениям наподобие приюта (*hospital*) (CDI, t. I, p. 131, 195³⁴³).

---

³⁴¹ Deposytóse en Pedro Moron... el cacique Moncoar con todos sus yndios e naburias... Deposytóse en Francisco Rabanal... el cacique Garcia con sus yndios e naburías.

³⁴² Были энкомиенды, состоявшие из одних домашних наборий. Так, в 1514 г. на Эспаньоле 50 взрослых и 5 детей получил Родриго де Моралес, женатый на «женщине острова» (CDI, t. I, p. 213).

³⁴³ В последнем случае сказано, что "для обслуживания бедных" были предоставлены "набории в касике...", то есть, набории касика.

Из разделения Альбукерке видно, что домашние набории были заняты в поместьях (*estacias*) испанцев (CDI-I, т. I, п. 112). Лас Касас писал, что, когда испанцы куда-то передвигались, их несли на плечах или в гамаках. При этом были люди, которые листьями деревьев (очевидно пальм) создавали ему тень, а другие опахивали его крылами гусей. Женщины выполняли разного рода работы по дому, одна из них могла быть наложницей или главной прислугой, кроме того, у некоторых испанцев были горничная, кухарка и женщины других сходных занятий³⁴⁴ (*Las Casas* 1951, т. II, п. 204, 205). Как упоминалось выше, большое число местных мужчин было занято на переноске грузов. Вероятно, часть их могли составлять набории.

С определенностью можно сказать, что термин *naboria de casa* отражал не род занятий (слуга по дому), а определенный статус, отличавший его, хотя и не всегда строго, от индейцев-рабов и индейцев касика. В отличие от индейца-раба, наборию не разрешалось продавать, но на деле это правило нарушалось (*Las Casas* 1552).

Как видно по распределению Альбукерке на Эспаньоле, различие "домашних наборий" и "индейцев касика" было важным для испанцев того времени. В более поздних документах термины упростились, и разграничение шло, как правило, между "набориями" и "индейцами"³⁴⁵. Основное отличие «набории» (кроме, видимо, немногочисленных наборий касиков и нитаинов)

³⁴⁴ y otros oficios semejantes

³⁴⁵ Yten se encomendaron a Francisco Nuñez e a Diego Alonso, vecinos desta dicha cibdad, los yndios é naburias... (CDI-2, т. 4, 116).

от «индейцев касика» - то, что набории переставали быть общинниками, находясь все время в распоряжении испанца.

Некоторые наделения домашними набориями 1514-1515 гг. обращают на себя внимание тем, что при значительном числе взрослых с ними вручен только один ребенок, 47 и 1 соответственно (CDI, t.I, p. 212). Есть соблазн объяснить такое соотношение особенностями условиями жизни этой категории индейцев, не позволявшими обзаводиться семьей. Но сходные сочетания детей и взрослых наблюдались и в некоторых группах индейцев касика – 30 и 1; 34 и 2 (CDI, t.I, p. 227).

Не всегда удается проследить источники формирования категории набориев. Помимо прямого принуждения испанцами при завоевании островов, о чем писал Лас Касас, контингент наборий пополнялся схваченными беглыми индейцами. Так, согласно королевскому распоряжению от декабря 1512 г., индейцев, перешедших с Гаити на Кубу (уже при испанцах), следовало вернуть и вручить как наборий лицам, указанным королем (Papeles 1931, t. I, p. 4). В пользу этого положения свидетельствует то обстоятельство, что в разделении 1514-1515 гг. на Эспаньоле при упоминании энкомендированных домашних наборий нередко фигурировали «собранные» (allegadas): 5 из 18; 3; 1 из 2; 4 из 5 и др. (CDI-I, t. I, p. 75). На Кубе у Васко Поркальо были набории, приведенные из «леса», то есть, очевидно, беглые (CDI-2, t. 4, p. 126).

Документы отразили разновидности наборий. В декабре 1516 г. прокураторы Кубы совместно с правителями-

иеронимитами обратились к королю с просьбой дать разрешение на вывоз индейцев с соседних островов, где не было золота – как наборий (Papeles 1931, t.I, p. 24). Разрешение было получено, и с островов, названных "бесполезными", индейцев везли и на Эспаньолу. В соответствии с королевскими распоряжениями, эти индейцы становились "постоянными набориями" (*naborias regpetuas*) для их владельцев и наследников. Их нельзя было отбирать у их хозяина, за исключением тех случаев, когда обвиняемый лишался имущества. Обращаться с ними следовало в соответствии с ордонансами (очевидно, Законами Бургоса). Потомство от таких наборий оставалось в статусе родителей. Владельцы постоянных наборий должны были жить на островах. По словам одного из иеронимитов (это 1518 г.), фрая Мансанедо, хотя постоянные набории не могли быть продаваемы, некоторые весино Эспаньолы многократно их продавали и покупали. Против нарушителей не были возбуждены дела, так как их было много, и это привело бы в смятение весь остров (CDI, t. XI, p. 315- 317).

Еще одна разновидность наборий зафиксирована на Кубе в 1520-е гг. Там схваченные аборигены, которые находились в бегах от года до двух, разделялись между участниками кампании в качестве «наборий по принуждению» (*naburias forzosas*), которых можно было один раз продать (Papeles 1931, t. I, p. 90-92).

В сообщении о разделении 1514-1515 гг. не были представлены "постоянные набории" или «набории по принуждению», что, видимо, свидетельствует о том, что они

приобретались однократно и затем не перераспределялись. В этом их отличие от "домашних наборий" (или просто наборий) и сходство с рабами. Как заметил Касса, юридически постоянные набории, в отличие от индейцев энкомьенды, были рабами (*Cassá* 1974, p.213).

Очевидно, что большая часть наборий, как и рабы, существовала вне индейских общин. Возможное исключение составляли набории касиков и нитаинов. Что касается их образа жизни, то он, вероятно, не был одинаков у всех. Там, где было много наборий в одном хозяйстве, могли быть применены предписания Законов Бургоса относительно постройки жилищ. По тем же нормам, очевидно, они должны были получать провиант и одежду. В тех случаях, когда наборий было немного, отношения между ними и хозяевами могли быть менее формализованы. Находясь вне общинной жизни, набории должны были утрачивать прежние социальные связи. Вероятно, быстрее, чем индейцы касика, они расставались и с элементами материальной культуры (не без давления со стороны испанцев).

В некоторых случаях (нечастых, судя по документам) набории могли быть возвращены в свое селение (CDI-2, т. 4, р. 119)³⁴⁶.

Индейцы касиков

Как говорилось выше, первые принципы института энкомьенды на островах были сформированы испанской короной

---

³⁴⁶ Как сказано в документе – для того, чтобы оправились (*porque se reformasen*).

в инструкциях для Овандо. К чему привело их применение, описал Лас Касас. Он считал, что Овандо разрушил много прежних больших индейских поселений, давая испанцам по 50 или по 100 человек, одному больше, другому меньше, в зависимости от своего благоволения. В число врученных испанцам индейцев входили, как написал Лас Касас, дети и старики, беременные женщины и только что родившие, знатные и плебеи, и сами господа поселений, и короли земель. Это распределение называлось «репартимьенто» (от глагола *repartir* – разделять). Из одного индейского поселения делалось много репартимьенто. Испанец получал грамоту, которая гласила: «Вам, имя рек, вручаются в касике, имя рек, 50 или 100 индейцев, чтобы они служили вам (*para que os sirváis dellos*), а вы их обучите делам нашей святой католической веры». По мнению Лас Касаса, подобное вручение обрекало индейцев на смерть. В каждой вилье репартимьенто получил и король.

По словам Лас Касаса, Овандо позволил испанцам водить мужчин на прииски за 10, 20, 40 и 80 лиг (то есть, от 40 до 320 км.), а женщины оставались обрабатывать землю в хозяйствах испанцев, не имея ни мотыг, ни быков с плугами, а располагая лишь обожженными кольями, с помощью которых нужно было возводить холмики земли (*montones*)³⁴⁷. Занимались женщины и другими работами, не меньшими, по выражению Лас Касаса.

---

³⁴⁷ По описанию Лас Касаса, их размеры были 4 пяди высотой и 12 пядей в стороне квадрата (около 80 см. и 240 см.); и их надо было сделать 10-12 тысяч.

В таких обстоятельствах, отметил Лас Касас, муж и жена не соединялись на протяжении от 8 месяцев до года. А когда, наконец, оказывались вместе, мужчины от голода и трудов были так усталы и разбиты, и женщины – не меньше, что их мало беспокоило брачное соединение. Вот вывод Лас Касаса – «таким образом, прекратилось у них рождение»³⁴⁸. Родившиеся дети умирали младенцами, потому что от трудов и голода у матерей не было молока. По этой причине, добавил Лас Касас, на Кубе в течение трех месяцев умерло 7000 детей, чьему он был свидетелем. По его словам, некоторые матери от отчаяния удушали³⁴⁹ своих младенцев. Некоторые беременные пили травы, чтобы был выкидыши... И вскоре, написал Лас Касас об Эспаньоле, обезлюдел этот остров.

Испанцев, которые руководили работами на приисках (минеро) и в сельском хозяйстве (эстансьеро)³⁵⁰, Лас Касас назвал палачами. По его словам, они были индейцев палками, прутьями и бичами, были по щекам и пинками. Самое ласковое слово, что слышали от них индейцы, было «пёс» (perro).

Для поимки беглых существовали полевые жандармы³⁵¹. Инспекторов, что должны были следить за исполнением королевских распоряжений относительно индейцев, Лас Касас назвал «обычными старшими палачами»³⁵². Они

³⁴⁸ *desta manera, cesó en ellos la generación*

³⁴⁹ может быть, топили, использован глагол ahogar.

³⁵⁰ minero от слова *mina* (рудник, прииск), estanciero – от слова *estancia* (усадьба, поместье)

³⁵¹ *alguaciles de campo*

³⁵² *verdugos mayores ordinarios*

собственноручно наказывали пойманных индейцев. Лас Касас видел сам, как привязанного к столбу индейца инспектор хлестал просмоленным галерным бичом³⁵³.

В связи с пунктом, гласившем об умеренности работ, назначаемых индейцам, Лас Касас дал описание процесса добычи золота, для чего, по его словам, люди должны быть из железа, так как приходилось «тысячу раз» переворачивать землю, копая, разбивая скалу и передвигая камни, а для промывки нести землю в корзине на плечах к реке, а там те, кто промывал руду (*los lavadores*), стояли в воде, согнувшись. Если в выработке появлялась вода, ее приходилось поднимать вручную, с помощью бадей. При Овандо на приисках стали работать 8 месяцев вместо прежних 6. Добытое золото отправляли на плавку, на время которой индейцам давали разрешение идти в свои селения, для чего могло потребоваться 2-3 и даже 4 дневных перехода. По словам Лас Касаса, те индейцы, что были заняты на работах далеко от своих селений (он назвал 40, 50 и 80 лиг, то есть, от 160 до 320 км), большей частью не возвращались в свои поселения (возвращалась десятая часть) и умирали там, где работали. Лас Касас писал, что многие испанцы не стеснялись заставлять работать индейцев по воскресеньям и праздникам – если не на приисках, то на постройке и ремонте жилищ, заготовке дров и т.д.

---

³⁵³ Мира Кабальос не нашел упоминания инспекторов в документах времени правления Овандо и пришел к заключению, что распоряжение о них, как и некоторые другие, не было исполнено. Делами индейцев занимались ординарные алькальды, которым помогали полевые жандармы (*alguaciles de campo*), что ловили беглых индейцев (*Mira Caballos* 1997, p. 107).

Еда работников состояла из хлеба-касабе. Минеро на прииске забивал свинью раз в неделю. Себе он забирал половину и больше, а из остальной половины ежедневно выделял кусок для 30-40 человек, из которого каждому доставался кусочек размером с орех... Когда минеро ел, индейцы под столом ждали, когда он бросит кость, хватали ее, высасывали, а потом размалывали камнями и ели с касабе. На эстансиях испанцев индейцы и вовсе не знали мяса, довольствуясь касабе и корнеплодами.

Лас Касас вспоминал, что на Кубе некоторые испанцы, чтобы не кормить индейцев, что возделывали им земли, посыпали их на 2-3 дня в поле и лес, чтобы они питались тем, что найдут там, а затем заставляли их работать 2-3 дня, не кормя их. Многие индейцы умирали от голода по дороге к дальним местам работы (*Las Casas* 1951, т. II, р. 249-256).

Жизнь аборигенов в энкомьенде была формализована Законами Бургоса. Хотя там речь шла в целом об индейцах энкомьенды, без разделения их на «домашних наборий» и «индейцев касика», видно по статьям, где постоянно упоминаются касики, что речь в них шла именно об индейцах касика.

Первым законом предусматривалось, что лица, которым уже или будут вручены индейцы, прежде всего, должны будут приготовить жилища и сделать посадки из такого расчета: для каждого 50 индейцев - 4 хижины размером 25 на 15 шагов, 3 тыс. кустов маниоки и 2 тыс. бататов. Вышеназванное должно было находиться возле «пашен» (*labranzas*) того поселенца, которому

вручаются индейцы, в хорошем месте и на хорошей земле. Это должно было быть сделано под надзором Д. Колона, судей, чиновников и королевского инспектора или человека, назначенного местными властями. Энкомендеро должен был указать индейцам посеять полфганеги маиса³⁵⁴ и дать им на развод дюжину кур и одного петуха.

Когда индейцы будут приведены в усадьбы, все вышенназванное следовало им передать в их собственность. При этом им следовало сказать, что это дается взамен того, что они оставляют на своих землях. Оставленное там переходило к испанцу, и он пользовался им для содержания индейцев. После того, как из оставленного будет получена какая-то польза, повелевалось сжечь хижины оставленных усадеб - так как от них не будет больше проку, (и) чтобы индейцы не имели причины вернуться туда, откуда их вывели.

Закон 3 повелевал поселенцу, которому вручены индейцы, построить рядом с новой усадьбой³⁵⁵ церковь, в которой должны были быть образа Богоматери и колокол для созыва на молитву. Энкомендеро был обязан созывать индейцев вечером, идти с ними в церковь и заставлять их делать крестное знамение³⁵⁶ и вместе произносить молитвы³⁵⁷, поправляя тех, кто ошибается. Перед вечерней молитвой индейцы должны были какое-то время

³⁵⁴ hanega (fanega) - мера сыпучих тел = 55,5 л; мера земли в Кастилии = 0,645 га. Судя по тому, что выше сказано о перце и хлопке, в данном случае имелась в виду земельная площадь.

³⁵⁵ здесь употреблено слово hacienda

³⁵⁶ synar a santyguar

³⁵⁷ названы четыре, первые из которых «Аве Мария» и «Отче наш».

отдохнуть. Не пришедших к вечерней молитве повелевалось на следующий день оставить без отдыха и заставить молиться; при этом уточнялось, что для этого их не следовало заставлять вставать утром раньше обычного.

Согласно четвертому закону, раз в 15 дней тот, кому поручены индейцы, должен был проверять каждого из них относительно его познаний в делах веры и указывать тому на то, что он не знал. Следовало научить десяти заповедям и рассказать о семи смертных грехах и доктринах веры тем из индейцев, которые, на взгляд энкомендеро, имеют способности для их понимания. Это повелевалось делать с большой любовью и лаской.

5-й закон гласил, что, поскольку жившие на эстансиях испанцы и индейцы подолгу не слушали службу, а на каждой эстансии невозможно было иметь священника, повелевалось взвести одну церковь на несколько ближайших эстансий, в пределах одной лиги - чтобы по воскресеньям и праздникам молиться, слушать мессу и получать наставления священников относительно заповедей и доктринах веры. Испанцы, находившиеся в эстансиях и отвечавшие за индейцев, были обязаны в эти дни отводить их, «всех вместе и споро»³⁵⁸, по утрам в церковь, находиться с ними до окончания службы, а затем привести их в свои эстансии и дать им³⁵⁹ их котел готового мяса³⁶⁰, чтобы в тот день они ели лучше, чем в любой другой день

---

³⁵⁸ todos juntos y luego

³⁵⁹ les hagan tener

³⁶⁰ su olla de carne guisada

недели. Даже если в какой-то день не будет священника для службы, индейцев повелевалось отвести в церковь, чтобы они там молились и обретали хороший обычай. Если в округе были другие эстансии, где была бы служба, и куда можно было легко дойти, то весино были обязаны отводить туда своих индейцев.

Отдельным законом (6) повелевалось поставить дополнительную церковь в тех случаях, когда индейцам пришлось бы идти на воскресные и праздничные службы более одной лиги. Здесь было интересное уточнение, которое говорит о трудностях коммуникации того времени – даже если бы уже имеющиеся церкви стояли на той же реке, что усадьбы.

Закон 7 повелевал взимать десятину с тех усадеб, где находились индейцы, и назначать туда для воскресных и праздничных служб священников, которые могли бы также исповедовать тех индейцев, что умеют исповедоваться, и научить тех, кто не умеет.

По 8-му закону на тех приисках, где будет много людей, также повелевалось завести церковь, чтобы там все индейцы могли слушать службу по праздникам. Указывалось, что порядок при этом должен был быть такой же, как в случае с эстансиями.

В соответствии с 9-м законом, каждый, у которого было бы 50 и более энкомендированных индейцев, должен был повелеть обучить одного, наиболее способного, индейского мальчика чтению и письму, и христианской доктрине. Предполагалось, что затем мальчик научит этому других индейцев. При наличии у

энкомендеро 100 и более индейцев таких учеников должно было быть два.

Те лица, что использовали индейских мальчиков как пажей, должны были научить их читать, писать и всему другому, что названо выше.

10-м законом повелевалось, что, в случае, если индеец заболеет, там, где есть священник, этот обязан идти к больному, прочитать «Верую» и другие молитвы и, если этот индеец умеет исповедоваться, то исповедовать его, без какой-либо платы за это³⁶¹. Тех индейцев, что понимали «дела нашей веры», повелевалось исповедовать раз в год. Священникам также повелевалось сопровождать с крестом усопших индейцев³⁶²; за это также следовало ничего не брать. Индейцев, умерших в эстансиях, должны были хоронить находившиеся там испанцы в церкви эстансии, если она там была. Если индеец умрет там, где нет церкви, его все же следовало похоронить³⁶³ (выбор места оставался за испанцами – Э.А.), «чтобы никто не остался не захороненным».

Работа индейцев энкомьенды на приисках регламентировалась законом 13. В течение пяти месяцев они должны были работать, а затем отдыхать 40 дней, в течение которых должна была быть произведена выплавка золота. От работ освобождались одновременно все индейцы бригады на 40 дней, и в этот период никого из них нельзя было вернуть на

³⁶¹ syn por ello llevar ynteresе alguno

³⁶² vayan con la cruz por los yndios que murieren

³⁶³ que todavia los entierren

добычу золота, если он не был рабом. Индейцев в этот период времени запрещалось привлекать и к другим работам, за исключением земледельческих, соответствующих времени года. Хозяева в эти сорок дней отдыха их индейцев обязаны были наставлять их в делах веры более, чем в другие дни.

Поскольку королям стало известно, что запрет ареито будет индейцам только во вред, то законом 14 повелевалось не чинить индейцам никакого препятствия в проведении их ареито по воскресеньям и праздникам, а также в рабочие дни после выполнения обычной работы.

15-й закон повелевал лицам, у которых были индейцы, иметь для них на усадьбах и давать им достаточно хлеба, бататов и перца, а по воскресеньям и праздникам давать им котел готового мяса³⁶⁴ так, как указано в статье, где говорится о праздничных службах (лучше, чем в другие дни). В дни, когда следовало давать мясо тем, кто находился в эстансиях, это следовало делать таким же образом, как велено для тех, что находились на приисках – хлеб, перец и фунт мяса в день; а в день без мяса давать рыбу, сардины или что-то другое. Тем индейцам, что находились в эстансиях, позволялось приходить есть в (свои) хижины.

16-й закон повелевал довести до понимания индейцев, что они не должны иметь более одной жены. Если энкомендеро увидит, что некоторые индейцы понимают это как должно и способны вступать в брак и управлять своим домом, следовало

---

³⁶⁴ sus ollas de carne guisadas

постараться, чтобы они женились по закону и благословлению, как велит «святая мать церковь». Указывалось, что особенно это касалось касиков, которым нужно было сказать, что женщины, которых они будут брать, не должны быть их родственницами. Говорилось о необходимости постоянных разъяснений со стороны инспекторов. Обращает на себя внимание, что не было прямого запрета многоженства.

Был также закон (17), согласно которому сыновей касиков в возрасте 13 лет следовало отдавать монахам ордена Сан-Франциска для обучения чтению, письму и делам веры. После четырех лет обучения молодые люди должны были вернуться к тем, кто их отдавал, и обучать других индейцев. Если у касика было двое сыновей, то один из обучившихся оставлялся монахам.

По закону 18 женщин с беременностью свыше 4-х месяцев нельзя было посыпать на прииски или обрабатывать землю для посадки корнеплодов (делать монтоны). Их можно было использовать в усадьбах на работах по дому – делать хлеб, готовить пищу. Женщину нельзя было посыпать на прииски, обрабатывать землю или заниматься какими-то другими работами, если она имела ребенка младше трех лет.

В соответствии с законом 19, энкомендоро были обязаны дать каждому из своих индейцев один гамак и не разрешать им спать на земле (здесь следовало уточнение, «как до сих пор делалось»). Инспекторам вменялось за этим «следить очень внимательно». Индейцам следовало указать, что гамаки нельзя

обменивать (на что-либо), а в случае такого обмена наказать участников обмена и расторгнуть его.

20-ым законом указывалось, что для того, чтобы впредь у индейцев было во что лучше одеваться³⁶⁵, на каждого из них человек, который их имеет по разделению, должен был ежегодно давать песо золотом на приобретение предметов одежды (сюда включался и гамак) под надзором и с согласия инспектора. Один реал с каждого песо причитался на одежду касика и его жены³⁶⁶.

22-ым законом определялось количество индейцев, вручаемых касику для его нужд³⁶⁷ (от двух, и не более 6); оно зависело от количества подвластных ему индейцев. Указывалось, что в числе таковых индейцев должно было быть одинаково³⁶⁸ мужчин, женщин и детей. Эти индейцы, предназначенные служить касику, не выходили из-под «попечения» испанца. Их следовало занимать работами, чтобы они не ленились, с уточнением «только легкими». Инспекторам поручалось обращать больше внимания на касиков и этих их индейцев, чтобы их «очень хорошо кормили» и научали бы делам веры лучше, чем других, потому что они смогут наставлять других индейцев.

---

³⁶⁵ tengan con que mejor poderse vestir e atabiar

³⁶⁶ Мартир писал о форме вознаграждения за работу индейцев на приисках – по завершении работ. Им должны были давать какие-либо предметы европейского изготовления: головной убор, куртка, рубаха, зеркало или что-либо подобное. Там же Мартир написал о случае невыполнения хозяином этого правила, что повлекло массовое самоубийство обманутых индейцев (*Martyr* 1912, т. 2, р. 187-188).

³⁶⁷ Почему-то оговаривалась только ситуация, когда индейцы одного касика поступали в распоряжение нескольких испанцев.

³⁶⁸ sean terciados

24-ый закон повелевал не бить индейцев палками или кнутом и не обзывать «собакой», а называть по имени или прозвищу. Если индеец заслуживал быть наказанным, его следовало отвести к инспектору, который его и накажет.

В 27-ом повелевалось наставлять и обучать делам веры индейцев, привозимых с других островов – так же, как было велено относительно индейцев Эспаньолы. Так же с ними следовало обращаться, и так же их должны были навещать инспекторы. Исключение делалось для рабов.

28-м законом устанавливалось, что в случае оставления энкомьенды по какой-либо уважительной причине (смерть или какая-то другая), то лицо, которому будет вручена эта энкомьенда, должно было купить эстансию у того, кто оставил индейцев, или у его наследников. Как говорилось, это делалось с той целью, чтобы индейцы не меняли свои места обитания³⁶⁹. Поэтому новый пользователь индейцами должен был быть весино того поселения, где будут распределены данные индейцы.

В дополнениях к Законам Бургоса, подписанных в 1513 г., на первом месте стоял пункт об индейских женщинах. Указывалось, что жены энкомендированных индейцев не обязаны были отправляться на работу со своими мужьями на рудники, ни в какое-либо другое место против их воли и воли их мужей. Таковых женщин следовало заставлять работать в их хозяйствах и хозяйствах их мужей, либо в хозяйствах испанцев за

---

³⁶⁹ no se anden mudando de sus asientos

поденную плату, оговоренную с ними или их мужьями. Что касается беременных, то в силе оставалось распоряжение 1512 г.

Один из пунктов предписывал занимать мальчиков и девочек до 14 лет только в работах, которые они могут выдержать, таких как прополка и в сходных делах на асьендах их родителей. Те, кто был старше четырнадцати лет, должны были находиться под властью своих родителей, пока не достигнут законного возраста и вступят в брак³⁷⁰. Тех, у которых не было бы ни отца, ни матери, повелевалось поручить лицам, которые постарались бы³⁷¹ наставить их в вере и использовали бы их на своих асьендах в работах, определяемых апелляционными судьями, и которые не были вредны для них. Таким детям следовало давать еду и платить хорналь³⁷², который должны были определить местные власти. В свободное время им не следовало препятствовать учить христианскую доктрину, и, если кто-то из этих подростков захотел бы научиться ремеслу, ему разрешалось это делать, не заставляя его заниматься другими работами.

Также повелевалось, чтобы незамужние индианки, находившиеся под властью своих отцов или матерей, работали с ними на их асьендах. Им позволялось работать и на чужих хозяйствах, с позволения родителей. Тех, что не будут находиться под властью родителей, чтобы не бродяжничали и не были плохими женщинами, а были удалены от пороков и были наставлены, следовало принудить быть вместе с другими и

---

³⁷⁰ hasta que sean de legitima hedad y sean cassados

³⁷¹ que para ello toviere cuidado

³⁷² хорналь (jornal) - поденная плата, поденная работа

работать на своих асьендах, если таковые у них будут, а если нет, то в асьендах индейцев и других (очевидно, испанцев) за хорналь (*Ordenanzas 1513; Konetzke 1953, p. 38-57*)³⁷³.

Претворение в жизнь законов 1512-13 гг., подробно описал Лас Касас в «Истории Индий» несколько десятков лет спустя. По его мнению, перемещение индейцев из мест, где они проживали («возможно, тысячи лет»), к поселениям испанцев послужило причиной их конца. По утверждению Лас Касаса, когда «этих людей» перемещали из тех мест, где они родились, в другие, каким бы малым ни было расстояние, они сразу заболевали, и немногие избегали смерти. Лас Касас видел причину в физической хрупкости аборигенов³⁷⁴, в том, что они мало едят и ходят почти нагими. Поэтому, писал он, даже при небольших переменах в земле, ветрах или воде их тела сразу реагируют на эти изменения, и в них нарушается гармония внутренних соков (*humores*). Кроме того, полагал Лас Касас, индейцы, привыкшие мало работать из-за плодородия своих земель, не могли долго выдерживать чрезмерные работы.

Лас Касас также подверг критике намерение членов королевского совета поручить мириям, которые сами в большинстве своем едва умели креститься, обращение неверных с другим языком, которые выучили только слова «дай воды, дай хлеб, иди на прииски, возвращайся на работу». Он спрашивал, чему могли научить индейцев порочные батраки³⁷⁵, которых

---

³⁷³ В названных публикациях есть незначительные различия.

³⁷⁴ *delicadeza de sus cuerpos y complexión*

³⁷⁵ *gañan u otro peón vicioso*

посылали с ними в их поселения, называемые эстансьеро и минеро (самый низкий и бесславный род людей в этих Индиях, по мнению Лас Касаса), кроме пороков, в которых они погрязли.

Лас Касас объяснил, по какой причине индейцы отказывались молиться — когда им произносили молитву на латыни (реже — на кастильском), они не понимали ни о чем шла речь, ни для чего она. Они думали, что их хотят научить языку, и старики отвечали: «Я уже стар... зачем ты меня хочешь научить говорить? Научи детей, у которых нет столько забот, и которые не так устали, как я». На такой ответ испанцы ворчали: «Посмотрите на пса, который не хочет принять веру; он никогда в жизни не будет хорошим христианином». Как Лас Касас писал, уже после провозглашения законов, когда после работ индейцы были измочалены, устали и мертвы от голода, их заставляли идти в церковь и стоять там на коленях и произносить длительное время молитвы. И так как они это делали с трудом и неохотно, ибо хотели поесть и отдохнуть, надсмотрщики их поносили и иногда били палками, говоря при этом, что этот пес никогда не примет веру и не станет хорошим христианином.

По мнению Лас Касаса, решение создавать поселения в соответствии с количеством индейцев, полученных в энкомьенду, привело к разрушению прежних мест обитания. Кроме того, он заметил, что при этом не оговаривалось, что дети должны идти с родителями, а жена с мужем. В законе ясно не указывалось также, за чей счет должно было состояться смена жилищ и огородов, и все было сделано «пóтом несчастных».

Закон, в котором каждому испанцу, что имел индейцев, предписывалось построить возле их места обитания хижину для церкви, Лас Касас назвал издевательством над верой и христианской религией, так как слушатели не понимали языка молитв. Более того, по мнению Лас Касаса, даже если бы они понимали слова, это не могло бы помочь восприятию веры людьми, которые не были наставлены в самих началах веры и которые не знали, что есть один бог, а если и слышали иногда о нем, не знали, был ли он солнцем или звездами, или из дерева или камня.

Лас Касас написал, что не были выполнены и распоряжения относительно возведения церкви для индейцев определенного региона.

О законе, который учреждал, что индейцы должны были работать на приисках 5 месяцев, а затем располагать 40 днями для посадок на своих огородах, Лас Касас написал следующее. Этого срока им едва хватало, чтобы подготовить землю. Индейцы, не отправлявшиеся на прииски, также на протяжении года почти не имели большего времени. По большей части при закладке огорода поднимали целинную землю, пользуясь обожженными кольями. Через 40 дней, за которые королевские чиновники должны были провести выплавки золота из сырья, добытого на протяжении 5 месяцев, индейцы вновь отправлялись на прииски на тот же срок.

В связи с законом о пропитании индейцев Лас Касас написал, что труд в земледелии на Эспаньоле был не менее тяжел,

чем труд землекопов в Кастилии, и что для занятых таким трудом недостаточно было ежедневной пищи в виде хлеба касаби, который ненамного более питателен, считал Лас Касас, чем травы, бататы и перец. Что касается рыбы, то ее индейцы никогда не видели, особенно сардины, привозимые из Испании.

По мнению Лас Касаса, закон, по которому испанцам двух вилей, что находились на расстоянии 80 и 100 лиг (около 320 и 400 км.) от приисков, разрешалось не отправлять индейцев на добычу золота, не действовал, так как другим законом испанцам этих вилей разрешалось вступать в компанию с теми, что проживали недалеко от приисков (первые поставляли индейцев, вторые – пропитание). Поэтому обитатели вильи Якимо отправляли своих индейцев на прииски за 30-60 лиг (120-240 км.). По мнению Лас Касаса одно только это перемещение, помимо работ и голода, могло убить индейцев.

Если индейцы заболевали на приисках, их не лечили, а давали немного хлеба и чеснока и отправляли лечиться домой. Если по дороге им становилось хуже, или недоставало еды, они уходили в лес или к ручью и там умирали. Лас Касас написал, что он сам видел это несколько раз³⁷⁶.

Относительно годового жалования в размере одного песо золотом, которое предназначалось для покупки одежды, Лас Касас написал, что на эту сумму можно было купить лишь пару

---

³⁷⁶ Овьедо написал, исходя из своего опыта, что испанцы помогали индейцам излечиться дюжиной розог (*Fernández de Oviedo y Valdés*, 1851, т. 1, р. 379).

гребней, зеркало и головной платок (*pañó de tocar*) или один красный колпак.

Критиковал Лас Касас и закон, согласно которому женщину можно было посыпать на работы до 4-х месяцев беременности, а после – заниматься такими делами, как приготовление хлеба, готовкой пищи и прополкой, что не было, по его словам, легким трудом (*Las Casas* 1951, т. II, р. 478-489).

Работыaborигенов на золотых приисках хорошо изучены относительно Пуэрто-Рико. В добывании золота были заняты как индейцы энкомьенды, так и рабы. Работали они по периодам до 9 месяцев в бригадах (*cuadrilla*) от 10 до 50 человек под руководством испанца. Были выявлены такие рабочие операции, осуществляемые индейцами: разведка, расчистка (*weeding*), валка деревьев, перемещение камней и валунов, выемка грунта, его вывоз, промывка, возведение плотин или каналов, прокладывание штолен и возведение стен, постройка навесов от непогоды, постройка загонов для скота, заготовка дров, приготовление пищи, забой животных и консервирование пищи, изготовление орудий и их хранение, уход за скотом, ломка и дробление камней, транспортировка оборудования.

Необходимый провиант, как для испанцев, так и индейцев, доставляли из нескольких королевских энкомьенд и других хозяйств, но его не хватало, и касабе, как и некоторые другие продукты, завозили на остров. Рацион работников на приисках состоял из касабе, рыбы (по большей части соленой, привозной) и свинины (*Anderson-Cordova* 2005).

Еще при Х. Колумбе начались переселения аборигенов и продолжались при Овандо. При общем уменьшении числа аборигенов и при неоднократных перераспределениях индейцев число их поселений значительно сократилось. Законы Бургоса вновь настаивали на переселении аборигенов (ближе к местам проживания испанцев). Какое-то время новые поселения индейцев, по стандартам Законов Бургоса, создавали иеронимиты, видимо, только на Эспаньоле. Во всяком случае, в своем отчете они говорили только о них. Как говорилось выше, с этого времени число аборигенов там (в очередной раз) резко сократилось. Очевидно, что к этому времени прежняя поселенческая модель аборигенов была разрушена (о чем писал Лас Касас), исчезли крупные поселения. Появляются новые слова для обозначения мест обитания аборигенов – *lugar* ("место", но также и "деревня"), *estancia* (наиболее близкое значение, видимо, "усадьба").

Дольше других индейские поселения на прежних местах сохранились на Кубе, судя по их упоминаниям в документах, предшествовавших времени применения там Новых Законов³⁷⁷. Большая часть этих поселений носила индейские названия: Камание (Camanie), Коаба (Coaba), Ана (Ana), Маяр (Mayar), Хубахаибана (Hubahaybana), Агуайгуано (Aguayguano), Гуамаиабон (Guamayabon), Манимано (Manymano), Агуахай (Aguahay), Гуэрайо (Guerayo), Тинама (Tinama), Канабакоа

---

³⁷⁷ Их названия зафиксированы в перечне энкомьенд 1526-1530 гг. (CDI-2, т. 4, р. 109-128).

(Canabacoa). Было также несколько индейских названий без указания на то, что это были поселения, хотя из других источников известно, что они таковыми были, в частности, Канаррео (Canarreo). Некоторые индейские поселения носили испанские названия —Саламанка, Севилья, Санлукар, Алкала, а также, возможно, Калис и Канария. Не исключено, что они были образованы испанцами, в соответствии с Законами Бургоса, но в документах мне не встретились сведения об этом.

Большая часть индейских поселений Кубы находилась в восточной половине острова. На западе таких поселений, упоминаемых после завоевания, было мало. Наиболее известное из них, Гуанабакоа, находилось недалеко от Гаваны. Видимо, именно оно названо в документе 1530 г., где речь шла о касике и поселении, находившихся в энкомьенде у М. Рокаса и перешедших к двум весино Баямо (CDI-2, т. 4, р. 118)³⁷⁸. В 1532 году Гуанабакоа названа «усадьбой» (estancia) (CDI-2, т. 4, р. 208), и касик не упоминался. Косвенным свидетельством того, что известная до середины XVI в. Гуанабакоа не находилась на востоке Кубы (как это полагают некоторые историки), может служить пассаж из письма прокуратора Баямо от июля 1546 г. Там речь шла о том, что Мануэль де Рокас несколько лет назад ушел в Перу, и у него там есть индейцы. Его сын, оставшийся на Кубе, сохранял за собой 150 индейцев (из них 100 работников), которых отец имел в вилье Сан-Сальвадор-де-Баямо. Сын был молод (23-

---

³⁷⁸ Рокас утверждал, что Гуанабакоа отнял у него Гусман (Papeles 1931, т. I, р. 171).

24 года) и на острове недавно. В то же время в вилье из всех остальных весино (завоевателей и ранних поселенцев) ни у кого не было более 14 индейцев, а у некоторых их не было вовсе. И объяснялось это тем, что только три индейских пуэбло служили этой вилье: Аркос (Arcos), Маникарао (Manicarao) и Хара (Jara) (CDI-2, т. 6, р. 290). Как видим, среди названных «индейских пуэбло» Гуанабакоа нет. По ряду документов известно, что испанцы, бывшие весино какого-либо поселения, могли получить энкомьенду весьма далеко от него.

На Кубе отдельные испанцы имели в энкомьенде индейские поселения целиком и даже несколько³⁷⁹. Можно предположить в этом случае, что жизнь в таких поселениях, не раздробленных властью нескольких энкомендера, могла сохранять больше традиционных черт материальной, социальной и духовной жизни. Тем не менее, 8 месяцев из 12 самые работоспособные люди индейских поселений были заняты на рудниках или в сельском хозяйстве. На рудниках они были в составе бригад (cuadrillas), возглавляемых испанскими специалистами и надсмотрщиками. Едва ли у них было время для досуга. Трудно себе представить их распорядок дня, но обеспечение пищей и одеждой было целиком «навязанным», не говоря уже о рабочем инвентаре и рабочем скоте³⁸⁰.

---

³⁷⁹ На Кубе Гусман после себя оставил три поселения индейцев (CDI-2, т. 6, р. 85-86).

³⁸⁰ В одном из писем Рохаса упоминаются *indios de conucos y puercos e consus bestias e herramientas* (CDI, т. XII, р. 6-9)

В индейских пуэбло, вероятно, было больше возможностей для сохранения некоторых традиционных занятий и каких-то элементов прежней материальной культуры. Но большую часть года там, помимо касиков, их семей и челяди обитала неактивная часть аборигенной общины – старики, женщины и дети. Из Законов Бургоса и многих документов яствует, что индейцы и в своих поселениях находились под сильным постоянным воздействием пришельцев и их культуры. Жизнь там контролировалась испанцами – посредством проживавших там эстансьеро, назначенными туда управителями, монахами (или священниками), а также инспекторами.

Тем не менее, какая-то возможность поддерживать некоторые элементы прежней культуры, или образа жизни, аборигенам предоставлялась в их нерабочее время. Выше говорилось об ареито. По редким упоминаниям можно судить, что по воскресеньям и в праздничные дни индейцы могли ходить из от одних усадеб в другие или отправляться на лов рыбы³⁸¹ (CDI, t. I, p. 344).

Как говорилось выше, на индейцах энкомьенды отрицательно сказывалось их перераспределение. Приведу мнение еще двух свидетелей. Фрай Мансанедо считал, что перемещения были одной из главных причин запустения, так как никто не был уверен, что у него будут оставаться индейцы, данные ему в энкомьенду. Поэтому энкомендадо использовал их как вещи чужие и взятые взаймы, по причине чего многие гибли

---

³⁸¹ Речь шла об Эспаньоле 1518 г.

и гибнут. По словам монаха, испанцы лучше обращались с рабами и лукайцами (эти были в статусе постоянных наборий, как сказано выше), чем с индейцами (имея в виду местных энкомендированных – Э.А.) по той причине, что индейцами, в отличие от двух первых категорий, испанец пользовался не на постоянной основе (Papeles 1931, t. 1, p. 55, 59). Овьедо, рассуждая о высокой смертности аборигенов, написал: “Важной причиной смерти этих людей были также перемещения, что губернаторы и репартидоры делали с этими индейцами; потому что переход от хозяина к хозяину и от сеньора к сеньору и от одного алчного к другому, все это явилось очевидным средством и орудием полного конца этих людей...” (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 71).

По документам видно, как могли сегментироваться обитатели поселений при смене энкомендоро. Выше упоминались распределения индейцев одного касика среди нескольких испанцев (1514 г., Эспаньола). Как выразительно написал один современник (1517 г.), касик в таких случаях «теряется», так как им командуют несколько человек (Papeles 1931, t.1, p. 44-45). Позже подобные дробления известны с Кубы. Ане Басан досталась третья часть индейцев и наборий ее усопшего мужа в индейском поселении Гуамаиабон (Guamayabon). Еще один весино получил в том же поселении 120 человек; там же другой получил 45 человек. Еще одному испанцу были вручены 4 набории из этого поселения (CDI-2, t. 4, p. 113-114).

Помимо слома прежней социальной структуры (исчезновение элиты, распад общины) и насильственного отлучения от прежнего мировоззрения, вытеснялся, так же принудительно, прежний образ жизни в таких материальных сферах культуры как жилище, одежда и пища. В большинстве случаев этот процесс был обязательным (предписанным). Иногда он мог быть случайным или, в какой-то мере, добровольным в виде получения вознаграждения за какую-либо оказанную испанцам услугу. Так, за спасение груза с затонувшего судна на Кубе местные касик и индейцы получили 50 полотняных (*de presilla*) рубах и несколько мотыг и других орудий (CDI-2, т. 4, р. 233).

При системе энкомьенды земли оставалась за индейской общиной. На этих землях общинники могли заниматься традиционным земледелием (в рамках, предписанных законами Бургоса) или новыми формами хозяйства, в том числе, разведением скота.

В свою очередь, некоторые из традиционных навыков аборигенов активно использовались пришельцами как, в частности, выращивание хлопка и ткачество. Кроме того, на испанских усадьбах индейцы готовили касабе (этим занимались женщины) (CDI-2, т. 4, р. 208)³⁸². Долгое время испанцы использовали аборигенов как гребцов (на лодках, сделанных индейцами же)³⁸³. Наиболее известны переходы от Ямайки на

---

³⁸² 1532, Куба; в этом же хозяйстве заготавливали свиное сало (*tocinos*)

³⁸³ Как написал Овьедо, невозможно без индейских лодок пользоваться землями, которые находятся вблизи морских берегов (Oviedo 11851, т. I, р.

Эспаньолу в 1503 г. (*Colón* 1944, p. 291, 301-303) и от Кубы на Ямайку, около 10 лет спустя (*Las Casas* 1951, L. II, cap. LXI). К более позднему времени относятся свидетельства Диаса дель Кастильо (*Díaz del Castillo* 1963, t. 1, p. 36-37) и Мануэля Рохаса о плавании вдоль берегов Кубы. Овьедо описал, как в 1515 г. на Эспаньоле его и других испанцев местные индейцы переправляли через реку, соорудив специальный плот, который они двигали, сами находясь в воде (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 397-398).

Касики и нитаины

Власть касиков, переживших конкисту и первые годы колонизации, была значительно ущемлена Законами Бургоса. Некоторые современные исследователи считают, что касики и нитаины были низведены до посредников и надзирателей за работой своих индейцев (*Moscoso* 2011, p. 5). Действительно, Лас Касас (как до него Мартир) писал, что касик водил своих индейцев на работы и, по прошествии нескольких месяцев, с работ. И если не хватало одного из работников, касику грозила тюрьма, оскорблении и побои (*Las Casas* 1951, t. III, p. 260). Выше упоминались ситуации, когда нитаины на Эспаньоле возглавляли бригады на добыче золота. Однако, как показано выше, во многих случаях индейцы одного касика находились в хозяйствах разных испанцев, и касик физически не мог руководить ими всеми. В большинстве таких случаев настоящими «надзирателями» в те

месяцы, что индейцы работали в испанских хозяйствах, были эстансьеро, а на приисках – минеро.

Можно видеть «посредническую» роль касиков в том, что на них, прежде всего, была направлена политика аккультурации, как на более «разумных», согласно с намерениями которой, новые нормы жизни они должны были передавать своим общинникам. Но жизнь подвластной им общине, как предписывали Законы Бургоса, управлялась назначеными туда монахами или священниками, либо контролировалась инспекторами.

Принудительная трансформация прежнего образа жизни аборигенов осуществлялась через обучение детей касиков. Как упоминалось выше, корона предписывала этим заниматься монастырям. Видимо, к этому привлекались и светские лица. Так, в распределении Альбукерке 1514-1515 гг. назван бакалавр Хуаресу, у которого была должность обучать чтению, письму и грамматике сыновей касиков (ему были выделены три домашних набории для обслуживания названных касиков)³⁸⁴ (CDI, t. I, p. 130-131). Через несколько лет, в 1519 г., правителям Испании стало известно, что лица, ответственные за наставление и обучение детей касиков и нитаинов острова Эспаньолы, не заботились об этом, а жалование получали (Papeles 1931, t. I, p. 71).

---

³⁸⁴ К сожалению, по этому упоминанию трудно себе представить, где жили эти дети касиков и их слуги, как проходило обучение и др.

Как упоминалось, детей касиков отправляли в Испанию. У Мартира говорится, что высокопоставленные испанские дворяне воспитывали таких детей в своих домах, и эти легко воспринимали азы обучения и хорошие манеры. Когда они вырастали и, особенно, если их отцы умирали, их отсылали на Эспаньолу, где они, как писал Мартир, "правили своими соотечественниками". По мнению Мартира, поскольку они были благочестивыми христианами, то обретали уважение испанцев иaborигенов и охотно вели своих подданных на прииски (*Martyr* 1912, t. I, p. 182).

Разделение 1514-1515 гг. зафиксировало несколько энкомьенд «в нитаинах», то есть у лиц, относившихся к доиспанской знати. Подобного рода случаев немного относительно энкомьенд индейцев касиков и известны они только с Эспаньолы (CDI, t. I, p. 122-123, 213). Так, Алонсо де Сандовалю, «женатому на женщине этого острова», помимо 20 работников из наборий, что были за ним записаны, и двух старииков, были также вручены: нитаино Бернардино с четырьмя работниками и тремя набориями этого нитаино (эти последние были прежде энкомендированы другому испанцу); нитаино Мартин Кабаркос с 8 работниками и 2 детьми; нитаино Кристобаль Амагубо с десятью работниками и тремя старииками; нитаино Бартоломе с 12-ю работниками и двумя детьми (CDI, t. I, p. 87-88).

В нескольких случаях в разделении 1514-1515 гг. упоминались «дома» (casas) индейцев, со своими названиями. В

одном таком «доме» касика и его семьи было 5 нитаинов (названы их имена)³⁸⁵, у которых было 74 работника, а также старики и дети. Другой «дом» был «домом» нитаино, у которого, в свою очередь, были 5 нитаино (среди них – одна женщина), также с работниками, детьми и стариками. Во главе других двух «домов» также стояли нитаино, и у них были нитаино, тоже с работниками, детьми и стариками. Относительно одного из «домов» сказано, что он был (прежде?) энкомендирован другому нитаино (назван) с несколькими нитаино (названы) (CDI, t. I, p. 82-83).

Эти факты подтверждают многоступенчатость индейской знати на Эспаньоле к приходу европейцев, что отметил Лас Касас.

О положении касиков и нитаинов некоторые дополнительные данные можно извлечь из их имен. При открытии и в начале завоевания аборигены, главным образом вожди, получали имена противостоявших им испанцев, что находилось в рамках практиковавшегося до прихода испанцев обмена именами. Затем испанцы, используя этот местный обычай, стали давать индейцам христианские при первом знакомстве (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p.467). Христианские имена аборигенам давали и при крещении.

К 1514-1515 гг. у многих касиков Эспаньолы были испанские имена, и иногда это имя было именем хозяина-испанца (CDI, t. I, p. 104, 223). Иногда имена касиков имели уменьшительную форму – Альварико, Хуанико, (CDI, t. I, p. 68-69). В некоторых случаях эта форма была от слова, на первый

---

³⁸⁵ Хуан Лабрадор, Сото, Градо, Агостин, Набека.

взгляд, не предполагающего такую трансформацию - Альмирантико, Капитанико (уменьшительные от Almirante, Capitán) (CDI, t. I, p. 69, 222). Один из касиков носил имя Брат Хуан (frey Juan) (CDI, t. I, p. 230).

Имена касиков могли состоять из двух частей – первым именем было испанское, вторым – аборигенное: Франсиско де Агуэйбана, Андрес де Агуэйаган (CDI, t. I, p. 107) и многие другие. Подобное сочетание имен отмечено и для женщин-касик – Мария Иамарех (CDI, t. I, p. 110). Иногда в таком двойном названии касика вместо испанского имени было другое испанское слово (титул какого-то испанца) – Комендадор Хиллагуэх (Comendador Gillaguex) (CDI, t. I, p. 113). В некоторых случаях в именах касиков сочеталось христианское имя с названием какой-то колониальной должности - «Хуан Альгвасил» (CDI, t. I, p. 197).

Встречаются имена (или прозвища) касиков, включающие, кажется, название некой хозяйственной специализации их носителей, как скажем, Алонсо Вакеро, то есть, пастух (CDI, t. I, p. 157). Труднее себе представить, что касик был брадобреем (barbero), хотя названо несколько таких – Перо Гонсалес и Лукас (CDI, t. I, p. 229, 231).

Реже в репартимьенто 1514-1515 г. встречается только индейское имя касика — как, скажем, «касик капитан Манигуатех», врученный монахам вместе со 103 работниками (CDI, t. I, p. 108). У касиков Каигуан Касабан (Cayguan Cazaban) и Гуакуамагуарех (Guacuamaguarex) работников было гораздо меньше, 10 и 6 соответственно (CDI, t. I, p. 231). Остается

предположить, что эти вожди по какой-то причине еще не были крещены.

В редких случаях имя касика не называлось. В этом случае был указан род его занятий – «касик мажордом Атиэля» (CDI, t. I., p. 183)³⁸⁶.

Сходная ситуация с именами наблюдалась и у нитаинов.

В отличие от касиков и нитаинов, у рядовых общинников имена были только испанскими и, как правило, в уменьшительной форме: Хуанико, Очоико, Эльвирика, Хуаника и др. (CDI, t. I, p. 67, 68, 73, 74).

Предоставленные на время³⁸⁷

Эта категория аборигенов упомянута в 32-ом законе Бургоса, где говорилось о временном вручении беглых или потерявшихся индейцев, обнаруженных инспекторами. В отличие от обычных разделений или энкомьенд, которые проводились верховными правителями или специально назначенными лицами, временное вручение могло осуществляться инспектором индейцев.

Судя по разделению 1514-1515 гг. на Эспаньоле, аборигены могли быть временно переданы тому или иному испанцу на определенных условиях или в силу каких-то обстоятельств. Были случаи подобного вручения, когда энкомьенда не ограничивалась какими-то сроками – в одном речь шла о священнике,

---

³⁸⁶ cacique mayordomo del Hatiel, то есть, видимо, управляющий поместьем Атиэль

³⁸⁷ depositados

получившем двух домашних наборий для церкви (CDI, t. I, p. 181), в другом – о Леонор де Пинеда, жене Хуана Ортиса, которой вручили 9 домашних наборий, прежде числившихся за ее мужем³⁸⁸ (CDI, t. I, p. 169). 50 работников были временно вручены одному испанцу для строительства церкви (CDI, t. 1, p.122). Дочь умершего весино, Леонор Кастилья, получила касика с 26 работниками, чтобы они ей служили до следующего ионьянского Сан-Хуана (CDI, t. I, p. 203)³⁸⁹. Отмечен случай, когда индейцы передавались во временное пользование на условии того, что пользователь в течение года привезет на остров жену (CDI, t. 1, p.121). В одном случае индеец был вручен на время, чтобы быть "языком", то есть переводчиком (CDI, t. I, p. 162). Тогда же зафиксировано несколько временных вручений индейской женщины (*mujer de la Isla*), вдовы испанца. Указывалась цель такого вручения – «чтобы была наставленной в делах веры» (CDI, t. 1, p. 114 и др.). Были временные вручения касика, который должен был «собрать» наборий, которые будут вручены испанцу³⁹⁰ (CDI, t. I, p. 191).

Временно могли быть вручены как небольшое число индейцев (без касика), так и десятки работников какого-либо касика. Для возведения церкви в г. Санто-Доминго были вручены 50 работников касики Катабано вместе с детьми, «которые, кажется, были этих людей» (CDI, t. I, p. 122). Хуан Сампер

³⁸⁸ с оговоркой, " по воле короля"

³⁸⁹ Какую пользу из столь короткой энкомьенды можно было получить?

³⁹⁰ *Mas se le dio en depósito el cacique Juan de Buyacaguera para que recoja é allegue las naborias que serán suyas é estuvieren encomendadas...*

получил индейцев, которые прежде были у его умершего брата – сроком на 4 следующих деморы, числом 40 работников и 12 стариков и детей (CDI, t. I, p. 168).

Много случаев временного вручения индейцев зафиксировано в списке разделений, что имели место на Кубе с 1526 по 1530 гг. при правлении Г. де Гусмана (CDI-2, t. 4, p. 109-128). В нескольких из таких вручений наборий почему-то было оговорено, что это сделано с согласия их прежних пользователей (CDI-2, t. 4, p. 119-120). Временно могли быть вручены как индейцы касика, так и домашние набории (CDI-2, t. 4, p. 111). В документе «индейцы касика» упоминаются редко. Речь обычно шла просто об «индейцах» и «набориях». Иногда говорилось об «индейцах репартимьенто» и «домашних набориях» (CDI-2, t. 4, p. 110). Отмечены факты обмена набориями, полученными во временное пользование³⁹¹ (CDI-2, t. 4, p. 126).

Вероятно, жизнь временно врученных аборигенов была еще менее стабильна, чем энкомендированных. Так, на Кубе Франсиско Бергансиано за свои заслуги получил во временное пользование касика с 90 индейцами. Некоторое время спустя Д. Веласкес, правитель Кубы, велел ему отдать часть этих индейцев двум другим лицам (Papeles 1931, t. I, p. 44). Есть основания полагать, что положение аборигенов, врученных временно (depositados), было еще более уязвимым, чем

---

³⁹¹ Deposytáronse en el dicho Diego de Avila quatro naburias que trocó con Pedro Gallego e Pedro Martin.

энкомендированных, так как их эксплуатация должна была быть более интенсивной.

Собранные

В перечнеaborигенов, энкомендированных при разделе 1514 г. встречается категория *allegadas* (собранные)³⁹². О ее происхождении говорят энкомьенды, когда нескольким испанцам были вручены касики, индейцы которых «бродят», с тем, чтобы они их собирали³⁹³ и пользовались ими в соответствии с королевским ордонансами (CDI, t. I, p. 233-234; см. также 189, 191). В одном из этих случаев испанцу был вручен касик Вега «... со всеми своими людьми, что отсутствуют» (CDI, t. I, p. 233-234).

Таким образом, «собранные», это индейцы, оказавшиеся по каким-то причинам без хозяина-испанца и (или) без обчины и касика. Причинами могли быть, скорее всего, бегство от испанца. Но это было бегство, которое не сопровождалось борьбой против испанцев. Поэтому, видимо, таких индейцев не объявляли «беглыми» (*alzados*), не воевали против них и не обращали в рабство, а «собирали». В некоторых случаях вручения энкомендированных домашних наборий «собранные» составляли больше их половины (CDI, t. I, p. 123, 224) и даже семь и девять человек из десяти (CDI, t. I., p. 194, 185). Они упомянуты не только у испанцев, но и, реже, среди индейцев касика (CDI, t. I, p.

---

³⁹² Слово женского рода *allegadas* (как и *naborías*) употреблялось относительно женщин и мужчин (Dídense las allegadas Juanico, é Gonzalico, é Loisico; é las siete se dicen Juanica, Elvira, Inés, Isabel, é Francisca, é Beatriz é Antoníco. (CDI, t. I, p. 73).

³⁹³ con toda su gente que anda ausente, para que la recoja é allegue

72, 118, 160-161 и др.). «Собранные» могли быть вручены на время (CDI, т. I, р. 206). Упоминания о «собирании» индейцев есть и для более позднего времени, в начале 1530-х годов, на Кубе (CDI-2, т. 4, р. 229-230).

Вероятно, те из «собранных», касик или община которых исчезали по каким-то причинам, становились набориями. В случае возвращения к прежнему касику они, видимо, считались опять "индейцами касика".

*

Все категории энкомендированных аборигенов подвергались общему давлению со стороны колонистов не только в форме принудительного труда, но и обязательной христианизации.

О начальных методах и степени приобщения индейцев к христианству можно судить по описанию воскресной проповеди для индейцев, находившихся в домах испанцев города Консепсьон. Педро де Кордoba, сидя на лавке, с крестом в руках через посредство «нескольких языков или переводчиков» рассказал собравшимся, мужчинам и женщинам, взрослым и детям, о библейских событиях от сотворения мира до распятия Христа. Это уже 1514 г., то есть уже были приняты и провозглашены Законы Бургоса, и это была лишь первая проповедь не только для индейцев г. Консепсьон, но и в пределах всего острова (*Las Casas* 1951, т. II, р. 384). Очевидно, что постоянного, ежедневного католического «просвещения» индейцев, которое короной возлагалось на энкомендеро и

служителей церкви, не было даже в испанских поселениях. Можно представить, что за их пределами, в разбросанных по островам хозяйствах испанцев, приобщение аборигенов к христианству было еще более слабым. Разрешение устраивать ареито, зафиксированное Законами Бургоса, давало возможность в месяцы, отведенные трудоспособным индейцам для отдыха в своих поселениях (а это несколько месяцев в году), воспроизводить (в какой мере, неизвестно) традиционную обрядовую жизнь – в форме ареито.

Тем не менее, утрата прежнего мировоззрения имела место. Уже Мартиру представлялось, что индейцы полностью забыли свои прежние ритуалы (*Martyr* 1912, t. I, p. 182). Есть сведения, что будто бы уже в 1523 г. индейцы Манагуабо и Маниабона (на Кубе) возвели церковь (*Leiseca* 1938, p. 33, 61, 77).

Оценка испанцами степени приобщения аборигенов к христианству зависела от тех целей, с которыми они об этой христианизации говорили. Так, губернатор Кубы в 1546 г., то есть, когда на острове шла борьба против провозглашения Новых законов, писал в метрополию следующее. Он слышал от монахов и других людей, что индейцы – христиане лишь по названию. Для опыта он призвал некоторых из самых знающих испанский язык и спрашивал их о христианских делах (*cosas de cristianos*). И, по словам губернатора, они были так далеки от них, как если бы о них не знали вовсе. Причину такого состояния губернатор видел не в людях, что отвечали за индейцев, то есть не в упущениях в их наставлении, а в малой воле аборигенов к делам веры. Он

обосновал это утверждение на своем опыте – он заставил их выучить «Отче наш» и «Аве, Мария», повелев им произносить молитвы каждый день. Индейцы находились это время в Сантьяго и не были заняты работами. Через несколько дней, сообщал губернатор, они не только не знали молитв, но у того, кто пришел за ними, спрашивали, что такое «отче наш» и не является ли он едой. Документ имеет много повреждений, но вывод губернатора ясен – что если так происходит, несмотря на многие усилия, затраченные на обращение индейцев, то, «если их освободить от всего»³⁹⁴, мало надежды на то, что они станут христианами (CDI-2, т. 6, р. 270-271).

Беглые

Заметным сегментом аборигенного населения островов, беспокоившим колонистов с самого начала завоевания испанцами островов и почти до имплементации там Новых Законов, были «беглые» (alzados). По словам Хиля Гонсалеса Давилы, контадора Эспаньолы, в его время на острове не было весино, у которого часть индейцев не находилась бы в бегах³⁹⁵ (CDI, т. I, р. 341). Этую категорию аборигенов испанцы также называли словом индейского происхождения "симарроны" (cimarrones).

Бегство индейцев, как правило, в мало доступные для испанцев места, обычно называемые общим словом “montes” (леса), было распространенной реакцией людей, для которых

³⁹⁴ si los dexasen libremente del todo

³⁹⁵ no hay vezino que no traiga parte de sus indios huidos

новые социальные отношения казались нестерпимыми. Как говорилось выше, основной причиной такого бегства корона считала лишение индейцев их жен и дочерей. Эти протестыaborигенов были разрозненными и не превращались в совместные выступления на разных островах. Лишь во времена успехов Энрике на Эспаньоле испанские поселенцы Кубы опасались, что его лазутчики могут дойти до Кубы.

Жизнь «беглых» слабо отражена источниками. Их быт должен был определяться скучными возможностями добывания пищи и необходимостью постоянно менять места обитания, уходя от преследований испанцев. Иногда они нападали на испанских колонистов и служивших им индейцев, разоряя их хозяйства и, видимо, забирая что-то для своих нужд. В некоторых случаях, как говорилось выше, они нападали на испанские поселения. При возможности, "беглые" захватывали испанское холодное оружие и пользовались им.

Обычно такие группы насчитывали несколько десятков человек, мужчин и женщин, во главе которых стоял один человек. В некоторых случаях среди беглых индейцев могли быть бежавшие рабы-негры (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 154-155).

Существование таких образований не было длительным, в отличие от более поздних «паленке» беглых рабов-негров. Видимо, дольше других выдержали преследования испанцев люди во главе с Энрике. Как писал Лас Касас, Энрике велел сделать огороды и хижины во многих местах гор, в которых

находились женщины, старики дети, то в одном месте, то в другом. У индейцев там было много собак, чтобы охотиться на одичавших свиней (их к тому времени было много), также Энрике повелел разводить кур. Чтобы лай собак и крики петухов не обнаружили испанцы, он повелел содержать их в отдаленных местах, где находились несколько индейцев со своими семьями. Когда он посыпал нескольких своих человек на рыбную ловлю или охоту, он никогда не оставался на прежнем месте, и они не знали, где его встретят. Таким образом, если бы промышлявшие индейцы были схвачены испанцами, они даже под пытками не могли бы выдать место пребывания вождя (*Las Casas* 1951, т. III, р. 263-264). На трудности преследования индейцев жаловались испанцы, по словам которых индейцы могли довольствоваться мышью или ящерицей, в отличие от испанцев (CDI, т. I, р. 489-491).

По словам Овьедо, на встрече Энрике с испанцами того сопровождали 70 воинов с копьями, мечами и щитами. Их тела, от подмышек до колен, были обмотаны хлопковыми веревками, вместо панциря. Их лица - раскрашены, головы уbraneы пломажами (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, т. I, р. 146).

Свободные

Как было сказано, с самого начала колониальной политики испанской короны на островах она провозглашала (неоднократно) местных обитателей свободными вассалами. Это не мешало их закабалению в рамках энкомьенды, при том, что на местах нарушились даже условия энкомьенды. Намерения

короны освободить от энкомьенды часть индейцев (тех, что, на взгляд местных властей, могли жить без опеки испанцев) и создать из них поселения, под контролем испанцев, не дали положительного результата. Только Новые Законы отменили энкомьенду на островах. До провозглашения Новых законов имели место единичные случаи освобождения индейцев (от энкомьенды). Выше упоминался случай при иеронимитах на Эспаньоле. На Кубе в правление Гусмана в вилье Тринидад было велено «отпустить на свободу» Инес, «которая, говорят, способна для этого»³⁹⁶. Возможно, дополнительным аргументом в ее пользу было то, что она имела двоих детей от испанцев (CDI-2, т. 4, р. 126).

Мне не известно ни одного случая освобождения индейца-раба, хотя исключать этого нельзя, так как освобождение рабов (по разным обстоятельствам) испанцами практиковалось. Зато известно о единичных случаях продажи индейцев на Кубе, которые в документе названы «свободными» (1537 г.)³⁹⁷ (CDI-2, т. 4, р. 421).

* * *

На протяжении полстолетия, с 1492 по 1542 гг., в жизниaborигенов Больших Антильских островов имели место радикальные перемены, главным итогом которых было то, что подавляющая их часть исчезла. Этот процесс проходил на фоне изменений их традиционного образа жизни. Быстро росло число

³⁹⁶ es capaz para ello

³⁹⁷ Видимо, это были энкомендированные

людей, находившихся вне общин и вне власти касиков, о чем наглядно говорит большое число «домашних наборий» в разделении 1514-1515 г. на Эспаньоле. В таком же состоянии были и местные индейцы-рабы. Со временем число аборигенов, истощенных из своих общин, росло.

Что касается касиков и нитаинов, они, хотя имели, в сравнении с рядовыми общинниками, некоторые преимущества, как социальный слой исчезли раньше, чем их подданные. Если в разделении 1514-15 гг. речь шла об "индейцах касика", имя которого обязательно называлось, хотя там уже были касики, после которых не оставалось наследников, то через 15 лет, как видно по разделениям на Кубе 1526-1530 гг., упоминания касиков редки. В этом и в других одновременных документах редко фигурируют такие категории, как "индейцы касика" и "домашние набории". Это свидетельство того, что по мере исчезновения касиков устранилось различие между этими категориями. Местные энкомендированные аборигены, в основном, стали делиться на "индейцев" и "наборий", хотя встречаются такие термины как "набурия", "индейцы", "набории из индейцев", "индейцы рапартимьенто и домашние набурии" (CDI-2, т. 4, р. 110, 111, 117). Говорилось об "индейцах поселения" или какой-то "провинции" без упоминания касика (CDI-2, т. 4, р. 112, 113 и др.). Это свидетельствует об исчезновении касиков, как социального слоя, там, где индейцы еще сохранились. Более того, неоднократно упоминались "индейцы", без названия не только их

касики, но и поселения, что, видимо, говорит об исчезновении прежних индейских поселений.

Четкое различались «местные индейцы» (*yndios naturales*) и "индейцы-рабы" (*esclavos yndios*), (CDI-2, т. 4, р. 283). Среди последних деление было на местных и привозных.

После провозглашения на островах Новых законов, прежние категории, различавшие аборигенов, стали не функциональны, и все коренные обитатели стали для испанских колонистов и для метрополии "индейцами".

Гл. 6. Судьбы аборигенов после Новых законов

В данной главе будут кратко представлены судьбы потомков коренного населения на Большых Антильских островах после того, как оно было освобождено от энкомьенды и рабства. Вначале будут изложены некоторые общие законодательные меры центральных испанских властей (в колониальное время), а затем, по мере возможностей, прослежена судьба потомков аборигенов на отдельных островах.

Общие тенденции: события и явления

Итак, в 1542 г. были провозглашены (и через несколько лет применены на островах) Новые Законы, согласно которым "разделенные" аборигены Большых Антильских островов были объявлены свободными не только от энкомьенды, но и других

"служб", а рабство аборигенов на этих островах было упразднено. К этому времени на Ямайке аборигенов осталось так мало, что они даже не упомянуты в этих законах. На Эспаньоле и Сан-Хуане их имелись незначительные количества, и только на Кубе и, видимо, Сан-Хосе³⁹⁸ их было несколько тысяч.

В одной из королевских грамот (на имя губернатора Кастильи дель Оро от 21 мая 1551 г.) мимоходом отражена ситуация с аборигенами испанских Антильских островов того времени. Там говорилось, что "во всех Индиях" было велено прекратить персональные услуги (то есть, работу на испанцев-энкомендере - Э.А.). Взамен этого индейцам (энкомендированным как частным лицам, так и короне) следовало определить подати местными плодами и вещами. Далее упоминалось, что, поскольку в некоторых частях Индий (названы Эспаньола и Куба) местные индейцы не имели поселений и земель, и с них нельзя было собрать подать, так как им нечем было платить, то было велено освободить их полностью. Было велено³⁹⁹ собрать их в одно или два поселения, где они могли бы жить и множиться, и быть наставляемы в делах веры; им следовало назначить земли, где они могли бы сеять и разводить скот (*Konetzke* 1953, p. 283-284). Как видим, из перечня островов с индейцами уже выпал Сан-Хуан, еще

---

³⁹⁸ На Сан-Хосе это были, главным образом, потомки аборигенов, привезенных в качестве рабов из других земель.

³⁹⁹ В публикации стоит глагол *prohibimos* (мы запретили). Судя по дальнейшему тексту, это ошибка переписчика или того, кто готовил тест к публикации. Скорее всего, должно было быть *proveímos* (мы распорядились).

фигурировавший в Новых Законах. 10 января 1589 г. для поселений индейцев была вновь введена должность «защитника» (*protector y defensor*) индейцев (*Recopilación* 1841, *Libro 6, título 6, ley I*)

В 1618 г. испанская корона издает серию законов, которые окончательно должны были заменить прежние традиционные формы правления, сохранившиеся у аборигенов на локальном уровне в некоторых местах испанских колоний, новыми, основанными на принципах испанского местного самоуправления. Закон от 10 октября 1618 г. определял структуру правления в индейских поселениях (они иногда названы редукциями) – она следовала структуре испанских муниципий. В зависимости от числа жителей поселения в нем должны были быть один алькальд и от одного до 4 рехидоров. Их выборы должны были проводиться, как и в испанских поселениях, 1-го января, в присутствии священников. Тогда же была разграничена юрисдикция между выборными должностными лицами и касиками, то есть, традиционными вождями (им было оставлено распределение своих индейцев на рудники) (*Recopilación* 1841, *Libro 6, título 3, leyes XV, XVI*).

Вновь образованные поселения должны были иметь воды, земли и леса, земли для возделывания и территорию для общинного выпаса (*exido*), чтобы, как указывалось, скот не смешивался со скотом испанцев (*ley VIII*). Отдельным законом устанавливалось, чтобы испанские хозяйства крупного скота находились на расстоянии не меньшем чем 2 лиги от старых

редукций, а мелкого – пол лиги. Относительно новых поселенийaborигенов это расстояние увеличивалось вдвое. Если в эти пределы попадал чужой скот, индейцам разрешалось его забивать (ley XX).

Один из законов предписывал возведение церкви в каждой редукции, другие предписывали число служителей и их функции (ley IV-VII).

Несколько законов регулировали семейные отношения. Согласно одному из них, дети индианки, состоящей в браке с индейцем, оставались с отцом, даже если будет молва, что это дети от испанца. Дети незамужней индианки оставались с матерью (ley X). Еще одним законом повелевалось, чтобы холостые индейцы присоединились к какому-либо поселению или редукции (ley IX).

Юридическая унификация колониальной жизни была оформлена в 1680 г., когда был опубликован цитированный выше «Свод законов королевств Индий». Королевские распоряжения разных лет были суммированы и распределены по нескольким крупным темам, каждой из которых отводилась одна книга. Отдельные упоминанияaborигенов можно найти в разных книгах, а шестая целиком отведена им.

Многие законы этой книги имели в виду энкомендированных индейцев и, следовательно, не распространялись наaborигенов островов. Тем не менее, по некоторым другим можно составить представление о том, как на протяжении XVII и последующих веков могла складываться

жизнь индейцев, которые сохранились к тому времени на островах.

Первый раздел (титул) назывался "Об индейцах", и его статьи касались индивидуальных правaborигенов. Первым законом (с ссылкой на закон 24 декабря 1580 г.) указывалось, чтобы церковные и светские власти покровительствовали индейцам. Далее, Закон II, со ссылкой на законы от 19 октября 1514 г., 5 февраля 1515 и 22 октября 1556, провозглашал, что индейцы могут вступать в брак свободно. Другими законами запрещалось двоеженство. Закон VIII (21 мая 1524 г., 30 августа 1555) постановлял, что индианка, у которой дети были от испанца, могла жить, где хочет.

Закон XII гласил о том, что индейцы могут беспрепятственно переселяться из одного места в другое, с оговорками – за исключением редукций, образованных королевским решением, предусматривающих обратное, и чтобы не было ущерба энкомендери.

Закон XXI (5 июня, 11 июля 1552, 11 октября 1618) – чтобы индейцы-ремесленники занимались своими ремеслами, земледельцы – возделыванием земли и посевами. Те, что не были заняты в указанных работах, могли применить свой труд как в городе, так и в сельской местности. При необходимости их следовало заставлять не бездельничать. Были законы о возможности индейцам разводить любой скот, о свободной торговле между испанцами и индейцами и ряд других, в том числе о возможности продавать имущество с разрешения властей

(Закон XXVII, 24 мая, 23 июня 1571; 6, 18 мая 1572).

Подтверждался запрет на ношение индейцами оружия (Закон XXXI, с опорой на семь предыдущих распоряжений, начиная с 17.09.1501 г.). Исключение было для знатных (*principales*), которые должны были получать разрешение от вице-короля, аудиенции или губернатора.

А вот закон XXXIII этого раздела, с упоминанием прежних постановлений (9.07.1568 и 1.03.1570), запрещал индейцам ездить верхом, при том, что закон XXII разрешал им разведение любого скота. Закон XXXVI (15.05.1594, 5.04.1637, 6.06.1640) запрещал доступ вина в места обитания индейцев (*lugares y pueblos*) и продажу им вина.

Согласно закону XXXVIII, свои танцы и празднества индейцы могли проводить только с разрешения губернатора - не в поместьях (*estancias y repartimientos*) и не в период уборки урожая. Строго запрещалось вольно вести себя там и быть неумеренными в питье.

Закон XLVIII (ссылка на 31.05.1541) запрещал путешествующим по морю или по суше брать с собой индейских женщин, замужних или холостых, что, как говорилось, было обычным.

Второй раздел (*título*) Книги 6 назывался "О свободе индейцев". Первым законом этого раздела, со ссылкой на ряд предшествующих распоряжений, начиная с 9 ноября 1526 г., запрещалось обращать в рабство обитателей материковых земель и островов – "за исключением случаев и народов", которые будут

оговорены. Закон XIII (25.01.1569) позволял испанским поселенцам Наветренных островов вести войну против карибов, разоряющих эти острова, и обращать их в рабов, исключая подростков младше 14 лет и женщин.

В 3-м разделе, «О редукциях и поселениях индейцев», первый закон провозглашал сведение индейцев в поселения⁴⁰⁰. Он основывался на королевских распоряжениях от 21 марта 1553 г., 19 февраля 1560, 13 сентября 1565, 10 ноября 1568 и 20 мая 1578. После традиционной ссылки на постоянное радение королей о том, чтобы индейцы восприняли католическую веру, упоминалось собрание членов Совета Индий, монахов и церковных иерархов (prelados) Новой Испании в 1546 г., на котором было решено, что индейцы будут сведены в поселения, чтобы они не жили разделенные горами и лесами и не были лишены духовных и мирских благ. Так как, по мнению законодателей, соответствующие распоряжения уже были исполнены в большей части Индий, следовало их исполнить и в остальных.

В последующих законах излагались детали функционирования поселений. Закон IX (19 февраля 1560) устанавливал, что у индейцев, сводимых в новые поселения, не будут изыматься земли, ранее им принадлежавшие.

Закон XVIII воспрещал индейцам находиться в пределах другого поселения. Были также закон (XXI), запрещавший постоянное проживание испанцев, негров, метисов и мулатов в

---

⁴⁰⁰ Que los indios sean reducidos á poblaciones

индейских поселениях, и законы, регулировавшие пребывание там торговцев и путешественников.

Отдельный раздел, 5, был отведен обложению индейцев податями.

6-я книга содержала еще несколько разделов, не имевших отношения к аборигенам Антил, кроме, возможно, раздела 6 (о касиках).

При чтении этого свода законов создается впечатление, что ко времени его составления аборигены Больших Антильских островов ничего не значили для испанских законодателей. В нем, помимо законов общего характера, есть немало статей относительно аборигенов разных частей испанских владений в Америке – Новой Испании, Перу, Чили, Колумбии, Венесуэлы и других. И нет ни одной статьи относительно островных аборигенов.

Еще один аспект следует учитывать в ситуации с аборигенами на островах. До провозглашения Новых законов почти всегда (во всех ситуациях) проводилось разграничение между местными уроженцами и аборигенами, привезенными из соседних областей Америки (так как последние были в большинстве своем рабами). С отменой рабства аборигенов на островах такое разграничение, потеряв свою функциональность, исчезло. «Индеецами» нередко называли потомков от союзов испанцев (европейцев) и аборигенов. А к концу XVIII в. слово "индеец" стало исчезать из языка некоторых официальных документов (в частности, в опубликованных переписях).

Испанские законы, касавшиесяaborигенов Америки, были действенны до той поры, пока в колониях не начались освободительные войны. 11 января 1821 г. Королевское распоряжение, утверждая, что индейцы вышли из состояния младенчества, в котором они, согласно прежним законам, пребывали, уравняло их с остальными испанцами. Была отменена должность Защитника индейцев, а индейские (общинные) земли должны были отойти Короне (цит. по: *Pichardo Moya* 1945, p. 22).

Это была реакция Испании на действия местных политиков, начавших борьбу за независимость в Америке и пытавшихся привлечьaborигенов на свою сторону. Как обобщил Розенблат, «недавно учрежденные республики спешили провозгласить эманципацию индейца и его юридическое равенство с белым» (*Rosenblat* 1954, p. 40-41)⁴⁰¹. Видимо, испанский закон 1821 г. был направлен, чтобы привлечь индейцев на свою сторону. Он уже не затронулaborигенов материковых земель, а на сохранившихся «индейцах» Кубы сказался негативно, о чем речь пойдет ниже⁴⁰².

---

⁴⁰¹ Как написал историк, «несспособного индейца», «индейца-недоросля», «которого нужно защищать как ребенка», республика в одночасье заменяет «индейцем-гражданином», которого она пытается уравнять с остальными обитателями страны. Было намерение из индейца-общинника сделать мелкого собственника, но его земли стали не его собственностью (*propiedad parcelera*), а собственностью других секторов населения страны (*Gabaldón Márquez* 1954, p. 42-43).

⁴⁰² Процессы лишенияaborигенов земель имели место и в странах, обретших независимость. Так, в Венесуэле, по словам одного историка, «несспособного индейца», «индейца-недоросля», «которого нужно защищать как ребенка», Республика спешно заменяет «индейцем-гражданином», которого она пытается уравнять с остальными обитателями страны. Из индейца общинника хотели сделать мелкого собственника. Но его земли стали

Теперь относительно судебaborигенов на отдельных островах.

Эспаньола

По утверждению Овьедо, в 1548 г. на этом острове было 500 местных индейцев, взрослых и детей, а остальные (большинство, по его словам) были привезены с других островов и материка (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 71). Лас Касас, непримиримый критик Овьедо, задавался вопросом, какую правду тот мог сказать о 50 индейцах (*Las Casas* 1951, t. III: 324). Возможно, он имел в виду только глав семейств.

Доминиканский историк Р. Касса, основываясь на некоторых источниках, полагал, что в 1547 г. на острове было 150 местных индейцев (*Cassá* 1974, p. 191). Согласно его исследованиям, индейцы, освобожденные в 1544 г. в соответствии с Новыми Законами, были, по большей части, интегрированы в деревни индейцев, созданные колониальными властями. Из них самой важной была Бойя (Boyá). По словам Касса, о судьбе других поселений известно мало, но, в целом, они постепенно исчезли. Некоторые индейцы оставались в скотоводческих и земледельческих хозяйствах как наемные работники. Были они и в городах – как наемные слуги, либо занимаясь попрошайничеством, сводничеством и проституцией (*Cassá* 1974, p. 220). Некоторые исследователи выявили, что к

собственностью не его самого, а других секторов населения (*Gabaldón Márquez* 1954: 42-43).

середине XVI большая часть испанцев Эспаньолы переместилась в г. Санто-Доминго и его окрестности. В то же время беглые индейцы, неучтенные властями, образовывали поселения в северной части острова, оставленной испанцами. Л. Гитар, обратившая на это внимание, сомневалась (видимо, справедливо) в том, что это были чистокровные индейцы (*Guitar* 2002, p. 11-12).

В 1570 г., согласно одному автору-современнику (López de Velasco), на Эспаньоле было лишь два поселения аборигенов, “de hasta 50 indios”, при общей численности негров от 12 до 13 тыс. (цит. по: *Rosenblat* 1954, p. 246). Пятьдесят лет спустя Васкес де Эспиноса, в своем общем описании Западных Индий 1620 г., написал «в настоящем нет на всем острове индейца»⁴⁰³ (Vázquez de Espinosa 1948, p. 36). Тремя десятилетиями позже другой свидетель, Херонимо Алькосер, сообщил, что на острове «индейцы кончились, от них осталось только одно поселение, что зовут Боя (Boya), в котором сейчас нет шести весино» (цит. по: *Rosenblat* 1954, p. 220). По мнению Касса, поселение Боя, к северу от г. Санто-Доминго, было сформировано из нескольких разрозненных семей и освобожденных рабов, привезенных с других территорий. Там долго сохранялось представление об индейском происхождении местных жителей (*Cassá* 1992, p. 300-301).

В конце XVII в. западная часть прежней испанской Эспаньолы отошла к Франции. Об аборигенах того и более

---

⁴⁰³ Al presente no ai en toda la Isla Indio

позднего, беспокойного для двух бывших колоний, времени опубликовано мало сведений. Известно, однако, что негры-рабы, бежавшие из французской колонии в испанскую, называли себя "indios" (*Cassá* 1992, p. 313).

Сан-Хуан (Пуэрто-Рико)

По мнению Р. Касса, вплоть до применения Новых Законов на остров продолжали поступать рабы из других мест, но это не сказалось на все возрастающем преобладание населения африканского происхождения. В 1544 г. на свободу были отпущены едва 60 человек. Касса полагал, что немалое число индейцев было утаено их хозяевами или находилось на усадьбах вместе с неграми (*Cassá* 1992, p. 301).

Согласно одному документу 1561 г., на Сан-Хуане в те поры было небольшое число рассеянных индейцев, не образовавших поселения. Кроме того, на острове Мона между Сан-Хуаном и Эспаньолой, было поселение с 50 индейцами, которые торговали⁴⁰⁴ с французскими и другими судами, что заходили туда. В документе они названы «разумными» (*entendidos*), то есть, очевидно, были крещены. Но священники их посещали лишь иногда (CDI, t. I, 1864, p. 23-24).

Географ Хуан Лопес де Веласко в 1570-х гг. упомянул поселение Сибуко (Cibuco), где, по его сведениям, жили индейцы, что были привезены рабами с других островов и освобождены. Что касается местных, то, по его словам, из них не осталось ни

---

⁴⁰⁴ Как написано, *dan de comer* (дают есть)

одного, все кончились⁴⁰⁵. Несколько индейцев жили с испанцами в порту Эль-Арресибо, и еще несколько - на острове Мора⁴⁰⁶ (цит. по: *Rosenblat* 1954, p. 247).

Когда в 1582 г., заполнялся опросной лист о состоянии колонии, было отмечено, что на острове не осталось ни одного местного индейца, и что ответы на вопросы об индейцах давали испанцы (CDI, t. XXI, p. 254, 257). К тому же времени относится сообщение о том, что оставались еще 12 или 15 индейцев, большинство рожденных на острове, но являвшихся потомками индейцев с материка. Они не знали индейского языка, некоторые работали по найму, а другие жили на своих небольших участках земли среди испанцев⁴⁰⁷ (цит. по: *Rosenblat* 1954, p. 247).

К концу того же, XVI в., тем не менее, относится сообщение о том, что город Сан-Хуан был почти целиком заселен индейцами (цит. по: *Baracutei Estevez* 2004). Такое утверждение может быть объяснено тем, что автор сообщения называл «индейцами» лиц смешанного происхождения, сохранивших физические черты своих предков, по которым внешние наблюдатели относили их к «индейцам». Упомянутый выше Васкес де Эспиноса (а это 1620 г.) написал относительно аборигенов этого острова, что в его время о них осталась только память (*Vázquez de Espinosa* 1948, p. 42).

Однако переписи населения второй половины XVIII в.

⁴⁰⁵ de los naturales no hay ninguno, que todos se han acabado

⁴⁰⁶ Видимо, ошибка. Скорее всего, это был остров Мона, на котором, как известно, из других источников, какое-то время обитали аборигены.

⁴⁰⁷ sirven algunos como soldados y otros están en sus haciendas entre españoles

отметили индейцев на этом острове: в 1777 г. – 1756 “чистых индейцев”, в 1787 – 2302, в 1797 – 2312 (*Rosenblat* 1954, p. 219). Касса⁴⁰⁸ уверенно полагает, что это было смешанное население, хотя, возможно, и сохранявшее некоторые черты аборигенов. А через небольшой промежуток времени, в переписи 1800 г., не были указаны ни «индейцы», ни люди с «примесью индейской крови» (mixed blood Indians)⁴⁰⁹. Было высказано предположение, с которым можно согласиться, что прежние «индейцы» попали в этой переписи в категорию свободных цветных или «пардо»⁴¹⁰ (*Baracutei Estevez* 2004; *Cassá* 1992: 302).

В начале XX в. Харрингтон утверждал, что потомки аборигенов времени открытия острова составляют большую часть сельских работников острова, особенно в центре и на северо-востоке. Очевидно, что в своем убеждении он, как и многие его современники и предшественники, полагался на физические характеристики встречавшихся ему людей - лицом они ему напоминали североамериканских индейцев (цит. по: *Baracutei Estevez* 2004). И некоторые другие авторы, еще позже, находили в горных районах Пуэрто-Рико «старый этнический и фольклорный фон, восходящий к древнему аборигенному населению» (цит. по: *Rosenblat* 1954, p. 149).

Ямайка

---

⁴⁰⁸ В его тексте стоит цифра 2200.

⁴⁰⁹ Эта ситуация сходна с той, что имела место в те же годы на Кубы, о чем будет сказано ниже.

⁴¹⁰ Pardo – синоним мулата, более официальный термин.

Относительно аборигенов Ямайки времени после принятия Новых законов в опубликованных источниках сохранилось мало сведений, и они противоречивы.

По мнению Лопеса де Веласко, в 1570-е гг. на острове было 2-3 маленьких поселения испанцев «и ни одного индейца» (цит. по: *Rosenblat* 1954, р. 247). Однако, по сообщению 1571 г. архиепископа Карбахала монарху, там все еще была деревня индейцев, где жили одни старики (цит. по: *A Chronology*). По другим сведениям, в 1611 г. на Ямайке оставалось 74 индейца (*Дридзо* 1962, с. 100). После того, как англичане в 1650-е гг. отняли у испанцев Ямайку, они стали ввозить туда рабов из Африки, среди которых остатки аборигенов окончательно растворились.

Куба

Из испанских владений на Больших Антильских островах ко времени применения там статей Новых Законов более всего аборигенов осталось на Кубе. После исполнения на острове этих законов аборигены обитали как в своих поселениях, так и в вильях, основанных испанцами. Некоторые кубинские историки, в частности Ф. Пичардо Мойя, полагали, что, кроме того, более или менее многочисленные "остатки расы" укрылись в удаленных уголках полупустого острова (*Pichardo Moya* 1945, р. 18). По Л. Марреро, в середине XVI в. на Кубе обитало около 220 испанских весино, около 1000 индейцев и около 700 негров-рабов (*Marrero* 1972, т. 1, р. 158).

Более всего сведений об индейцах того времени сохранилось относительно обитателей Гуанабакоа - видимо, потому что это поселение входило в юрисдикцию Гаваны, и связанные с ним дела нашли отражение в актах заседаний совета (кабильдо) Гаваны и в сообщениях из этого города.

Гуанабакоа, как официально признанное «поселение индейцев» было образовано 12 июня 1554 г., видимо, во исполнение королевского распоряжения, упомянутого выше. Согласно сведениям кубинского историка XVIII в. Х.М.Ф. де Аррате, почерпнутым из записей кабильдо Гаваны, Гуанабакоа была образована с тем, чтобы поселить там «бродивших по полям» индейцев для их доктринации и приведения к гражданской жизни⁴¹¹. Там же упомянуто и небольшое индейское поселение или урочище (ragaje) Таррако, которое, видимо, слилось с Гуанабакоа.

В середине XVI в., помимо Гуанабакоа, где были собраны местные индейцы, в окрестностях Гаваны был квартал, где были поселены индейцы, привезенные из других мест Америки, особенно из Кампече, по названию которого получило свое название место их обитания в Гаване (*Arrate* 1964, p. 38; *Azcárate Rosell* 1937, 238; см. также *Zayas y Alfonso* 1931, т. II, p. 261-262).

Л. Марреро утверждает, что в те же годы решением губернатора были учреждены индейские поселения поблизости

---

⁴¹¹ Относительно того, что индейское поселение в Гуанабакоа существовало до этого времени, см. в предыдущей главе.

от Сантьяго-де-Куба – Эль-Каней и Тринидад (*Marrero* 1974, т.2, р. 352-353).

Ко времени нападения на Гавану французских пиратов во главе с Сором (лето 1555 г.) в Гуанабакоа было 100 индейцев, с ними проживал один доминиканский монах. Именно в Гуанабакоа губернатор Кубы собрал отряд, в который входили 35 испанцев (из них лишь несколько пригодных для военных действий), 220 негров (рабов) и 80 индейцев. Негров и индейцев вооружили камнями (*talegas de piedras*) и охотничьями пиками. Они участвовали в боевых действиях против французов, и в один из эпизодов этих событий, подробно описанных несколькими свидетелями, Гуанабакоа была подожжена французами (CDI-2, т. 6, р. 365-372).

В ряде случаев перечисления участников одних и тех же событий помимо испанцев, негров и индейцев названы метисы (CDI-2, т. 6, р. 402, 409, 416). Очевидно, что для некоторых испанцев на Кубе различие «индейцев» и «метисов» не было существенным, и они метисов причисляли к индейцам. Погибшие были во всех названных группах населения Гаваны и Гуанабакоа (CDI-2, т. 6, р. 416). Авторы одного документа, говоря о жертвах, написали о бедных индейцах, лишившихся свободы, что им была дана⁴¹² (CDI-2, т. 6, р. 417).

При основании поселения индейцев Гуанабакоа в нем не был предусмотрен муниципальный совет, и делами его обитателей занимался совет Гаваны. Так, в 1569 г. совет Гаваны

---

⁴¹² los tristes indios acabaron con la libertad que se les habia dado

заслушал Диего Эрнандеса, индейца Гуанабакоа, о пожаловании ему силью Пуэбло-Вьехо (*Azcárate Rosell* 1937, p. 239). Обитатели Гуанабакоа получали земли и как сообщество - в 1574 г. защитнику индейцев этого поселения аюнтамьенто Гаваны предоставило несколько поместий для них (*Marrero* 1974, t. 2, p. 77-78)⁴¹³. В 1576 г. аюнтамьенто назначило францисканца, чтобы доктринировал индейцев (*Azcárate Rosell* 1937, 239).

В Гуанабакоа того времени не было и своего касика, судя по тому, что он не упомянут ни в одной из ситуаций, связанных с событиями в этом поселении. Видимо, в соответствии с королевскими распоряжениями, в качестве духовного пастыря и «инструктора» по новым для индейцев гражданским нормам там был монах, названный в нескольких документах. Но в начале 1560-х там не было и его. По словам епископа Вильялпандо, жившие в Гуанабакоа индейцы были столь бедны, что не могли содержать священника. Чтобы это исправить, епископ решился нарушить королевское распоряжение об отмене для индейцев церковной подати, ибо, по словам епископа, никто не хотел идти отправлять службу (*ir a dezir misa*) без надежды что-либо заработать (цит. в: *Zerquera y Fernández de Lara* 1977, p. 93).

Аборигены жили также в самой Гаване. В актах заседаний совета поселения сохранились записи о том, что ее обитатели-индейцы (во всяком случае, некоторые) имели статус весино и использовали его для просьб о земельном пожаловании (в

---

⁴¹³ Историки полагают, что эти земли послужили для обогащения одной из групп местных испанцев-олигархов (*Sorhegui* 1980, p. 193, 195).

пределах поселения или для ведения хозяйства вне его). Теми же актами засвидетельствовано, что Алонсо Гуанахо, как весино, принимал участие в выборах совета Гаваны с 1550 по 1560 гг. (*Zayas y Alfonso* 1931, т. II, р. 45). В одном из актов за март 1569 г. было зафиксировано, что «Алонсо, индеец, весино этой вильи» просил пожаловать ему огород и пашню (*conuco y labranza*), что он завел без разрешения кабильдо, а также немного леса. При этом он указывал на то, что он являлся весино Гаваны и, как таковой, исполнял дозорную службу. Просьба была удовлетворена (цит. по: *Marrero* 1974, т. 2, р. 77).

Акты совета Гаваны свидетельствуют, что индейцы просили землю под усадьбу рядом с усадьбой другого индейца, а также о том, что они получали дворы рядом с испанцами, а испанцы – рядом с индейцами и неграми, а последние – рядом с испанцами и неграми (*Pérez Beato* 1936, р. 30-31, 275-276, 384, 423-438).

Марреро выявил, что на протяжении немногим более четверти века, с 1550 по 1578 гг. в Гаване были предоставлены дворы (*solares*) для 10 индейцев. За это время земли в городской черте получили: весино (испанцы – Э.А.) – 174, вдовы (испанцев - Э.А.) – 12, свободные негры – 1, свободные негритянки – 6. Тот же Марреро обратил внимание на то, что, хотя документы свидетельствуют, что многие индейцы, как и свободные негры, жили вперемешку с важными весино (*vecinos principales*), наметилась тенденция к сегрегации, в силу чего привезенные с континента индейцы (большей частью с Кампече), проживали в

одноименном квартале, недалеко от своих эстансий (*Marrero* 1974, t. 2, p. 82-83; см. также *Arrate* 1964, p. 38).

У индейцев (из документа не ясно, Гаваны или Гуанабакоа) испанцы покупали касабе, по заниженной цене (*Papeles* 1931, t. I, p. 235).

В Ориенте и в Камагуэе также были индейские поселения с прилежащими возделываемыми землями. По мнению Марреро, основанному на хорошем знании документов, но по большей части индейцы просили земли для огородов (*conucos*), но отдельные располагали землями для разведения скота (такие земли назывались *sitios*), *s*). В распоряжении поселений имелись также земли, где пасся одичавший скот, который можно было забивать (*Marrero* 1974, t. 2, p. 77).

Некоторые сведения об аборигенах разных частей Кубы того времени можно найти в отчетах епископов Кубы об их инспекционных поездках по острову. Так, в письме королю епископа Вильялпандо от 2-го августа 1561 г. говорилось, что в Баракоа было 50 домов индейцев и жило всего 3 испанца. Там два года не было священника (цит. по: *Marrero* 1974, t. 2, p. 324). В 1563 г. тот же епископ назвал Баракоа индейским поселением, хотя там проживало несколько испанцев. Он сообщил, что недавно жители Баракоа разбили отряд французов, успевших осквернить местную церковь (цит. в: (*Zerquera y Fernández de Lara* 1977, p. 92)).

В Тринидаде в 1562 г. епископ не нашел церкви, а среди индейцев, как он выразился, было много суеверий и

идолопоклонства, и демон гулял среди них "столь обычно и любезно", как сто лет назад (цит. по: *Zerquera y Fernández de Lara* 1977, р. 93).

В одном из писем епископ сообщал, что в 1562 г. на всем острове было лишь 4 священника, и его обитателей с трудом удавалось убедить подчинению церкви и обрядам "нашей святой веры", и это было присуще не только местным индейцам, но также испанцам и их детям (цит. по: *Zerquera y Fernández de Lara* 1977: 91). В другом его письме речь шла о 5 священниках (по два в Гаване и Баямо и один - в Сантьяго-де-Куба). Епископу говорили, что "индейцы или большая их часть ... живут настолько в своем законе, как будто никогда не видели христиан" (цит. по: *Marrero* 1974, т. 2, р. 324).

Индейцы Тринидада, как говорилось выше, какое-то время жили в этом поселении без испанцев. В обращении к губернатору Кубы в мае 1562 г. представители этого поселения определили себя как «индейцы Кубы, уроженцы вильи Тринидад»⁴¹⁴. Они заявили, что живут «в названной вилье с тех пор, как заселен этот остров»⁴¹⁵. Они употребили глагол «*poblar*», значение которого было «заселять», «обустраивать усадьбу», «осваивать земли», «закладывать город». Таким образом,aborигены, уроженцы определенного места Кубы, отсчитывали свою историю со временем ее захвата испанцами. Они сообщали, что в этой вилье у них были дома, они имели свои огороды и пашни (*conucos*,

---

⁴¹⁴ indios de Cuba naturales que somos de la villa de la Trenidad

⁴¹⁵ hemos residido en la dicha villa desde que esta isla se pobló

labranzas), эстансии, земли для разведения свиней, лошадей и коров (*corrales de puercos, caballos y vacas*).

Епископ Вильялпандо велел им переселиться в вилью Санкти-Спиритус, а алькальдам Санкти-Спиритус - сжечь хижины обитателей Тринидада и их хозяйства и лишить их других владений (*apoderamientos*). По словам представителей Тринидада, такое перемещение означало бы смерть для них и запустение острова⁴¹⁶. Они указывали также на то, что к ним «каждый день» заходят много больших и малых судов с материка, из Кастилии и других мест для снабжения продовольствием и другими вещами.

Уроженцы Тринидада доводили до сведения губернатора, что испанцы Санкти-Спиритус хотели завладеть их землями и пашнями и использовать их труд, хотя они (жители Тринидада), являются свободными людьми. Поэтому они просили оставить им свободу, предоставленную монархом, а также о том, чтобы весино Санкти-Спиритус не заставляли их работать на себя, и чтобы их (жителей Тринидада) не лишали их поселения, «которое они считали своим с тех пор, как оно было основано»⁴¹⁷. И еще раз напомнили о значимости Тринидада для острова и для судов, заходящих в порт.

Была также просьба о священнике для Тринидада, который

⁴¹⁶ nosotros e nuestros hijos nos moriremos y sera causa de que la isla se despueble... (цит. по: Zerquera y Fernández de Lara 1977, p 88). Страх перед запустением острова, то есть лишением его испанских поселенцев, постоянно присутствовал в документах того времени (см. в главе 4)

⁴¹⁷ que desde que se fundó hemos tenido por nuestro

проводил бы службу и объяснял христианскую доктрину. А пока нет такого священника, просили его заместить уроженцем Тринидада⁴¹⁸, который, как говорилось, уже много лет занимался этим. Из дальнейшей записи прошения жителей Тринидада следует, что ими управлял назначенный губернатором альгасил. То есть, очевидно, что в этом поселении, когда там отсутствовали испанцы, не было органа местного самоуправления, кабильдо. Поскольку этот альгасил умер, и, как сказано в тексте, «нет лица, которое бы нами руководило и управляло, и которому бы индейцы подчинялись», представители Тринидада просили назначить альгасилом сына умершего или другого человека из весино их пуэбло.

Далее речь шла о том, что мажордомами церкви Тринидада были весино Санкти-Спиритус, которые забирали в Санкти-Спиритус доходы церкви Тринидада. Соответственно, просьба была о том, чтобы мажордомами церкви в Тринидаде были люди этого поселения.

Еще одна просьба касалась дочерей и сыновей жителей Тринидада. Их, против воли родителей, забирали весино Санкти-Спиритус, под предлогом их доктринации, и заставляли их работать на себя. На деле их не наставляли, а работа на весино Санкти-Спиритус мешала жителям Тринидада возделывать свои огороды и пашни. По словам тринидадцев, весино Санкти-Спиритус силой заставляли обитателей Тринидада отправляться

---

⁴¹⁸ Это был Луис де ла Серда, один из представителей Тринидада перед губернатором.

в их вилью, как если бы они были рабами. Поэтому тринидадцы, «как свободные люди», просили губернатора «защитить свободу, которую им дал Их Величество».

Как оказалось, весино Санкти-Спиритус пускали свой скот на выпасы, где пасся скот обитателей Тринидада, а затем забирали чужой скот под предлогом того, что он принадлежит церкви. Тринидадцы просили губернатора, чтобы он повелел, чтобы испанцы не гнали свой скот на их выпасы, обещая выделить для церковного скота другое пастбище.

Через некоторое время губернатор огласил свои решения. Он велел оставаться индейцам Тринидада на своем месте до распоряжения императора. Чтобы алькальды не отбирали у индейцев их сыновей и дочерей, а если некоторые уже были отобраны – вернуть и «оставить в их полной свободе и пользоваться ею, как пользуются испанцы». Это решение было оглашено во всех поселениях острова. Что касается пастбищ, алькальды должны были их посмотреть и разделить, без ущерба для индейцев (цит. по: *Zerquera y Fernández de Lara* 1977, p. 87-90).

Из цитированного выше документа очевидно, что индейцы Тринидада в 1562 г. осознавали себя частью колониального общества. Они предстают как граждане этой вильи и рассуждают как испанцы того времени, беспокоясь о судьбе всего острова. В их обращении к губернатору нет ничего о доиспанском прошлом. Даже, по их словам, проживали они там со временем основания вильи (то есть, испанцами).

По документы видно также, что хозяйство индейцев Тринидада того времени не отличалось от хозяйства их не индейских соседей. Сходен, видимо, был и духовный мир, во всяком случае, налицо приверженность католическом культу. Вероятно, такими же были и индейцы-обитатели остальных известных поселений Кубы. Об этом говорит, в частности, то, что в ряде «индейских поселений» были часовни уже в 1560-е годы. Некоторые из них стали со временем приходскими церквями (*Leiseca* 1938, р. 33). В начале XVII века часовню основали индейцы Пуэрто-Принсипе (*Leiseca* 1938, р. 61).

Аборигены все еще могли быть предметом противоречий между гражданскими и церковными властями Кубы. В 1563 г. епископ Вильялландо сообщал королю, что перед его прибытием на остров губернатор объявил себя защитником индейцев «для своих собственных целей» и назначил на этот пост вместо себя другого человека, весино Гаваны. При этом, по сообщению епископа, с индейцами обращались очень плохо, заставляя их работать и делать другие несправедливые вещи (*otras cosas contra razon*). Когда епископ стал проповедовать и наставлять индейцев, губернатор, по его словам, велел индейцам не исполнять то, что говорил епископ (*Zerquera y Fernández de Lara* 1977, р. 92).

Некоторые индейцы к этому времени превратились в наемных работников на сахарных плантациях, на поместьях какао и в других отраслях (цит. по: *Morales Patiño* 1951, р. 378).

В 1569-1570 гг. обход своей епархии на Кубе совершил епископ Хуан де Кастильо. В его отчете поселениями индейцев

(pueblo de indios, poblacion de indios) названы Лос-Канейес (Los Caneyes) недалеко от г. Сантьяго, где было 20 индейцев, и Гуанабакоа, где, по словам епископа, было 60 женатых индейцев и священник. Только индейцы обитали и в Тринидаде (50 женатых человек). Там была церковь, но тамошние индейцы, по словам Кастильо, никогда не видели в ней священника.

В некоторых испанских поселениях весино-аборигенов было столько же, как испанцев (в Саване - 10, в Санти-Спиритусе – 20). В трех из испанских поселений индейцев было даже больше, чем испанцев (в Баракоа 17 и 8 соответственно, в Баямо 80 и 70, в Пуэрто-Принсипе 40 и 25). Кастильо ничего не сказал об аборигенах в Сантьяго (упомянул 32 весино-испанца) и Гаване (более 60 весино-испанцев) (Papeles 1931, t. I, p. 217-225).

Епископ нашел на острове всего 297 женатых индейцев, более половины которых (167) жили совместно с испанцами, 80 – в своих поселениях, и 50 – в бывшей испанской вилье⁴¹⁹. К сообщению епископа есть анонимное дополнение, в котором говорится, что на острове не осталось ни одного индейца, и большинство населения составляют метисы и негры, а епископ не может применить там свою образованность (Papeles 1931, t. I, p. 226). Видимо, для некоторых испанцев на Кубе того времени различие «индейцев» и «метисов» было не существенным.

В начале 1574 г. были составлены «Ордонансы», согласно

---

⁴¹⁹ По данным А. Розенблата, в 1570 г. на Кубе было 1350 индейцев, из которых 270 могли облагаться податью (Rosenblat 1954, p. 88). Испанских весино, по Марреро, там в это время было лишь 240 (Marrero 1974, t. 2, p. 324).

которым должна была управляться Гаваны; действительны они были и для других испанских поселений острова. Их подготовил Алонсо де Касерес, находившийся в то время на Кубе как судья резиденции. По документу видно, сколь малое значение стали иметьaborигены для испанских поселенцев даже на этом острове. Об индейцах речь шла лишь в нескольких пунктах из 88.

В отличие от негров, распоряжения о которых составляют один блок из 14 статей, три упоминания индейцев находятся в связи с распоряжениями другого рода: альгвасилу Гаваны запрещалось входить в Гуанабакоа со своим жезлом (распоряжение 17); ночью альгвасилам запрещалось входить в дома «индейцев, негров и бедных людей» (распоряжение 18); при наделении землями испанцев следовало учитывать интересы проживавших там индейцев – при посредстве «защитника индейцев» (распоряжение 79). Лишь одно из распоряжений (47) прямо обращено на индейцев. Оно начинается с утверждения о том, что «индейцы пьют вино очень беспорядочно, и по опыту видно, что, пока оно у них есть, они не работают, ничем не занимаются...». Поэтому запрещалось продавать вино в поселении индейцев, в Гуанабакоа, или в другой таверне, или нести его на продажу. «Если у какого-либо индейца была необходимость пить вино по какой-то причине», разрешение на покупку вина мог дать «защитник индейцев», а в случае его отсутствия – губернатор или алькальд (цит. по: *Carrera y Justiz* 1905, t. 2, p. 263, 274, 287).

О положенииaborигенов на Кубе (в частности, Гуанабакоа)

после провозглашения там Новых Законов можно судить по некоторым документам другого рода. Вот выдержки из приговора, вынесенного Касересом по делу племянникаadelантадо Флориды, Перо Менендеса, (20 февраля 1574).

Пункт XIII гласил о том, что Менендес позволил наложение чрезвычайного сбора (*derrama*) на поселение индейцев Гуанабакоа для платы священнику, который проводит там службу. Из пункта XXV вытекает, что он не отреагировал на просьбу индейцев Гуанабакоа. А суть ее была в том, что несколько весино Гаваны пасти и разводили свиней на землях Гуанабакоа, в силу чего индейцы не могли там охотиться на одичавший скот, за счет чего они жили. Индейцы просили также, чтобы им был открыт проход в Гуакарана для выхода к местам охоты, и о возможности пасти их лошадей в Гуакарана. Более того, Менендес позволил предоставить новые земли для разведения свиней в ущерб индейцам. Еще одним пунктом, XLVIII, Перо Менендесу вменялось, что на Кубе у него служил индеец, которого он увез во Флориду и не платил ему (Papeles 1931, t. 1, p. 258, 260, 263)⁴²⁰.

К началу 1580-х гг., видимо, можно отнести истоки формирования отрядов ополченцев из не-испанцев, в том числе из индейцев. В феврале 1582 г., в связи с угрозой нападения французов и англичан, губернатор Кубы разослал "по всему острову" распоряжение быть готовыми и прислать ему список

---

⁴²⁰ Это обвинение было снято, но факт возможности такой ситуации говорит, что распоряжения Новых Законов относительно аборигенов Антил могли не исполняться.

людей, пригодных к боевым действиям, что были в каждом селении, как испанцев, так и метисов, мулатов и индейцев. В Гуанабакоа, где, по словам губернатора, были "добрые молодцы" (*buenos moços*) индейцы, мулаты и метисы, он "из лучших" сформировал отряд около 50 человек «с их оружием» и одного из них назначил капитаном (Papeles 1931, t. 2, p. 93). Видимо, это был индеец, так как в списке индейцев Гуанабакоа, составленном в декабре того же года, один из них назван капитаном индейцев (Papeles 1931, t. 2, p. 185). Губернатор также сделал смотр индейцев, метисов, мулатов и негров-орро (то есть, свободных) Гаваны. По мнению губернатора, они могли быть полезны "рядом с нами", даже если только будут создавать видимость большого числа людей (Papeles 1931, t. 2, p. 93-94). Вероятно, капитаном этого отряда был свободный негр, так как в упомянутом списке жителей Гаваны 1582 г. назван “капитан негров”⁴²¹, и не было упоминания капитана индейцев (Papeles 1931, t. 2, p. 184).

В противоположность губернатору, алькальд крепости Гаваны очень низко оценивал индейцев Гаваны и Гуанабакоа. Он составил список мужчин этих поселений с учетом возможности их участия в военных действиях. Перечень включал в себя несколько групп испанцев, а также свободных негров и индейцев. Индейцы Гаваны, 40 человек, и индейцы Гуанабакоа, 45 человек, фигурируют в нем как весино. Хотя в Гуанабакоа тогда проживало несколько весино испанцев, капитаном индейцев был индеец (чего не было у индейцев Гаваны). Алькальд

---

⁴²¹ moreno, capitán de los negros

(враждовавший с губернатором)⁴²², назвал индейцев «бесполезными и престарелыми»⁴²³ (Papeles 1931, t. 2, p. 182-185). Тогда же и столь же пренебрежительно отзывался об индейцах Гуанабакоа один из королевских чиновников - «жалкие и бесполезные люди, не владеющие никаким видом оружия»⁴²⁴ (Papeles 1931, t. 1, p. 240).

Позже отряды ополченцев в испанских колониях (они получили название *milicias*) создавались отдельно из испанцев, свободных негров, свободных мулатов и из индейцев. По мнению кубинского историка, в Гаване первый отряд ополченцев из свободных мулатов был образован в 1600 г. (*Deschamps Chapeau* 1976, p. 20). Вероятно, к тому же времени относится и образование отрядов ополченцев-индейцев⁴²⁵.

На примере Гаваны и Гуанабакоа видно, как на протяжении трех десятков лет (со времени применения Новых Законов на Кубе) в испанской вилье появились весино-индейцы, а в некогда «индейском поселении» стали жить испанские весино. Кроме того, там и там были люди смешанного происхождения, метисы и мулаты.

Аборигены испанских поселений разделяли участь других

⁴²² Между губернатором Кубы и комендантом крепости Гаваны были разногласия относительно субординации....

⁴²³ «hombres inútiles y mayores de edad»

⁴²⁴ «gente miserable y inútil y no ejercitada en ningún género de armas»

⁴²⁵ С 1590 г., в Гаванских церквях были введены книги записей крещений, браков и смертей отдельно для "испанцев", "негров", "мулатов" и, в некоторых случаях, "индейцев" (Leiseca 1938, p. 44). К 1600 г. восходит создание отдельных церковных общин "испанцев, индейцев, негров, мулатов или лиц другого состояния и качества" (Franco 1985, p. 135-136).

поселенцев в кризисных ситуациях. Так, в 1578 г. французские пираты сожгли вилью Савана за то, что ее обитатели отказались дать им провиант. В то время там насчитывалось 30 домохозяйств, из которых 10 весино были испанцы, а остальные - индейцы (Papeles 1931, t. 1, p. 290). При нападении французов на Сантьяго испанскими властями для его защиты были привлечены индейцы, как вооруженные (некоторые с пиками или мечами), так и в качестве прислуги. При описании событий упомянуты также индейцы-дозорные в крепости и индейцы при пушках⁴²⁶ (Marrero 1974 t. 2, p. 447, 449)

Хотя индейцы-обитатели испанских поселений, очевидно, уже считались весино (во всяком случае, некоторые), их права не были равны правам испанцев, как это видно не только по эпизодам жизни индейцев Тринидада, но и по ордонансам Касереса. Известны также случаи, когда отдельные представители власти Гаваны вершили суд в Гуанабакоа и подвергали тамошних индейцев физическому наказанию (Papeles 1931, t. 1, p. 295; события мая 1578 г.)

Какая-то часть аборигенов обитала вне поселений. Так, Аппарате на основании королевской грамоты 1567 г. пришел к выводу, что Бартоломе Баркасо, весино Гаваны, просил дать ему в энкомьенду индейцев, рассеянных по лесам (*montes*), чтобы основать с ними поселение (Arrate 1964, p. 37). В 1574 г. Эрнан Манрике де Рохас получил титул защитника индейцев Гуанабакоа и разрешение собрать бродячих индейцев. Тогда же

---

⁴²⁶ При взрыве пушки погиб пушкарь и были ранены два индейца.

он, от имени индейцев, просил у кабильдо Гаваны и получил земли для разведения мелкого скота (*Marrero* 1974, т. 2, р. 77–78). В 1589 г. губернатор острова распорядился, чтобы все индейцы обязательно жили в Гуанабакоа (цит. по: *Le Riverend Brusone* 1960, р. 63), что подразумевает, что не все индейцы Гуанабакоа хотели жить в самом поселении.

Какое-то время на острове еще могли оставаться индейцы, вовсе избегавшие контакта с испанцами. Видимо, в 1570-е гг. была пленена группа аборигенов на юге нынешней провинции Матансас. В эпизоде, зафиксированном значительно позже самого события, сообщалось о том, что были посланы испанцы на завоевание 60 индейцев, обоего пола, «среди болот». Когда испанцы остановились на ночлег, они были ограблены индейцами. Другой отряд испанцев, вместе с потерпевшими, отправился по следам напавших и после многодневных трудных переходов обнаружил небольшое поселение. Утром индейцы были схвачены. Как сказано в документе, предводитель испанцев, Диего де Сото, испросил плененных для поселения их в Гуанабакоа. Но, к тому времени, когда разрешение было получено, почти все они умерли, отравив себя соком маниоки. Осталось только три человека, названные по именам: Хутия, Бахибаи и Костилья (*Jutía, Baxibai, y Costilla*). Как можно судить по этим именам, их носители не пользовались христианскими именами, и в то же время очевидно, что у некоторых были испанские прозвища (*Costilla*) (*Urrutia y Montoya* 1931, т. 2, р. 70–

71⁴²⁷; см. также *Escoto* 1924, p. 38-39).

*

По документам XVII в. видно, что число аборигенов в некоторых известных нам индейских поселениях уменьшалось. Так, в 1605 г. в Гуанабакоа было 25 мужчин и 9 женщин (*Zayas y Alfonso* 1931, t. 2, p. 37).

Потомки аборигенов острова в глазах описывавших их испанцев уже не воспринимались как "чистые индейцы". В письме королю от 22 сентября 1608 г. епископ Хуан де лас Кабесас Альтамирано назвал Гуанабакоа, *pueblo cillode indios*. Тамошние индейцы несли дозорную службу и были, по его словам, наполовину обиспанены (*medio españolados*). В поселении было самое большое 60 домов *de raja*⁴²⁸. Епископ назвал еще одно индейское поселение, Баракоа, которое он сам не видел, но ему сказали, что там было до 20 домов. Их обитателей он также называл обиспаненными.

Епископ, выделив Гуанабакоа и Баракоа как поселения индейцев, отметил, что индейцы есть также в Пуэрто-Принсипе, Баямо и Сантьяго-де-Куба, где они живут отдельным кварталом в пригородах⁴²⁹. По словам епископа, поскольку из-за страха

⁴²⁷ У некоторых исследователей эта группа кубинских аборигенов получила название макурихес. На мой взгляд, ошибочно. Слово «макурихес» фигурирует в этом рассказе, со всей очевидностью, как название дерева (или кустарника) - *Llegaron a un paraje donde estaban tres palos en tal disposición que se servian de ellos de dormitorio en no lolviendo // lloviendo? // muchísimo, que se llamavan Macurijes* (дошли до урочища, где было три дерева, которые были в таком положении, что использовались для сна, когда дождь не был сильным, что назывались макурихе).

⁴²⁸ То есть, из растительных материалов

⁴²⁹ como arrabal de estos pueblos

пожара дома на Кубе не располагаются так, как в Испании, то все (имелись в виду индейцы – Э.А.) смешаны по большей части и уже как обиспаненные⁴³⁰. По мнению епископа, только в Сантьяго большинство индейцев были местными, а в других местах они составляли меньшинство; привезенные индейцы были из Новой Испании.

Епископ писал, что какое-то число рабов и несколько испанцев-работников, а также негры и негритянки, мулаты и мулатки, метисы и метиски всегда проживали в скотоводческих хозяйствах (цит. по *Marrero* 1976, т. 3, р. 14-15). Обращает на себя внимание, что в этом перечне уже нет индейцев.

Кубинский антрополог М. Риверо де ла Калье, на основании изучения архивных документов, пришел к выводу, что упомянутое епископом, но не названное им поселение между Баракоа и Сантьяго, было Тигуабос. По словам епископа, в этом индейском поселении скрывались беглые рабы (*Rivero de la Calle* 1978, р. 157).

Что касается Гаваны, то в ней епископ уже не упоминал индейцев.

В Сантьяго де Куба в 1604 г. были зафиксированы 72aborigena (обозначены как naturales), в числе которых были 16 супружеских пар, дети и несколько холостяков. Там индейцы несли дозор на городской крепости, получая за службу один реал в день. Среди них были также гонцы и монтеро⁴³¹, что обслуживали

---

⁴³⁰ de aquí hace que todos estén mezclados los mas y son ya como españolados

⁴³¹ montero – конный пастух и охотник на скот, находившийся в свободном выпасе.

Сантьяго-дель-Прадо. Платой им были деньги (2 с половиной реала) и продукты (касабе, рыба и мед) (*Marrero* 1976, т. 3, р. 20). Индейцы также работали на возведении крепостных сооружений, что было засвидетельствовано археологическими раскопками (*Reyes* 2009, р. 10).

Марреро посчитал возможным назвать индейцев того времени (по крайней мере, их часть) зачаточным свободным классом пролетариев⁴³², наряду со свободными неграми и мулатами и некоторыми испанцами. В социальном отношении они стояли ниже ремесленников и на договорных началах выполняли разного рода работы на селе, в поселениях и на море (*Marrero* 1974, т. 2, р. 298).

В начале XVII в. губернатор Кубы, Вальдес, сообщал: «На этом острове много лет назад обращены немногие индейцы, что не нем остались, и не платят никакой подати и никогда ее не платили из-за большой бедности» (цит. по: *Marrero* 1976, т. 3, р. 20).

Аборигены некоторых областей Кубы все еще воспринимались некоторыми образованными людьми как значимая социальная сила. Об этом можно судить по поэме "Зерцало терпения" (1608 г.). Среди участников схватки с французскими пиратами, которые прежде пленили кубинского епископа Альтамирано, было несколько индейцев. Один из них, Родриго Мартин, представлен как, *indio gallardo*⁴³³; другие не названы, в том числе один погибший (*Balboa* 1941, р. 92, 99, 106).

---

⁴³² *incipiente clase proletaria libre*

⁴³³ Представительный, мужественный

Из последующих упоминаний аборигенов Кубы видно, что они продолжали растворяться среди других слоев населения. В 1620 г. епископ А. Энрикес де Армендарис в своем отчете сообщал королю, что в Сантьяго-де-Куба было не больше дюжины индейцев из общего числа 250 душ, включая испанцев и негров. По его мнению, они были «уже смешаны и коннатурализованы с испанцами и землей», и им не нужна особая доктрина. В Баямо, где проживало около тысячи пятьсот душ, по словам епископа, нельзя было подсчитать с большой точностью испанцев, индейцев, негров и мулатов, так как все смешаны. Епископ уточнил, что в названное им число не вошли те люди, что обитали в сельской местности.

В Пуэрто-Принсипе было около 300 душ, в число которых входили испанцы, негры и мулаты, а также «полдюжины индейцев». В Санкти-Спиритусе – до 200 душ, и среди них – 6 или 7 индейцев, «и негры и мулаты с указанным выше смешением», большинство из них – бедные люди. В Вилье-дель-Кайо насчитывалось около 50 душ, большую часть которых составляли мулаты,metis и португальцы⁴³⁴. В Тринидаде, утверждал епископ, было около 150 душ, большинство – потомки индейцев и мулатов, как и в других вильях, о которых он упоминал. Они плохо подчинялись церкви и предавались порокам. В Гаване, с населением около 7 тыс. душ епископ не отметил индейцев. Не упомянул он их и в Баракоа.

---

⁴³⁴ Примечательно, что здесь уже не названы индейцы, которые прежде всегда там указывались. Епископ посчитал нужным отметить, что обитатели этого поселения иногда били своего священника.

А вот как епископ увидел Гуанабакоа. Прежде всего, он ее назвал просто «пуэбло», а не «пуэбло индейцев», как прежние авторы. Большую часть из 170 душ составляли «потомки индейцев», местных индейцев было до 50 человек. Проживали там и несколько испанцев, «смешанных», по словам епископа. В Гуанабакоа была приходская церковь, священником которой служил уроженец Гаваны (*Documentos* 1973, p. 567-569, 570).

В ответ на королевское повеление о том, чтобы епископ известил, как обращаются с теми индейцами, что остались в пределах его епископата, Армендарис написал - “Поскольку нет больше индейцев на этом острове, что были бы настоящими индейцами, а лишь немногие, что я упомянул, они в каждом поселении уже смешаны с испанцами. С ними обращаются так же, как с остальными испанцами, и так же их наставляют». И у них нет других существенных повинностей или налогов.

Отдельно он написал о Гуанабакоа, где индейцы "очень страдают", так как их земли были узурпированы до такой крайности, что им негде сеять⁴³⁵ (*Documentos* 1973, p. 574). В 1630 защитник индейцев Родригес де Акоста испросил у совета Гаваны для индейцев Гуанабакоа земли, которые были предоставлены, что подтверждено королевской грамотой от 27 января 1632 г. Ею же повелевалось вернуть индейцам земли, которых они были прежде лишены (*Azcárate Rosell* 1937, p. 239). В 1659 г. в Гуанабакоа был еще отряд ополченцев из индейцев (*Marrero*

---

⁴³⁵ les han usurpado sus tierras y los han arrinconado, de manera que no tienen donde sembrar

1976, т. 3, р. 20).

В дальнейшем в Гуанабакоа число испанцев росло, в то время как число аборигенов уменьшалось, пока они не исчезли (*Azcárate Rosell* 1937, р. 239). К сороковым годам XVIII в. Гуанабакоа настолько утратила аборигенное население, заселяясь испанцами, что в 1743 г. ей был пожалован титул вильи (*Villa de Nuestra Señora de la Asunción de Guanabacoa*). Под юрисдикцию ее муниципалитета перешли обширные, считавшиеся когда-то индейскими, земли, с чем не были согласны знатные гаванцы (*Marrero* 1978, т. 6, р. 147-148)⁴³⁶. Испанский чиновник начала XIX в. утверждал, что испанцы Гуанабакоа представили себя королю как местные (*naturales*⁴³⁷), и им дали землю (*Calvo* 1909, р. 156).

На западе острова «индейцы» как признанная властями (и отражаемая в документах) социальная категория, стала исчезать раньше, чем на востоке. Так, в переписи 1691 г. обитателей Гаваны в пределах городской стены уже не было индейцев (*Marrero* 1976, т. 3, р. 56). На рубеже XVII-XVIII вв. в церкви Санто-Анхель-Кустодио Гаваны была еще книга регистрации браков, отведенная для индейцев, мулатов и негров (*indios, pardos y morenos*), но там не было записанных «индейцев» (*López Valdés* 1988, р. 136).

Единичные крещения «индейцев» в приходских книгах

⁴³⁶ Марреро написал, что документы о тяжбах включают тысячи листов folios в Архиве Индий. К 1744 г. в вилье проживало 1942 человека, в сельской местности – 3858 (*Marrero* 1978, т. 6, р. 183).

⁴³⁷ слово *naturales* служило одно время для обозначения аборигенов.

некоторых церквей западной части Кубы, в частности, в Кивикане в 1724, 1725 и много позже, в 1773 гг. (*Pichardo Moya* 1945, р. 19), отражали, скорее всего, присутствие там аборигенов, ввезенных из других частей Америки. Они были заняты в работах в порту, в земледелии и домашнем услужении. Их труд использовался также на строительстве, в частности, крепости в Сантьяго-де-Куба (*Santamaría García, Vázquez* 2013, р. 10, 20).

В отличие от запада острова, на востоке аборигенное население еще сохранялось. Историки уже обращали внимание, что в 1618 г., когда вышло королевское распоряжение о параметрах формирования поселений индейцев, на Кубе было создано новое поселение индейцев. Оно было образовано на востоке Кубы и получило официальное название Сан-Луис-де-лос-Канеес (или Эль-Каней), и имело свой совет (*cabildo*)⁴³⁸.

Первое упоминание этого места относится к 1569 или 1570 гг. Во время своей пасторской инспекции епископ Кастильо отметил, что в Сантьяго-де-Куба насчитывалось только 32 весино (испанцев – Э.А.) и 20 индейцев, которые обитали в хуторе (*caserío*) Лос-Канеес. В 1604 г. там было 77 индейцев (*Reyes* 2009, р. 8-9).

Жителям Эль-Канея приходилось постоянно испытывать давление со стороны соседей-испанцев. В мае 1655 г. Маркос Родригес, касик этого пуэбло, сообщал королю: жители г. Куба (название того времени для Сантьяго-де-Куба) «так обрезали

---

⁴³⁸ Он получил также герб (*escudo de armas*), на котором была изображена сидящая индианка со щитом Испании в руках (*Zayas y Alfonso* 1932, т. II, р. 152).

границы поселения, что не осталось земель для посевов, чтобы сдержать наши семьи». По этой причине некоторые весино уходили в другие места. А обитатели этого поселения, по словам касика, снабжали Сантьяго мясом, открывали дороги, несли дозорную службу и делали другие дела, важные для служения королю. Касик просил дать поселению королевские земли для обработки и для выпаса скота⁴³⁹. Касик жаловался, что некоторые весино - хозяева поместий забирают себе королевские земли, не разрешая это делать индейцам⁴⁴⁰ (*Marrero* 1976, т. 3, р. 225).

В начале 1680-х гг. в этом поселении насчитывалось 50 весино, местных индейцев, при общей численности в 200 человек. В 1684 г. речь шла о 30 весино (*Marrero* 1976, т. 3, р. 21). Индейцы Эль-Канея были заняты на возведении крепости в Сантьяго – в 1691 г. местный губернатор жаловался, что они, как и негры, постоянно убегали с работ. В те же годы (1693 г.) они были вовлечены в распри между испанцами (*Reyes* 2009, р. 10, 12).

Согласно переписям населения, осуществленным в восточной части острова в 1684 г., в Пуэрто-Принсипе не было индейцев⁴⁴¹. В юрисдикции Сантьяго их нашли в Сан-Луис-де-

⁴³⁹ nos señale la tierra que pareciere conviniente cerca del pueblo para nuestras labranzas y rozas, y asimismo los montes y partes que pareciere conviniente para las monterías.

⁴⁴⁰ Считают, что Маркос Родригес был последним касиком этого поселения; он был также капитаном местных милиций, умер в 1658 г. (*Azcárate Rosell* 1937, р. 235). Согласно Пичардо, еще в 1699 г. за потомком основателя Сан-Луиса-дель-Канея признавался титул касика (*Pichardo Moya* 1945, р. 20).

⁴⁴¹ В 1648 г. в одном из кварталов Пуэрто-Принсипе обитали 40 индейцев, «хотя и очень смешанных с европейцами» (*Santamaría García, Vázquez* 2013, р. 10).

лос-Канейес, где было 30 весино (то есть на 20 меньше, чем два года назад – Э.А.). В Баямо они обитали в нескольких общинах: Санта-Ана, Гуанаруби, Хигуани-Арриба, Лос-Кемадос, Каутильо и Эль-Сао. Всего там насчитали 261 индейца (еще 18 не захотели представиться к переписи); среди них было 47 брачных пар и 5 человек холостых. По подсчетам Марреро, аборигены в Баямо и в Сан-Луисе составляли 10% обитателей этих поселений (*Marrero* 1976, t. 3, p. 21-23, 57).

Как видно из сказанного выше, на востоке острова аборигены проживали не только в официальном поселении индейцев, Сан-Луис-де-лос-Канеес, но и в других местах. Видимо, с целью концентрации некоторых из них в начале XVIII в. было образовано еще одно поселение индейцев. В 1701 г. индеец Мигель Родригес, владелец поместья Хигуани Арриба, уступил его индейцам, которые там поселились. Губернатор Сантьяго присвоил Хигуани статус *pueblo de Indios*, назначил туда 6rehidоров, которые должны были выбирать 2 сельских старост (*alcaldes pedáneos*). Перед губернатором индейцев представлял "защитник индейцев", испанец, живший в Сантьяго (*Marrero* 1978, t.6, p. 182-183). Более поздние исследования уточнили историю возникновения Хигуани. По их данным, приход Сан-Пабло-де-Хигуани был образован в апреле 1700 г. Только в 1710 г. церковь и нарождающееся поселение переместились на свое нынешнее место. Совет, состоявший из индейцев, функционировал не регулярно, какое-то время вовсе бездействовал и был восстановлен между 1737 и 1740 гг. (*Licea*

Bello 2012).

Как ранее в случае с обитателями Гуанабакоа и Сан-Луис-де-лос-Канеес, индейцы Хигуани подвергались притеснениям со стороны испанцев (особенно знатных) соседних поселений, Сантьяго-де-Куба и Баямо. На это они в последней трети XVIII в. жаловались в Аудиенцию Санто-Доминго, указывая, что их жалобы никогда не рассматривались (цит. по: *Rosenblat* 1954, р. 187).

Известно, что в 1730-е гг. индейцы еще обитали в Ольгине. Там в книгах приходской церкви с 1732 по 1735 гг. отмечено, по меньшей мере, 25 крещений детей-индейцев (*Cuba Arqueológica*, June 20, 2016. Fuente: <http://www.ahora.cu/secciones/holguin/23819-en-busca-de-nuevos-horizontes>).

Об индейцах Кубы середины XVIII в. некоторое представление можно составить по отчету об инспекционных поездках 1754-1757 гг. епископа Педро Аугустина Мореля-де-Санта-Крус⁴⁴². В Хигуани, как он написал, мало кого осталось “цвета этой нации” - одна семья. Большую часть составляли метисы; было также несколько белых. В то время в этом поселении проживали 102 семьи, общее число жителей составляло 588 человек. Что касается Эль-Канея, то у его обитателей были привилегии, касавшиеся индейцев, хотя, по словам епископа, в поселении оставалось мало таких, что сохраняли цвет древнего происхождения. Большинство жителей

---

⁴⁴² По утверждению историка кубинской церкви, в пасторской инспекции 1756 г. Морель не пропустил ни одно поселение (*Leiseca* 1938, р. 103).

были метисами. В поселении проживали 83 семьи, насчитывающие более 500 человек. Число индейцев Баямо Морель не назвал, но отметил, что там было три отряда индейцев-ополченцев, в каждом по 50 человек (помимо отрядов из белых, мулатов и свободных негров). Об индейцах Гуанабакоа Морель написал, что они «кончились», и на смену им пришли люди «различных цветов» (*Morell de Santa Cruz* 1985: 39, 108, 114-115).

Таким образом, по мнению епископа, на Кубе в его время было мало индейцев - в соответствии с его критерием, цветом кожи. О языке речь не шла, как и об элементах материальной или духовной культуры. Очевидно, что не принималось во внимание и то, как называли (кем считали) себя эти люди.

Сходных идей придерживался другой кубинский автор, современник Мореля, Н.Х де Рибера: “Осталось лишь... немного индейцев, что живут в Сан-Луис-де-лос-Канеес и Хигуани. Потому что, хотя в некоторых других пуэбло видны те или другие их потомки, они метисы и их очень мало”. Поэтому, полагал Рибера, население острова можно делить «по их цвету, на три класса. На белых, мулатов и негров». Рибера назвал Хигуани “очень маленьким”, а Сан-Луис - “маленьким” и “очень бедным”. Согласно этому автору, в этих поселениях было по одному отряду ополченцев из индейцев (*Ribera* 1975, p. 100-101, 122).

1758 г. примечателен тем, что обитатели Эль-Канея, в ответ на намерение властей урезать их земли, предприняли попытку бунта, который был быстро подавлен (*Portuondo Zúñiga* 1981).

Когда после захвата англичанами Гаваны в 1762 г.

испанское правительство решило основными силами для защиты колоний сделать ополчения, их формировали, как и прежде, по расовому признаку. Но среди них уже не было отрядов индейцев. Возможно, потому, что новые ополчения создавались в крупных населенных пунктах, где индейцев уже не оставалось.

В 1770-е гг. на Кубе стали проводить общие переписи населения. До конца века их было сделано несколько. Это были списки жителей поселений, составленные приходскими священниками и местными властями. В сохранившихся переписных листах за 1775 г. можно найти сведения об аборигенах некоторых поселений востока острова⁴⁴³. Данные фиксировались отдельно для поселения (*pueblo*) и для его сельской округи (*partido*).

В пуэбло Сан-Луис-дель-Каней большая часть населения была определена как «индейцы» - 528 из 570 человек. 258 из них были в возрасте до 15 лет, 229 - от 15 до 50 лет, и 41 - старше 50 лет. «Белых» было всего 21 человек, свободных мулатов – 18, 1 свободный негр и 2 негра-раба. Род занятий не отличался своеобразием: эстансьеро, вегеро, criador (тот, кто, видимо, разводил животных), рыбак, торговец (*tradicante*), пастух (*montero*), поденщик, сапожник. Были названы и не занятые трудом (нищие и старики).

Население округи Эль-Канея было более этнически разнородным. В нем перечислены 237 индейцев, 203 негра-раба,

---

⁴⁴³ На эти документы, находящиеся в Национальном архиве Кубы, мне указала кубинская исследовательница Глория Гарсия, за что я ей глубоко благодарен.

90 свободных негров, 74 «белых», 40 свободных мулатов и один мулат- раб (Archivo Nacional de Cuba. Gobierno General, Legajo 489, № 25122, № 25123).

В самом Хигуани насчитали 779 индейцев (423 ребенка, 305 взрослых, 51 старик), 35 свободных мулатов (16, 17, 2), 24 негра-раба (2, 18, 24) и 2 «белых» взрослых. В округе Хигуани индейцы представляли абсолютное большинство - 463 человека (211 детей, 233 взрослых, 119 стариков). В пояснительной записке они названы также “naturales”. Помимо них отмечены всего 2 негра-раба в возрасте до 15 лет. (Archivo Nacional de Cuba. Miscelánea de Expedientes. Legajo 4076 /Aj).

Как можно заметить, в списках жителей отсутствует категория «метисов».

Очевидны различия в данных, приведенных епископом Морелем де Санта Крус, и теми, что представлены в названной переписи. Прежде всего, количество обитателей в двух поселениях, считавшихся индейскими, увеличилось почти вдвое (1088 и 2007). Частично это можно объяснить приростом населения. Кроме того, как говорилось выше, Морель считал, что в двух названных поселениях оставалось очень мало настоящих аборигенов. То есть, возможно, переписчики к «индейцам» отнесли многих из тех людей, которых Морель таковыми не считал. Составители списков населения в 1775 г. могли полагаться на традицию, подкрепленную какими-то документами, а Морель, хотя и знал о привилегиях, которыми располагали потомки аборигенов названных поселений, не

считал их индейцами, основываясь на их физическом облике (цвете кожи, у него).

При анализе доступных (в Национальном архиве Кубы) переписных листов того же времени обращает на себя внимание то, что нигде более на самом востоке Кубы, кроме названных поселений Эль-Канея и Хигуани и их округи, индейцы не отмечены, ни как группа, ни как отдельные индивиды.

Однако они были отмечены в Ольгине. Перепись 1775 г. отметил там 139 «индейцев», 86 мужчин и 53 женщины (96 из них определены как «чистые»). Исследователи нашли, что 10 браков было «чистых» и 16 смешанных. Из этих браков 10 были «белых» с «индианкой», 3 – «индейца» с «белой», 2 – «мулата» (*pardo*) с «индианкой» и 1 – «индейца» с «мулаткой». Весьма наглядная картина того, как растворялось аборигенное население. Было замечено, что дети «белого» с «индианкой» считались белыми. «Индейцами» записаны дети как чистых браков, так и смешанных, в которых отцом был «индеец», а матерью – «белая». 16 записанных индейцев обозначены как хозяева, 4 - надсмотрщики (*mayorales*), 2- арендаторы и 9 – как примаки (*agregados*) (*Valcarcel Rojas 2015*).

По королевскому распоряжению от ноября 1776 г. вице-короли и губернаторы Индий должны были составить точные «списки с должным различием классов, состояний и каст всех лиц, не исключая новорожденных». Когда на Кубе было получено это распоряжение, оказалось, что в метрополию уже отослан сокращенный список. Расширенный был составлен позже. Кроме

того, список жителей по епархиям острова был сделан церковнослужителями; его свел воедино епископ острова.

Эти три документа опубликованы (как фотокопии). В них представлены такие категории населения: церковнослужители, белые, свободные мулаты, свободные негры, мулаты-рабы, негры-рабы. В разделе о женщинах первой графой шли «монахини». В расширенном списке губернатора и в списке епископа есть данные по Сан-Луис-дель-Канею и Хигуани. Ни в одном из этих документов нет рубрики «индейцы» (как и «метисы») (*Perez de la Riva* ????, р. 7-8).

Данные в списках не совпадают, цифры в списке губернатора не всегда хорошо читаются. Тем не менее, сравнив данные 1775 г. и более поздние (разница в них не более 2-х лет) можно судить, к какой категории населения могли быть отнесены те лица, что в 1775 г. на местах были определены как «индейцы». Вот как выглядит сравнительная таблица.

Сан-Луис-дель-Каней (поселение и округа)

	белые	своб. мулаты	индейцы
1775 г.	95	58	765
Губернатор	577	175	нет
Епископ	27	800 (и своб. негры).	нет

Хигуани (поселение и округа)

	белые	своб.	св. негры	индейцы
--	-------	-------	-----------	---------

		мулаты		
1775 г.	2	35	нет	1242
Губернатор	1055	226 ?	12 ?	нет
Епископ	1858	163 (и своб. негры)	нет	нет

При всех допусках изменений во времени (несколько лет) и возможных ошибок на разных стадиях составления документов, очевидно, что прежние «индейцы» попали в категорию «белых» или «свободных мулатов», при этом, похоже, составители документа (или те, кто давал им сведения) определял этот выбор на свой взгляд.

«Изъятие» индейцев из сводных таблиц продолжалось и впредь. Так, в листах переписи 1800 Хигуани обозначен как "pueblo de indios". А в сводной таблице, где представлены категории населения, названы только «белые», «свободные мулаты» и «негры рабы» (Archivo Nacional de Cuba, Miscelánea de Expedientes. Legajo 4076 /Al).

Не оказалось индейцев и в опубликованных переписях населения острова.

Тем не менее, на самой Кубе в 1770-1780 гг. потомки аборигенов востока острова все еще попадали в сферу внимание историков и властей. Так, И.Х. де Уррутя-и-Монтойя в 1780-е гг. писал, что на востоке «Гугуаней⁴⁴⁴, Каней и другие (места)

---

⁴⁴⁴ Очевидно,искаженное Хигуани.

сохраняют немногих индейцев". В Гуанабакоа, где в его время было 8 тыс. испанцев, индейцев остались, как он написал, едва одна-две «ветви их потомков» (*Urrutia y Montoya* 1931, t. 2, p. 54-55, 230). В Эль-Канея была создана школа на основании распоряжения от 28 июля 1783 об учреждении школ в поселениях индейцев (*Santamaría García, Vázquez* 2013, p. 16).

К концу XVIII в. относятся документальные свидетельства того, что некоторые индейцы Эль-Канея были лишены своих земель. Этому способствовал "защитник индейцев" этого селения (*Pichardo Moya* 1945, p. 20; *Rivero de la Calle* 1978, p. 157). В 1796 г. за индейцев вступился король (*Santamaría García, Vázquez* 2013, p. 17; см. также *Reyes* 2009, p. 12). Этот успех, как оказалось впоследствии, был временным.

Индейцы Хигуани упоминались в начале XIX в. в связи с проводившейся в стране вакцинацией против оспы (*Santamaría García, Vázquez* 2013, p. 11, сноска 32). На местах не только признавалось наличие аборигенов, но, в некоторых случаях, подчеркивалось их значение в местной жизни. Так, губернатор Сантьяго-де-Куба в 1817 г. отмечал их "помощь большой важности" в экспедициях против беглых негров, что объяснялось их (индейцев) хорошим знанием местности (цит. по: *Santamaría García, Vázquez* 2013, p. 16).

Помимо официально учрежденных «поселений индейцев» потомки аборигенов в начале XIX в. сохранялись и в некоторых других поселениях востока Кубы. В 1803 - 1804 гг. в епархии Сан-Сальвадор и в церкви Святого Иоанна Крестителя (Баямо) были

записаны 10 браков, 151 крещение и 66 захоронений аборигенов (цит. по: *Fonseca García* 2014, р. 224)

К тому времени, когда появилось королевское распоряжение от 11 января 1821 г., в котором провозглашалось, что индейцы вышли из состояния несовершеннолетия, на самой Кубе имелись разные мнения относительно существования на острове аборигенов. Так, философ Ф. Варела в своей памятной записке «о необходимости отмены рабства негров на острове Куба» в начале 1820-х годов написал: “исчезла как дым древняя раса индейцев” (*Documentos* 1973, р. 269). Видный общественный деятель, экономист Ф. Аранго-и-Пареньо, в 1826 г. утверждал, что в Гуанабакоа до “вчерашнего дня” было много индейских семей, которые он еще застал. Хигуани, названное им «индейским поселением», пользовалось привилегиями⁴⁴⁵. Несмотря на то, что в Хигуани было в его время 300 индейских домов, он считал, что, индейцы исчезнут из-за постоянного смешения с белыми и неграми (*Arango y Parreño* 1952, т. 2, р. 433). Эль-Каней им вовсе не упомянут⁴⁴⁶.

В двух поселениях, прежде считавшихся индейскими, ситуация в те годы развивалась по-разному. Хигуани перестал быть поселением индейцев. Предположительно, в июне 1837 г. он получил статус вильи (*Licea Bello* 2012).

---

⁴⁴⁵ У этого автора ничего не сказано относительно королевского распоряжения 1821 г.

⁴⁴⁶ Отдельные лица, которых называли «индейцами окраин» (*indios de las orillas*) в 1830-е гг. еще встречались в предместьях Пуэрто-Принсипе (*Azcárate Rosell* 1937, р. 236).

А вот индейцы Эль-Канея в 1826 г. начали тяжбу по защите своих земельных интересов в Королевской Аудиенции⁴⁴⁷. В 1845 г. Аудиенция приняла решение не в пользу обитателей Эль-Канея, а именно – возвратить земли короне. Тогда представитель муниципального совета Эль-Канея, Ремихио Торрес, указав на то, что он сам индеец, настоял на том, чтобы земли были оставлены тем, кто докажет, что он "чистый индеец". По его словам, во многих семьях сохранялись соответствующие генеалогии.

Он говорил, что много индейцев обитало в районе от перевала Вирхен до подножий гор Лимонес. Как выразился Торрес, белые собирали их много раз, чтобы подавить бунты негров на кофейных плантациях Лимонес – за несколько часов сходилось триста-четыреста человек. По воскресеньям индейцы, будто бы, слушали мессу и исполняли свои прежние танцы (цит. по: *Pichardo Moya* 1945, р. 22-23).

На заседании муниципального совета в 1849 г. Торрес утверждал, что уроженцы поселения очень редко "смешивали свою индейскую кровь с испанцами", а вступать в брак с цветными не разрешали королевские распоряжения. Поэтому, по его словам, большая часть поселения "сохраняет свою расу нетронутой, вступая в брак одни с другими, как засвидетельствовано в приходских книгах". Далее он заявил, что в Эль-Канее есть приходской священник, школа только дляaborигенов, а кабильдо все еще сохраняет свою юрисдикцию как

---

⁴⁴⁷ К этому времени Аудиенция была переведена из Санто-Доминго в Пуэрто-Принсипе на Кубе.

поселение индейцев, в противоположность Хигуани, которое было объявлено не индейским⁴⁴⁸. Торрес, в подтверждение индейского происхождения обитателей Эль-Канея, сослался на цвет их кожи (бронзовый), их черные и гладкие волосы, а также «другие черты, которые характеризуют индейца»⁴⁴⁹ (цит. по: *Rivero de la Calle* 1978, р. 156).

В 1849 г. те из обитателей Эль-Канея, которые смогли доказать, что они были чистыми индейцами, получили земли (*Pichardo Moya* 1945, р. 23). Но это уже были земли отдельных, индивидуальных хозяев, в отличие от прежнего состояния, когда земли находились под юрисдикцией индейского муниципалитета Эль-Канея. Кубинский антрополог М. Риверо де ла Калье, изучив документы дела о возвращении земель индейцев Эль-Канея, пришел к выводу, что результатом тяжбы стало объявление о прекращении существования индейской общины для того, чтобы испанские колонисты смогли завладеть землями, которыми пользовались местные уроженцы (*Rivero de la Calle* 1978, р. 158).

По мнению Пичардо-Мойи, более или менее многочисленные «остатки расы» укрылись в удаленных уголках острова. Как он писал, они сохраняли аборигенное в людях и вещах с большей верностью, чем официальные поселения индейцев. По его мнению, в бывших поселениях индейцев население забыло индейское происхождение, а в некоторых других местах востока Кубы были группы жителей, которые

---

⁴⁴⁸ se declaró no indios

⁴⁴⁹ los demás tipos que describen al indio

называли своих индейских предков и этим оправдывали владение землей (*Pichardo Moya* 1945, р. 18). Вероятно, дисперсия индейского населения усиливалась, когда индейцы в Хигуани и Эль-Канеэ подвергались давлению со стороны соседних землевладельцев, и им было трудно защищать свои земли от посягательств соседних латифундистов. Примеры такого расселения привел М. Риверо де ла Калье, сославшись на литературу и документы XIX в. (*Rivero de la Calle* 1978, р. 154-159).

С середины XIX в. аборигены Кубы на востоке острова попадают в сферу внимания испанских исследователей. Географ Мигель Родригес Феррер в 1847 г. на переходе между Баракоа и Гуантанамо и в долине Сан-Андрес встретил семьи индейцев, которые, по его мнению, сохраняли аборигенные черты в большой чистоте (цит. по: *Rivero de la Calle* 1973, р. 159).

В XVIII и особенно XIX вв. сведения об индейцах Кубы могли контаминироваться тем, что на остров продолжали поступать аборигены из других областей Америки - кайо⁴⁵⁰, аборигены Флориды⁴⁵¹. Более всего их было привезено из Мексики - до начала XIX вв. несколько сотен, главным образом

⁴⁵⁰ В отличие от XVI в., когда этим словом испанцы называли обитателей прибрежных островов Кубы, в середине XVIII в. им называли аборигенов островов, прилегающих к Флориде, судя по тому, что "индейцы кайо" перечислены в ряду с обитателями Флориды и Аппалачей (*Franco* 1985, р. 304, 305, 306). См. также *Catálogo parcial* 1978, р. 100.

⁴⁵¹ После того, как по Парижскому миру 1763 Испания уступила Флориду Великобритании, более 100 аборигенов из Флориды были поселены в Гуанабакоа (*Azcárate Rosell* 1937, р. 239-240). Прибывали они и позже, по своей воле (*Santamaría García, Vázquez* 2013, р. 13). 125 человек прибыло в декабре 1819 г. из Тампы (*Santamaría García, Vázquez* 2013, р. 31, сноска 91)

из северных областей, где они были захвачены испанцами и обращены в рабство. На Кубе они получили общее название "гуачинанго". Они работали на возведении крепостных сооружений, участвовали в защите Гаваны, когда ее осаждали англичане в 1762 г. Особую группу аборигенов Мексики, ввозимых на Кубу, составляли "меки"⁴⁵² Несколько случаев их побегов в начале XIX в. сопровождались разбоем и насилием (*Santamaría García, Vázquez* 2013, p. 23-30; см. также: *Catálogo parcial* 1978, p. 109, 111, 116, 119).

С 1848 по 1861 годы на Кубу были привезены около 2 тыс. аборигенов Юкатана, схваченных местными властями при подавлении восстания, которое получило название «Войны кастр», и проданных на Кубу. Многие из них пополнили ряды других беглых, и в то время на Кубе сложилось, по утверждению некоторых исследователей, представление об индейцах, как о злодеях (*Santamaría García, Vázquez* 2013, p. 21). В 1861 г. на Кубе насчитали 1046 юкатеков (712 мужчин, 334 женщины), 43 % которых находилось в юрисдикции Гаваны, 10% -в Матансас (*Marrero*, t. 9, p. 139).

От времени освободительных войн 1868-1878 и 1895-1898 гг. сохранились свидетельства того, что индейцы некоторых изолированных районов востока Кубы выступали сначала против патриотов, а затем перешли на их сторону (*Morales Patiño* 1946, p. 29-34; *Perez Cruz* 2014, p. 27-28).

---

⁴⁵² mecos – от chichimecos, общего название аборигенных групп севера Мексики.

В 1899 г. на Кубе была проведена перепись, организованная североамериканскими оккупационными властями. Во вводной части публикации о ней, в разделе «Аборигенное население», было признано наличие на Кубе индейцев Юкатана. Что касается кубинских, не только было сказано, что не найдено их следов в ходе переписи, но и высказано убеждение в том, что их нет (Report 1900, p. 67).

Тем не менее, с самого начала XX в. и на его протяжении потомки аборигенов на востоке острова, называемые "индейцами", неоднократно попадали в сферу внимания археологов и физических антропологов, преимущественно иностранцев (Ст. Кьюлин, У. Фьюкс, М. Харрингтон, позже Р. Гэйтс⁴⁵³). В 1950-е гг. о них писал кубинский географ А. Нуньес Хименес. В 1964 г. была организована совместная экспедиция Университета Гаваны и АН Кубы, которая посетила район Ятерас, с целью, как написал один из ее участников, найти и более тщательно изучить то население, что 12 лет назад изучал Гейтс (*Rivero de la Calle* 1973, p. 161). Помимо кубинцев, антрополога М. Риверо де ла Калье и археолога Р. Паяреса, в состав экспедиции входили М. Поспишел и М. Стингл из Чехословакии и В. В. Гинзбург из СССР.

По словам Гинзбурга, потомки кубинских индейцев проживали в горных районах Монте-Верде, Сан-Андрес, Ла-Кариад-де-лос-Индиос и Ла-Эскондидо. Там были встречены

---

⁴⁵³ Обзор наблюдений этих авторов содержится в работе Риверо де ла Калье (*Rivero de la Calle* 1973). См. также более поздний очерк Дж. М. Яремко (*Yaremko* 2009).

семьи, которые считали себя индейцами, не смешанными (в пределах памяти стариков) с какими-либо другими людьми неиндейского происхождения. Было обследовано около 40 таких семей. Краниологические данные показали их большую близость с доевропейским земледельческим населением острова, что позволило Гинзбургу предположить, что современные индейцы провинции Ориенте являются "непосредственными продолжателями" носителей археологической культуры таино. Сомнительно утверждение о том, что исследованные им люди иногда называли себя "таино" (Гинзбург 1967, с. 214-215). Риверо также опубликовал небольшую статью о результатах исследования (*Rivero de la Calle* 1973). Поспишилом была опубликована книга (*Pospisil* 1976).

В начале 1965 г. в поселениях Яра и Патана побывала российский этнограф Ю.П. Аверкиева. Ее соображения относительно местного населения особенно интересны, так как она прежде работала среди аборигенов Северной Америки. Вот ее слова: «Мои, правда, довольно поверхностные наблюдения, оставили у меня впечатление, что население многих пунктов Ориенте является потомками индейцев»; Юлия Павловна заметила у местного населения «культ индейских пещер» (*Петрова-Аверкиева /1965а/, с. 12, 13*). В другом отчете Ю. П. написала, что в селении Яра «индейские семьи живут вперемежку с неиндейским населением, ничем по уровню жизни не отличаюсь от него. Индейские, как и неиндейские элементы культуры одинаково характерны для всех. Но каждый житель селения

может указать на живущие в селении индейские семьи». Юлия Павловна утверждала, что индейский тип в этих селениях считается идеалом красоты (*Петрова-Аверкиева /1965б/, с. 4*⁴⁵⁴).

В 1972 и 1973 гг. потомков аборигенов на Кубе изучал отечественный антрополог В. П. Алексеев. С ним были исследователи из института этнологии АН Кубы и советские этнографы М.В. Крюков и С.Я. Серов (*Алексеев 1979, с. 42*). Алексеев назвал населенные пункты, где им были встречены «потомки коренного населения». Компактно, по его наблюдениям, они проживали в Ла-Эскондида и Ла-Ранчерия. Алексеев отметил изменения в местах проживания индейцев сравнительно с предыдущими исследователями. По его словам, в Каридад-де-лос-Индиос было всего несколько человек индейского происхождения, а в Сан-Андресе практически не было ни одного чистокровного индейца. В то же время был обнаружен пункт компактного расселения потомков индейцев, Париалито, не упоминавшийся прежними авторами. По мнению В.П. Алексеева, «всего во всех этих деревнях сохранилось к настоящему времени вместе с метисами около 250 потомков индейского населения (речь идет о взрослом населении)» (*Алексеев 1979, с. 43*). Риверо де ла Калье, побывавший в зоне Ятерас еще раз, писал о приблизительно 1000 человек, включая

---

⁴⁵⁴ Это ее замечание совпадает с тем, что мы услышали почти 20 лет спустя (в 1982 г.), когда один из наших собеседников, родившийся в Эль-Канее, но проживавший на момент интервью в Сан-Энрике мун. Сонго-ла-Майя, сказал, что в Эль-Канее много крестьян индейского происхождения, и очень симпатичные «индиас», и он бы даже перебрался туда.

детей (*Rivero de la Calle* 1978. p. 158-159)

Риверо де ла Калье отметил сходство обычаем потомков аборигенов и других крестьян Кубы; различить их можно лишь по физическим характеристикам (*Rivero de la Calle* 1978. p. 158). Гинзбург тоже заметил, что материальная культура индейских семей ничем не отличается от культуры окружающего населения (Гинзбург 1967, с. 214). К сожалению, этнографы, побывавшие там же, не опубликовали свои наблюдения. В небольшой книге М. Стингла есть несколько главок об индейцах и фотографии, подтверждающие наблюдения антропологов (Стингл 1974).

В 1982 и 1983 гг. в провинциях Сантьяго-де-Куба и Гуантанамо работали кубинские и российские этнографы по программе "Этнографический атлас Кубы". Несколько раз мы попадали в места, где проживали люди, называвшие себя «индейцами», и нами были зафиксированы некоторые сведения от них. Так, в Карадад-де-лос-Индиос, один из местных жителей, 68 лет, говорил, что раньше здесь жили Рохас и Рамирес, аборигены (он употребил слово *nativos*). О некоем Панчите он выразился как о сыне "индейцев индейцев" (*hijo de unos indios indios*). В Ла-Месе (La Mesa) одна из информаторов, 58 лет, родившаяся в Баракоа, сказала о себе, что она – «индейской расы», и как аргумент назвала свои гладкие волосы (*pelo lacio*). О своей матери она сказала, что та «еще более индейская», не назвав, правда, признаков этого.

В Паленке мы беседовали с Сенориной Рамирес Рохас, 45 лет, родившейся в Сан-Андресе. Ее отец, Хосе Рамирес Рохас, и

мать, Хулия Рояс Рамирес, были уроженцами Сан-Андреса. Сенорина упомянула двоюродную сестру с фамилией Рояс Рамирес и сказала, что раньше фамилия матери шла впереди фамилии отца⁴⁵⁵. Племянница Сенорины вспомнила частушку (? cántico), что, по словам Сенорины, была старой и исполнялась на праздники Алтарей.

Yo le pondré de estribillo

La blanca flor de café.

Rojas, Ramires, Romero

Los indios de San Andrés.

Сделаю вам припевом

Кофе белый цветок.

Рояс, Рамирес, Ромеро,

Индейцы из Сан-Андрес.

Весной 1989 г. на восточной окраине Кубы побывал североамериканский исследователь кубинского происхождения, Хосе Баррейро. В некоторых населенных пунктах он встретил потомков аборигенов и обнаружил у них верования и практики, унаследованные, по его мнению, от их предков, в частности, связанные с табаком и с оформлением захоронений. Он взял интервью у 14 человек из 5 семей в нескольких населенных пунктах. По его словам, для неподготовленного глаза многие из опрошенных представлялись очень похожими на других

---

⁴⁵⁵ Это уже замечали некоторые исследователи, считая наследием аборигенной традиции.

кубинских крестьян. У всех он обнаружил неявное чувство индейской идентичности и более сохранившиеся важные черты материальной и духовной культуры⁴⁵⁶ (*Barreiro* 1989).

*

Претворение в жизнь Новых Законов на островах не дало желаемого короной результата – индейцы не стали "плодиться" в такой мере, чтобы стать важным элементом колоний. Образованные в соответствии с Новыми законами поселения индейцев (изолированные одно от другого) не выдержали соперничества с соседями. Их обитатели были объектом притеснений со стороны более могущественных соседей-испанцев, сокращались их земли. Индейское население постоянно размывалось смешанными браками, растворяясь в среде испанских колонистов и рабов из Африки. В 1770-х гг. наблюдается тенденция официального забвения аборигенов. Королевская грамота 1821 г. лишила формально признанных властями "индейцев" (на Кубе) их основного залога самостоятельности, земли, и способствовала их дисперсии и дальнейшему растворению в других слоях населения. В XX в. ученые, исследовавшие потомков аборигенов на Кубе, прогнозировали их быстрое исчезновение - в силу ускоренного экономического развития региона, в котором они обитают (*Rivero de la Calle* 1978, p. 175). Однако общие процессы этнической ревитализации, подкрепленные позицией некоторых

---

⁴⁵⁶ a casual sense of Indian identity, and most retained important aspects of physical and spiritual culture.

исследователей, способствовали росту индейского самосознания в последние годы, не только на Кубе, где сохранились потомки аборигенов, но и на других Больших Антильских островах, о чем речь пойдет в "Заключении".

Заключение

Крах аборигенных обществ

Островные аборигены стали подвергаться насилию с первого появления европейцев на островах, когда Колумб захватил нескольких островитян и увез их в Испанию. По мере завоевания островов разорялись многие поселения и гибли их обитатели, а пережившие вторжение стали объектом эксплуатации со стороны колонистов и самой короны. В 1511 г. король писал, что все благо Эспаньолы состоит в большом числе индейцев для работ на приисках и в хозяйстве (*granjerías*), а при недостатке индейцев остров может прийти в упадок (CDI-2 1888, т. 4, р. 266). Сходно было сказано и в следующем году - «все достояние этих стран – индейцы, и, если они закончатся, все там запустеет» (Konetzke 1953, т. I, р. 37). Это признавали и поселенцы, как на Эспаньоле, так и, позже, на других островах.

Тем не менее, это осознание испанцами важности наличия аборигенной рабочей силы для собственного выживания не спасло коренных обитателей от быстрого краха. Аборигены оказались не готовы к появлению европейцев, обладавших

значительно более развитыми технологиями (включая производство и обработку металлов), более жесткой системой социальных отношений, глубоким убеждением в правоте своей веры и, соответственно, презрением и даже ненавистью к тем, кто эту веру не разделял. И, возможно, самое главное, что представляло угрозу аборигенам, это первоначальная жажда пришельцев как можно быстрее обогатиться, чтобы вернуться домой.

Аборигены потерпели крах, который проявился, одновременно, в демографической, социальной и этнической и сферах.

Демографический крах

Поначалу, когда аборигенов было много, и их эксплуатация приносила доход, испанцы не беспокоились об их воспроизводстве, даже когда видели, что число местных жителей быстро уменьшалось. К началу 1540-х годов демографическое состояние аборигенов Эспаньолы, Пуэрто-Рико и Кубы было настолько удручающим, что испанская корона Новыми Законами освободила их не только от энкомьенды и рабства, но и всех видов податей - чтобы они могли спокойно плодиться, выражаясь языком документа. Но было уже поздно.

Разными причинами объяснялась эта катастрофа. Овьедо, как говорилось, усматривал их в чрезмерном труде, недоедании, смене хозяев при передаче энкомьенды от одного испанца другому; самоубийствах, росте заболеваний. Овьедо называл и одну более общую причину – божью кару за порочность и

почитание дьявола (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. I, p. 71, 73-74). Лас Касас и его сторонники главным злом, вызвавшим «полное разорение тех земель», считали энкомьенду (*Las Casas* 1951, т. III, p. 295).

А. Розенблат видел причины гибели аборигенов Антильских островов в сломе их прежнего мироощущения (духовной жизни и социального устройства). Как он написал, абориген чувствовал свою беспомощность, униженность и бесплодность и что его боги покинули его (*Rosenblat* 1954, p. 117). Касса полагает, что индейцев Антил уничтожили не войны, не предполагаемая прирожденная жестокость колонизаторов, не эпидемии и не депрессивные последствия культурного шока, а энкомьенда (*Cassá* 1974, p. 187-188). Кубинские демографы пытались выразить в процентах соотношение разных причин смертности аборигенов на острове: самоубийства - 30%; детская смертность – 20 %; массовые убийства конкистадорами - 10%; остальное – голод и эпидемии (*Perez de la Riva* 1972, p. 78-79).

В последние десятилетия появился ряд исследователей, которые больше внимания уделяют не факту исчезновения островитян, а тому, что некоторой их части удалось пережить завоевание и раннюю колонизацию.

Так, Л. Гитар признав, что в тропических областях Америки, к которым относится Эспаньола, при появлении европейцев умирало от 80 до 90% аборигенов от болезней, и назвав эти потери ужасными, обращает внимание на то, что от 10 до 20% аборигенов сохранились. Кроме того, она отмечает, что

историки и демографы не учитывали бежавших индейцев, которые не попадали в переписи (*Guitar* 2002, р. 7, 8). По мнению К. Диган, быстрый упадок населения и сопутствующая социальная дезинтеграция как результат эпидемических болезней, войн и жестокой трудовой эксплуатации не могут быть приравнены к полному коллапсу. Представление о том, что социальная формация аборигенов на Эспаньоле претерпела быстрый и монолитный коллапс после 1492 г., Диган назвала некритической тенденцией. Она указывает, что почти четверть века спустя после появления европейцев энкомендированные аборигены часть времени проводили в своих домах, где придерживались традиционных практик, в том числе в духовной сфере. Поэтому она предполагает, что в некоторых местах политическая организация, модели социальной и экономической дифференциации, деревенская организация и общинные ритуалы оставались в большой мере нетронутыми, по крайней мере, первые 30 лет контакта (*Deagan* 2004, р. 602-603).

Такой подход игнорирует то обстоятельство, что при завоевании была снесена верхушка социальной пирамиды, упростились вертикальные социальные связи (исчезли прослойки знати). Были разорваны горизонтальные связи шире внутриобщинных. На уровне общины роль вождя при режиме энкомьенды была невелика, о чем можно судить по директивным документам, так как все предписания в них были обращены к инспектировавшему испанцу. Уменьшилась, если не исчезла совсем, роль местных служителей культа, которые, наряду с

вождями, были главными хранителями прежнего мировоззрения. Это ли не коллапс? Да, вероятно, в сохранившихся общинах были лица, возглавлявшие какое-то время подобие прежних ритуалов, но не они решали судьбу общин, которых оставалось все меньше, пока не исчезли вовсе. Но и сами общины в прежнем виде просуществовали недолго, как было показано в предыдущих главах.

Когда-то я считал, что главной причиной катастрофического упадка аборигенного населения на островах была система эксплуатации, наложенная на него пришельцами. Сейчас я готов сказать, что причиной гибели местных обществ стало само появление и обоснование там пришельцев из Европы.

Социальный крах

Прежняя социальная структура аборигенов стала подвергаться изменениям с начала их завоевания испанцами, когда были пленены, погибли или умерли наиболее известные верховные, вожди. Их замены не произошло, и таким образом исчезли верхушки прежних социальных пирамид (касикатов). Разрушились и сами касикаты, так как исчезла возможность возвышения касика какой-то одной общины над касиками других общин.

Вместо нескольких крупных касикатов во главе с верховными вождями на Эспаньоле, или более мелких касикатов на других островах, вскоре после завоевания остались разрозненные общины, во главе с деревенскими вождями или старейшинами. Их роль постоянно уменьшалась. Законы Бургоса

решающую роль в жизни поселенийaborигенов отводили испанскому инспектору. В отчете о репартильмьенто 1514-1515 гг. на Эспаньоле слова «индейские поселения» и их «касики» почти всегда названы вместе (примеры тому многочисленны). Но уже свидетельства этого разделения позволяют предположить, что умершие касики оставались без наследников, так как эти не упомянуты⁴⁵⁷. Отмечены случаи, когда касику наследовал нитаинго⁴⁵⁸. Со временем исчезли и остатки прежней знати, нитаинго. В документах о Кубе, спустя 15 лет после ее завоевания, нередко название индейского поселения приводится без указания имени его касика, что, скорее всего, говорит о том, что касика уже не было.

Числоaborигенных поселений, переживших конкисту, уменьшалось и они постоянно дробились – за счет демографических потерь, перераспределений их обитателей, за счет того, что часть из них становилась набориями. До вступления в силу Новых Законов (середина XVI в.) не дожило, как представляется, ни одно из поселенийaborигенов, известных на время появления европейцев и захвата островов. Попытки короны создать новые поселения и реанимировать в них жизньaborигенов не имели успеха. После отмены энкомьенды уцелевшие группыaborигенов (более всего на Кубе) стали

---

⁴⁵⁷ Se le encomendó el cacique Velazquez, que es ya difunto ... (CDI 1864, t. I, p. 231); ... se le encomendó el cacique de Guananea que es nuestro... (CDI 1864, t. I, p. 175). В тексте явная ошибка; из дальнейшего следует, что вместо es nuestro («наш») должно быть es muerto («умер»).

⁴⁵⁸ Касику Ягуако наследовал Хуан Алонсо Нитаинго (CDI 1864, t. I, p. 226-227).

отдельными, изолированными одна от другой, ячейками нового, колониального общества.

Созданные (на Кубе) после провозглашения «Новых законов» немногие “pueblos de indios” под натиском местных землевладельцев утратили этот статус. Нынешние индейцы Кубы не имеют, насколько знаю, даже культурной организации, которая объединяла бы их.

Этнический крах

Разрыв межобщинных отношений нарушил прежние, более широкие связи. Местные групповые самоназвания (этнонимы) были заменены словом *indios*, которое из экзоэтнонима, навязанного силой, превратилось со временем в эндоэтноним.

Исчезновению прежних групповых самосознаний должно было способствовать и искоренение испанцами прежней духовной культуры (верований) аборигенов. Поначалу внимание колонизаторов было обращено на внешнюю сторону этой культуры и «отдаление» аборигенов от всех «ошибок», в которых они пребывали, как считали в метрополии, возлагалось на губернатора. В дальнейшем христианизация аборигенов осуществлялась церковью, главным образом, монашеством. Законы Бургоса (это 1512 г.) еще разрешали ареито, а через несколько лет, в инструкциях Д. Колону о них речь уже не шла. Тем не менее, на Эспаньоле алькальд острова в 1517 г. писал, что индейцы ничем не хотели заниматься помимо ареито, игры в мяч и кохобы каждой ночью и неоднократных купаний, ночью и днем, после танцев или игры в мяч (цит. по: *Dávila Dávila* 2003, p. 226

nota 249). Подобные жалобы, несколько более позднего времени, известны и с Кубы.

Отправители местных культов, исчезли, видимо, быстро (о них ничего нет в документах), а интеллектуальное аборигенное знание, их мировоззрение, основу которого составляла вера в духов-покровителей, не просто игнорировались испанцами, а отрицалось. Исчезновение верхних социальных слоев аборигенного общества (вождей) и служителей культа, которые являлись хранителями (и, видимо, творцами) духовной культуры, должно было вести к забвению этой культуры, хотя и не такому быстрому, как хотелось испанским властям. Полвека спустя после захвата Кубы испанцами аборигены Тринидада были католиками, которые нуждались в церковных службах. В удаленных уголках сельской местности прежние верования и практики (в усеченном виде) могли поддерживаться дольше.

Наследие аборигенов

Несмотря на то, что уровень технической оснащенности пришельцев был намного выше, чем аборигенов, им пришлось многое взять из местной культуры. При завоевании и колонизации островов не сами испанцы работали на земле, строили себе дома, лодки, ткали гамаки, делали глиняную посуду, готовили пищу и т.д. Делали все это аборигены, а испанцы пользовались сделанным. Тем не менее, местные знания и трудовые навыки распространились среди потомков колонистов, аборигенов и привезенных из Африки рабов. Передатчиком этих

элементов культуры должны были стать смешанные семьи, где материами были индианки.

От аборигенов новые поселенцы узнавали свойства местной флоры - лечебных растений, технических культур, материалов для строительства и пр. Об объеме знаний о местной фауне и флоре, перешедших от аборигенов к испанцам, можно судить по книге Овьедо, который описал их на десятках страниц. Он же отметил, что, поскольку всё здешнее ново, оно становится известным не из опыта, а по сообщениям индейцев (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851, t. 1, p. 366, 348).

На островах, судя по некоторым документам, для испанцев рыбу ловили аборигены. Использование некоторых местных орудий лова перешло от них к их потомкам. До сих пор в ряде регионов Кубы сохранился способ лова черепах сетью, где поплавком служит вырезанное из дерева изображение этого животного. На Кубе эту сеть или только поплавок местные рыбаки называют словом «бубакан» или «гуакан» (Александренков 1988, с. 199; *Guanche Perez* 2014, p. 331).

В ранний колониальный период при слабом развитии наземных средств связи первостепенную роль долго играли водные коммуникации. Испанцы быстро оценили достоинства как местных долбленных лодок, так и еще один элемент культуры, необходимый в походах – гамак.

Конкистадоры и колонисты, особенно сельские жители, были вынуждены пользоваться местными пищевыми ресурсами. Высущенная маниоковая лепешка (касабе), хорошо хранящаяся

во влажном тропическом климате, стала также неотъемлемым элементом питания моряков и пассажиров судов. Источником пищи для испанцев и их потомков на островах стали также маис (кукуруза), местные ямсы, земляной орех и другие. До сих пор в быту сельских жителей используются краски растительного происхождения, которыми пользовались аборигены – в частности «биха», которая также является и пищевым красителем.

На островах к испанцам перешло знание об употреблении и возделывании табака.

В отличие от того, что имело место в хозяйстве и материальной культуре, в духовной сфере европейцы не нашли для себя ничего такого, без чего они не смогли бы обойтись. Тем не менее, хотя аборигены были обращены в католицизм, некоторые элементы их верований перешли к новому местному населению, скорее всего, через смешанные браки в виде устного фольклора (поворий, примет и т.д.) Кубинские исследователи полагают, что к индейцам восходит распространенная до недавнего времени среди сельского населения Кубы вера в существование неких антропоморфных существ маленького роста, темных или черных, обитающих в воде, называемых «хигуэ» или «гуихе». В конце XIX в. в Сьенфуэгос и Матансас были записаны легенды, в которых обнаруживается сходство с мифами аборигенов Гаити, зафиксированными в конце XV в. Поздняя запись и форма изложения говорят о том, что эти легенды могли возникнуть под влиянием доступной литературы. А.А. Бородатова полагает, что почитание сейбы, известное у

некоторых нынешних групп населения острова, восходит к культу, будто бы практиковавшемуся аборигенами острова (Бородатова 1992). Однако, в доступных источниках нет сведений, которые подтверждали бы это.

В верованиях Вуду в Доминиканской республике среди множества божеств есть целое подразделение (*división*), где божества носят названия индейских вождей (Анакаона, Каонабо, Гуарионех и др.) или каким-то образом ассоциируются с индейцами. В Гаитянском вуду они отсутствуют (*Deive* 1979, р. 171, 179).

Просматриваются следы влияния аборигенов и в католическом культе. На Кубе образ святой, Милосердной Девы из Эль-Кобре, признанной Ватиканом как покровительница Кубы (1916 г.), был, по легенде, найден в начале XVII двумя индейцами и мальчиком негром (*Santamaría García, Vázquez* 2013, р. 16).

Язык аборигенов не сохранился не только там, где аборигены исчезли как сообщество (Ямайка, Гаити, Пуэрто-Рико), но и на Кубе, индейцы которой говорят сейчас на испанском языке. Не был язык и зафиксирован в виде словарей или грамматик. Это говорит о том, что большинству испанцев он оказался не нужен, а академической любознательности не проявил никто - ни монахи, ни администрация, ни колонисты.

Хотя язык аборигенов как целостное явление, не остался ни на одном острове, в языке нынешних обитателей Больших Антильских островов присутствует большой слой аборигенной лексики. Это, прежде всего, названия представителей местной

флоры и фауны, а также географических пунктов, либо неизвестных пришельцам предметов и явлений. В словаре Сайаса-и-Альфонсо “Lexicografía Antillana” содержится несколько сот названий мест, рек, ручьев и пр. индейского происхождения только на Кубе, не считая более распространенных названий из растительного и животного мира и некоторых слов из сферы общественных отношений и религиозных верований (Zayas y Alfonso 1931). Очевидно, что многие слова перешли к новому населению островов вместе с теми предметами и явлениями, которые они обозначали.

Теперь – относительно генетического вклада аборигенов островов в их нынешнее население.

Не вызывает сомнения, что аборигены островов на ранних этапах испанской колонизации были вовлечены в брачные отношения с пришельцами. Первое смешанное потомство должно было появиться после того, как на Эспаньоле остались несколько десятков моряков, участвовавших в первом плавании Колумба (Tolentino 1974, р. 73-74). И в дальнейшем, поскольку испанская иммиграция на острова при конкисте и в начале колонизации была преимущественно мужской, обычной практикой завоевателей, как упоминалось выше, было брать в сожительницы индианок.

Корона и церковь пытались упорядочить брачные отношения между пришельцами и аборигенами. Королевская инструкция 1503 г. для Овандо предписывала чтобы «некоторые христиане, вступали в брак с некоторыми индейскими

женщинами, а женщины-христианки с некоторыми индейцами» (*Konetzke* 1953, р. 12). В 1514 г. разрешение на брак уроженцев испанских королевств с «местными женщинами» Эспаньолы было подтверждено (*Konetzke* 1953, р. 61). В королевской грамоте от 5 февраля 1515 г. упоминались «многие препятствия» (*mucho impedimento*) для заключения браков индианок с уроженцами метрополии и Индий (то есть, испанцами) и повелевалось, чтобы "индейцы и индианки имели свободу вступать в брак, с кем захотят" (*Konetzke* 1953, р. 62-63).

Некоторое представление о положении детей от связей между индианками и испанцами можно извлечь от разделения индейцев 1514-15 гг. на Эспаньоле. Из 733 колонистов, что получили индейцев, только о 205 было сказано, что они женаты, то есть, эти браки были, видимо, оформлены церковью (при этом у 63 испанцев женами были индейские женщины) (*Tolentino* 1974, р. 96). По другим подсчетам, женатых энкомендеро было 188, и более половины из них имели женамиaborигенок. Предполагается, что у колонистов, не получивших энкомьенду, доля смешанных браков была больше (*Deagan, Cruxent* 2002, р. 222). И с этим следует согласиться, так как едва энкомендеро, ли не женатые официально, и остальные испанцы обходилось без помощи женщин, и ими должны были быть местные уроженки.

О судьбе детей от смешанных браков (скрепленных церковью или нет) приходится судить по разрозненным данным. По утверждению Лас Касаса, она была незавидной. Обвиняя Овандо, Лас Касас говорил, что тот лишил таких детей того, что,

в соответствии с природным правом, правом людей, и даже божественным правом, им принадлежало по наследству. Как он написал, он видел таковых, обездоленных, без признаков жизни⁴⁵⁹ (*Las Casas* 1951, L. II, cap. XLI).

В разделении 1514-1515 гг. после перечисления энкомьенда каждого испанского поселения следовал раздел, в котором повелевалось, что, если в названном разделении будут отмечены дети испанцев от уроженок (*mujeres naturales*) острова и если они энкомендированы кому-либо, то такая энкомьенда должна считаться ничтожной, такие дети будут свободны от всякого подчинения и услужения, и их отцы и родственники могут с ними делать, что захотят⁴⁶⁰ (CDI 1864, t. I, p. 80-81). Видимо, это были внебрачные дети, находившиеся на момент разделения с матерью (в общине, если это были индейцы касика, или среди «домашних наборий»). После данного распоряжения (если оно было исполнено), выросши, эти люди, в своем большинстве, видимо, оставались в услужении своих биологических отцов и родственников. Те, что оставались среди аборигенов, растворялись в аборигенной среде.

Редкие примеры из несколько более позднего времени с Кубы говорят о том, что в некоторых случаях дети от отца-испанца и матери-индианки могли быть признаны отцом и наследовать ему, как потомство Васко Поркальо де Фигера.

---

⁴⁵⁹ sin memoria ni vestigio de ser persona viva

⁴⁶⁰ que los tales hijos de cristianos sean libres de toda sujeción é servidumbre, é que sus padres é parientes hagan de ellos libremente todo lo que quisieren.

В 1534 г. губернатор Кубы, сообщая королю, что в посещенных им вильях имелись испанцы, что жили вне брака⁴⁶¹ со своими набориями или рабынями, или с дочерьми испанцев и женщин этой земли (CDI-2 1888, т. 4, р. 339-340), не употребил еще слово «метисы» для обозначения лиц смешанного происхождения. Нет этого слова и в королевских грамотах от 3 октября 1533 г. и 17 августа 1535, касавшихся Мексики, в которых шла речь о детях испанцев и индианок, и о весино, имевших детей со свободными индианками (*Konetzke* 1953, р. 147, 168).

Первое упоминание слова «метис» встретилось мне за 1539 г. при описании деятельности кубинского епископа (CDI-2 1891, т. 6, р. 82-83). Затем оно не раз встречается в документах, касающихся Кубы (CDI-2 1891, т. 6, р. 223, 250). Некоторые данные относительно метисного населения Кубы конца XVI в. можно извлечь из списка весино Гаваны 1580-х гг., составленного с видами на возможность их участия в защите Гаваны от внешнего нападения. В этом списке весино города были представлены несколькими группами. Первую из них составляли «особые весино», 48 человек; вторую – их холостые сыновья и родственники, 14 человек. В третьей группе, в которую были помещены весино, жившие “своим трудом”, было несколько метисов - 6 из 71. В следующей группе (сыновья предыдущих) метисов было более половины названных - 17 из 29. Очевидно, что те, что жили своим трудом, вступали в брак с индианками или

---

⁴⁶¹ amancebados y abarrangados

метисками чаще, чем с “испанками” или местными «белыми» уроженками. В группе жителей Гаваны, определенных как «эстантес» и не имевших дома, семьи и какого-либо недвижимого имущества⁴⁶², насчитывавшей 50 человек, были названы два метиса. Всего метисов было 25 человек из 278 мужчин Гаваны (включая 26 негров и 40 индейцев). Обращает на себя внимание, что метисы не выделены в одну группу (Papeles 1931, t. II, p.182-185). Трудно объяснить, почему, но в Гуанабакоа, судя по тому же списку, не было метисов, хотя названы 45 индейцев и 11 испанцев.

В начале XVII в. на Кубе, в скотоводческих хозяйствах, по словам современников, «всегда были» рабы (африканского происхождения – Э.А.), несколько испанцев-работников, мулаты и мулатки, а также метисы и метиски (цит. по: *Marrero* 1976, т.3, p. 15, 231).

В дальнейшем слово «метисы» относительно местного островного населения встречается в документах все реже, пока не исчезает вовсе. В упомянутых выше переписных листах на Кубе 1775 г. нет категории «метисы». В некоторых случаях дети от смешанных браков («индейца» и «белой», а также «белого» и «индианки») были записаны как «индейцы», а в другом дети «белого» и «индианки» были определены как «белые»

И в наше время даже на востоке острова, где есть «индейцы» и они вступают в брачные отношения с другими

---

⁴⁶² sin casa ni mujer, ni hacienda ni padres ni madres, personas sin prenda en esta villa

людьми, в хождении нет слова «метис». Разные степени физического смешения, определяемые по внешности (лицу и волосам), обозначаются словосочетаниями, в которых присутствует слово «индеец». Наш собеседник в провинции Сантьяго в 1982 г. назвал три типа: “*indio trigueño*”, “*indio claro*”, “*indio amulatado*” (смуглый; светлый; с чертами мулата). На просьбу «классифицировать» одного из наших коллег (родом с востока Кубы), было отвчено “*mulato aindiado*” (мулат с чертами индейца). От другого местного жителя услышали выражение “*indio indio*”, что, очевидно, значило «настоящий индеец».

Не образовали самостоятельную группу со своим самосознанием и собственным названием лица смешанного, индейско-испанского происхождения в Санто-Доминго. Доминиканский историк У. Толентино полагал, что одной из причин была их гибель в период с 1503 по 1510 гг. (правление Овандо), когда смертность аборигенов была очень высокой. Он же сослался на мнение М. Мёрнера о том, что лица смешанного происхождения, в случае их малочисленности, имеют тенденцию быть поглощенными отцовской или материнской группой (*Tolentino* 1974, р. 95).

Можно предположить, что сходными были процессы и на Пуэрто-Рико.

Что касается смешения островных аборигенов с населением африканского происхождения. Известно, что насильственная иммиграция из Африки, как и иммиграция из Европы в начальный колониальный период, была, преимущественно,

мужской. Поэтому потенциальными брачными партнерами для африканцев и их потомков могли быть местные индианки и метиски. Потомство от таких связей попадало, скорее всего, в категорию «мулатов». На Кубе особенно сильный процесс смешения имел место в районе рудников Эль-Кобре. Именно там возник упомянутый выше кульп Милосердной Девы из Эль-Кобре (Reyes 2009, p. 10-11), образ которой нашли, будто бы, два индейца и мальчик-негр.

На Ямайке, ставшей английской колонией, возобладали физико-антропологические характеристики африканского происхождения.

Как видно по источникам, в испанских колониях категория «индеец» стала игнорироваться властями уже с 70-х годов XVIII в., хотя она сохранялась в быту. Исчезла к тому времени и категория «метисы», хотя очевидно, что, в сельской местности особенно, население было смешанного происхождения. Возможно, после этого на местном уровне, для обозначения свободного сельского населения без явных признаков негроидной примеси появились новые слова.

Одно из них - «гуахиро» (*guajiro*), для обозначения крестьянина - не негра и не мулаты. Первый известный мне случай его употребления относится к 1829 г. кубинским поэтом Д. дель Монте (*Del Monte*). Широкое признание слово получило, видимо, после того, как оно было опубликовано появилось в словаре Э. Пичардо 1836 г. Как синоним слову «крестьянин» оно было известно в середине XIX в. в Доминиканской Республике и в

Гватемале (*Arrom* 1980, р. 53-54). Было высказано заслуживающее внимания предположение, что *guajiro* это более поздняя форма слова *guaxerí*, обозначавшего у аборигенов Гаити низшую из трех ступеней знати (*Arrom* 1980, р. 56-58). Другое слово, также, очевидно, индейского происхождения - «хибаро» (*jíbaro*). Им на Пуэрто-Рико до сих пор называют сельского жителя⁴⁶³

Видимо, слово “гуахиро” стало нарицательным словом для свободных сельских жителей Кубы без явных признаков наличия африканских предков, как и “хибаро” на Пуэрто-Рико. Использование аборигенных слов для обозначения свободных сельских жителей на некоторых островах можно объяснить тем, что там в сельской местности было население смешанного происхождения, в среде которого сохранились не только многие элементы материальной культуры аборигенов (о которых речь шла выше), но и какие-то элементы прежних социальных отношений, в частности, форма обращения. Пока невозможно с точностью указать время появления этих слов в лексиконе островного населения.

Начиная с середины XIX в., когда по островам стали путешествовать иностранцы, а затем и местные; они обращали внимание на то, что внешние физические черты сельского населения (цвет кожи, цвет и форма волос, форма глаз) ряда

---

⁴⁶³ В XIX в. крестьянина на Кубе также называли иногда этим же словом (*Pichardo* 1976, р. 297). Там оно, будучи определением какого-то существительного, до сих пор означает «дикий», «вольный» (например, *puerco jíbaro* – дикая свинья).

областей были сходны с теми же чертами бесспорно индейских групп Нового Света. Подобные наблюдения имели место и в XX в. Визуальные наблюдения путешественников были подтверждены серологическими исследованиями антропологов. Исследования крови в Доминиканской Республике, проведенные еще в 1948 г., обнаружили, что 57 % изученных доминиканцев имели показатели крови, свойственные для американских индейцев, а в горных изолированных общинах этот процент составлял от 54 до 70% (*Alvarez 1951*). В 2002 г в той же стране в произвольной выборке из 180 человек 27% показали наличие ДНК американских аборигенов (*Lopez 2003*). На Кубе, в муниципии Ятерас, те люди, которых антропологи, на основании соматических показателей, определили как «индейцев», имели около 50% генов европейского происхождения, а у "метисов" таких генов было до 80% (*Rivero de la Calle 1978*, р. 175). В серологических исследованиях 1999 г. на Пуэрто-Рико (выборка 800 человек) аборигенная (тайская, по терминологии авторов сообщения) митохондриальная ДНК была найдена у 61 % исследованных, в том числе у лиц не аборигенного фенотипа. Были выявлены также генетические маркеры, которые могли прийти с аборигенами, привезенными как рабы из других мест Америки (<http://www.kacike.org/MartinezEnglish.html>).

То есть, на Кубе, в Доминиканской Республике и на Пуэрто-Рико, гены аборигенов прослеживаются не только у людей, до недавнего времени называвших себя и называемых «индейцами» (как на Кубе), но и у значительной части другого населения. Не

исключено, что и у какой-то части темнокожих обитателей Ямайки и Гаити имеются аборигенные гены.

К теме аборигенного наследия следует отнести вопрос о наличии аборигенов на Кубе. В частности, высказывались сомнения в представительности доказательств того, что изученные антропологами люди были индейцами. При этом подчеркивалось, что только серологические данные можно брать за основу для подтверждения того, что исследованные люди – именно индейцы (*Arends 1973, p. 306*).

В этих соображениях физико-антропологического порядка игнорируется самосознание людей, в данном случае, их твердая уверенность, сохранившаяся веками, в том, что они индейцы. Понятно, что состав генов сказывается на соматических (и, таком образом, видимых) чертах человека и влияет на то, кем индивида считают и кем он сам себя считает. На групповом самосознании сказывается также историческая память. Но, именно самосознание, на мой взгляд, является главным критерием для того, чтобы считать индивида относящимся к той или иной общности людей. И уже дело исследователей, в каждом конкретном случае, как квалифицировать это сознание – этническое, социальное, расовое, этносоциальное, этнорасовое и т.д.

Осмысление феномена аборигенов

Аборигены Больших Антильских островов, их место в истории и культуре той или иной страны по-разному

осмыслились после того, как они перестали быть важным элементом островных обществ.

На Кубе и Пуэрто-Рико, где в 1770-е еще официально зафиксировано население, считавшееся «индейцами», в начале XIX власти формально перестали признавать их таковыми. Некоторые местные интеллигенты также полагали, что «индейцы» исчезли вовсе. Но, когда в островных колониях возникли антииспанские настроения, индейцы прошлого стали представляться как носители свободы. На Кубе особенно сильно индейская тематика получила развитие в поэзии. При этом поначалу воспевались астекские и инкские герои. Затем сформировалось поэтическое течение, воспевавшее идеализированных индейцев Кубы, которые были названы сибонеями; оно получило название «сибонеизм». Индейцы стали для некоторых кубинцев символом противостояния испанцам (*Azcárate Rosell*, p. 248-252), в то время как реальные потомки аборигенов находились в общественном забвении⁴⁶⁴. Превознесение аборигенного прошлого и рассмотрение аборигенного как синонима национального имело место в Доминиканской Республике. Возникло направление, которое впоследствии было названо индиханизмом. По мнению Касса, это было течением образованных элит, которое использовало индейскую тему как средство национального самосознания (*identidad nacional*) (*Cassá* 1992: 315-316).

---

⁴⁶⁴ Х.А. Гарсия Молина считал, что на представителей сибонеистского течения оказали влияние пережитки индейских устных традиций и других явлений культуры (*García Molina* 2006).

На протяжении XIX в. формируются антропология и этнология как науки о неевропейских народах, сначала в самой Европе, а затем и в странах, на которые было направлено внимание европейцев. Аборигены Больших Антильских островов также попадают в сферу внимания исследователей, которых интересовали, главным образом, древние обитатели островов. Представления того времени об аборигенах были нередко далеки от реальности. Так, в «Учебнике острова Куба» 1852 г. есть рисунок, называющийся «Вид поселения древних кубинцев», с изображением аборигенов с несколькими предметами, которые не отмечены письменными источниками на Кубе, в частности, дубина с шипами на боевой части (*García de Arboleya* 1852, p. 21).

Местными исследователями индейское прошлое стало размещаться в рамках истории той или иной страны. Некоторые авторы стали писать о вкладе аборигенов в культуру населения того или иного острова. Так, Аскарате Росель целую главу своей книги назвал «Влияние индейцев Кубы на кубинскую культурную среду» (*Azcárate Rosell* 1937). На всех островах, с разной степенью интенсивностью, проводились и проводятся археологические работы по изучению древнего населения, поначалу, преимущественно, североамериканскими исследователями, а затем и местными.

В последние десятилетия древности (реальные или сконструированные) становятся частью туристских программ. На Пуэрто-Рико и в Санто-Доминго некоторые археологические памятники включены в туристические маршруты. На Кубе в

начале 1960-х годов была создана "индейская деревня" Гуама со стилизованными постройками и несколькими скульптурными группами аборигенов, представленных за разными занятиями.

Появляются отдельные ремесленники, имитирующие в разном сырье изделия аборигенов. Я был хорошо знаком с двумя кубинцами, один из которых воспроизводил керамические сосуды аборигенов из керамики, а другой мастерил поделки из черного коралла (на продажу). При том, если первый старался следовать аборигенным канонам, то второй использовал только слово ("таино") для названия подвесок с едва прочерченными чертами лица.

При таком очевидном интересе к аборигенному прошлому, в той единственной стране, где сохранились потомки аборигенов, на Кубе, не проводилось их этнографическое изучение. В 2014 г. на Кубе опубликована книга «Индоамериканцы на Кубе: Исследования, открытые настоящему» (*Indoamericanos 2014*)⁴⁶⁵. Там есть статьи о древностях, о колониальном времени, о серологических анализах и ничего – об этнографии ныне живущих «индейцев» востока острова. Возможно, виной тому является «скептицизм относительно возможных потомков наших первых обитателей», о котором писал еще в 1970-е гг. Риверо де ла Калье (*Rivero de la Calle 1978*, р. 153).

Своебразное осмысление аборигенного вклада в этническую историю страны сложилось в Доминиканской

---

⁴⁶⁵ Спасибо Хесусу Гуанче, который приложил немало усилий, чтобы книга дошла до меня.

республике, где долгое время «индейцем» называли человека, который не мог считаться «белым», но имел гладкие волосы, светлую кожу и, выражаясь словами доминиканского автора Р. Касса, физиономию, отличающуюся от африканской. Как писал этот исследователь, словом «индеец» подчеркивается, что называемый им человек не относится ни к «белым», ни к «неграм». Объясняется это тем, что государственная политика страны отрицает «негритюд», считая его свойственным для Гаити (а с этой соседней страной у Доминиканской республики непростые отношения – Э. А.). Поэтому в Доминиканской республике (население которой в своей массе смешанного происхождения) все увеличивается число людей, отождествляющих себя с индейцами. Всякий доминиканец, за исключением меньшинства, которое может претендовать на называние себя «белыми», считает себя «индейцем» (*indio*), хотя и с целым спектром определений: «светлый», «размытый», «темный», «тонкий» и другие (Cassá 1992, p. 314-315). Статус “*indio*” в Санто-Доминго фиксируется в удостоверении личности (López Valdés 2002, p. 283).

Некоторые исследователи подчеркивают, что в испанских колониях на островах сплетение элементов африканского, европейского иaborигенного происхождения произвели общество, которое не было ни испанским, ни индейским, ни африканским (Deagan, Cruxent 2002, p. 227).

Еще одно осмыслениеaborигенного вклада в современное население Большых Антильских островов связано с мировыми

тенденциями этнической ревитализации. Усиленные поиски своего «я», отличного от окружения, вызвали появление людей, провозглашающих себя потомками островных аборигенов. Эти люди взяли для названия предков (реальных или воображаемых, в данном случае не существенно) слово *taínos*, которое до прихода европейцев на острова и в ранний колониальный период не употреблялось как этноним⁴⁶⁶. Движение новых «таинов» возникло в США, в среде выходцев из Пуэрто-Рико. Сейчас оно распространяется и на других Больших Антильских островах, включая такие страны как Гаити и Ямайка.

Их лидеры отвергают мнение о том, что островные аборигены исчезли в колониальный период. Активисты движения создают сайты в интернете и электронные журналы. Формируются общества, прослеживаются индейские родословные отдельных людей. Таинские активисты США, Пуэрто-Рико и других стран устраивают регулярные конференции о таинской культуре и публикуют результаты исследований об индейцах (*Eaton* 2003). Отмечу обширную подборку упоминаний в литературе аборигенов разных островов, появившуюся в интернете. Ее целью, как сказано, было показать, что культурное и биологическое выживание аборигенов на Кубе, Ямайке, в Гаити и Доминиканской республике и на Пуэрто-Рико засвидетельствовано на протяжении 500 лет. Высказана надежда, что публикация собранных материалов будет способствовать тому, что исследователи и другие люди начнут уделять больше

---

⁴⁶⁶ Об истории слова «тайно» смотри: *Александренков* 2016.

внимания к сохранившимся таинам и пересмотрят, если не отвергнут вовсе, теории их исчезновения (*Baracutei Estevez* 2004). И в самом деле, движение таинистов нашло поддержку у некоторых профессиональных антропологов, среди которых можно отметить североамериканскую исследовательницу Лин Гитар (*Linne Guitar*).

Оживлению интереса к теме таинов на некоторых островах способствовало принятие в США в 1989 г. закона, согласно которому федеральные музеи должны были сделать инвентаризацию хранящихся в них человеческих останков и, если они востребованы, вернуть индейским группам. Закон не касался Кубы, но лидеры таинистов в США, на протяжении семи лет пытавшиеся организовать перезахоронение, достигли этого. Смитсоновский институт отоспал для перезахоронения на Кубу фрагменты костей нескольких индейцев, привезенных когда-то Харрингтоном. В церемонии, имевшей место в Кариадад-де-лос-Индиос, принимали участие, помимо работников Института, члены нескольких индейских племен Северной Америки и местные жители.

Как обобщал автор, описавший это событие, индейцы Кубы, с помощью сторонников в США, Пуэрто-Рико и в других странах, пытаются оживить то, что осталось от их аборигенных культуры и обычаяев. По его мнению, ресурсов для этого мало. Многие потомки таинов (по его терминологии) слишком заняты проблемами выживания в тяжелый экономический период, чтобы беспокоиться о своей культуре (*Eaton* 2003).

На Пуэрто-Рико публику приглашали принять участие в индейских ритуалах, о которых в источниках не говорится, в частности, бракосочетание и крещение ребенка при лунном свете (*Caquías 2005*)⁴⁶⁷.

Судя по некоторым сообщениям, движение таинистов, очевидно, меняет самосознание некоторых людей на Кубе, что до недавнего времени считали себя "индейцами". Теперь они готовы называть себя таинами⁴⁶⁸. Среди них отмечалось стремление объединить свои усилия для познания собственной истории (*Barreiro 1989*). Под влиянием новых средств коммуникации и интенсивной пропаганды таинистов некоторые «индейцы» стали называть себя «таинами», то есть индейское самосознание стало заменяться (вытесняться, или быть наравне?) «тайским». Кроме того, похоже, что и у некоторых людей смешанного происхождения под влиянием тех же факторов наблюдается смещение самосознания – от европейского («белого») или африканского («черного») к индейскому в форме «тайского».

О "контакте культур"

Одна из главных тем, что возникают при обращении к историиaborигенов Больших Антильских островов времени их

---

⁴⁶⁷ Мероприятие было приурочено к 23 годовщине создания Церемониального центра Тибес и проводилось на этом археологическом памятнике.

⁴⁶⁸ "My father was an Indian... Most of the people here have at least some Taino blood" (*Eaton 2003*) «Мой отец был индеец... Большая часть здешних людей имеют, по крайней мере, что-то от крови таинов»

колонизации испанцами – это оценка последствий появления там европейцев.

Как к пришествию испанцев относились аборигены, можно судить лишь по косвенным данным, чаще всего по их поведению, так как их собственные мысли на этот счет, если и могли быть зафиксированы письменно (скажем, в протоколах судебных разбирательств с участием аборигенов), то я не знаю их опубликованными. А поведение было, особенно вначале, почти поголовно антииспанским – вооруженное сопротивление, бегство, самоубийства. Были и другие, индивидуальные, исключения – дружба с испанцами некоторых вождей, принятие испанской стороны некоторыми аборигенными женщинами в конфликтной ситуации. Через 50 лет сопротивляться было некому, и оставшиеся аборигены, как видно на примере жителей Тринидада на Кубе, рассуждали как испанцы.

Позже, при осмыслении событий первой половины XVI в. и их результатов для дальнейшей истории позиция людей, их оценивавших (как жителей той или иной страны, так и внешних исследователей), определялась и, вероятно, определяется до сего времени, их общим мировоззрением. Адепты церкви считали, что европейцы несли аборигенам свет христовой веры. Противники капитализма и его проявления в форме колониальных завоеваний акцентировали внимание на истреблении местных обитателей пришельцами. В преддверии 500-летия первого плавания Колумба через океан преобладающими стали идеи «контакта культур».

Но, о каком контакте культур можно говорить, если одна из сторон, пришельцы, пренебрежительно относились к местному населению и полностью отрицали его мировоззрение, настойчиво искореняя его? Как свидетельствуют изложенные выше материалы, так называемый контакт с европейцами оказался для аборигенов пагубным. В демографическом отношении его результатом стало физическое исчезновение местного населения на обширных пространствах. В социальном – полное исчезновение прежних структур. В этническом – исчезновение прежних народов. В сфере культуры - там, где было возможно, европейцы навязывали аборигенам свои модели в духовной и некоторых материальных сферах; в некоторых случаях аборигены добровольно заимствовали некоторые элементы материальной культуры.

Завоевание островных аборигенов и колонизация островов испанцами не подходят под рамки контакта культур. Можно было бы рассматривать в качестве культурного контакта намерение испанской короны обратить обитателей островов в католицизм и приобщить их к нормам жизни как у «других вассалов», о чем идет речь почти в каждом королевском документе о завоевании и колонизации островов. Но эта, идеологическая, цель конкисты перекрывалась желанием самой короны получить с островов как можно больше золота, за счет эксплуатации аборигенов. Не поддавалась королевскому контролю эксплуатация аборигенов со стороны колонистов. Практические цели испанцев (прежде всего, на островах) перекрывали идеологию, рожденную в метрополии.

На островах имело место то, что К. Маркс назвал первоначальным накоплением капитала (отделение производителя от средств производства). Там, как и в ряде других областей Америки, местный производитель так освобождался от своего средства производства, земли, что в большинстве случаев, лишился и самой жизни (см. Александренков 1992). Социально-экономическая среда, в которой существовали потомки уцелевших аборигенов с середины XVI в, постоянно менялась. Главным фактором этих изменений было заполнение острова пришлым населением разного происхождения. Оставшиеся после испанской конкисты и колонизации «индейцы» были постоянно лишаемы своих земель и растворились в среде сельских обитателей, за редкими исключениями на востоке Кубы. В настоящее время движение новых «тайнов», возможно, будет способствовать появлению некой пан-Антильской общности, не существовавшей прежде.

Библиография

Александренков Э.Г. Индейцы Антильских островов до европейского завоевания. М., Наука, 1976.

Александренков Э.Г. «Таинно», «макори», «гуатиао» - три формы этнической ориентации индейцев Антильских островов //Исторические судьбы американских индейцев. М., Наука, 1985, с. 107-115.

Александренков Э.Г. Заключение: Пространственные различия в материальной культуре сельского населения Кубы //Этнография кубинской провинции Матансас. М., Наука, 1988, с. 188-207.

Александренков Э.Г. Контакт культур или первоначальное накопление капитала? //Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., Наука, 1992, с. 113-125.

Александренков Э.Г. Возможности этнографического изучения властных отношений у аборигенов Антильских островов //Власть в аборигенной Америке. М., Наука, 2006, с. 308-328

Александренков Э.Г. Письменные источники об аборигенах Больших Антильских островов конца XV – XVI веков и археология //Кафедре этнологии Исторического факультета МГУ – 70 лет. Сборник научных статей. М., 2010, с. 5-26.

Александренков Э.Г. Испанские сведения об аборигенах Америки конца XV-XVI в. //Источники по этнической истории

аборигенного населения Америки М., Институт этнологии и антропологии РАН, 2012, с. 6-57.

Александренков Э.Г. Обитатели Антильских островов в бортовом журнале первого плавания Колумба //Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. К юбилею доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова. Сборник научных статей. Труды исторического факультета МГУ 62. Серия II. Исторические исследования 25. М., 2013, с. 95-114.

Александренков Э.Г. Nitaíno/taíno Антильских островов: от обозначения социального ранга до названия народа //Сайт "Мир индейцев" <http://www.indiansworld.org/Articles/nitainotaino-antilskih-ostrovov-ot-oboznacheniya-socialnogo-ranga-do-nazvaniya-naroda.html#.WOelrWcIHIV>

Альперович М.С. О характере и формах эксплуатации в американских колониях Испании (XVI-XVIII века) //Новая и новейшая история, 1957, № 2.

Бородатова А. А. Культ сейбы на Кубе: к вопросу об индейском субстрате в культуре кубинцев //Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., Наука, 1992, с. 144-171.

БСЭ - <http://bse.slovaronline.com/> Б/БЕ

Григулевич И.Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI-XVIII вв. М., «Наука», 1977.

Дридзо А.Д. Население Ямайки //СЭ, 1962, № 5, с. 100-110.

Зорина А.М. Завоевание Кубы испанцами и становление системы колониального управления. //Очерки истории Кубы. М., Наука, 1978, с. 17-28

Лас Касас Б. де. История Индий. Л., Наука, 1968.

Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире (по материалам конференции), т. I-II. М., ИМЭМО РАН, 2007.

Петрова-Аверкиева (Ю. П.) /1965а/, Отчет... О трехмесячной командировке с 26 ноября по 26 февраля //Архив ИЭА РАН. Ю.П. Аверкиева, папка 62.

Петрова-Аверкиева (Ю. П.) /1965б/ /шесть страниц печатаного текста без названия/ //Архив ИЭА РАН. Ю.П. Аверкиева, папка 62.

Путешествия Христофора Колумба /дневники, письма, документы, М., Государственное издательство географической литературы, 1952, второе издание.

Рей Бетанкур Э. Генезис испанского колониализма и уничтожение коренного населения Кубы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1978.

Сообщение брата Рамона, о древностях индейцев, которые он, со старанием, как человек, который знает их язык, собрал по велению Адмирала //Источники по этнической историиaborигенного населения Америки. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 2012, с. 58-97.

Стингл М. В горы к индейцам Кубы. Издательство "Мысль". М., 1974.

Alvarez J. de J. Studies on the ABO, MN, and Rh-Hr blood factors in the Dominican Republic, with special reference to the problem of admixture //American Journal of Phisical Anthropology, 1951, vol. 53, issue 2, p. 127-148.

Ancient Borinquen. Archaeology and ethnohistory of native Puerto Rico, ed. by *P.E. Siegel*. The University of Alabama Press, Tuscaloosa, 2005.

Anderson-Córdova K.F. The Aftermath of Conquest. The Indians of Puerto Rico during the Early Sixteenth Century //Ancient Borinquen 2005, p. 337-352.

Arango y Parreño F. de. Obras, t. 1-2. La Habana, 1952.

Arends T. Are Cuban Indians really Indians? //Current Anthropology, 1973, vol. 14, N 3, p. 306

Arrate J. M. F. de. Llave del Nuevo Mundo. Antemural de las Indias Occidentales. La Habana descripta: noticias de su fundación, aumentos y estados). Edición sobre la copia manuscrita existente). Comisión Nacional de la UNESCO. La Habana, 1964.

Arrom J. J. Estudios de lexicografia antillana. Casa de las Americas. La Habana, 1980.

Azcárate Rosell R. Historia de los indios de Cuba. Editorial Trópico. La Habana, 1937.

Bachiller y Morales A. Cuba primitiva. Origen, lenguas, tradiciones e historia de las Antillas Mayores y las Lucayas. Segunda

edición corregida y aumentada. Habana: Librería de Miguel de Villa, 1883.

Balboa S. de. Espejo de paciencia. Imprenta Escuela del Instituto Cívico Militar. La Habana, 1941.

Baracutei Estevez J. A Chronology of Taino Cultural and Biological Survival //Home: Caribbean Amerindian Centrelink Journal of Caribbean Amerindian History and Anthropology. 03 April, 2004. Сайт был трансформирован в Review of the Indigenous Caribbean по адресу <http://indigenousreview.blogspot.ru/>, и там я не смог найти цитируемую работу.

Barreiro J. Indians in Cuba //Cultural Survival Quarterly, vol. 13, no. 3. 1989, pp. 56-60.

Bastien R. Proceso de aculturación en las Antillas //Revista de Indias, Madrid, N 95-96, 1964.

Bermejo de Capdevilla M.T. Estudio preliminar // *B. de Las Casas.* Tratado de Indias y el doctor Sepúlveda. Caracas, 1962. BANH 56, p. IX-LXXVIII.

Bernáldez B. A. Historia de los Reyes Católicos, t. 1-2. Sevilla, MDCCCLXX.

Boyd-Bowman P. Patterns of Spanish emigration to the Indies until 1600 //The Hispanic American Historical Review, v. 56, # 4. Durham, 1976, p. 580-604.

La Bula *Sublimis Deus* de Pablo III 1537, 2 de junio.
Электронный ресурс

Calvo J. M. Informe del contador del Tribunal de Cuentas, D. Juan Miguel Calvo, sobre mercedes, realengos, deslindes etc. De

terrenos de esta isla...17.12.1817 //BAN, año VIII, N. 5, 1909, p. 153-159.

Caquías S. Rito Nupcial Y Bautismo En El Centro Ceremonial Tibes //El Nuevo Dia San Juan News Paper, Sunday May 1, 2005

Carrera y Justiz F. Introducción a la historia de las instituciones locales de Cuba, tomos 1-2. Habana, La Moderna Poesia, 1905.

Cassá R. Los tainos de la Española. Editora de la Universidad Autónoma de Santo Domingo. Santo Domingo, República Dominicana, 1974.

Cassá R. Los indios de las Antillas. Editorial MAPFRE, Madrid, 1992.

Castellanos J. Crónica de la rebeldía de los indios cubanos (1520-1550). La Habana, Universidad de la Habana, 1959.

Catálogo parcial de los fondos de la sección XI (Cuba) del Archivo General de la Indias. Eds. *C. García del Pino, A. Melis Cappa*. Editorial Orbe. La Habana, 1978.

CDI - Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas de América y Oceanía, sacados en su mayor parte del Real Archivo de Indias, 1864-1884, Madrid.

CDI-2 - Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las antiguas posesiones españolas de Ultramar, 1885-1932, 2-a serie, Madrid.

Colección de documentos inéditos para la historia de la España, t. 1-112. Madrid, 1842-1895.

Colón Cr. Diario de navegación. Publicación de la comisión Nacional Cubana de la UNESCO. La Habana, 1961

Colón F. Colón. Historia del Almirante de las Indias don Cristobal Colón. Buenos Aires, Editorial Bajel, 1944.

Cook N. D. ¿Una primera epidemia americana de viruela en 1493? //Revista de Indias, 2003, vol. LXIII, núm. 227, p. 49-64.

Cuneo M. de. Lettera //Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana pel quarto centenario della scoperta dell'America. P.III, Vol. II, p.95-107, Roma, 1893.

Dávila Dávila O. Arqueología de la Isla de Mona. Instituto de Cultura Puertorriqueña. San Juan, Puerto Rico, 2003.

Deagan K. The archaeology of the Spanish contact period in the Caribbean //Journal of World Prehistory, vol. 2, N 2, 1988, p. 198-223.

Deagan K. Reconsidering Taíno social dynamics after Spanish Conquest: Gender and class in culture contact studies //American Antiquity, vol. 69, No. 4, 2004, p. 597-626.

Deagan K., J.M. Cruxent. Columbus's Outpost among the Taínos. Spain and America at La Isabela, 1493 – 1498. Yale University Press. New Haven & London. 2002.

Deive C.E. Vodu y magia en Santo Domingo. Ediciones Museo del Hombre Dominicano. Santo Domingo, 1979.

Del Monte D. Romances cubanos.

<http://www.encaribe.org/Files/Personalidades/domingo-del-monte/texto/Poesia%20Domingo%20del%20Monte.pdf>

Deschamps Chapeau P. Los batallones de pardos y morenos libres. Editorial Arte y Literatura. La Habana, 1976.

Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España. Editora del Consejo Nacional de Cultura. La Habana, 1963, t. 1-2.

Documentos 1. Los primeros memoriales de Fray Bartolomé de las Casas. S. l., Universidad de la Habana, 1972.

Domínguez L.S., A. Rives. Supervivencia o transculturación en el siglo XVI antillano //Actas del XV Congreso Internacional de Caribe. San Juan de Puerto Rico, 1995, p. 393-399.

Eaton T. An Indian revival in Cuba? // Havana Journal. Posted July 14, 2003
http://havanajournal.com/culture/entry/an_indian_revival_in_cuba/

Escoto J. A. Los indios macuriges en Haití y Cuba. Matanzas, 1924.

Fernández de Navarrete M. Viajes de Colón. Madrid, Galpe, 1922.

Fernández de Navarrete M. Viajes de los españoles por la costa de Paria. Madrid, Galpe, 1923.

Fernández de Oviedo G. Sumario de la natural historia de las Indias. Mexico, 1950.

Fernández de Oviedo y Valdés G. Historia general y natural de las Indias, t. 1-4. Madrid, 1851-1855.

Fernández Rodríguez P. Los dominicos en el contexto de la primera evangelización de México, 1526-1550. Editorial San Esteban, 1994, 308 p. (интернетпесы)

Fewkes J. W. A prehistoric island culture of America. 34-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, D.C., 1922, pp. 35-281.

Figueredo A. E. Las culturas marginales de las Antillas mayores durante los tiempos históricos tempranos // Cuba Arqueológica. Año VI, núm. 2, 2013, p. 19-26. (интернетресурс)

Fonseca García L. B. Villa San Salvador. Los tutebeos de Diego Valázquez.// Los indoamericanos en Cuba. Estudios abiertos al presente. *Felipe de J. Pérez Cruz* (coordinador). Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, 2014, p. 213-225.

Franco J.L. Apuntes para una historia de la legislación y administración colonial en Cuba (1511-1800). Editorial Ciencis Sociales. La Habana, 1985.

Gabaldón Márquez J. Prólogo //Fuero indígena venezolano. Parte I. Período de la colonia (1552 a 1783). Caracas, 1954, p. 5-44.

García Añoveros J. M. Carlos V y la abolición de la esclavitud de los indios. Causas, evolución e circunstancias //Revista de Indias, 2000, vol. LX, núm. 218, p. 57-84.

García de Arboleya J. Manual de la isla de Cuba. Compendio de su historia, geografía, estadística y administración, La Habana, 1852.

Gómez Canedo L. Los archivos de la historia de América. Período colonial español, t. 1-2. México, 1961.

García Molina J. A. Literatura sobre el tema indígena en publicaciones cubanas del siglo XIX //RBN, año 97, nos. 1-2, 2006, p. 34-55.

Guanche Pérez J. Legado aborigen a la cultura cubana //F. de P. Pérez Cruz (Coordinator). Los indoamericanos en Cuba. Estudios abiertos al presente. Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, 2014, p. 321-332.

Guerra R. Azucar y población en las Antillas. Editorial de Ciencias Políticas. La Habana, 1976.

Gussinyer i Alfonso J. Congregación indígena y pueblos de indios en las Antillas: 1500-1525. (интернетресурс).

Guitar L. Documentando el mito de la extinción de la cultura Taína //KACIKE: Revista de la historia y antropología de los indígenas del Caribe [Revista electrónica], Edición especial, Lynne Guitar, redactora. 2002. <http://www.kacike.org/GuitarEspanol.pdf>

Hanke L. Los primeros experimentos sociales en América. Ministerio de Trabajo. Madrid, 1946.

Hernández González P. J. De los Pueblos de Indios en Cuba. Segunda mitad del siglo XVI //www.cubaarqueologica.org

Herrera A. de. Historia general de los hechos de los castellanos en las islas y Tierra Firme del Mar Oceano escrita por Antonio de Herrera coronista mayor ... en cuatro Décadas desde al Año de 1492 hasta el de 1531. Decada primera. Madrid. Imprenta Real, t. 1, 1601. (интернетресурс)

Herrera, A. de. Historia general de los hechos de los castellanos en las islas y Tierra Firme del Mar Océano. Tomo XIV. Madrid, 1955.

Humboldt A. de. Ensayo político sobre la isla de Cuba. La Habana, 1960.

Los indoamericanos en Cuba. Estudios abiertos al presente. Pérez Cruz, F. de J. (coordinador). Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, 2014.

Jiménez G., M. A. Implantación de la esclavitud en América (1492-1503) // *Jiménez G., M. A.* La esclavitud indígena en Venezuela (siglo XVI). Caracas, 1986, p. 83-91.

Konetzke R. Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamérica 1493 – 1810. Volumen I (1493-1592). Madrid, 1953.

Ladero Quesada M.A. Presencia eclesiástica en Indias según los libros de cuentas de la Casa de la Contratación, 1503-1521 // Anuario de Estudios Atlánticos, vol. 54, num. 1, 2008, p. 371-401. Redalyc Sistema de Información Científica (электронный ресурс).

Las Casas B. de. Tratado sobre la materia de los indios que se han hecho esclavos 1552.

<http://www.biblioteca.org.ar/libros/131622.pdf>

Las Casas B. de. Historia de las Indias. México-Buenos Aires, 1951, t. I-III.

Las Casas B. de. Apologética historia sumaria. UNAM, Instituto de Investigaciones Históricas. México, 1967, t. I-II.

Le Riverend Brusone J. J. La Habana (Biografía de una provincia). La Habana, Academia de la Historia de Cuba, 1960.

Leiseca J. M. Apuntes para la historia eclesiástica de Cuba. La Habana, 1938.

León Pinelo J. de. Tablas cronológicas de los Reales Consejos, Supremo y de la Camara de las Indias Occidentales. Segunda edición. Madrid, 1892.

León-Portilla M. El indio vivo visto por los frailes en el siglo XVI, p. 281-295
[/http://www.historicas.unam.mx/publicaciones/revistas/nahuatl/pdf/e_cn41/851.pdf](http://www.historicas.unam.mx/publicaciones/revistas/nahuatl/pdf/e_cn41/851.pdf)

Licea Bello G. En torno a la historia temprana de Jiguaní. Algunas precisiones necesarias.
<http://www.eumed.net/rev/cccsl/20/glb.html> Junio 2012

Lopez M. Era Taina su tatarabuela? //Areito section of the HOY newspaper 08/24/2003 цит. по:

López de Gómara Fr. Historia general de las Indias, t. I-II, Madrid, CALPE, 1922.

López Valdés R. L. Una muestra de composición étnica y el matrimonio de africanos en la Habana entre 1694 y 1714 //RCCS, N 17, 1988.

López Valdés R. L. Africanos de Cuba. Centro de Estudios Avanzados de Puerto Rico y el Caribe con la colaboración del Instituto de Cultura Puertorriqueña. San Juan de Puerto Rico, 2002.

Marrero L. Cuba: economía y sociedad, t.1-15, San Juan, 1974-????

Martí A. J. Examen de la población de Boriquén durante el período de contacto //Trabajos de investigación arqueológica en Puerto Rico. Tercer encuentro de investigadores. San Juan, 1999, p. 47-56.

Martyr d'Anghera P. 1912. *De Orbe Novo. The eight decades of Peter Martyr d'Anghera*, t.1-2, New York and London.

Mira Caballos E. En torno a la expedición de Sebastián de Ocampo a la isla de Cuba (1506) //Revista de Indias, 1996, Vol. LVI, núm. 206.

Mira Caballos E. El Indio antillano: repartimiento, encomienda y esclavitud : (1492-1542). Sevilla: Muñoz Moya Editor. 1997. http://books.google.ru/books?id=yQKJjmyJ6mIC&pg=PA152&lpg=PA152&dq=indios+de+deposito&source=bl&ots=kbGTN7GZH6&sig=FHImIixcYGqKe1csNEt2TPTT6SYQ&hl=ru&sa=X&ei=C72fUOq0M4ny4QTQh4GACQ&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

Mira Caballos, E. El indio antillano a través del interrogatorio de los jerónimos de 1517 //<http://estebanmiracaballos.blogia.com/2010/022211-el-indio-antillano-a-traves-del-interrogatorio-de-los-jeronimos-de-1517.php>

Mira Caballos E. Caciques guatiaos en los inicios de la colonización: el caso del indio Diego Colon (интернетресурс)

Morales Padrón Fr. Teoría y leyes de la conquista. Madrid, 1979.

Morales Patiño O. La rebeldía de los indocubanos. Contribución del Grupo Guamá. Historia, Num. 8. La Habana, 1946.

Morales Patiño O. Los indígenas en los primeros municipios cubanos //Revista de Arqueología y Etnología. Año VII, Época II, Núms. 13-14. La Habana, 1951, p. 368-387.

Morell de Santa Cruz (P.A.) La visita eclesiástica. Editorial de Ciencias Sociales. La Habana, 1985.

Moreno A. A. Estudio preliminar //Relaciones geográficas de Venezuela durante los siglos XVI, XVII y XVIII. Caracas, Academia Naciona de Hisoria, 1964.

Moscoso Fr. La conquista española y la gran rebelión de los tainos 20.08.2011. //Viekes -

<http://ru.scribd.com/doc/64584750/Conquista-y-Rebelion-Taina>

Núñez Jiménez A. La cultura cubana: Heredera de indios, españoles, africanos y otros pueblos //Bohemia, N. 38. 18.09.1981. yt

O'Gorman E. La Apologética historia, su génesis y elaboración, su estructura y su sentido //*Las Casas B. de.* Apologética historia sumaria. UNAM, Instituto de Investigaciones Históricas. México, 1967, t. I, p. XI-CLXX.

Ordenanzas de 1513, declarando y moderando las de Burgos de 1512 <http://banrepicultural.org/blaavirtual/historia/colonia1/7-1.htm>

Ordenanzas reales para el buen regimiento y tratamiento de los indios <http://banrepicultural.org/blaavirtual/historia/colonia1/7-1.htm>

Ortiz F. Historia de la arqueología indocubana. Segunda edición refundida y aumentada. Cultural S.A. La Habana, 1935 //Colección de libros cubanos, vol. XXXIII, tomo II.

Ots Capdequi J.M. El estado español en las Indias. Buenos Aires-México, FCE, 1957.

Ots Capdequi J.M. España en América. El régimen de tierras en la época colonial. México-Buenos Aires, FCE, 1959.

Papeles existentes en el Archivo General de Indias relativos a Cuba y muy particularmente a la Habana, t. I-II. Academia de la Historia de Cuba. La Habana, 1931.

Patterson T. C. Early colonial encounters and identities in the Caribbean: a review of some recent works and their implications //Dialectical Anthropology, vol. 16, 1991, p. 1-13.

Pérez Beato M. Habana antigua. Apuntes históricos. T.I: Toponimia. Habana: Seoane y Fernández, 1936.

Pérez Cruz F. de J. ¿Los indoamericanos en Cuba? Actualizemos el tema // Los indoamericanos en Cuba. Estudios abiertos al presente. *Pérez Cruz F. de J.* (coordinador). Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, 2014, p. 6-30.

Pérez de la Riva J. Desaparición de la población indígena de Cuba //Universidad de la Habana, NN 196-197, 2-3, 1972, p. 61-84.

Pérez de la Riva J. Presentación de un censo ignorado: El Padrón General de 1778 //Revista de la Biblioteca Nacional José Martí, 1977, N. 3, p. 5-16.

Perez de Tudela J. La quiebra de la factoría colombina y el nuevo poblamiento de La Española. Revista de Indias, Nº 60, Madrid, 1955, p. 197-252.

Pichardo E. Diccionario provincial casi-razonado de voces y frases cubanas. Esditorial de Ciencias Sociales. La Habana, 1976.

Pichardo H. Introducción //Documentos 1. Los primeros memoriales de Fray Bartolomé de las Casas. S. l., 1972, p. 1-46.

Pichardo H. La fundación de las primeras villas de Isla. Fuentes básicas para su estudio. RBN, vol. 27, N 3, 1983.

Pichardo Moya F. Los indios de Cuba en sus tiempos históricos. La Habana, Academia de la Historia, 1945.

Portuondo Zúñiga, Olga. Una sublevación de indios en 1758 //Revista de la Biblioteca Nacional José Martí. La Habana, No 1, enero-abril, 1981, p. 199-204.

Pospisil M. Indian remnants from the Oriente province, Cuba. Bratislava, 1976.

Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commisione Colombiana pel quattro centenario della scoperta dell'America, vol. 1-15. Roma, 1892-1896.

Recopilación de leyes de los reinos de las Indias. Tomo segundo. Quinta edición. Boix editor, Marid, 1841.

Report on the census of Cuba 1899. Washington, 1900.

Reyes J. M. La inserción del aborigen en la sociedad colonial santiaguera: el caso del pueblo indio de San Luis de los Caneyes //Ciencia en su PC 1 (2009).
<http://cienciapc.idict.cu/index.php/cienciapc/article/view/28/91>.

Ribera N. J. de. Descripción de la isla de Cuba. Con algunas consideraciones sobre su población y comercios. Editorial de Ciencias Sociales. La Habana, 1975.

Rivero de la Calle M. Los indios cubanos de Yateras //Santiago, N 10, 1973, p. 151-174

Rivero de la Calle M. Supervivencia de descendientes indoamericanos en la zona de Yateras, Oriente //Cuba Arqueológica. Editorial Oriente, Stgo. de Cuba, 1978, p. 149-176.

Rives A., L. Domínguez, M. Pérez. Los documentos históricos sobre las Encomiendas y la Experiencias Indias de Cuba y las evidencias arqueológicas del proceso de contacto indohispánico

//Estudios Arqueológicos 1989. Editorial Academia. La Habana, 1991, p. 26-35.

Rodríguez Álvarez A. Mitología taina o eyeri: Ramón Pané y la Relación sobre las antigüedades de las Indias: El primer tratado etnográfico hecho en América. Editorial Nuevo Mundo, San Juan, Puerto Rico, 2012. Edición revisada y aumentada.

Rodríguez Demorizi E. Los dominicos y la encomienda de indios en la isla Española. Santo Domingo, Editora del Caribe S.A., 1971.

Rosenblat A. La población indígena y el mestizaje en América. I. La población indígena 1492-1950. Buenos Aires, Editorial Nova, 1954.

Saco J.A. Historia de la esclavitud de los indios en el Nuevo Mundo //Historia de la esclavitud de los indios en el Nuevo Mundo seguida de la Historia de los repartimientos y encomiendas, tomo I, tomo II, p. 5-244. Colección de Libros Cubanos, vol. XXVIII, XXIX. Habana, Cultural, S.A., 1932.

Santamaría García A. y S. Vázquez. Indios foráneos en Cuba a principios del siglo XIX: historia de un suceso en el contexto de la movilidad poblacional y la geoestrategia del imperio español /Colonial Latin American Historical Review. Winter 2013. /Internet/

Sorhegui, Arturo. El surgimiento de una aristocracia colonial en el occidente de Cuba durante el siglo XVI //Santiago. Revista de la Universidad de Oriente. Marzo de 1980, No. 37, p. 147-209.

The Taino of Jamaica: A Brief History of the Indigenous Population of Jamaica
[//http://www.backintyme.com/odr/about1822.html](http://www.backintyme.com/odr/about1822.html)

Tolentino H. Raza e historia en Danto Domingo Tomo I. Los orígenes del prejuicio racial en América Editora de la Universidad Autónoma de Santo Domingo Santo Domingo, República Dominicana, 1974.

Urrutia y Montoya I. J. de. Teatro histórico, jurídico y político militar de la isla Fernandina //Obras del doctor Ignacio José de Urrutia y Montoya, t.1-2. La Habana, 1931. (Academia de la Historia de Cuba)

Valcárcel Rojas R. Una presencia necesaria. Indios en la Cuba colonial //Boletín del Museo del Hombre Dominicano. No. 46, 2015, pp 177-194) интернет PDF Cuba Arqueológica ?

Valdés Bernal S. Algunos aspectos del sustrato indígena de Cuba //ALL, N 3-4, 1972-1973, p.137.

Valdés Bernal S. La evolución de los indoamericanismos en el español hablado en Cuba. La Habana, 1986, p. 2-3.

Vázquez de Espinosa A. Compendio y descripción de las Indias Occidentales. Smithsonian Miscellaneous Collections, vol. 108. Washington, 1948.

Yaremko J. M. “Obvious Indian”—Missionaries, Anthropologists, and the “Wild Indians” of Cuba: Representations of the Amerindian Presence in Cuba. *Ethnohistory*, Vol. 56, N. 3, 2009, p. 449-477.

Ynstrucción y memoria de las relaciones que se han de hacer para la descripción de las Indias... Año de 1582 //CDI, t. XXI, Madrid, 1874.

Zavala S. La encomienda india. Segunda Edición revisada y aumentada. Editorial Porrua, S.A. México, 1973.

Zayas y Alfonso A. Lexicografía antillana. Diccionario e voces usadas por los aborígenes de las Antillas Mayores y de alguans de las Menores y consideraciones de su significado y de su formación, t.I-II. Habana, 1931 (2-da ed.).

Zerquera y Fernández de Lara C. La villa india de Trinidad en el siglo XVI //RBN, 1977, N 2, p. 71-94.

Список сокращений:

БСЭ – Большая советская энциклопедия

ИМЭМО – институт мировой экономики и международных отношений РАН

ИЭА – Институт этнологии и антропологии РАН.

Л. - Ленинград

М. – Москва

МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

РАН – Российская академия наук

ALL – Anuario de Literatura y Lingüística, La Habana

BAN – Boletín del Archivo Nacional, La Habana

BANH – Biblioteca de la Academia Nacional de la Historia, Caracas

FCE – Fondo de Cultura Económica

RBN - Revista de la Biblioteca Nacional "José Martí", La Habana

RCCS – Revista Cubana de Ciencias Sociales

UNAM – Universidad Nacional Autónoma de México

Словарь некоторых терминов:

Альгасил (alguacil) – полицейский, жандарм

Алькальд (alcalde) глава совета поселения

Асьенда (hacienda) – поместье

Асьенто (asiento) – усадьба

Ареито (areito) – ритуальное песнопение и танец

Бреве (breve) – папское послание

Весино (vecino) – полноправный испанский поселенец, как правило, совершеннолетний и семейный

Всадник (caballero) – дворянин, рыцарь

Гранхерия (granjería) - судя по разным документам, помимо «прибыли» и «дохода», могло иметь значение «занятие», «вид деятельности» (очевидно, приносящий какой-то прибыток).

Уточни

Демора (demora) – отсрочка в предоставлении отдыха аборигенам энкомьенды; позже – очередные работы по энкомьенде

Какона (sacona) – плата индейцам за их эксплуатацию, как правило, одеждой.

Коррехидор (corregidor)- исправник

Кохоба (cojoba) – ритуальное поглощение галлюциногена, само вещество

Лига (liga) – мера длины, около 4 км.

Лицензиат (licenciado) – здесь – юрист, адвокат

Минеро (minero) – испанец, возглавлявший бригаду работников на руднике или прииске (mina)

Монтеро (montero) – конный пастух и охотник на скот в свободном выпасе.

Морадор (morador) – житель поселения, не имевший статуса весино

Набория (navoria, naboría, naburía) - слуга

Прокуратор (procurador) – поверенный в делах; человек, представляющий и защищающий чьи-то интересы

Рехидор (regidor) – член совета испанского поселения, до 1571 г. - выборный

Симаррон (cimarrón) – беглый индеец, затем – беглый рабнегр.

Репартимьенто (repartimiento) – буквально, наделение

Хорналь (jornal) - поденная плата, поденная работа

Щитник (escudero) – здесь - легковооруженный всадник

Энкомендоро (encomendero) – пользователь энкомьенды

Энкомендированный (encomendado) – абориген, полученный испанским колонистом по энкомьенде

Энкомьенда (encomienda) – вручение, предоставление аборигена испанцу распоряжением короны или специально ею для этого назначенного чиновника (энкомендадора, репартидора)

Эстансия (estancia) – относительно небольшое хозяйство смешанного типа, где занимались земледелием и разводили скот.

Эстансьеро (estanciero) – управляющий эстансией и ее работниками.

yes I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!

Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Bahnhofstr. 28
D - 66111 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscriptum.com
www.omniscriptum.com

OMNIscriptum

